

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

(преступления против общественной безопасности)

V Всероссийская научно-практическая
конференция

Волженкинские чтения

Санкт-Петербург, 29 ноября 2019 года

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург, 2020

УДК 34(08)

ББК 67я43

У26

Под общей редакцией А. А. САПОЖКОВА, заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.

Ответственный за выпуск А. В. ЗАРУБИН, кандидат юридических наук, доцент.

Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против общественной безопасности) : материалы V Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 29 ноября 2019 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова. — Санкт-Петербург : СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2020. — 1 CD-R (7,50 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD — ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — ISBN 978-5-6043806-4-2. — Номер государственной регистрации 0322002026. — Текст : электронный.

УДК 34(08)

ББК 67я43

Электронное научное издание
Уголовное право России:
состояние и перспективы
(преступления против общественной безопасности)
V Всероссийская научно-практическая конференция
Волженкинские чтения
Санкт-Петербург, 29 ноября 2019 года

М а т е р и а л ы

Подписано к использованию 15.06.2020. Печ. л. 34,25.

Тираж 11 экз. (2-й з-д 7–11). Заказ 14/20.

1 электрон. опт. диск (CD-R). 7,50 Мб

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово.....	9
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	11
<i>Алешина-Алексеева Е. Н.</i> Совершенствование уголовного законодательства об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма.....	—
<i>Баранчикова М. В.</i> Влияние общественной опасности личности виновного на категорию неосторожного преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта	13
<i>Безбородов Д. А., Родимкина Е. В.</i> К вопросу об особенностях субъекта преступного нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ	19
<i>Берестов А. А.</i> Влияние хищений наркотических средств и психотропных веществ на общественную безопасность.....	25
<i>Бычков С. Н., Мещерякова Д. С.</i> Негласное получение информации как угроза общественной безопасности: к вопросу о субъекте незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.....	29
<i>Винокуров В. Н.</i> Хулиганство как преступление против общественной безопасности: конкретизация пределов действия нормы.....	34
<i>Горбатова М. А.</i> Некоторые вопросы квалификации хулиганства.....	38
<i>Горшкова Н. А.</i> Некоторые проблемы эффективности наказания в виде лишения свободы	44
<i>Гришин А. Ю.</i> Использование административной преюдиции при конструировании составов преступлений против общественной безопасности	48
<i>Дворжицкая М. А.</i> Несообщение о преступлении: преступление против общественной безопасности или правосудия?	55

<i>Егорова Т. И.</i> Некоторое социальное обоснование обеспечения общественной безопасности в исправительных учреждениях	58
<i>Емельянов В. А.</i> Правоприменительное направление пенализации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ	62
<i>Епифанов Б. В.</i> Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны. Соотношение с предметом преступления	67
<i>Зарубин А. В.</i> Несообщение о преступлении в уголовном праве России	71
<i>Зезюлина Т. А.</i> Проблемы квалификации хулиганства, совершаемого в местах лишения свободы	78
<i>Иващенко М. А.</i> Проблемы квалификации преступлений экстремистской и террористической направленности	83
<i>Камалова Д. Г.</i> Проблемы определения добровольного отказа при совершении преступлений против общественной безопасности	88
<i>Корнеев С. А.</i> О возможности применения принудительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним, совершившим преступление против общественной безопасности.....	95
<i>Кравченко Р. М.</i> Квалификация нарушения требований пожарной безопасности, совершенного должностным лицом.....	99
<i>Краев Д. Ю.</i> Уголовная ответственность за угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава	103
<i>Кудрявцев В. Л.</i> Квалификация преступлений террористического характера: некоторые общие и частные проблемы.....	117
<i>Курсаев А. В.</i> Методология криминализации нарушения правил безопасности при ведении общепасных работ	125
<i>Лапко Г. К.</i> Криминологические особенности преступлений против общественной безопасности, совершаемых в Республике Крым	132
<i>Маков Б. В.</i> Государственный суверенитет и общественная безопасность.....	136
<i>Назаренко Г. В., Ситникова А. И.</i> Хулиганство: проблемы квалификации	144
<i>Непеин Г. Г.</i> К вопросу о криминалистическом понятии авиационного происшествия	151
<i>Никитенко О. Г.</i> Преступления террористического характера в мире: статистические сведения и прогноз совершения	156
<i>Никонов П. В.</i> Провокация взятки и особенности ее квалификации в зависимости от использования предмета, ограниченного в гражданском обороте	161
<i>Никуленко А. В.</i> Возможности уголовного законодательства по противодействию терроризму	168

Огарь Т. А., Шкеле М. В. Криминообразующая роль мотива при квалификации деяний по признакам преступления, предусмотренного статьей 215.2 УК РФ..... 174

Робак В. А. Вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота оружия 180

Сальников А. А. Совершенствование уголовного законодательства в сфере противодействия транспортному хулиганству 186

Сафонов В. Н. Вопросы криминализации и квалификации деяний, совершаемых по хулиганскому мотиву на транспорте общего пользования 193

Семенов К. П. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение требований безопасного содержания домашних животных 197

Семенова В. В. Участие лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, в незаконном обороте наркотиков: уголовно-правовые аспекты 202

Сумачев А. В. Обеспечение безопасности в процессе организации и проведения спортивных мероприятий 205

Ткачев И. О. Теоретико-прикладные проблемы применения нормы об уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии 208

Халиков И. А. Вопросы обоснованности отнесения культурных ценностей к предмету преступления, предусмотренного статьей 226.1 УК РФ 213

Холопов А. В. Системные основы общей теории преступления: трансдисциплинарность в уголовном судопроизводстве 219

Хромов Е. В. Трансграничное перемещение лекарственных средств, содержащих наркотические средства и психотропные вещества 228

Шиханов В. Н. К вопросу о квалификации участия в подготовке и совершении преступления против общественной безопасности 240

МАТЕРИАЛЫ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ 249

Альбицкий А. Г., Федотов Р. Э. Вопросы соотношения насильственного захвата власти, насильственного удержания власти и вооруженного мятежа со смежными преступлениями против общественной безопасности —

Антипьева А. С., Силуянова К. А. Криминологическая характеристика организации экстремистского сообщества 253

Анчугова М. В., Сафонова Н. Д. Контрабанда наркотических средств 258

Астратова А. Д. Некоторые вопросы квалификации хулиганства на общественном транспорте 261

Батов В. А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы правоприменения статьи 210.1 УК РФ 267

<i>Богданова М. А., Шевчук В. В.</i> К вопросу о разграничении захвата заложника и похищения человека	270
<i>Бородин Д. А.</i> К вопросу о разграничении участия в террористическом сообществе, незаконном вооруженном формировании и банде	275
<i>Булгакова Я. А., Фурмамбетова З. Э.</i> К вопросу о субъективной стороне заведомо ложного сообщения об акте терроризма	281
<i>Васильева А. С., Ступак Е. С.</i> Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности, публичного оправдания терроризма и пропаганды терроризма.....	286
<i>Вьюхина Ю. А., Павкова К. С.</i> Некоторые особенности применения сроков давности к лицам, совершившим преступление террористической направленности.....	293
<i>Галинская О. В.</i> Проблемные вопросы ответственности за нарушение требований пожарной безопасности	297
<i>Головизнина Л. А.</i> О некоторых аспектах уголовной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности	301
<i>Гордин М. А., Науменко М. А.</i> Борьба с финансированием терроризма: актуальные вопросы.....	305
<i>Дёмин А. А.</i> Проблемы квалификации массовых беспорядков	310
<i>Дьяконова А. В.</i> К вопросу о признаке устойчивости в преступлениях, предусмотренных статьей 209 УК РФ	314
<i>Егорова А. В., Симонян Н. А.</i> Пределы уголовной ответственности за оправдание терроризма	320
<i>Еркалова Е. В.</i> Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны	325
<i>Кайдаулова А. С.</i> Криминологическая характеристика преступлений против общественной безопасности.....	328
<i>Кирсанова С. О., Репьева Е. О.</i> О некоторых вопросах квалификации использования вредоносного программного обеспечения при кибертерроризме	330
<i>Кирюхина С. М.</i> Проблемы квалификации преступлений террористической направленности, предусмотренных статьями 205.4, 205.5 УК РФ.....	336
<i>Клюкина Е. А.</i> Понятие общественной безопасности	341
<i>Коломиец Е. М.</i> Несообщение о преступлении: юридическая природа, перспективы применения статьи 205.6 УК РФ	345
<i>Кузнецов Д. С.</i> Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы толкования и правоприменения статьи 210.1 УК РФ.....	350
<i>Купреенкова А. С.</i> Проблемы уголовной ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма	354

<i>Лечидова А. А., Савкин А. А.</i> Проблемы определения признаков субъективной стороны заведомо ложного сообщения об акте терроризма	358
<i>Мастеров Н. А., Шкарабельников Д. Н.</i> Проблемные вопросы квалификации небрежного хранения огнестрельного оружия	362
<i>Мирошниченко А. Г., Чернышев А. В.</i> О некоторых проблемах ответственности за неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования.....	366
<i>Митрофанова У. И.</i> Пути совершенствования законодательного регулирования противодействия бандитизму	373
<i>Николова В. И.</i> Вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности	377
<i>Осипова А. Д.</i> Криминологические аспекты вандализма, совершенного несовершеннолетними	382
<i>Перевезенцева Н. Д.</i> Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: некоторые проблемы правоприменения статьи 207 УК РФ	386
<i>Подтынников И. А.</i> Проблемы квалификации контрабанды ювелирных изделий	390
<i>Позняк А. Д.</i> Общественная опасность неоднократного нарушения установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования	396
<i>Поляк А. А.</i> Терроризм: причины и условия	400
<i>Пополитов Д. И.</i> Особенности объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 226.1 УК РФ	405
<i>Реминная А. Е.</i> Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии	410
<i>Рогалева С. В.</i> Правовые вопросы морского пиратства как преступления международного характера	414
<i>Романюк В. И.</i> К вопросу о разграничении преступлений, предусмотренных статьями 264 и 216 УК РФ	418
<i>Румянцева И. В.</i> Порча культурных ценностей и вандализм: вопросы квалификации.....	423
<i>Селиверстова М. А.</i> Преступления террористической направленности: специальные условия освобождения от уголовной ответственности	429
<i>Сидягина Д. С.</i> К вопросу о моменте окончания незаконного сбыта оружия в условиях проведения оперативно-розыскного мероприятия.....	437
<i>Скороходова М. П.</i> К вопросу об объективных признаках составов преступлений, предусмотренных статьей 212 УК РФ	441

Скребцов Г. И. Некоторые особенности формирования личности преступника-террориста	444
Фатеева А. А. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 226.1 УК РФ.....	450
Федоров М. В. Статья 215.4 УК РФ: причины введения и перспективы использования.....	455
Фисун А. С. Пособничество террористической деятельности ..	459
Чуранов Д. А. К вопросу о трансформации международно-правовых норм о пиратстве в российском уголовном законодательстве	463
Шишцына М. А. Отграничение хулиганства от вандализма	465
Эйвазов А. Х. Проблема соотношения несообщения о преступлении (статья 205.6 УК РФ) и заранее не обещанного укрывательства преступлений (статья 316 УК РФ).....	472
Якимчук Е. С. Место совершения преступления, предусмотренного статьей 227 УК РФ.....	476
Яковлев Д. А. Вандализм: проблемы квалификации и разграничения со смежными составами.....	480
Информация для российского индекса научного цитирования.....	485

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В конце ноября 2019 года в Санкт-Петербургском филиале Университета прокуратуры Российской Федерации состоялась V Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовное право России: состояние и перспективы. Преступления против общественной безопасности (Волженкинские чтения)».

Внимание участников конференции было сосредоточено на вопросах уголовно-правового и криминологического противодействия преступлениям против общественной безопасности, проблемах квалификации преступлений против общественной безопасности, а также совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления против общественной безопасности.

Уголовное право, являясь самым мощным регулятором общественных отношений, должно максимально последовательно и легитимно регламентировать привлечение виновных к уголовной ответственности, обеспечивать правоприменителя качественным законодательным инструментом, позволяющим эффективно выполнять задачи в сфере реализации уголовной политики.

В условиях правового государства защита общественной безопасности — важная задача.

По этой причине тема прошедшего научного мероприятия обусловлена не только желанием ученых и практиков обсудить актуальные проблемы, а прежде всего существующей потребностью их разрешения в обозримом будущем.

Непосредственной целью конференции стал поиск оптимальных, действенных средств и методов противодействия преступлениям против общественной безопасности.

В настоящее время факторами, оказывающими отрицательное влияние на эффективность противодействия преступлениям против общественной безопасности, выступают нестабильность уголовного законодательства, а также практики его применения.

Каждое такое посягательство вызывает широкий общественный резонанс.

Отсутствие ясности в правовой природе норм, обеспечивающих реализацию уголовной ответственности за преступления против общественной безопасности, во многом выступает препятствием в создании отлаженного механизма их применения.

Бурное развитие общественных отношений в информационной и технической сферах ставит перед правоохранительными органами новые задачи обеспечения общественной безопасности уголовно-правовыми средствами.

Проблемы ответственности за преступления против общественной безопасности, пути совершенствования борьбы с такими преступлениями и были исследованы в ходе работы нашего научного форума с участием ведущих российских ученых в области уголовного права и криминологии и практических работников.

Работа конференции проходила в формате пленарного заседания и двух секционных заседаний. Наиболее интересные выступления участников конференции представлены в настоящем сборнике, а также будут опубликованы в журнале «Криминалист».

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации выражает искреннюю признательность всем участникам за активное сотрудничество в организации и проведении конференции!

VI Всероссийская научно-практическая конференция «Уголовное право России: состояние и перспективы (Волженкинские чтения)» будет посвящена вопросам уголовно-правового и криминологического противодействия преступлениям против здоровья населения и общественной нравственности.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

УДК 343.2/.7

Е. Н. АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

Национальная безопасность Российской Федерации — состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации¹.

К одной из внутренних угроз государства относится преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма».

Статья 207 УК РФ после ее закрепления в действующем уголовном законодательстве претерпела существенные изменения, связанные с увеличением случаев совершения данного преступления.

В 2013 году было зафиксировано 2 976 ложных звонков об акте терроризма. Их количество за пять лет возросло почти в два раза². Рост ложных сообщений об акте терроризма, степень их общественной опасности, последствия в виде причинения крупного ущерба послужили основанием для принятия Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в статью 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и дополнения ст. 207 УК РФ частью второй. Появился ква-

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. II. Ст. 212.

² Российская газета. 2014. 20 мая.

лифицирующий признак заведомо ложного сообщения об акте терроризма — повлекшее причинение крупного ущерба либо наступление иных тяжких последствий. Крупным ущербом в рассматриваемой статье признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей. Как иные тяжкие последствия можно расценить причинение тяжкого вреда здоровью человека или смерть человека.

В период 2016—2017 годов Россию захлестнул шквал ложных сообщений о заложенных бомбах. Законодательным реагированием стало принятие Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Статья 207 УК РФ была усовершенствована и дополнена новыми квалифицирующими признаками. Установлена ответственность за заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершенное в отношении объектов социальной инфраструктуры (ч. 2) либо в целях дестабилизации деятельности органов власти (ч. 3).

В примечании 2 к ст. 207 УК РФ раскрыто содержание понятия «объекты социальной инфраструктуры», что способствует правильной квалификации деяний и устранению спорных вопросов, ранее возникавших при рассмотрении уголовных дел данной категории.

Весной 2019 года была объявлена эвакуация на многих объектах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Саранска, Астрахани, Тамбова, Нижнего Новгорода и др. в связи с чередой ложных сообщений об акте терроризма в различных учреждениях систем здравоохранения, образования, дошкольного воспитания. Сообщения в большинстве случаев были переданы в письменной форме и через телекоммуникационные сети. Пресс-секретарь Президента Российской Федерации Д. Песков относительно данных массовых сообщений отметил: «...очевидно, что это провокационные действия»¹. Следовательно, виновные рассчитывали на ответную реакцию, возможно, в целях дестабилизации деятельности органов власти.

¹ Российская газета. 2019. 6 февр.

В части 3 ст. 207 УК РФ законодатель указал цель совершения преступления — дестабилизация деятельности органов власти, отнеся, таким образом, данное преступление к преступлениям террористической направленности. Отличительным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и ст. 207 УК РФ, является угроза совершения общественно опасных действий. В террористическом акте угроза носит реальный характер: виновный намеревается привести ее в исполнение и имеет для этого возможность. При заведомо ложном сообщении об акте терроризма отсутствует возможность совершить указанные действия.

Для привлечения к уголовной ответственности лица, совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное ст. 207 УК РФ, необходимо, чтобы лицо было вменяемым и достигшим возраста уголовной ответственности, т. е. 14 лет. Однако из хулиганских побуждений данное деяние совершают и лица 12—13 лет с тем, чтобы сорвать учебный процесс либо посмотреть, как отреагируют правоохранительные органы.

Таким образом, можно отметить своевременность реагирования законодателя на посягательства на охраняемые общественные отношения в сфере общественной безопасности, что реализуется в виде совершенствования уголовного законодательства об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

УДК 343.2/.7

М. В. БАРАНЧИКОВА

**ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ
ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО НА КАТЕГОРИЮ
НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ
ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ
И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА**

Общественная опасность личности виновного согласно ст. 60 УК РФ учитывается судом при назначении наказания. Однако содержание общественной опасности личности виновного в уголовном законе не раскрыто, критерии определения ее степени, влияние на наказуемость и соотношение с общественной опасностью преступления разрабатываются лишь в юридической науке.

Применительно к лицам, совершившим неосторожные преступления, можно говорить об их меньшей общественной опас-

ности по сравнению с совершившими умышленные преступления, при этом совершаемые последними деяния характеризуются повышенной общественной опасностью в связи с ценностью объекта посягательства в виде жизни и здоровья людей.

Б. В. Волженкин отмечал, что «степень общественной опасности преступления, как правило, определяется на основе самых различных обстоятельств, как связанных с совершенным преступлением, так и не связанных с ним, но вместе с тем характеризующих личность виновного»¹.

Общественная опасность личности в неосторожных преступлениях связана со сферой деятельности, в которой субъект совершает деяние, с обстановкой, способами и средствами, которые он использует. Опасность может существенно возрастать в технических неосторожных преступлениях, где специальные признаки субъекта, его взаимодействие с источниками повышенной опасности обуславливают причинение более тяжкого вреда, чем, например, при бытовой неосторожности.

Очевидно, что личность преступника при совершении любого неосторожного преступления рассматривается через призму совершенного им криминального деяния. Критериями общественной опасности лиц, совершивших неосторожное преступление, могут выступать связанные с ними обстоятельства, имевшие место в процессе, до и даже после совершения преступления.

По мнению Б. В. Волженкина, «объективная возможность совершения преступления — объективная опасность личности, ибо опасность означает возможность, угрозу причинения, наступления какого-нибудь вреда, — существует до момента преступления и имеет свое основание в отрицательных и противоречивых социальных качествах личности»².

При оценке общественной опасности виновного принимается во внимание информация о прошлых фактах привлечения его к административной и уголовной ответственности, мотивах преступления. Могут учитываться поведение потерпевшего в предпреступной ситуации, которое может носить неправомерный характер, и состояние окружающей обстановки.

¹ Волженкин Б. В. Общественная опасность преступника и основание уголовной ответственности // Правоведение. 1963. № 3. С. 92—93.

² Волженкин Б. В. К вопросу об общественной опасности личности преступника // Российский ежегодник уголовного права. 2006. № 1. СПб., 2007. С. 683—692.

В значительной мере общественная опасность личности определяется исходя из информации уголовно-правового характера¹, совокупности сведений о способах совершения преступления, направленности преступного поведения, его последствиях, мотивах, виде неосторожности.

Отдельные свойства личности преступника находят свое отражение в перечне отягчающих обстоятельств, сформулированных в ст. 63 УК РФ, а также в квалифицирующих признаках неосторожных преступлений.

Определяющим, существенно повышающим ответственность и категорию преступлений признаком в свете современной редакции уголовного закона является нахождение субъектов преступлений, предусмотренных ст.ст. 263 и 264 УК РФ, в состоянии опьянения и связь данного состояния с наступившими криминальными последствиями. В таких случаях состояние опьянения приобретает квалифицирующее значение, повышает опасность лица, нарушившего правила безопасного движения и эксплуатации транспорта и причинившего последствия в виде смерти граждан.

По справедливому утверждению Ю. Е. Пудовочкина, «при всей взаимосвязи опасность преступления и опасность личности — не совпадающие феномены, имеющие различающиеся критерии и параметры оценки. Опасность личности виновного только в одном случае может составлять компонент опасности преступления: если свойствам личности законодатель придает значение одного из признаков состава преступления»². Включив в ст.ст. 263 и 264 УК РФ квалифицирующий признак «совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения», законодатель придал состоянию опьянения уголовно-правовое значение, статус повышающего опасность личности и содеянного.

Правовая природа свойств личности, включенных законодателем в число основных или квалифицирующих признаков преступления, кардинально меняет ее общественную опасность. Такие свойства утрачивают значение собственно личностных свойств человека и становятся признаком преступления, что тре-

¹ Павлов В. Г., Лиханова И. И. Теория состава преступления в уголовном праве России : учеб. пособие. СПб., 2019. С. 56.

² Пудовочкин Ю. Е. Понятие, критерии и пределы учета общественной опасности преступления судом // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 1—2 ноября 2019 г. / Рос. гос. ун-т правосудия. СПб., 2019. С. 60.

бует их оценки с позиций опасности как лица, так и совершенного им преступления.

Критерием, позволяющим оценить общественную опасность виновного в неосторожном преступлении, выступает его поведение после совершения преступления. Учету подлежат его отношение к содеянному, раскаяние, оказание помощи и возмещение ущерба потерпевшим.

Особое уголовно-правовое значение имеет поведение лица, допустившего нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее последствия в виде гибели людей. Согласно п. «б» ч. 4 и п. «б» ч. 6 ст. 264 УК РФ, если указанное нарушение правил было сопряжено с оставлением места совершения деяния, это влечет повышенное наказание, аналогично случаям управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ были внесены изменения в чч. 3 и 4 ст.ст. 263 и 264 УК РФ, ст. 15 УК РФ. Эти изменения обозначили новый подход законодателя к классификации неосторожных преступлений, которые стали относиться не только к категории небольшой и средней тяжести, но и к категории тяжких посягательств.

Согласно ст. 15 УК РФ категория преступления зависит от характера деяния и его степени общественной опасности, при этом к разновидности тяжких преступлений относятся неосторожные деяния, максимальное наказание за которые составляет более 10, но не более 15 лет лишения свободы.

Сегодня в уголовном законе всего две статьи содержат составы тяжких неосторожных преступлений — это ст. 263 (чч. 2.1 и 4) и ст. 264 (чч. 4 и 6) Уголовного кодекса Российской Федерации.

До внесения поправок в ст. 15 УК РФ тяжкими могли признаваться только умышленные посягательства. Причиной ужесточения ответственности лиц, управлявших транспортным средством в состоянии опьянения и совершивших нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, законодатель назвал недостаточную эффективность превентивного воздействия уголовного закона в части наказания за преступные нарушения правил дорожного движения в состоянии опьянения (чч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ), то, что «закон не ориентирует водителей транспортных средств, а также правоприменительные органы на реальный уровень общественной опасности обозначенных пре-

ступлений, что способствует росту количества ДТП в состоянии опьянения и уровня смертности в результате их совершения»¹.

Сегодня формальным основанием категоризации преступлений является наказание, отражающее законодательную оценку уровня общественной опасности конкретного преступного деяния. Установление граничащего с наказанием за убийство срока лишения свободы за транспортные преступления со смертельным исходом, совершенные субъектами в состоянии опьянения, означает признание законодателем повышенной опасности как совершающих их лиц, так и самих деяний.

Возвращение к выделению тяжких неосторожных преступлений оправданно с криминологической точки зрения², однако не совсем понятно, почему состояние опьянения признано квалифицирующим признаком лишь в двух статьях Уголовного кодекса. Оно повышает категорию только транспортного преступления, повлекшего по неосторожности смерть людей.

Правильным представляется мнение, что «в равной мере оно может претендовать на роль квалифицирующих обстоятельств в ряде других составов преступлений (в том числе и транспортных — ст. 267, 268, 271 УК РФ)»³. При этом общественная опасность субъекта преступления может быть также значительна, а преступление высоковередоносно.

В преступлениях, связанных с использованием источников повышенной опасности, существенно возрастает общественная опасность совершающих их лиц, она приближается к общественной опасности субъектов умышленных преступлений. Это подтверждает фактическое уравнивание санкций чч. 2.1, 4 ст. 263 УК РФ, чч. 4, 6 ст. 264 УК РФ с санкциями ст. 105 УК РФ. Феде-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (об усилении уголовной ответственности за преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта) : законопроект № 685843-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: sozd.duma.gov.ru/ (дата обращения: 20.11.2019).

² Иванчин А. В., Кулева Л. О. Регламентация в Уголовном кодексе Российской Федерации формального основания категоризации преступлений и перспективы ее совершенствования // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 2. С. 164.

³ Кругликов Л. Л., Смирнов Р. Ю. Состояние опьянения и его влияние на уголовную ответственность: позиции правоприменительной практики и Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 4. С. 16.

ральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» сроки наказания в виде лишения свободы за совершение преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта существенно скорректированы, пьяные водители-преступники фактически приравнены к убийцам. Это демонстрирует признание законодателем высокой общественной опасности данной группы субъектов, признание их повышенно опасными по сравнению с субъектами иных неосторожных преступлений.

Важным фактором в оценке общественной опасности виновного выступает вид неосторожности, с которой совершается преступление, специфика неосторожного поведения лица. И. М. Тяжкова отмечала, что «ответственность и наказуемость неосторожных преступлений целесообразно дифференцировать в зависимости от того, было или нет нарушение правил предосторожности грубым (злостным), как это сделано в УК ряда зарубежных стран, ибо в этих случаях степень опасности лица, совершающего неосторожное преступление, значительно выше»¹.

Одним из критериев общественной опасности транспортного преступления служит характер нарушенных виновным правил общей или профессиональной предосторожности и безопасности.

Сегодня можно говорить о переоценке законодателем общественной опасности ряда неосторожных преступлений, повлекших смерть человека. Пока это связано лишь со сферой безопасности движения и эксплуатации транспорта, признанием повышенной опасности находящихся в состоянии опьянения и виновных в гибели людей субъектов некоторых составов неосторожных транспортных преступлений.

Тенденция ужесточения ответственности за неосторожные преступления, особенно связанные с источниками повышенной опасности, может найти дальнейшее развитие применительно к другим деяниям, схожим по тяжести и масштабам последствий, наступающих в результате их совершения. Это соответствует конституционно закрепленным положениям о приоритетности охраны жизни и здоровья, справедливости наказания за посяательства на невосполнимые блага человека.

¹ Тяжкова И. М. Ответственность за неосторожные преступления, совершаемые при использовании источников повышенной опасности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 12.

УДК 343.2/.7

Д. А. БЕЗБОРОДОВ, Е. В. РОДИМКИНА

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУБЪЕКТА
ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ**

В настоящее время при характеристике различных видов преступлений применяется четырехзвенная система состава преступления. К ключевым признакам состава преступления относится субъект преступления. В общем смысле субъект преступления — это лицо, осуществляющее воздействие на объект уголовно-правовой охраны и способное нести за это ответственность. Статус специального субъекта преступления подразумевает, что виновное лицо обладает предусмотренными конкретной уголовно-правовой нормой дополнительными признаками. Наличие у лица таких признаков служит одним из элементов основания для привлечения его к уголовной ответственности.

К преступлениям со специальным субъектом относится, в частности, такое преступление против общественной безопасности, как нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ, уголовная ответственность за которое установлена в ст. 216 УК РФ.

Обращаясь к анализу положений ст. 216 УК РФ, отметим, что субъектом преступления в случае нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ может являться «как лицо, на которое возложены обязанности по выполнению правил и норм охраны труда (например, главный инженер, начальник цеха, участка, мастер, прораб), так и другие работники, деятельность которых связана с данным предприятием (конкретный работник, нарушивший правила техники безопасности, лицо, командированное на предприятие, студент-практикант)»¹. Изложенное согласуется с толкованием, предложенным Верховным Судом Российской Федерации, который в п. 9 постановления Пленума от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производ-

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / В. А. Блинников, А. В. Бриллиантова, О. А. Вагин [и др.] ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2015. С. 297.

ственных объектов» разъяснил, что ответственность по ст.ст. 216 и 217 УК РФ могут нести как работники организации, в которой произошел несчастный случай, так и другие лица, постоянная или временная деятельность которых связана с выполнением строительных или иных работ либо с опасным производством, обязанные соблюдать соответствующие правила и требования.

В доктрине подчеркивается, что данное разъяснение Верховного Суда Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что своеобразным индикатором установления субъекта преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 216 УК РФ, являются трудовые отношения между потерпевшим и заказчиком¹.

Согласимся с тем, что «достаточно часто встречаются ситуации, когда отношения между работодателем и лицом, осуществлявшим конкретные виды работ, допустившим нарушение специальных правил безопасности и причинившим своими действиями последствия, указанные в ст. 216 УК РФ, не оформлены надлежащим образом. Как следствие, возникают проблемы оценки фактических отношений между работодателем и работником в сфере обеспечения безопасных условий труда. Принятие решения о возможной квалификации часто зависит от установления типа и содержания правоотношений, возникших между указанными лицами: гражданско-правовые или трудовые отношения»².

Вполне логичным представляется то, что вопросы установления виновности лица при фактических трудовых отношениях отдаются на усмотрение суда. Интересен в данном случае пример, когда при выполнении строительных работ был причинен тяжкий вред здоровью потерпевшего П., повлекший смерть последнего. Согласно материалам уголовного дела, между ООО «РусКом» в лице генерального директора Г. А. В. и потерпевшим П. был заключен договор подряда на выполнение строительных работ по кладке наружной кирпичной стены, в ходе которых П. получил телесные повреждения, в результате наступила его смерть. При этом из материалов уголовного дела усматри-

¹ Аминов Д. И., Гладких В. И. Правовая оценка несчастного случая при строительстве многоэтажного дома // Безопасность бизнеса. 2019. № 3. С. 49—64.

² Безбородов Д. А. О некоторых особенностях применения уголовного закона в случае нарушения правил безопасности при ведении строительных и иных работ // Криминалист. 2014. № 2 (15). С. 7—21.

вается, что несчастный случай произошел до заключения указанного договора, П. в этот период уже фактически работал на предприятии, что влияет на установление фактических обстоятельств, связанных с наличием трудовых отношений между упомянутыми субъектами¹. Суд в данном случае посчитал, что между потерпевшим П. и ООО «РусКом» в лице генерального директора Г. А. В. на момент причинения вреда уже существовали длительные устоявшиеся трудовые отношения, и Г. А. В. в силу своего должностного положения обязан был обеспечить безопасность на объекте при выполнении строительных работ.

Вопросы определения надлежащего субъекта имеют решающее значение при квалификации деяния в случае наступления тяжких последствий в виде смерти потерпевшего лица. В связи с этим примечательным является пример судебной практики, когда суд установил вину директора фирмы — генерального подрядчика, ответственного за организацию и обеспечение охраны труда на всей строительной площадке во время проведения работ по возведению многоквартирного дома.

Директор ООО «Д» отрицал свою виновность в смерти потерпевшего Р., который являлся сотрудником смежной организации (ООО «ЧТД»), участвовавшей в возведении объекта капитального строительства. Однако, изучив материалы дела, суд пришел к выводу, что согласно заключенному договору генерального подряда ООО «Д» как основной исполнитель обязан был обеспечить выполнение на строительной площадке необходимых мероприятий по соблюдению техники безопасности, в том числе в отношении сотрудников ООО «ЧТД», охране окружающей среды, зеленых насаждений и земли во время проведения работ.

Таким образом, суд пришел к выводу, что директор ООО «Д» как представитель генподрядчика обязан был обеспечить должный уровень безопасности на объекте капитального строительства в отношении всех действующих работников, в том числе и в отношении сотрудников иных организаций, и привлек генерального директора компании-подрядчика к уголовной ответ-

¹ Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 21 мая 2019 г. по делу № 22-2404/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/BQrW7ZiEMrUq/> (дата обращения: 16.11.2019).

ственности по ч. 2 ст. 216 УК РФ — нарушение правил безопасности при ведении строительных работ, повлекшее по неосторожности смерть человека.

От субъекта преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, следует отличать специальных субъектов смежных составов преступлений. Так, Верховный Суд Российской Федерации, анализируя положения ст. 143 УК РФ, указал, что «по смыслу части 1 статьи 143 УК РФ субъектами данного преступления могут быть руководители организаций, их заместители, главные специалисты, руководители структурных подразделений организаций, специалисты службы охраны труда и иные лица, на которых в установленном законом порядке (в том числе в силу их служебного положения или по специальному распоряжению) возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда»¹. Кроме того, уголовно-правовые последствия преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, могут возникнуть и для представителей организации, оказывающей услуги в области охраны труда, или для соответствующих специалистов, привлекаемых работодателем по гражданско-правовому договору в соответствии с ч. 3 ст. 217 Трудового кодекса Российской Федерации, если на них локальными актами руководителем предприятия возложены обязанности по обеспечению безопасности на предприятии.

Аналогичной точки зрения придерживается Н. И. Пикуров, который считает, что, в отличие от более расширенного круга субъектов в случае ст. 216 УК РФ, «лица, указанные в ст. 212 ТК РФ (работодатель и иные уполномоченные лица), могут нести ответственность по ст. 143 УК РФ лишь в том случае, когда указанные обязанности входили в их должностные функции»². При этом автор отмечает и некоторую общность анализируемых составов преступления: «...по ст. 143 УК РФ, так же, как и по ст. 216 УК РФ, не могут быть квалифицированы нарушения правил, которые совер-

¹ О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Актуальные проблемы уголовного права в прокурорской практике : сб. науч. ст. / Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. С. И. Никулина и Н. И. Пикурова. М., 2013. С. 29—30.

шены субъектом, не являющимся адресатом этих правил, например посторонним лицом»¹. В последнем случае необходимо говорить о квалификации по ст. 109 или ст. 118 УК РФ.

Таким образом, разграничение ст. 216 и ст. 143 УК РФ сводится к тому, что субъектом преступления, квалифицируемого по ст. 216 УК РФ², может выступать любой работник, в то время как виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ, признается лицо, в чьи обязанности входило обеспечение безопасных условий и охраны труда работников организации. Обратим внимание на то, что состав преступления, предусмотренный ст. 143 УК РФ, полностью охватывается составом, предусмотренным ст. 216 УК РФ³. «Если в рамках ст. 143 УК РФ возникают трудовые отношения между работником и работодателем/руководителем, то в рамках ст. 216 и 217 УК РФ они возникают между заказчиком работы, ее исполнителем и лицами, не включенными в процесс выполнения работ, но которым потенциально может быть причинен вред в результате небезопасного их (работ) выполнения»⁴. Аналогичное мнение высказывалось и ранее: «ответственность по ст. 216 УК РФ в отличие от ст. 143 УК РФ могут нести:

а) лица, на которых возложена обязанность по соблюдению правил и норм охраны труда;

б) работники, постоянная или временная деятельность которых связана с производством конкретного вида работ»⁵.

Так, Б. был осужден по ч. 2 ст. 143 УК РФ за нарушение требований охраны труда, совершенное лицом, на которое возложены обязанности по их соблюдению, повлекшее по неосторожности смерть человека. Согласно материалам дела, Б., назначенный на должность главного механика, будучи лицом, ответственным за соблюдение требований охраны труда, не желая должным образом выполнять возложенные на него обязан-

¹ Там же.

² В анализируемом составе преступления может отсутствовать юридическое закрепление обязанности по соблюдению правил безопасности при выполнении таких работ.

³ Кравченко Р. М. Обеспечение безопасности при выполнении работ и оказании услуг уголовно-правовыми средствами : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 121—122.

⁴ Там же.

⁵ Безбородов Д. А. Указ. соч.

ности, подписал путевой лист, указав недостоверные сведения о том, что гидроподъемник на базе грузового автомобиля технически исправен, разрешил его выезд и эксплуатацию при проведении опилочных работ, в ходе которых произошло неконтролируемое падение люльки подъемника, вследствие чего ФИО18 и ФИО11 упали с высоты 8 метров, в результате чего ФИО11 скончался на месте¹.

Аналогичный подход используется и при сопоставлении положений ч. 2 ст. 216 УК РФ и ч. 2 ст. 109 УК РФ. Диспозиция ч. 2 ст. 109 УК РФ предполагает санкции для лиц, которые причинили смерть по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей.

Так, начальник инфекционного отделения М., являвшийся военным служащим, признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. М., будучи лечащим врачом военнотружущего К., в результате допущенной небрежности ненадлежащим образом исполнил обязанности врача при лечении К., что привело к смерти последнего². В данном случае уголовной ответственности подлежит лицо, не исполнившее должным образом своих профессиональных обязанностей, которые устанавливаются для конкретной профессии.

Таким образом, субъект преступления выступает в качестве одного из элементов основания уголовной ответственности. Субъектом преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, являются как лицо, ответственное за организацию мероприятий охранительного характера, так и работники, постоянная или временная деятельность которых связана с выполнением конкретного вида работ. Разграничение данного преступления со смежными составами (ст.ст. 109, 143 УК РФ) возможно только в случае детального анализа правового положения виновного лица, установления его обязанностей и фактически произведенных действий, проведенных мероприятий.

¹ Постановление Сызранского городского суда (Самарская область) от 15 мая 2019 по делу № 1-202/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/IEjCyZAS2inV/> (дата обращения: 15.11.2019).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2018 г. № 4-КГ18-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.2/.7

А. А. БЕРЕСТОВ

ВЛИЯНИЕ ХИЩЕНИЙ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ

Одной из главных угроз общественной безопасности страны, как указано в пп. 43 и 44 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, выступают преступные посягательства на общественную безопасность, а одним из направлений обеспечения государственной и общественной безопасности является совершенствование правового регулирования, в том числе в целях предупреждения распространения наркотиков.

Характеристика преступлений, связанных с хищением наркотических средств и психотропных веществ, несомненно, требует обращения к общественной опасности данных преступлений как основной предпосылке криминализации¹. Общественная опасность в уголовно-правовой науке представлена в качестве основания криминализации деяния. Такая позиция была высказана Г. А. Злобиным, который стержнем теории криминализации видит способ, механизм, с помощью которого осуществляется «перелив» общественной опасности в нормы уголовного права².

Общественную опасность хищения наркотических средств и психотропных веществ необходимо признать основным фактором, влияющим на установление уголовно-правового запрета. В подтверждение этого наиболее убедительна, на наш взгляд, позиция А. И. Марцева: «Общественная опасность первична по отношению к признаку формальной запрещенности преступления, а признак запрещенности, в свою очередь, вторичен по отношению к общественной опасности»³.

Общественную опасность можно определить как свойство каждого преступления в отдельности и всех преступлений вместе взятых производить в обществе существенные отрицатель-

¹ Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 49.

² Злобин Г. А. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982. С. 203.

³ Марцев А. И. Некоторые вопросы методологии уголовно-правовых исследований // Актуальные проблемы теории уголовного права и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. труд. / Краснояр. высш. шк. МВД России ; отв. ред. В. И. Горобцов. Красноярск, 1997. С. 5.

ные социальные изменения. Общественную опасность хищения наркотических средств и психотропных веществ можно проанализировать через вредоносность и прецедентность¹, через содержание юридических признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 229 УК РФ, а также через ряд других факторов.

Вредоносность любого преступления заключается в его способности порождать негативные для общества последствия². Вредоносность наркопреступления указывает на способность преступления порождать социально-негативные последствия и определяется тем, что наносит реальный вред отношениям, обеспечивающим национальную безопасность и здоровье населения³.

Вредоносность имеет три аспекта: медицинский, социальный и психологический.

Медицинский аспект вредоносности заключается в таком последствии, как наркомания, т. е. заболевание, которое влечет целый комплекс негативных изменений в организме человека: истощение нервной системы, ослабление и потеря иммунитета, утрата половых функций, нарушение обмена веществ, преждевременное старение организма, психические аномалии, а также влечет рождение неполноценных детей, общее ухудшение генофонда нации и т. д.⁴

Начавшаяся с функциональных нарушений наркомания приобретает прочное основание. У наркомана развивается толерантность к наркотикам, т. е. адаптация организма к наркотическим средствам, которая побуждает увеличивать дозу принимаемого наркотика и переходить на более «тяжелые» наркотики. В дальнейшем развивается психическая зависимость, т. е. болезненное стремление человека к постоянному употреблению наркотиков, и психическая зависимость — перестройка всей жизнедеятельности в связи с систематическим употреблением наркотических средств⁵.

Все это становится причиной отравления организма и появления различных заболеваний. В настоящее время средства массовой информации выработали такое понятие, как «профессио-

¹ Шеслер А. В., Мальков С. М. Уголовно-правовая политика и ее реализация. Красноярск, 2002. С. 20—21.

² Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 118, 163.

³ Шеслер А. В. Криминологические аспекты групповой преступности. Красноярск, 1999. С. 16.

⁴ Третьяк Н. А. Медицинские аспекты наркомании. Хабаровск, 2001. С. 74.

⁵ Там же. С. 88.

нальные» болезни наркозависимых. В первую очередь к таким болезням относится СПИД. Это смертельно опасная инфекция — каждый второй больной умирает в течение года, максимальная продолжительность жизни наркомана при этом заболевании составляет 5—7 лет. Групповое применение нестерилизованных шприцев и игл к ним, а также введение наркотика через неdezинфицированную кожу, использование для введения нестерильного продукта, часто получаемого из загрязненных полуфабрикатов, — все это чревато заражением не только вирусом СПИДа, но и возбудителями других заболеваний (сифилиса, вирусного гепатита, гнойных инфекций)¹.

Социальный аспект вредности заключается в самых разнообразных последствиях для общества. Подавляющее большинство наркоманов — это люди в социально активном возрасте, которые утрачивают способность к позитивной деятельности (создание семьи, служба в вооруженных силах, производственная деятельность)². Наркоманы пытаются доказать нормальность своего образа жизни, активно его пропагандируют, чем способствуют расширенному воспроизводству многочисленной социальной среды себе подобных. Для данной категории людей нет понятия добра и зла, справедливость утрачивает свою сущность, наркоман готов идти на любые ложь и обман, поведение его в состоянии наркотической зависимости в большей степени обусловлено наркотическими интересами, в меньшей — нравственными критериями. Содержание и направленность наркоманской субкультуры позволяют говорить о ней как об антисистеме и явлении крайне негативном³.

Психологический аспект общественной опасности наркопреступности связан с ведением наркоманом дезадаптивного образа жизни. Происходит разрушение естественных механизмов оценки личностью окружающего мира, а также моральная и физическая деградация личности. Употребление наркотиков приводит к усилению пассивности, лени, безразличию к своему внешнему виду,

¹ Батлер У. Э. Наркотики и ВИЧ/СПИД в России: правовое положение программ снижения вреда в России: по сост. на 15 дек. 2004 г. М., 2006. С. 10.

² Мальков С. М. Уголовная ответственность за дезертирство. Красноярск, 2010. С. 10—12.

³ Предупреждение подростковой и юношеской наркомании / С. В. Березин, А. Э. Березовский, К. С. Лисецкий [и др.] ; под ред С. Г. Березина, К. С. Лисецкого. М., 2001. С. 8.

к бесплодному фантазированию, к прогрессирующему снижению умственных способностей, к общему безволию и апатии¹.

Прецедентность наркопреступности — источник, который, в свою очередь, выступает в роли причины совершения новых общественно опасных деяний: «Преступность сама в определенной мере создает почву, на которой вырастают ее новые побеги»².

Прецедентность преступности, связанной с хищением наркотических средств и психотропных веществ, свидетельствует об угрозе совершения данных преступлений в будущем и обладает свойством человеческой практики, способностью к повторяемости³.

Так, в 2012 году было зарегистрировано 219 000 наркопреступлений, в 2013 году — 231 500, в 2014 году — 254 700, в 2015 году — 236 900, в 2016 году — 201 200, в 2017 году — 208 700⁴.

Хищения наркотических средств и психотропных веществ опасны не только потому, что в результате у виновного появляется наркотическое средство и возможность его потребления в будущем, но и потому, что под влиянием распространенности в определенной социальной среде такая возможность появляется у иных лиц. В юридической литературе обращено внимание на то, что каждый наркоман в течение года приобщает к этому пороку более 15 человек⁵.

Негативная динамика наркопреступности приводит к тому, что у населения появляется обостренное чувство страха, а это, несомненно, вносит изменения и в условия жизнедеятельности общества. Приведенное суждение убедительно доказано в работах А. И. Марцева: «Именно общественная опасность заставляет

¹ Коркина М. В., Лакосина Н. Д., Личко А. Е. Психиатрия : учебник. М., 1995. С. 225.

² Бабаев М. М. Социальные последствия преступности. М., 1982. С. 49.

³ Шеслер А. В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 27—30.

⁴ Основные показатели по преступности // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/pravo (дата обращения: 17.09.2019).

⁵ Шеслер А. В., Жалыбин В. В. Криминологическая характеристика и профилактика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Тюмень, 2006. С. 50.

людей прятаться в социальный панцирь, чтобы не подвергнуться преступному посягательству»¹.

Наркопреступность оказывает ощутимое негативное морально-психологическое воздействие на граждан, порождает беспокойство и неуверенность в будущем. Как следствие возникает неверие людей в способность государства защитить своих граждан.

Подводя итог, следует отметить, что общественная опасность хищения наркотических средств и психотропных веществ характеризуется вредоносностью (способность преступления порождать социально-негативные последствия), прецедентностью (возможность дальнейшего существования и развития наркотизма в стране) и психологическими последствиями (страх населения, переживание).

УДК 343.2/.7

С. Н. БЫЧКОВ, Д. С. МЕЩЕРЯКОВА

**НЕГЛАСНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ
КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО
ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ**

Общественная безопасность как объект уголовно-правовой охраны представляет собой совокупность отношений, обеспечивающих всестороннюю безопасность жизнедеятельности человека, а также безопасность общества и государства в целом. Негласное получение информации с использованием специальных технических средств причиняет существенный вред либо создает реальную угрозу причинения такого вреда как общественным отношениям, обеспечивающим защиту конституционного права граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых телеграфных или иных сообщений, так и общественным отноше-

¹ Марцев А. И. Преступление как социальное явление // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики : межвуз. сб. науч. тр. / Краснояр. высш. шк. МВД России ; отв. ред. В. И. Горбцов. Красноярск, 1998. С. 6.

ниям по защите общественной безопасности. Негласное получение информации и последующая ее передача заинтересованным лицам может способствовать совершению террористического акта, незаконному проникновению на охраняемый объект и ряду других преступлений против общественной безопасности. В свою очередь, незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, способствует ее получению. Для оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, необходимо специальное разрешение (лицензия). В связи с существующей угрозой общественной безопасности в результате незаконного оборота вышеуказанных предметов данный вид лицензирования находится в ведении Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

В контексте вышеизложенного представляется актуальным обратить внимание на субъекта незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Согласно положению, закрепленному в ст. 8 УК РФ, к уголовной ответственности может быть привлечено лишь то лицо, в деянии которого содержатся все признаки состава преступления. Субъект преступления является обязательным субъективным элементом состава преступления, поэтому точное определение признаков субъекта преступления обеспечит правильную квалификацию содеянного, а правильная квалификация преступления, как известно, является залогом соблюдения законности на всех этапах отправления правосудия.

Интерес к характеристике субъекта преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 138.1 УК РФ «Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации», вызван бланкетностью этой статьи.

Уголовный кодекс Российской Федерации не называет каких-либо специальных признаков, характеризующих лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 138.1 УК РФ. Из этого следует вывод о том, что субъект рассматриваемого преступления общий — вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Этой же позиции придерживается абсолютное большинство специалистов в области уголовного права¹. В то же время в непоколебимости такой позиции есть повод усомниться.

Данное утверждение приобретает актуальность в связи с высказанным А. И. Чучаевым мнением относительно того, что «признаки специального субъекта в уголовном законе зачастую не указываются. В связи с этим при квалификации общественно опасного деяния необходимо обращаться к законодательству иных отраслей права. Кроме того, надо иметь в виду, что отсутствие признака специального субъекта не всегда означает отсутствие состава преступления вообще, а лишь свидетельствует о том, что деяние следует квалифицировать по норме, которая за это преступление предусматривает ответственность общего субъекта».

Принимая во внимание бланкетный характер ст. 138.1 УК РФ, обнаруживаем необходимость обращения к иным отраслям права в процессе квалификации деяния, ответственность за которое предусмотрена этой статьей. Так, согласно ст. 2 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» лицензирование осуществляется в целях предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, обороне и безопасности государства, возможность нанесения которого связана с осуществлением *юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями* отдельных видов деятельности.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. / отв. ред. А. А. Чекалин ; науч. ред. В. Т. Тomin, В. В. Сверчков. 10-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII—VIII / В. В. Сверчков, В. Т. Тomin, Ю. В. Головьев [и др.]. С. 435 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации ; отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017. Т. 2 : Особенная часть. Разделы VII—VIII / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.]. С. 464 ; Наумов А. В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий судебной практики и доктринальное толкование (постатейный) / под ред. Г. М. Резника. М., 2015. С. 303 ; Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учеб для бакалавров / М-во образования и науки Российской Федерации, Моск. гос. юрид. акад. им. О. Е. Кутафина ; отв. ред. А. И. Рарог. М., 2013. С. 267.

Действие данного Закона распространяется и на отношения по производству, приобретению и (или) сбыту специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Положения указанного Закона детализированы в Положении о лицензировании деятельности по разработке, производству, реализации и приобретению в целях продажи специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2012 г. № 287, которое определяет порядок лицензирования деятельности, связанной с производством, приобретением в целях сбыта и сбытом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, осуществляемой юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» под юридическим лицом понимается его руководитель и иные должностные лица. Под индивидуальным предпринимателем также понимаются и его уполномоченные представители.

Казалось бы, все очевидно: при привлечении лица к уголовной ответственности по ст. 138.1 УК РФ необходимо учитывать указанные особенности субъекта преступления. То есть вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что субъект преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, специальный — руководитель и иные должностные лица юридического лица, осуществляющего деятельность по производству, приобретению и (или) сбыту специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, либо индивидуальный предприниматель, осуществляющий такую деятельность.

Однако при принятии решения суд в ряде случаев не обратил внимания на необходимость установления признаков специального субъекта. Так, собранные следственными органами доказательства признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора К. Следствием и судом установлено, что с августа 2011 года по март 2012 года инженер по объединенным службам казенного учреждения здравоохранения Омской области <...> К. незаконно установил в служебных кабинетах главно-

го врача больницы, его заместителя по медицинской части и главной медсестры, а также в гараже видеокамеры, вмонтировав их в пожарные извещатели. Действия К. Ленинский районный суд г. Омска квалифицировал как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 137 и ст. 138.1 УК РФ¹.

22 августа 2012 г. Советский районный суд г. Омска вынес приговор по уголовному делу в отношении С., который в ноябре 2011 года посредством сети «Интернет» незаконно приобрел специальное техническое средство, предназначенное для негласного получения информации, закамouflированное под настольный светильник.

Данный светильник с прослушивающим устройством он установил в квартире, где проживали его сын и бывшая супруга, и с ноября 2011 года стал незаконно за ними следить. В апреле 2012 года бывшая супруга обвиняемого нашла данное техническое средство и обратилась в правоохранительные органы. Действия С. в части приобретения специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, суд квалифицировал по ст. 138.1 УК РФ².

Такая позиция представляется вполне обоснованной. Для того чтобы деятельность, связанная с оборотом специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, была признана законной, прежде чем получить в территориальном органе ФСБ лицензию, лицо должно зарегистрироваться в качестве юридического лица или индивидуального предпринимателя. В несоблюдении указанных требований может заключаться незаконная деятельность физического лица, не обладающего признаками специального субъекта, в контексте норм об анализируемом преступлении. Таким образом, вышесказанное позволяет вполне обоснованно утверждать, что субъект преступления, предусмотренного ст. 138.1 УК РФ, общий.

¹ Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Омской области : офиц. сайт. URL: <https://omsk.sledcom.ru/> (дата обращения: 30.09.2019).

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. А. Чекалин ; науч. ред. В. Т. Томин, В. В. Сверчков. Т. 2. С. 435.

УДК 343.2/7

В. Н. ВИНОКУРОВ

**ХУЛИГАНСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ
ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛОВ ДЕЙСТВИЯ НОРМЫ**

Вследствие строгости мер уголовно-правового воздействия границы преступного поведения должны быть четко указаны в диспозиции нормы. В связи с этим рассмотрим пределы действия ст. 213 УК РФ, предусматривающей ответственность за хулиганство, которое согласно устоявшемуся в доктрине пониманию посягает на общественный порядок.

По мнению Н. И. Коржанского, общественный порядок — это объект не только хулиганства, а любого преступления. Поэтому он предложил выделить самостоятельные нормы, устанавливающие наказание за причинение вреда здоровью, оскорбление, повреждение или уничтожение имущества из хулиганских побуждений¹. В настоящее время законодатель пошел по указанному пути, исключив из диспозиции ст. 213 УК РФ указание на причинение вреда здоровью и уничтожение или повреждение имущества, дополнив нормы, предусмотренные ст.ст. 112, 115, 167 УК РФ, таким квалифицирующим признаком, как совершение преступления из хулиганских побуждений. Однако это не способствовало определению границ уголовно наказуемого хулиганства.

В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» отмечается, что явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Это разъяснение не внесло ясности в понимание объекта хулиганства — общественный порядок, поскольку общепризнанные нормы и правила поведения нарушаются и тогда, когда

¹ Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М., 1980. С. 56—57.

потерпевшему причиняют вред не в общественном и не в публичном месте¹.

Любое преступление причиняет политический вред государству и моральный — обществу, а грубое нарушение общественного порядка по мотивам расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды посягает на основы конституционного строя и безопасность государства². Поэтому указание в ст. 213 УК РФ на мотив расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды следует исключить, поскольку доминирующим, определяющим поведение лица должен быть только один мотив.

Кроме того, не конкретизировано понятие «представитель социальной группы» в нормах о хулиганстве и о возбуждении ненависти либо вражды, вследствие чего как преступление, предусмотренное ст. 213 или ст. 282 УК РФ, можно расценить и призыв сторонников коммунистической партии «Долой богатых!»³. По мнению А. Хлебушкина, эти группы должны быть социально конструктивными: сотрудники МВД, представители политической партии. Поэтому к ним нельзя относить группы «проститутток», «наркоманов», представителей молодежных субкультур «эмо», «готы»⁴. Однако Д. А. Мелешко считает, что под социальной группой в уголовном законодательстве следует понимать совокупность людей, объединенных по каким-либо существенным признакам и осознающих свою принадлежность к группе, вне зависимости от направленности их деятельности и ее морально-нравственной оценки⁵.

¹ Волженкин Б. В. Постановление Пленума Верховного Суда «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» // Уголовное право. 2008. № 1. С. 24.

² Волженкин Б. В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 21.

³ Кибальник А., Соломонович И. «Экстремистское» хулиганство — нонсенс уголовного закона // Законность. 2008. № 4. С. 14—20 ; Тюнин В. И. Ответственность за возбуждение ненависти либо вражды и унижение человеческого достоинства // Уголовный процесс. 2013. № 3. С. 56—57.

⁴ Хлебушкин А. Установление социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория, судебная практика // Уголовное право 2013. № 6. С. 76—80.

⁵ Мелешко Д. А. Спорные вопросы квалификации преступлений, совершенных по мотивам ненависти или вражды в отношении социальной группы // Российская юстиция. 2018. № 1. С. 35—36. При этом автор аргументирует такой вывод примерами из судебной практики, когда Верховный Суд Российской Федерации отнес к членам социальной группы лиц, не адаптированных

Указание на место грубого нарушения общественного порядка — транспорт общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ) излишне, так как затрудняет разграничение уголовно наказуемого и мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ).

Относительно хулиганства, совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 2 постановления от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» разъяснил, что под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, следует понимать умышленные действия, направленные на использование лицом указанных предметов как для физического, так и для психического воздействия на потерпевшего, а также иные действия, свидетельствующие о намерении применить насилие посредством этого оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Согласно п. 4 указанного Постановления применение при хулиганстве незаряженного, неисправного, непригодного либо декоративного, сувенирного оружия, оружия-игрушки и т. п. дает основание для квалификации содеянного по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Действия, направленные на использование оружия либо свидетельствующие о намерении его применить, не считаются его применением¹. В пункте 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разъясняется, что завладение имуществом с использованием угрозы применить заведомо негодное оружие либо имитацию оружия, если виновный не намеревался использовать эти предметы для причинения вреда здоровью, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 162 УК РФ. Таким образом, в настоящее время Верховный Суд Российской Федерации необоснованно широко трактует понятие применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия, как конструктивный признак хулиганства, относя к нему размахивание на улице незаряженным или неисправным оружием.

к жизни в гражданском обществе (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 1 апреля 2009 г. № 10-О09-6), представителей объединения «панков» (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2011 г. № 8-О11-10).

¹ Волженкин Б. В. Постановление Пленума ... С. 25.

На основании этого в теории предложено исключить из УК РФ ст. 213, дополнив ст. 117 УК РФ квалифицирующим признаком «совершенное из хулиганских побуждений»¹.

Представляется, что данный состав все же следует оставить, вернувшись к старой формулировке «сопряженное с применением или попыткой применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия», содержащейся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 1991 г. № 5 «О судебной практике по делам о хулиганстве». Согласно п. 11 указанного Постановления под применением или попыткой применения оружия при хулиганстве следует понимать не только причинение с помощью указанных предметов телесных повреждений, но и использование указанных предметов, создававшее реальную угрозу для жизни или здоровья граждан. Это позволит провести четкую границу между преступлением и административным правонарушением, предусмотренным ст. 20.13 КоАП РФ, устанавливающей наказание за стрельбу из оружия в не отведенных для этого местах. Представим две ситуации. Первая — человек из охотничьего оружия стреляет по лампочке на фонарном столбе, стоящем на пустыре. Его действия следует квалифицировать по ст. 20.13 КоАП РФ. И вторая — стрельба в лампу на фонарном столбе, стоящем рядом с многоэтажным домом, когда поражающие элементы заряда могут попасть в его окно, либо стрельба в собаку, бегущую рядом с людьми, т. е. создание угрозы для здоровья граждан. Такие действия, по нашему мнению, следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ.

Предложенная редакция ст. 213 УК РФ даст возможность квалифицировать как уголовно наказуемое хулиганство стрельбу из травматического оружия в сторону людей, а также бросание в их сторону петард и файеров, когда вред причинен не был и виновного нельзя привлечь к уголовной ответственности за покушение на причинение вреда здоровью (ч. 3 ст. 30, ст.ст. 111, 112, 115 УК РФ) вследствие сложности установления прямого умысла. Достаточно будет лишь установить, что виновный, применяя оружие или предметы, используемые в качестве оружия, сознавал, что своими действиями создает реальную угрозу для жизни или здоровья граждан.

¹ Иванов Н. Г. Хулиганство как преступление: критический взгляд // Государство и право. 2009. № 6. С. 54—61.

УДК 343.2/.7

М. А. ГОРБАТОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА

Несмотря на то что пьянство и сопровождающее его хулиганство всегда имели в России широкое распространение, законодательство Российской империи не содержало норм об ответственности за данное преступление. С начала XX века вопрос об уголовной ответственности за хулиганство приобрел наибольшую актуальность и постоянно находился в центре внимания законодателя. И если до конца 70-х годов прошлого века состав хулиганства постоянно расширялся, то в последующем он стал надеяться признаками, ограничивающими сферу его применения.

В соответствии с ч. 1 ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации уголовно наказуемым хулиганством признается «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное:

а) с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия;

б) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;

в) на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования».

Таким образом, в настоящее время в ст. 213 УК РФ установлена уголовная ответственность за три вида хулиганства: «вооруженное» (п. «а» ч. 1); «экстремистское» (п. «б» ч. 1); «транспортное» (п. «в» ч. 1).

В связи с наличием большого числа оценочных признаков, используемых законодателем при конструировании данного состава, квалификация хулиганства вызывает определенные трудности.

Весьма спорным является вопрос о родовом и видовом объектах хулиганства. Исходя из названия раздела IX Уголовного кодекса Российской Федерации — «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», родовым объектом всех предусмотренных в нем преступлений, в том числе и хулиганства, является общественная безопасность и обществен-

ный порядок. Поскольку глава 24 УК РФ называется «Преступления против общественной безопасности», видовым объектом преступлений, нормы о которых размещены в данной главе, является общественная безопасность. Сопоставление названий раздела и главы приводит к выводу, что нормы о посягательствах на общественный порядок расположены за пределами главы 24. Однако именно в ней содержится несколько составов преступлений, посягающих на общественный порядок, и хулиганство в их числе.

Согласно диспозиции ст. 213 УК РФ непосредственным объектом хулиганства является общественный порядок, который виновный грубо нарушает. Не вдаваясь в дискуссию по поводу соотношения понятий «общественная безопасность» и «общественный порядок», лишь отметим, что законодатель явно допустил неточность, формулируя названия раздела IX и главы 24 УК РФ.

Объективная сторона состава хулиганства изобилует оценочными признаками, она традиционно определяется как «грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу». Так как признаки «грубое нарушение» и «явное неуважение» используются в качестве криминообразующих, отсутствие любого из них исключает уголовную ответственность за хулиганство.

В пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» отмечается: «При решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства. Такие действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц».

Явное неуважение к обществу проявляется в том, что виновный противопоставляет себя окружающим, демонстрирует наглое и пренебрежительное отношение к ним. Получило широкое распространение мнение о том, что данный признак должен обязательно подтверждаться публичностью совершаемых хулиганом действий. «Это может быть либо совершение хулиганства в общественных местах, в присутствии очевидцев; либо возможность совершения действий в любом месте и в отсутствие оче-

видцев, но при условии грубого нарушения общепринятых стандартов общения между людьми»¹.

В каждом виде хулиганства, закрепленном в ч. 1 ст. 213 УК РФ, грубое нарушение общественного порядка и явное неуважение к обществу дополняются альтернативным обязательным признаком: в «вооруженном» хулиганстве (п. «а») — объективным признаком в виде применения оружия или предметов, используемых в качестве оружия; в «экстремистском» хулиганстве (п. «б») — субъективным признаком в виде мотивов ненависти или вражды; в «транспортном» хулиганстве (п. «в») — объективным признаком в виде места совершения преступления. Рассмотрим вопросы, которые возникают при квалификации хулиганства каждого вида.

В «вооруженном» хулиганстве применение оружия означает его использование для фактического причинения вреда жизни или здоровью либо создания угрозы причинения такого вреда с использованием свойств, присущих определенному виду оружия. Нельзя не заметить, что одни и те же действия с оружием (демонстрация), или предметами, похожими на оружие (макет пистолета), или с негодным, незаряженным оружием Пленум Верховного Суда Российской Федерации оценивает по-разному. При разбое использование таких предметов не признается их применением, а при хулиганстве — признается. Полагаем, что такая непоследовательность высшей судебной инстанции не способствует единообразию судебной практики.

При квалификации «экстремистского» хулиганства, по нашему мнению, должно быть установлено наличие двух обязательных мотивов: помимо хулиганского мотива оно должно характеризоваться мотивом политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо мотивом ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

В то же время А. Кунашев отмечает очевидное различие данных мотивов: «Если при хулиганском мотиве лицо, совершая противоправные действия, стремится противопоставить себя окружающим, проявить явное неуважение к обществу, т. е. к неопределенному кругу лиц независимо от того, кто перед ним, то при мотиве ненависти посягательство совершается в отношении

¹ Батюкова В. Е. Понятие «квалифицирующие признаки» хулиганства и их значение // Криминология, уголовное право и процесс. 2012. № 4. С. 28.

определенных лиц, которые выделяются по признакам принадлежности к конкретной расе, нации, религиозной концессии, политической партии и т. д.»¹.

Применительно к данному вопросу уместно вспомнить рекомендации Верховного Суда Российской Федерации, который неоднократно указывал, что при конкуренции мотивов всегда нужно устанавливать, какой из них является доминирующим. Полагаем, что возникающая конкуренция мотивов должна быть снята посредством исключения п. «б» из ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Конструкция состава «транспортного» хулиганства приводит нас к выводу о том, что хулиганство будет образовывать состав уголовно наказуемого деяния даже тогда, когда совершается без оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и без экстремистских мотивов. И в этом случае возникает сложность с отграничением уголовно наказуемого хулиганства от мелкого (ст. 20.1 КоАП РФ), под которым понимают «нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества». Как мы видим, при совпадении признаков явности неуважения к обществу и общественного места совершения преступления, к которому, несомненно, относится транспорт общего пользования, единственным критерием разграничения здесь будет выступать только грубость нарушения общественного порядка.

В судебной практике встречаются решения, в которых установление состава уголовно наказуемого транспортного хулиганства представляется весьма спорным. Так, К., находясь в состоянии алкогольного опьянения на трамвайной остановке, грубо нарушая общественный порядок, выражался грубой нецензурной бранью, пинал ногами и наносил удары руками по трамваю, находившемуся в тот момент на остановке. После того как этот трамвай уехал, он зашел в вагон трамвая маршрута № 13 и в продолжение своих преступных хулиганских действий, грубо нарушая общественный порядок, проявляя неуважение к обществу, стал ходить по вагону, громко выражаться нецензурной бранью, кричать, вести себя вызывающе. После этого К. стал приставать к пассажиру Б., намереваясь обнять того против его

¹ Кунашев А. Хулиганство как преступление с двумя мотивами // Законность. 2010. № 2. С. 44—47.

воли, и к кондуктору П., не реагируя на замечания, показывая своим поведением явное неуважение к обществу¹.

Полагаем, что действия К. образуют состав лишь мелкого, а не уголовно наказуемого хулиганства: имела место нецензурная брань в общественном месте и оскорбительное приставание к гражданам. Ни интенсивности, ни продолжительности хулиганских действий, свидетельствующих о грубости нарушения общественного порядка, здесь не усматривается, несмотря на то что в приговоре суд несколько раз указал на данный признак. Приведенный пример подтверждает, насколько размытыми оказались границы между уголовной и административной ответственностью при квалификации хулиганства, совершенного на транспорте общего пользования.

Следующий вопрос, которому следует уделить внимание, — это минимальный возраст привлечения к уголовной ответственности за хулиганство. Согласно ст. 20 УК РФ за совершение хулиганства без отягчающих обстоятельств уголовная ответственность наступает с 16 лет, а за совершение квалифицированного хулиганства (чч. 2 и 3 ст. 213 УК РФ) — с 14 лет.

При этом за ряд преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений (убийство, умышленное причинение тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, умышленные уничтожение или повреждение имущества), уголовная ответственность наступает с 14 лет. Более того, во времена, когда вооруженное хулиганство признавалось особо злостным (до 8 декабря 2003 г.), ответственность за него наступала тоже с 14 лет.

Совершенно непонятно, чем руководствовался законодатель, устанавливая такие возрастные границы применительно к хулиганству. Полагаем, что уголовная ответственность за любое хулиганство, в том числе и без квалифицирующих признаков, должна наступать по достижении 14-летнего возраста.

Еще одна проблема, которая требует законодательного решения, касается ответственности за групповое хулиганство. Совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, несомненно, повышает степень общественной опасности преступления и должно влечь более строгую ответственность. Однако установление предварительного сговора нередко вызывает сложности в правопримени-

¹ Приговор по делу № 1–289/2012 // Архив Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области за 2012 год.

тельной практике, а его недоказанность влечет квалификацию действий соучастников по ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Так, органами предварительного расследования К-н и К. обвинялись в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ, т. е. хулиганстве — грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, совершенном с применением предметов, используемых в качестве оружия, группой лиц по предварительному сговору. Суд признал данную квалификацию действий подсудимых явно завышенной и не подтвержденной по итогам судебного разбирательства по следующим основаниям.

При решении вопроса о квалификации действий по ч. 2 ст. 213 УК РФ необходимо иметь в виду, что предварительная договоренность должна быть достигнута не только о совместных хулиганских действиях, но и о применении оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

При квалификации действий виновных как совершенных группой лиц по предварительному сговору необходимо учитывать тот факт, что с момента встречи автомобилей (под управлением К-на и под управлением потерпевшего Л.) и до момента столкновения вышеуказанных автомобилей произошел очень короткий промежуток времени, в связи с чем у суда возникли сомнения в обоснованности доводов органов следствия, указывающих на то, что в данный промежуток времени между К-ным и К. возник предварительный сговор на совершение хулиганства.

Таким образом, учитывая, что бесспорных доказательств, свидетельствующих о наличии между К-ным и К. предварительного сговора на совершение рассматриваемого преступления, не установлено, суд пришел к выводу о необходимости переквалификации действий К-на и К. с ч. 2 ст. 213 УК РФ на п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ¹.

В связи с тем что групповое хулиганство часто совершается спонтанно, а его общественная опасность мало зависит от наличия или отсутствия предварительного сговора, полагаем, что следует вернуть в ст. 213 УК РФ квалифицирующий признак «совершенное группой лиц», который присутствовал в данной норме в первоначальной редакции УК РФ.

¹ Приговор по делу № 1–546/2015 // Архив Metallургического районного суда г. Челябинска за 2015 год.

Выявленные проблемы квалификации хулиганства свидетельствуют о том, что реализация уголовной ответственности за это преступление на данный момент требует должного внимания со стороны не только законодателя и Пленума Верховного Суда Российской Федерации, но и теоретиков уголовного права.

УДК 343.2/.7

Н. А. ГОРШКОВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

По содержанию мер карательного и ограничительного воздействия наказание в виде лишения свободы стоит на первом месте среди прочих видов. Однако, несмотря на достаточно мощный потенциал профилактического и исправительного воздействия, даже это наказание зачастую не является эффективным.

Эффективность как определенная мера целевой возможности предполагает достижение или недостижение наказанием в виде лишения свободы поставленных уголовным и уголовно-исполнительным законодательством целей (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ст. 1 УИК РФ)¹. В общей структуре преступности преступления, совершаемые лицами во время или после отбывания наказания в виде лишения свободы, составляют примерно 3 % ежегодно². Этот процент совсем небольшой, но он свидетельствует о том, что даже столь суровое наказание, как лишение свободы, не является исключительно эффективным. Причины могут быть разные. Они классифицированы нами по природе их возникновения на причины объективного характера и причины субъективного характера.

Причины объективного характера — это процессы, происходящие во внешней среде как в период отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы, так и после его отбывания.

¹Андрюшенко М. Н. Понятие эффективности и его философский смысл // Философские и социологические исследования / Ленингр. гос. ун-т. Л., 1971. С. 165.

²Горшкова Н. А. Назначение наказания за насильственные преступления против здоровья, совершаемые в исправительных учреждениях: опыт и вопросы совершенствования : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 16.

Во-первых, замкнутость пространства исправительного учреждения сама по себе обуславливает некомфортное пребывание осужденных, социальную напряженность, потенциальную опасность возникновения конфликтов. Даже самые стрессоустойчивые люди могут меняться в худшую сторону под воздействием длительных сроков лишения свободы. Об этом свидетельствуют выявленные нами в ходе дополнительных исследований факты совершения преступлений осужденными на самых поздних сроках отбывания наказания¹.

Во-вторых, сотрудники исправительных учреждений могут сами нарушать нормы федерального законодательства, тем самым способствовать совершению осужденными преступлений. Речь идет в первую очередь о получении взятки (ст. 290 УК РФ) и о сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (п. «а» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ). И в том и в другом случае привлечение к ответственности должностных лиц предполагает соответствующую квалификацию действий осужденных по ст. 291 УК РФ за дачу взятки и по ст. 228 УК РФ за незаконное приобретение наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В-третьих, есть трудности в организации процесса ресоциализации осужденных после отбывания ими наказания в виде лишения свободы. О позитивном влиянии данного процесса высказывались многие ученые². Однако на практике мы встречаем массу сложностей, начиная с незаинтересованности рынка труда в такой рабочей силе, заканчивая бюрократическими проволочками со стороны сотрудников, в чьи обязанности входит обеспечение

¹ Уголовное дело № 1–78/2015 // Архив Княжпогостского районного суда Республики Коми за 2015 год ; Уголовное дело № 1–637/2014 // Архив Нижнекамского городского суда Республики Татарстан за 2014 год ; Уголовное дело № 1–296/2014 // Архив Индустриального районного суда Удмуртской Республики за 2014 год ; Уголовное дело № 1–80/2015 // Архив Верхнекамского районного суда Кировской области за 2015 год.

² См., напр.: Багреева Е. Г. Социокультурные основы ресоциализации преступников : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 369 с. ; Крайнова Н. А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 255 с. ; Лукин Е. Е. Практики ресоциализации пожилых осужденных : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2012. 150 с. и др.

данного процесса. Осужденные нередко остаются предоставленными сами себе. У тех, кто отбывал длительные сроки лишения свободы, зачастую утрачены все полезные социальные связи с семьей, родными, друзьями. Соответственно, им ничего не остается, как вновь становиться на преступный путь, дабы вернуться в привычную для них среду мест изоляции от общества.

Причины субъективного характера — это внутренние переживания осужденных к лишению свободы в связи с длительной изоляцией и выработка определенного поведения как в процессе отбывания наказания, так и после него. Задача сотрудников исправительных учреждений как раз и заключается в своевременной корректровке данного поведения осужденных, постановка их на путь исправления. Но далеко не всегда это дает нужные результаты.

Во-первых, осужденные могут быть отрицательно настроены ко многим требованиям режима исправительного учреждения, сами не исполнять требования администрации и стремиться отомстить за это другим осужденным. Известно, что отдельные осужденные готовы реализовать поставленные наказанием цели и проявляют положительную активность, сотрудничают с администрацией. Это нередко вызывает негативную реакцию у других осужденных, не приемлющих такого рода «сотрудничество». Конфликт может перерасти в совершение уголовно наказуемых деяний, одним из которых является преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

Так, М., реализуя преступный умысел, противопоставляя себя установленному порядку, условиям отбывания наказания, действуя в нарушение порядка деятельности учреждения, преследующего цель исправления осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений и правонарушений, 11 июля 2018 г., находясь в камере ШИЗО, в целях воспрепятствования правопослушному поведению и исправлению осужденных умышленно высказал в адрес осужденных, содержащихся в камере, угрозу применения насилия в случае ношения ими форменной одежды, положенной для ношения осужденными в соответствии с внутренним распорядком дня в исправительном учреждении, а также в случае осуществления ими приема пищи. Действия М. были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 321

УК РФ как направленные на дезорганизацию деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества¹.

Во-вторых, осужденные, освободившиеся из мест лишения свободы, могут умышленно пренебрегать правилами административного надзора². Так, в отношении осужденного Ж. как лица, освобожденного после отбытия наказания из ФКУ Т ГУ ФСИН России по Челябинской области, были установлены административный надзор сроком на 3 года и соответствующие административные ограничения. Однако Ж. в установленный срок умышленно не встал на регистрационный учет в органе внутренних дел, тем самым совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 314.1 УК РФ³.

Таким образом, проблема эффективности наказания в виде лишения свободы лежит гораздо глубже, чем это может показаться на первый взгляд. По сути, это комплексная проблема, которая требует решения на государственном уровне. Заметим, государство последнее время идет по пути наименьшего сопротивления, внедряя и реализуя наказания, не связанные с лишением свободы, а также применяя условное осуждение к максимально возможному кругу виновных лиц. Так называемая гуманизация уголовной политики сводится к тому, что численность осужденных к лишению свободы искусственно снижается вот уже более 5 лет⁴. Но такой подход, на наш взгляд, не способен решить проблемы качества исполнения данного вида наказания

¹ Приговор Краснокаменского городского суда (Забайкальский край) от 8 февраля 2019 г. по делу № 1-66/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/QSKsEOZ9IdxR/?page=2&regular-court=&regular-date_from=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=%D0%9D%D0%B5 (дата обращения: 20.11.2019).

² Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ : текст с изм. и доп. на 1 окт. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Приговор Орджоникидзевского районного суда г. Магнитогорска (Челябинская область) № 1-203/2019 от 26 февраля 2019 г. по делу № 1-203/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Zg6LvZq5D21Q/?regular-txt=%D1%87.+%D1%81%D1%82.+321+%D0%A3%D0%9A+%D0%A0%D0%A4&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=%D0%9D% (дата обращения: 20.11.2019).

⁴ Статистические данные // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <http://фсин.пф/statistics/> (дата обращения: 21.11.2019).

и реализации мер постпенитенциарного воздействия на осужденных. Надеемся, что Правительство Российской Федерации в рамках планируемой к принятию Концепции развития уголовно-исполнительной системы до 2030 года не только наметит существующие проблемы, но и опишет слаженный механизм их устранения.

УДК 343.2/.7

А. Ю. ГРИШИН

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Преступления против общественной безопасности отличаются особым характером и высокой степенью общественной опасности, что обусловлено важностью объектов уголовно-правовой охраны, на которые направлены данные криминальные посягательства. За совершение преступлений против общественной безопасности в первом полугодии 2019 года осуждено 5 194 человека (в первом полугодии 2018 года — 5 726 человек)¹.

Как верно отмечается в юридической литературе, «интересы личности, общества и государства охраняются здесь не сами по себе, а именно в связи с жизнедеятельностью населения, нормальным функционированием организаций, учреждений, государства»².

Вполне закономерно, что перечисленные общественные отношения ввиду своей важности и многообразия охраняются нормами не только уголовного права, но и права административного, и здесь, на наш взгляд, правоприменительная практика ставит ряд вопросов, ответы на которые законодателем пока не даны.

По причине сравнительной новизны составов с административной преюдицией данный институт неоднозначно оценивается

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.11.2019).

² Актуальные проблемы уголовного права. Часть Особенная : учебник / Л. В. Иногамова-Хегай, Э. И. Жевлаков, А. Г. Кибальник [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. 2-е изд. М., 2018. С. 99.

в теории¹ и вызывает трудности в правоприменительной практике². В то же время официальное определение административной преюдиции не закреплено, что обусловлено, как представляется, различием в понимании преюдициального значения судебного решения в ст. 90 УПК РФ и судебных решений по соответствующим делам об административных правонарушениях, которые могут быть положены в основу обвинения в совершении преступлений, в том числе преступлений против общественной безопасности, предусмотренных ст.ст. 212.1, 215.3, 215.4 УК РФ. В первом случае преюдиция понимается в «процессуальном смысле», оценивается с точки зрения доказывания обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, во втором — в материально-правовом, применительно к конструкции состава преступления.

Весьма интересно определение административной преюдиции как «особой формы взаимодействия уголовного и административного права, которая представляет собой предусмотренный законом способ коррекции границы между преступлением и проступком применительно к конкретному деянию, представляющему собой систему однородных действий, причиняющих совокупный вред одним и тем же общественным отношениям»³.

¹ См., напр.: Безверхов А. Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48—53 ; Головкин Л., Коробеев А., Лопашенко Н., Пашин С., Резник Г., Богущ Г., Есаков Г. Административная преюдиция в уголовном праве: казус Ильдара Дадина // Закон. 2017. № 2. С. 21—29 ; Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68—72 ; Пикуров Н. И. Применение нового уголовного законодательства (ст. 116.1, 157 и 158.1 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г.) во взаимосвязи с нормами и институтами других отраслей права // Уголовное право. 2016. № 6. С. 53—62.

² См., напр.: По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Авраменко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 264.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2017 г. № 1410-О ; О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 314.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 мая 2016 г. № 21. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ Актуальные проблемы уголовного права : курс лекций / П. В. Агапов, О. С. Капинус, Е. Н. Карабанова [и др.] ; под ред. О. С. Капинус. М., 2019.

Административная преюдиция прочно обосновалась в действующем УК РФ как «буферная зона» между общественно опасными деяниями, посягающими на один и тот же объект, но различными по своей общественной опасности. Данное различие обусловлено, в том числе, системностью, повторяемостью посягательств.

Логика использования административной преюдиции при конструировании составов преступлений такова: если субъект по результатам применения норм административного воздействия не прекратил противоправное поведение, продолжает своими действиями (бездействием) причинять вред общественным отношениям, то к нему применяются наиболее репрессивные меры правового воздействия. При таких обстоятельствах административная преюдиция требует постоянной оценки своего соответствия общественным отношениям, на которые воздействуют соответствующие уголовно-правовые нормы¹.

В главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности» содержатся три статьи, составы которых сконструированы с использованием административной преюдиции: ст. 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования» (введена Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ); ст. 215.3 УК РФ «Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность» (в ред. Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ); ст. 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект» (введена Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 441-ФЗ).

Вопрос адекватности предусмотренных законодателем средств уголовно-правовой охраны общественных отношений следует решать с учетом конкретных обстоятельств, свидетельствующих об общественной опасности деяний, необходимости реагирования на них именно уголовно-правовыми, а не иными методами (в том числе административными), с учетом распространенности деяний, уже запрещенных законом, причиняемого ими вреда, устойчивого развития общественных институтов.

С. 20.

¹ Пашинин А. Н., Пронина М. М. От «административной преюдиции» к «административной повторности» в системе уголовно-правового нормотворчества // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 33—36.

Согласно данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в первом полугодии 2019 года по ст. 212.1 УК РФ не осуждено ни одного лица (аналогично и в первом полугодии 2018 года); по ч. 1 и ч. 2 ст. 215.3 УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 июля 2018 г. № 229-ФЗ) в первом полугодии 2019 года осуждено 220 лиц (в первом полугодии 2018 года ст. 215.3 УК РФ была изложена в иной редакции); по ст. 215.4 УК РФ в первом полугодии 2019 года осужденных не имеется (аналогично и в первом полугодии 2018 года)¹.

На вопросы юридической обоснованности криминализации деяния, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, соотношения с правовыми гарантиями, установленными Конституцией Российской Федерации, принципами уголовного права даны обстоятельные ответы в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». Ответственность за совершение указанного преступления установлена в виде альтернативной санкции, что позволяет дифференцировать ответственность за данное деяние с учетом конкретных обстоятельств дела.

Деяния, описанные в ч. 1 ст. 215.3 и ч. 2 ст. 215.3 УК РФ, криминализированы с 10 августа 2018 г. Часть 1 ст. 215 УК РФ содержит состав преступления небольшой тяжести и предусматривает наказание в виде лишения свободы до 2 лет, наряду с альтернативными видами наказания, не связанными с лишением свободы. В части 2 ст. 215 УК РФ изложен квалифицированный состав преступления. Данное преступление является преступлением средней тяжести и за него предусмотрено наказание до 4 лет лишения свободы.

Учитывая стратегическую важность объектов топливно-энергетического комплекса для экономики и безопасности Российской Федерации, возможность причинения экологического ущерба вследствие действий по самовольному подключению к сетям, криминализация деяний, предусмотренных ч. 1 и ч. 2

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.11.2019).

ст. 215.3 УК РФ, понятна. Сравнительная распространенность преступлений указанной категории подтверждает данный вывод.

Обоснованно и использование при конструировании данного состава преступления административной преюдиции, поскольку самовольное подключение к нефтепроводам и газопроводам впервые может быть совершено исходя из представлений субъекта о правомерности своих действий. Ответственность за такое деяние, совершенное впервые, предусматривается ст. 7.19 КоАП РФ — самовольное подключение к электрическим сетям, тепловым сетям, нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, а равно самовольное (безучетное) использование электрической, тепловой энергии, нефти, газа или нефтепродуктов, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния (в редакции Федерального закона от 3 ноября 2015 г. № 307-ФЗ).

Очевидно, что в диспозиции ст. 7.19 КоАП РФ приведен весьма разнообразный перечень деяний, образующих состав данного административного правонарушения, в том числе «самовольное (безучетное) использование... нефти, газа или нефтепродуктов». В этой связи представляется целесообразным в целях определенности правоприменения, исключения следственных и судебных ошибок дополнить ст. 215.3 УК РФ примечанием, аналогичным примечанию к ст. 212.1 УК РФ, содержащим указание на конкретные деяния, предусмотренные КоАП РФ, образующие в случае неоднократности состав преступления, предусмотренный ст. 215.3 УК РФ.

Следует отметить, что на неоднозначность конструкции состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 215.3 УК РФ, уже указывалось в юридической печати¹.

Третьим составом преступления, сформулированным с использованием административной преюдиции, является состав, предусмотренный ст. 215.4 УК РФ, — незаконное проникновение на подземный или подводный объект, охраняемый в соответствии с законодательством Российской Федерации о ведомственной или государственной охране, совершенное неоднократно. Данный состав введен Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 441-ФЗ и сконструирован во взаимосвязи с со-

¹ Решняк М. Г., Моисеев С. С. К вопросу о соотношении уголовной и административной ответственности за незаконное подключение к газопроводу и использование газа в бытовой сфере // Безопасность бизнеса. 2019. № 2. С. 45—50.

ставом административного правонарушения, предусмотренным ч. 2 ст. 20.17 КоАП РФ.

Уголовно-правовая охрана режима ограниченного доступа к указанным объектам вполне закономерна, поскольку имеются случаи, когда целые группы проникают на объекты энергетической, транспортной, промышленной, оборонной инфраструктуры из тяги к приключениям, стремления завоевать авторитет среди представителей той или иной субкультуры (диггеры, участники активных городских игр и т. п.). Внешне такие деяния не обладают повышенной степенью общественной опасности, определяющей их криминализацию, однако в большинстве случаев характеристики подземных и подводных объектов, охраняемых объектов, их техническая укрепленность и физическая защита являются сведениями ограниченного доступа, разглашение которых способно нанести уже реальный вред их безопасному функционированию.

Оценивая взаимосвязь ч. 2 ст. 20.17 КоАП РФ и в целом ст. 215.4 УК РФ, необходимо обратить внимание на следующее. Пункт «б» ч. 2 ст. 215.4 УК РФ содержит квалифицирующий признак предусмотренного ч. 1 ст. 215.4 УК РФ деяния — сопряженное с умышленным созданием угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну. При этом для его вменения лицу, проникшему на соответствующий объект, необходимо, чтобы данное лицо было привлечено ранее к административной ответственности по ч. 2 ст. 20.17 КоАП РФ. Однако вполне типичной может быть ситуация, когда и при совершении такого деяния впервые может быть создана реальная угроза распространения сведений, составляющих государственную тайну. Например, осуществление видеозаписи, фотосъемки, ведение трансляции в сеть «Интернет» и другие подобные действия. При этом ст. 20.17 КоАП РФ соответствующего квалифицирующего признака (деяние, сопряженное с умышленным созданием угрозы распространения сведений, составляющих государственную тайну) не содержит. Представляется, что в данном случае общественная опасность описанных действий законодателем недооценена, а возможно, и не исследована.

Дискуссии об излишней криминализации деяний в составах с административной преюдицией ведутся на протяжении всего периода существования данного явления в действующем УК РФ. Один из доводов противников института административной преюдиции в уголовном праве — несоответствие право-

вых гарантий и условий доказывания по делам об административных правонарушениях, которые в перспективе входят в сложный юридический состав преступления с административной преюдицией.

Следует согласиться с тем, что необходимы четкие правовые механизмы защиты прав лиц, привлекаемых к административной ответственности за «преюдициальные» административные правонарушения, однако представляется целесообразным изучение возможности применения категории «уголовный проступок», ранее известной отечественному уголовному праву в качестве альтернативы административной преюдиции.

Дискуссия вокруг инициативы Верховного Суда Российской Федерации о возврате в уголовное законодательство категории «уголовный проступок» продолжается уже не первый год. Данная категория, если следовать законопроекту № 612292-7¹, должна быть включена в ст. 15 УК РФ.

В законопроекте уголовный проступок определяется как преступление небольшой тяжести, за которое не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Для уголовного проступка предлагается предусмотреть основания для освобождения от уголовной ответственности (редакция ст. 76.2 УК РФ), сократить сроки давности, сроки отбывания наказания для условно-досрочного освобождения от наказания (редакции ч. 1 ст. 78, ч. 3 ст. 79, ч. 1 ст. 83 УК РФ). Кроме того, предлагается при совершении уголовного проступка несовершеннолетним применять принудительные меры воспитательного воздействия (редакция ст. 90 УК РФ), а также дифференцировать основания освобождения от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ (редакции ст.ст. 104.3.1, 104.6, 104.6, 104.7, 104.7 УК РФ).

Оценивая общественную опасность преступлений против общественной безопасности, составы которых сконструированы с использованием административной преюдиции (ст.ст. 212.1, 215.3, 215.4 УК РФ), полагаем возможным их перспективное моделирование как уголовных проступков с соответствующими уголовно-правовыми последствиями. Данная альтернатива административной преюдиции позволит, с одной стороны, повы-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия административного проступка : законопроект № 612292-7 // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/612292-7> (дата обращения: 30.10.2019).

сить степень правовой защищенности общественных отношений в сфере безопасности, а с другой стороны, обеспечить процессуальные гарантии прав лиц, привлекаемых к установленной законом ответственности, тем самым повысить степень «устойчивости» судебных решений по таким делам.

Кроме того, использование категории «уголовный проступок» позволит дифференцировать уголовную ответственность в зависимости от объекта посягательства и личности виновного, учитывать в каждом конкретном случае реальные характер и степень общественной опасности деяния, снизить уровень латентности общественно опасных посягательств на общественную безопасность.

В случае если уголовный проступок не будет влечь правовых последствий в виде судимости, данный способ уголовно-правовой защиты интересов общества и государства способен улучшить криминогенную ситуацию с деликтами небольшой тяжести у «случайных преступников», частично разрешить споры об обоснованности либо необоснованности криминализации тех или иных деяний, в том числе в сфере общественной безопасности.

Учитывая изложенное, использование административной преюдиции в составах преступлений против общественной безопасности представляется адекватным решением законодателя, хотя и не окончательным. В среднесрочной перспективе необходимы реформирование уголовного законодательства в целях его гибкости и адекватности реальной общественной опасности деликтов, разработка новых средств уголовно-правовой охраны общественных отношений. Введение категории «уголовный проступок» может стать отправной точкой для таких изменений.

УДК 343.2/.7

М. А. ДВОРЖИЦКАЯ

НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ ПРАВОСУДИЯ?

Более 100 лет ведутся дискуссии о целесообразности установления уголовной ответственности за несообщение о преступлении. Законодательное решение о введении ст. 205.6 УК РФ, предусматривающей ответственность за несообщение о преступлении, явилось существенным поводом для их продолжения, породив одновременно ряд вопросов, связанных с определением объекта данного преступления.

Учитывая расположение ст. 205.6 в Уголовном кодексе Российской Федерации, можно утверждать, что в качестве видового объекта несообщения о преступлении следует рассматривать общественную безопасность, в качестве непосредственного — защищенность общества от террористических посягательств. Но поскольку преступные деяния, за несообщение о которых предусмотрена уголовная ответственность, имеют различные видовые объекты (общественная безопасность, основы конституционного строя и безопасность государства, мир и безопасность человечества), с этим вряд ли можно согласиться. В этой связи юристами критикуется помещение законодателем ст. 205.6 УК РФ в главу 24 «Преступления против общественной безопасности»¹.

Прежде всего необходимо отметить, что несообщение о преступлении, являясь формой прикосновенности к преступлению, посягает на общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления правосудия. Схожего мнения придерживается В. И. Гладких, обосновывая свою точку зрения историческим законодательным опытом: несообщение о преступлении относилось к преступлениям против правосудия².

Между тем содержание термина «правосудие» в законе не раскрывается, в ст. 118 Конституции Российской Федерации указывается, что правосудие осуществляется только судом. В этой связи зачастую в науке его содержание сужается и правосудие рассматривается как деятельность судов по рассмотрению уголовных, гражданских и иных дел на основе и в соответствии с действующим законодательством³.

Однако стоит подчеркнуть, что реализация судом правосудия невозможна без деятельности органов, способствующих его осуществлению (органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и исполнения наказания). Следовательно, законо-

¹ Амельчаков О. И. Несообщение о преступлении в отечественном уголовном законодательстве // Социально-политические науки. 2017. № 5. С. 157.

² Гладких В. И. Несообщение о преступлении: возврат к уголовной ответственности за недонесение в новых условиях? // Защита прав и свобод человека и гражданина: современное состояние и перспективы развития : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., Москва, 27 апреля 2018 г. М., 2018. С. 19.

³ Иванников И. А. Государственная власть в России: проблемы гуманизации. Ростов н/Д., 2006. С. 158.

датель, охраняя уголовно-правовыми средствами интересы правосудия, защищает интересы не только суда, но и этих органов¹.

Для нормального функционирования органов, способствующих осуществлению правосудия, необходимо, чтобы было обнаружено каждое готовящееся или совершенное преступление, ни одно лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, не избежало ответственности. Кроме того, каждое преступление должно быть раскрыто быстро и своевременно. При этом в законе придается большое значение сообщениям граждан о преступных посягательствах. Так, среди поводов для возбуждения уголовного дела заявлению о преступлении отводится первое место, сообщению о совершенном или готовящемся преступлении, полученному из иных источников, — третье. К последнему можно отнести информацию, поступившую, например, по телефону, факсу или телеграфу от граждан.

Сообщения граждан о достоверно известных готовящихся или совершенных преступлениях способствуют реализации возможности соответствующих органов выявить преступное посягательство и принять необходимые меры к его предотвращению или пресечению. Невыполнение же установленной в законе обязанности сообщить о преступном деянии может ограничить возможность государства в лице его органов совершать регламентированные законом действия по осуществлению правосудия.

Следовательно, несообщение о преступлении посягает на общественные отношения, складывающиеся в сфере осуществления правосудия, непосредственно — по поводу выявления, предупреждения и пресечения преступлений, о чем отмечалось еще в советской юридической литературе.

Так, Н. А. Беляев справедливо считал, что «недонесение представляет опасность не для того объекта, которому причинен ущерб, а прежде всего для деятельности органов правосудия, поскольку оно затрудняет раскрытие преступного посягательства и наказание его виновников»². На основании изложенного в юридической науке указывается на то, что норма о несообщении о преступлении должна находиться в главе 31 УК РФ «Пре-

¹ Носкова Н. А. Недонесение о преступлении по советскому уголовному праву : специальность 715 «Уголовное право и уголовный процесс» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 78.

² Курс советского уголовного права ; отв. ред. Н. А. Беляев. Л., 1978. Т. 4 : Часть Особенная / Н. А. Беляев, Н. С. Лейкина, В. К. Глистин [и др.]. С. 382.

ступления против правосудия», что позволило бы максимально полно реализовать принцип справедливости при установлении вида и размера наказания за рассматриваемое преступление¹.

Думается, прежде чем менять законоположение, следует уяснить его подлинный смысл, а именно выяснить, почему законодателем дана оценка несообщению о преступлении в пределах главы 24 «Преступления против общественной безопасности», а не в главе 31 «Преступления против правосудия». На наш взгляд, указанное расположение нормы о несообщении о преступлении не превращает его из преступления против правосудия в уголовно наказуемое деяние против общественной безопасности, а является законодательным приемом, упрощающим применение данной нормы. Правоприменитель, осуществляя производство по делу об основном преступлении, имеет возможность дать верную оценку деянию лица, не сообщившего об этом преступлении, и принять соответствующее решение. Кроме того, как известно, доступ граждан к информации рассматривается в настоящее время в качестве стандарта современного демократического государства, а такое расположение исследуемой нормы обеспечивает ее понимание гражданами, обладающими достоверными сведениями о преступлении террористического характера.

Таким образом, несообщение о преступлении является преступлением против правосудия, а расположение ст. 205.6 УК РФ в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» следует рассматривать как законодательный прием, облегчающий практическое применение данной нормы.

УДК 343.2/.7

Т. И. ЕГОРОВА

НЕКОТОРОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Места лишения свободы традиционно являются учреждениями, в которых отбывают наказание осужденные за совершение наиболее общественно опасных посягательств. Состояние и направления изменения социально-криминологических харак-

¹ Намнясева В. В. Проблемные вопросы законодательной регламентации института прикосновенности к преступлению // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 4 (43). С. 67.

теристик тюремного населения вызывают беспокойство в связи с увеличением доли лиц, имеющих неоднократный опыт отбывания наказания в местах лишения свободы (около 36 % отбывают лишение свободы три и более раза), осужденных за совершение насильственных преступлений (около 30 % отбывают наказание за совершение убийства, причинение тяжкого вреда здоровью) и незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ (около 28 %). Вместе с тем относительно стабильно высоким остается число осужденных к краткосрочному лишению свободы — на срок до 3 лет (около 24 %) и длительным срокам лишения свободы — свыше 10 лет (около 32 %), лица, осужденные к лишению свободы на срок от 3 до 10 лет, составляют около 57 %¹.

В соответствии с Концепцией федеральной целевой программы «Развитие уголовно-исполнительной системы (2017—2025 годы)», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 2808-р, наиболее значимыми угрозами безопасности в местах лишения свободы являются, в частности, противоправные действия, а также негативное влияние лидеров и членов группировок криминально ориентированных осужденных и злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания.

Официальные статистические данные отражают устойчивую тенденцию к сохранению числа зарегистрированных преступлений в местах лишения свободы. На фоне сокращения тюремного населения за последние 10 лет примерно в 1,5 раза, в 2008 и 2018 годах в исправительных учреждениях совершено примерно равное количество преступлений (964 и 913 соответственно).

Кроме того, косвенными признаками подготавливаемых преступлений могут быть некоторые результаты режимных мероприятий. Например, в 2018 году в исправительных учреждениях ФСИН России для взрослых изъято 5 865 единиц колюще-режущих предметов.

Учитывая прошлый преступный опыт осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы, обоснованно предположить, что преступления, совершенные в период отбывания наказания, обладают повышенной степенью общественной опас-

¹ Здесь и далее см.: Статистические данные // Федеральная служба исполнения наказаний : офиц. сайт. URL: <http://фсин.рф/statistics/> (дата обращения: 01.11.2019).

ности уже в силу своего рецидивного характера. Кроме того, подобные деяния неизбежно нарушают нормальную деятельность учреждений уголовно-исполнительной системы, ставя под угрозу безопасность неопределенного круга лиц, способствуя частичной или полной дезорганизации процесса исполнения наказания в виде лишения свободы.

Достаточно отметить, что в 2018 году около 15 % всего тюремного населения состояло на профилактических учетах в учреждениях уголовно-исполнительной системы в соответствии с приказом Минюста России от 20 мая 2013 года № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы». Из них: 8 596 — осужденные, склонные к потреблению и приобретению наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих препаратов и алкогольных напитков; 7 177 — склонные к систематическому нарушению правил внутреннего распорядка; 5 168 — склонные к нападению на представителей администрации и иных сотрудников правоохранительных органов; 3 189 — организующие азартные игры или активно в них участвующие с целью извлечения материальной или иной выгоды; 2 405 — изучающие, пропагандирующие, исповедующие либо распространяющие экстремистскую идеологию; 1 399 — организующие и провоцирующие групповое противодействие требованиям администрации, 1 299 — осужденные — лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других осужденных; 855 — отбывающие наказание за дезорганизацию деятельности исправительных учреждений, массовые беспорядки и так далее. Каждое второе преступление, зарегистрированное в местах лишения свободы, совершается указанной категорией лиц.

Изложенное свидетельствует о достаточно высоком уровне напряженности обстановки в исправительных учреждениях и, следовательно, необходимости применения более эффективных средств предупреждения данного негативного явления, выработки соответствующих научно обоснованных рекомендаций по их совершенствованию.

Современное уголовное законодательство в своих предписаниях практически не выделяет признаки преступлений, совершенных в местах лишения свободы. Относительно малочисленная группа подобных норм ограничивается положениями п. «а»

ч. 2 ст. 228.1, ст.ст. 313, 314 и 321 УК РФ. В остальных случаях действуют общие правила квалификации преступлений различных видов и категорий.

Однако сам факт наличия достаточных оснований полагать, что лицо имеет устойчивую криминогенную направленность при отбывании наказания, определяет неэффективность назначенной судом меры уголовно-правового воздействия.

В этой связи достаточно актуальными представляются нововведения в УК РФ, внесенные Федеральным законом от 26 июля 2019 г. № 206-ФЗ, которые отражают тенденции расширения возможностей привлечения к уголовной ответственности за участие в преступных собраниях и занятие высшего положения в преступной иерархии.

Зачастую преступления в местах лишения свободы, особенно дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ), совершаются лицами, придерживающимися тюремной субкультуры. Соблюдение криминальных традиций и обычаев проявляется в систематическом нарушении распорядка дня и формы одежды при отбывании наказания, в отказе от работы и участия в культурно-массовых мероприятиях, широком использовании в своей речи жаргонных слов, нанесении на свое тело татуировок.

Очевидно, что именно эти лица имеют опыт участия в преступных собраниях и занимают определенное положение в преступной иерархии. Организация ими в местах лишения свободы «бизнеса», связанного с картежными играми и незаконным оборотом наркотиков, представляет собой способ пополнения криминального «общака», вовлечения в свою преступную среду новых участников, особенно из числа молодежи.

Результаты обобщения нами личных дел осужденных, находящихся на профилактическом учете в качестве лиц, организующих азартные игры или активно участвующих в них с целью извлечения материальной или иной выгоды, позволяют охарактеризовать их как неоднократно судимых и склонных к совершению преступлений корыстно-насильственной направленности, допускающих нарушения порядка отбывания наказания, выражающиеся в поддержании латентного характера криминальных связей: ограничение или закрытие камер видеонаблюдения, использование незаконных средств межкамерного общения и так далее.

В 2018 году из 18 938 осужденных, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания,

17 468 находились в запираемых помещениях для содержания осужденных в строгих условиях отбывания наказания, были водворены в ШИЗО, переведены в ЕПКТ, ПКТ, одиночную камеру колонии особого режима.

Несмотря на возможность установления указанного в Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» административного надзора за злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, как представляется, освобождение их из мест лишения свободы при неоднократном совершении действий, выражающих приверженность криминальной субкультуре, является нецелесообразным и опасным для общества.

Например, обоснованным будет установление в качестве преступных некоторых деяний, которые по общему правилу при совершении вне исправительных учреждений представляют собой административные деликты. Речь идет в первую очередь о неповиновении законному распоряжению представителей власти, а именно администрации исправительного учреждения. Неповиновение в данном случае может выражаться в игнорировании требования прекратить нарушение режима при незаконной организации межкамерной связи, передвижении по территории или ином правонарушающем поведении.

Указанное законодательное решение обеспечит охрану порядка исполнения наказания в виде лишения свободы дополнительными уголовно-правовыми гарантиями, а также предупредит распространение в исправительных учреждениях и в обществе в целом проявлений криминальной субкультуры, связанных с угрозами безопасности для личности, общества и государства.

УДК 343.2/.7

В. А. ЕМЕЛЬЯНОВ

**ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО
ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ**

Правоприменительное направление пениализации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ заключается в определении общественной опасности конкретного правонарушения, в даче юридической оценки.

При назначении наказания конкретному лицу на основании принципа справедливости учитываются общие начала назначения наказания, при наличии — смягчающие и отягчающие обстоятельства, личность виновного и другие обстоятельства.

Для формирования объективной оценки практической пенализации преступлений, предусмотренных ст.ст. 228 и 228.1 УК РФ, рассмотрим виды наказаний, которые назначены судом лицам, признанным виновными в совершении данных преступлений¹.

Так, в 2018 году всего назначено основное наказание за преступления, предусмотренные ст. 228 УК РФ, по основной и дополнительной квалификации, 72 936 лицам; из них: лишение свободы на определенный срок — 23 436 (32 %); условно лишение свободы — 29 550 (40,5 %) и иные меры наказания — 443 (0,6 %); исправительные работы — 1 893 (2,5 %); обязательные работы — 5 135 (7 %); штраф — 12 464 (17 %); ограничение свободы — 6; принудительные работы — 8; ограничение по военной службе — 1. Освобождены от наказания по различным основаниям или наказание не назначалось — 246 (0,3 %).

За преступление, предусмотренное ст. 228.1 УК РФ, основное наказание по основной и дополнительной квалификации назначено 19 172 лицам. Из них: лишение свободы на определенный срок — 17 679 (92,2 %); условно — 1 440 (7,5 %), принудительные работы — 1; ограничение свободы — 8; исправительные работы — 12; обязательные работы — 3; штраф — 3. Освобождены от наказания по различным основаниям или наказание не назначалось — 26 (0,14 %).

Наказание в виде лишения свободы назначено ниже низшего предела: по ч. 2 ст. 228 УК РФ — 1 564 лицами (12,4 %); по ч. 3 ст. 228 УК РФ — 75 (42,9 %); по ч. 1 ст. 228.1 УК РФ — 486 (21 %); по ч. 2 ст. 228.1 УК РФ — 23 (23,7 %); по ч. 3 ст. 228.1 УК РФ — 1 473 (38 %); по ч. 4 ст. 228.1 УК РФ — 2 509 (26,6 %) и по ч. 5 ст. 228.1 УК РФ — 262 (15,4 %).

В 2018 году суд, выбирая основной вид наказания (по основной квалификации), назначал по ст. 228 УК РФ лишение свободы на следующие сроки: по ч. 1: до 1 года включительно — 4 736 лицам (74 %), свыше 1 года до 2 лет включительно —

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 10.10.2019).

1 598 (25 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно — 46 (1 %); по ч. 2: до 1 года включительно — 408 лицам (3,2 %), свыше 1 года до 2 лет включительно — 1 111 (8,8 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно — 4 798 (38,1 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно — 6 108 (48,6 %), свыше 5 лет до 8 лет включительно — 151 (1,2 %), свыше 8 лет до 10 лет включительно — 8 (0,1 %); по ч. 3: свыше 1 года до 2 лет включительно — 2 лицам (1,1 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно — 6 (3,5 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно — 48 (27,4 %), свыше 5 лет до 8 лет включительно — 63 (36 %), свыше 8 лет до 10 лет включительно — 36 (20,6 %), свыше 10 лет до 15 лет включительно — 20 (11,4 %).

Альтернативно по ч. 1 ст. 228 УК РФ назначен штраф как основной вид наказания: в размере до 5 тыс. р. — 955 лицами (7,7 %), свыше 5 тыс. до 25 тыс. р. — 10 290 (82,9 %), свыше 25 тыс. до 100 тыс. р. — 1 164 (9,3 %), свыше 100 тыс. р. — 2 (0,1 %). Как дополнительный вид наказания назначен штраф: по ч. 2 ст. 228 УК РФ: в размере до 5 тыс. р. — 79 лицам (6,6 %), свыше 5 тыс. до 25 тыс. — 685 (57,5 %), свыше 25 тыс. до 100 тыс. р. — 402 (33,7 %), свыше 100 тыс. до 300 тыс. р. — 24 (2 %), свыше 300 тыс. до 500 тыс. р. — 2 (0,2 %); по ч. 3 ст. 228 УК РФ — в размере свыше 25 тыс. до 100 тыс. р. — 11 лицам (100 %).

По ст. 228.1 УК РФ суд назначал по основной квалификации лишение свободы на следующие сроки: по ч. 1: до 1 года включительно — 41 лицу (1,8 %), свыше 1 года до 2 лет включительно — 306 лицам (13,2 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно — 540 (23,3 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно — 1 389 (60 %), свыше 5 лет до 8 лет включительно — 40 (1,7 %); по ч. 2: свыше 1 года до 2 лет включительно — 3 лицам (3,1 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно — 13 (13,4 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно — 46 (47,4 %), свыше 5 лет до 8 лет включительно — 32 (33 %), свыше 8 лет до 10 лет включительно — 3 (3,1 %); по ч. 3: до 1 года включительно — 5 лицам (0,1 %), свыше 1 года до 2 лет включительно — 55 (1,4 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно — 241 (6,3 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно — 1 070 (27,8 %), свыше 5 лет до 8 лет включительно — 1 624 (42,2 %), свыше 8 лет до 10 лет включительно — 787 (20,4 %), свыше 10 лет до 15 лет включительно — 69 (1,8 %); по ч. 4: до 1 года включительно — 13 (0,1 %), свыше 1 года до 2 лет включительно — 58 (0,6 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно — 265 (2,8 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно —

1 721 (18,3 %), свыше 5 лет до 8 лет включительно — 3 476 (36,9 %), свыше 8 лет до 10 лет включительно — 2 435 (25,8 %), свыше 10 лет до 15 лет включительно — 1 448 (15,4 %), свыше 15 лет до 20 лет включительно — 5 лицам (0,1 %); по ч. 5: до 1 года включительно — 3 лицам (0,1 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно — 6 (0,4 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно — 147 (8,7 %), свыше 5 лет до 8 лет включительно — 654 (38,5 %), свыше 8 лет до 10 лет включительно — 601 (35,4 %), свыше 10 лет до 15 лет включительно — 260 (15,3 %), свыше 15 лет до 20 лет включительно — 26 (1,5 %).

Дополнительно по ст. 228.1 УК РФ назначался штраф: по ч. 2: свыше 25 тыс. до 100 тыс. р. — 12 лицам (100 %); по ч. 3: до 5 тыс. р. — 3 (1,3 %), свыше 5 тыс. до 25 тыс. — 33 (14,2 %), свыше 25 тыс. до 100 тыс. р. — 176 (75,5 %), свыше 100 тыс. до 300 тыс. р. — 21 (9 %); по ч. 4: до 5 тыс. р. — 3 (0,3 %), свыше 5 тыс. до 25 тыс. р. — 69 (7,1 %), свыше 25 тыс. до 100 тыс. р. — 448 (46,3 %), свыше 100 тыс. до 300 тыс. р. — 153 (15,8 %), свыше 300 тыс. до 500 тыс. р. — 295 (30,5 %); по ч. 5: до 5 тыс. р. — 2 (0,4 %), свыше 5 тыс. до 25 тыс. р. — 6 (1,2 %), свыше 25 тыс. до 100 тыс. р. — 98 (20,5 %), свыше 100 тыс. до 300 тыс. — 79 (16,6 %), свыше 300 тыс. до 500 тыс. р. — 292 (61,2 %).

Как дополнительный вид наказания также назначалось лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет (по наиболее тяжкому преступлению без учета сложения): по ст. 228 УК РФ: по ч. 1 — 10 лицам, по ч. 2 — 26, по ч. 3 — 1; по ст. 228.1 УК РФ: по ч. 1 — 1 лицу, по ч. 3 — 2, по ч. 4 — 11, по ч. 5 — 4.

Проанализировав правоприменительное направление пенализации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ за 2018 год, можно сделать следующие выводы:

1. За преступления, предусмотренные ст. 228 УК РФ (по основной и дополнительной квалификации), в 2018 году преобладало лишение свободы на определенный срок, назначаемое условно, далее по убывающей — назначаемое реально и штраф. При этом по основной квалификации преобладали сроки лишения свободы: по ч. 1 — до 1 года включительно (74 %); по ч. 2 — свыше 3 лет до 5 лет включительно (48,6 %) и свыше 2 лет до 3 лет включительно (38,1 %); по ч. 3 — свыше 5 лет до 8 лет включительно (36 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно (27,4 %) и свыше 8 лет до 10 лет включительно (20,6 %).

Отмечаются единичные случаи назначения по ч. 2 ст. 228 УК РФ лишения свободы на срок свыше 8 лет до 10 лет включительно — 0,1 %, штрафа как дополнительного вида наказания в размере свыше 300 тыс. до 500 тыс. р. — 0,2 %; по ч. 3 данной статьи штраф в 100 % случаев назначен в размере свыше 25 тыс. до 100 тыс. р., т. е. суд за квалифицированный состав назначал большие размеры штрафа, чем за особо квалифицированный.

Кроме того, по чч. 2, 3 ст. 228 УК РФ наказание назначено ниже низшего предела лишения свободы: 12,4 % и 42,9 % соответственно.

2. Следует снизить минимальный размер наказания в виде лишения свободы и максимальный размер штрафа за преступления, предусмотренные чч. 2, 3 ст. 228 УК РФ.

3. За преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ (по основной и дополнительной квалификации), в основном назначалось лишение свободы на определенный срок, реально или условно. При этом по основной квалификации преобладали сроки лишения свободы: по ч. 1 — свыше 3 лет до 5 лет включительно (60 %), свыше 2 лет до 3 лет включительно (23,3 %); по ч. 2 — свыше 3 лет до 5 лет включительно (47,4 %), свыше 5 лет до 8 лет включительно (33 %); по ч. 3 — свыше 5 лет до 8 лет включительно (42,2 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно (27,8 %), свыше 8 лет до 10 лет включительно (20,4 %); по ч. 4 — свыше 5 лет до 8 лет включительно (36,9 %), свыше 8 лет до 10 лет включительно (25,8 %), свыше 3 лет до 5 лет включительно (18,3 %); по ч. 5 — свыше 5 лет до 8 лет включительно (38,5 %) и свыше 8 лет до 10 лет включительно (35,4 %).

Отмечаются единичные случаи назначения лишения свободы по ч. 2 ст. 228.1 УК РФ на срок свыше 1 года до 2 лет включительно и свыше 8 до 10 лет включительно; по ч. 3 — до 1 года включительно; по ч. 4 — свыше 15 лет до 20 лет включительно и по ч. 5 — до 3 лет включительно и неназначение лишения свободы на срок до 1 года включительно по ч. 2 этой же статьи. Кроме того, наказание назначено ниже низшего предела лишения свободы по ст. 228.1 УК РФ: по ч. 1 — 21 %; по ч. 2 — 23,7 %; по ч. 3 — 38 %; по ч. 4 — 26,6 % и по ч. 5 — 15,4 %.

Отмечаются факты смягчения наказания за более квалифицированные составы преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ, при назначении штрафа как дополнительного вида наказания, и назначения за эти деяния более мягкого наказания, чем за предусмотренные ст. 228 УК РФ. Так, при основной квалифи-

кации преступлений, предусмотренных ст. 228.1 УК РФ преобладали размеры штрафа как дополнительного вида наказания: по чч. 2—4 — свыше 25 тыс. до 100 тыс. р. (100 %, 75,5 % и 46,3 % соответственно); по ч. 5 — свыше 300 тыс. до 500 тыс. р. (61,2 %).

4. Исходя из анализа практической составляющей пенализации преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, требуется снизить нижний предел наказания в виде лишения свободы за преступления, предусмотренные чч. 1, 2 данной статьи, и верхний — за преступления, предусмотренные ее чч. 2—5, отменив альтернативное наказание — пожизненное лишение свободы.

Необходимо законодательно пересмотреть размеры штрафа, предусмотренные чч. 2—4 ст. 228.1 УК РФ, снизив его, тем самым устранив законодательные перекосы.

УДК 343.2/.7

Б. В. ЕПИФАНОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ. СООТНОШЕНИЕ С ПРЕДМЕТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в УК РФ введена ст. 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов».

По воле законодателя контрабанда перечисленных в данной статье предметов преступления имеет объектом преступления общественную безопасность.

По мнению С. У. Дикаева, общественная безопасность представляет собой систему общественных отношений, состоящих из определенных правил, установлений, запретов, (суммы) элементов, находящихся в отношениях, связях между собой, обра-

зующих определенную целостность. Преступное воздействие на один из этих элементов причиняет или создает угрозу причинения вреда всей общественной безопасности как целостной системе¹.

Точное установление содержания объекта преступления в доктрине российского уголовного права принято относить к числу важнейших вопросов. Правильное уяснение объекта уголовно-правовой охраны дает возможность законодателю раскрыть социально-политическое содержание общественно опасного деяния. Объект преступления служит важнейшим ориентиром, указывающим на характер общественной опасности деяния, и предпосылкой конструирования норм уголовного закона, определяет приоритеты охраняемых ценностей, служит теоретической основой правильной квалификации преступлений, в конечном счете, — необходимым условием назначения виновному справедливого наказания².

Объект преступления, как представляется, является первоосновой криминализации общественно опасных деяний, т. е. это действительно предпосылка, социальная причина возникновения или изменения уголовно-правовой нормы.

Предмет преступления вторичен по отношению к объекту преступления в процессе криминализации упомянутых деяний. Требование внутренней логической непротиворечивости системы права и определяется существованием и содержанием системно-правовых принципов криминализации общественно опасных деяний³.

Перечень предметов преступления, названных в ст. 226.1 УК РФ, невольно приводит к такому логическому выводу, что основанием криминализации данного деяния (контрабанды) явились перечисленные в этой норме объекты материального мира.

¹ Дикаев С. У. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка // Уголовное право. Особенная часть : курс лекций / С.-Петербург. ун-т МВД России. СПб., 2010. С. 292—293.

² Векленко В. В. Значение объекта преступления // Учение об объекте преступления: тенденции и перспективы развития : сб. науч. тр. / Ом. акад. МВД России. Омск, 2005. С. 3.

³ Основания уголовно-правового запрета : Криминализация и декриминализация / В. Н. Кудрявцев, П. С. Дагель, Г. А. Злобин [и др.] ; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М., 1982. С. 206—209.

В теории уголовного права предмет преступления понимается по-разному. Так, Н. И. Коржанский писал: «Предмет преступления — это конкретная материальная вещь, в которой проявляются определенные свойства общественных отношений (объекта преступления), путем физического или психического воздействия на который причиняется социально опасный вред в сфере общественных отношений»¹.

В представленном определении автор лишь обозначил соотношение объекта и предмета преступления, отметив их свойства, не уточнив при этом, в чем сущность определенности этих свойств. Предмет преступления кроме отмеченных и присущих этому материальному субстрату свойств (физических, биологических и иных) обладает еще и аксиологическими (ценностными) свойствами. Безусловно, большинство перечисленных в названии статьи предметов преступления могут быть связаны с причинением вреда общественной безопасности. А вот культурные ценности либо особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы никак, по мнению автора, не находятся во внутренней логической взаимосвязи с общественной безопасностью. И здесь важно уяснить, что следует понимать под предметом преступления.

Думается, что предмет преступления — это материальный (вещественный) элемент общественного отношения, прямо указанный или подразумеваемый в уголовном законе и находящийся в одной и той же ценностной плоскости и взаимосвязи с охраняемыми общественными отношениями, путем противоправного воздействия на который всегда причиняется вред объекту преступления².

Такое понимание предмета преступления позволяет решить вопрос о том, в каком соотношении, в какой юридической и аксиологической взаимосвязи находятся предмет преступления и объект правовой охраны. Учитывая приведенное определение понятия предмета преступления, можно высказать упрек законодателю относительно несоблюдения подобных связей в процессе его законотворческой деятельности.

¹ Коржанский Н. И. Предмет преступления. Волгоград, 1976. С. 17.

² Елифанов Б. В. Предмет преступления: понятие и проблемы правотворчества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 71.

В представленной дефиниции делается акцент на необходимой внутренней логически верной взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности предмета преступления и объекта преступного посягательства. Именно эти связи являются основой правильного конструирования уголовно-правовых норм.

Если следовать довольно противоречивый логике законодателя, Уголовный кодекс Российской Федерации может быть дополнен еще и такими, например, статьями, как ст. 164.1 «Контрабанда культурных ценностей»; ст. 258.2 «Контрабанда особо ценных диких птиц»; ст. 260.1 «Контрабанда особо ценных растений» и т. п. В подобной редакции Уголовный кодекс Российской Федерации будет напоминать лоскутное одеяло, «хвост» (предмет преступления) станет вилять «собакой» (объектом преступления), что не соответствует правилам криминализации общественно опасных деяний.

Сущность контрабанды состоит в незаконном перемещении через таможенную границу Российской Федерации различных по своим свойствам и назначению товаров или иных предметов, поэтому в основе криминализации контрабанды лежит учение об объекте преступления. По справедливому мнению Б. В. Волженкина, контрабанда нарушает установленный порядок внешнеторговой деятельности, экономические интересы государства, его таможенную политику¹.

С этим мнением в целом соглашается Н. А. Лопашенко, которая полагает, что основным непосредственным объектом контрабанды являются общественные экономические отношения, соответствующие принципу запрета заведомо криминальных форм поведения именно в сфере экономической деятельности².

Зафиксированные законодателем в ст. 226.1 УК РФ предметы преступления следует отнести к дополнительному непосредственному объекту, и нормы, устанавливающие ответственность за их контрабанду, должны быть закреплены в главе 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», где ранее и находилась ст. 188 УК РФ «Контрабанда». Предметы преступления, упомянутые в ст. 226.1 УК РФ, в зависимости от их характера и степени общественной опасности их незаконного пе-

¹ Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 180—182.

² Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики : авторский комментарий к уголовному закону (разд. VIII УК РФ). М., 2006. С. 508.

ремещения через таможенную границу вполне логично и обоснованно указать в различных частях данной статьи УК РФ.

Следует отметить, что такие статьи УК РФ, как ст. 200.1 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», ст. 200.2 «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий», вполне соответствуют принципам криминализации общественно опасных деяний и в них разрешены проблемы соотношения объекта и предмета преступления.

УДК 343.2/.7

А. В. ЗАРУБИН

НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Среди основных угроз государственной и общественной безопасности в п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, назван терроризм.

В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г., определено, что одним из условий повышения результативности борьбы с терроризмом является получение упреждающей информации о планах террористических организаций по совершению террористических актов, деятельности по распространению идеологии терроризма, источниках и каналах финансирования, снабжения оружием, боеприпасами, иными средствами для осуществления террористической деятельности.

Согласно Концепции, к основным мерам по предупреждению (профилактике) терроризма относятся правовые меры, том числе реализация принципа неотвратимости наказания за преступления террористического характера и финансирование терроризма, регулирование миграционных процессов и порядка использования информационно-коммуникационных систем, и информационные — разъяснение сущности терроризма и его общественной опасности, формирование стойкого неприятия обществом идеологии насилия, а также привлечение граждан к участию в противодействии терроризму.

В политике государства противодействие преступным проявлениям терроризма реализуется путем установления уголовной

ответственности за преступления террористической направленности и последующего усиления карательного воздействия в отношении лиц, совершающих такие преступления.

Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 205.6 «Несообщение о преступлении». Данной статьей предусматривается уголовная ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ.

В ранее действовавшем УК РСФСР 1960 года ответственность за несообщение о преступлении предусматривалась ст. 88.1 «Недонесение о государственных преступлениях» и ст. 190 «Недонесение о преступлениях».

Представляется, что с восстановлением в действующем уголовном законодательстве уголовной ответственности за несообщение о преступлении в обществе возобновится дискуссия о допустимости его криминализации.

Наибольшее значение для криминализации заранее не обещанного несообщения о совершенном или совершаемом преступлении имеет социально-политическая или социально-психологическая обоснованность уголовно-правового запрета.

Содержание этого основания формулируется следующим образом: «Уголовно-правовой запрет оправдан лишь тогда, когда общественной психологией и правосознанием та или иная разновидность отклоняющегося поведения воспринимается как требующая уголовно-правовой наказуемости»¹.

Вопрос о нравственной приемлемости сообщения о преступлении существует достаточно длительное время. Например, профессор Николай Степанович Таганцев осуждал наличие уголовной ответственности за несообщение о преступлении².

¹ Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1984. С. 84.

² Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. М., 1994.

В противоположность ему профессор Томского университета Н. Новомбергский утверждал, что установление уголовной ответственности за несообщение о преступлении было не просто явлением государственного террора, а своеобразной гарантией «законности» для личности¹.

С началом демократических преобразований в СССР во второй половине 80-х годов XX века проблема обоснованности существования уголовной ответственности за недонесение вновь заявила о себе. По мнению А. В. Наумова, оставление в уголовном законе этой нормы возлагает на граждан правовую обязанность следить друг за другом, ведет к ненужной подозрительности².

С. В. Дьяков выступил против декриминализации несообщения о преступлении, мотивировав это тем, что при отсутствии уголовной ответственности за недонесение неправильно формируется общественное мнение, падает уровень правосознания, размывается активная позиция граждан, воцаряется мещанский тезис «моя хата с краю»³.

С. В. Бородин, в целом положительно оценивая декриминализацию несообщения о преступлении, выступал за установление уголовной ответственности за заранее не обещанное несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном убийстве, предусмотренном ст. 105 УК России⁴.

Для государства использование помощи населения не является чем-то необычным. Привлечение граждан к сотрудничеству с правоохранительными органами становится необходимым в тех случаях, когда нет иных средств получения значимой для предотвращения и раскрытия преступлений информации. В зарубежном законодательстве также установлена уголовная ответственность за несообщение о преступлении.

Казалось бы, с развитием науки и техники необходимость возложения на граждан такой обязанности отпадет сама собой и

Т. 1. С. 375.

¹ Власов В. И., Гончаров Н. Ф. История розыскного процесса в России : (Законодательство и практика) : монография. Домодедово, 1997. С. 50.

² Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М., 1996. С. 313.

³ Организованная преступность : Проблемы. Дискуссии. Предложения : сб. ст. / Криминологическая ассоциация ; под ред. А. И. Долговой, С. В. Дьякова. М., 1989. С. 279.

⁴ Бородин С. В. Преступления против жизни : практ. пособие. М., 1999. С. 301—302.

борьбой с преступностью займутся специализированные государственные органы, но практика свидетельствует об обратном.

Поступающие в правоохранительные органы заявления о преступлениях и правонарушениях касаются в основном наиболее распространенных бытовых преступлений. Особо тяжкие преступления, причиняющие наиболее значимый вред общественным отношениям, вызывающие широкий общественный резонанс, как правило, становятся известными правоохранительным органам только после их окончания. Это относится прежде всего к преступлениям террористического характера. Преступления, представляющие собой форму преступного бизнеса, большей частью вообще не известны правоохранительным органам.

По мнению Ю. В. Голика, сегодня уже практически никто не подвергает сомнению тезис, что официальная статистика отражает лишь самую верхушку айсберга, а именно лишь то, что никак невозможно не учесть¹.

Надеяться на то, что с помощью населения возможно и необходимо бороться со всеми преступлениями, нельзя, так как отношение общества к преступности можно охарактеризовать как отрицательное только применительно ко всей совокупности преступлений. Касательно же отдельных преступлений оно будет разделено на большое количество групп в зависимости от еще большего количества факторов. На такое расслоение общественного мнения в науке уже обращалось внимание².

А. А. Тер-Акопов считает, что одним из последствий увеличения криминализации общества стало то, что общественное сознание все с меньшим неодобрением воспринимает отдельные преступные проявления, такие, например, как уклонение от уплаты налогов, получение и дача взятки, контрабанда и др.³

Нами еще в январе 2003 году было проведено исследование мнения населения о необходимости криминализации заранее не

¹ Голик Ю. В. Актуальные вопросы борьбы с преступностью на современном этапе // Международное сотрудничество в борьбе с отмыванием доходов, полученных незаконным путем / Ин-т актуального образования «ЮрИнфоР-МГУ». М., 1999. С. 81.

² Криминология : учебник / Н. И. Кондрашков, Б. А. Коробейников, Н. Ф. Кузнецова [и др.] ; под ред. Б. В. Коробейникова, Н. Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1988. С. 299.

³ Тер-Акопов А. А. Уголовная политика Российской Федерации : учеб. пособие. М., 1999. С. 40.

обещанного несообщения о преступлении. По специально разработанным анкетам было опрошено свыше 400 граждан из разных социальных групп с соблюдением требований количественной и качественной репрезентативности.

Результаты проведенного исследования показывают, что преступления небольшой и средней тяжести не вызывают у граждан такого неприятия, как тяжкие и особо тяжкие. Например, большинство респондентов (98,01 %) на вопрос о необходимости криминализации несообщения об уклонении от уплаты налогов ответили отрицательно.

Отношение граждан к преступлениям, причиняющим вред наиболее важным общественным отношениям, в целом можно определить как отрицательное. Большинство на вопрос о необходимости криминализации заранее не обещанного несообщения об отдельных видах особо тяжких преступлений ответили положительно. В частности, согласились с необходимостью установления уголовной ответственности за заранее не обещанное несообщение об убийстве (ст. 105 УК РФ) 85,71 % опрошенных, о разбое (ст. 162 УК РФ) — 86,00 %, о терроризме (в ред. Федеральный закон от 21 июля 2004 г. № 74-ФЗ) (ст. 205 УК РФ) — ≈ 100 %.

При криминализации деяния учитывается также зарубежный опыт. В уголовных кодексах ряда государств нормы об ответственности за несообщение о преступлении соседствуют с нормами об ответственности за укрывательство преступлений и попустительство преступлениям.

Предусматривает ответственность за несообщение о преступлении и Модельный Уголовный кодекс — рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств¹. Здесь в ч. 1 ст. 326 наказуемым предлагается признавать заранее не обещанное несообщение о готовящемся или совершенном особо тяжком преступлении (преступление небольшой тяжести); в ч. 2 — заранее не обещанное укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления (преступление средней тяжести). Таким образом, предполагается, что возможно и необходимо требовать от граждан оказывать содействие правоохранительным органам путем инициативного сообщения в правоохрани-

¹ Техэксперт : Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации / консорциум «Кодекс». URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490> (дата обращения: 10.11.2019).

нительные органы о приготовлении и совершении особо тяжких преступлений.

При таком положении для граждан не создается непосильных моральных нагрузок, связанных с постоянным выбором между оказанием своему близкому, подготавливающему совершение особенно тяжкого преступления или совершившему особо тяжкое преступление, помощи, пусть даже и ложной, и страхом перед уголовной ответственностью за несообщение о таком преступлении.

В приказе ФСБ России от 16 октября 2010 г. № 507 «О денежном вознаграждении лиц, оказывающих содействие в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористического акта, выявлении и задержании лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших такой акт» предусматривается поощрение за предоставление соответствующей информации.

Применение ст. 205.6 УК РФ сопряжено с некоторыми существенными проблемами, связанными, в частности, с определением уголовно-правовой природы несообщения о преступлении.

Несообщение о преступлении следует рассматривать как одну из форм прикосновенности к преступлению, наряду с заранее не обещанным укрывательством общественно опасного посягательства и заранее не обещанным попустительством общественно опасному посягательству.

В статье 205.6 УК РФ объединена уголовная ответственность как за заранее обещанное несообщение о преступлении, так и за заранее не обещанное несообщение о совершении преступления.

По нашему мнению, заранее обещанное несообщение о готовящемся или совершаемом преступлении следует квалифицировать как пособничество.

Определяющим при признании заранее обещанного лицом несообщения о преступлении способом пособничества является устранение этим лицом препятствий в продолжении предикатного преступления путем невыполнения правовой обязанности, состоящей в информировании правоохранительных органов о совершении преступления.

Таким образом, при установлении в одной статье УК РФ ответственности за прикосновенность к преступлению и за соучастие в этом же преступлении нарушается принцип справедливости (ст. 6 УК РФ).

Сходная ситуация со смешением заранее не обещанного укрывательства преступления и пособничества преступлению, присутствующая в ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», уже стала объектом критики в юридической печати.

Для исключения данного недостатка в текст ст. 205.6 УК РФ следует внести дополнения, в соответствии с которыми только заранее не обещанное несообщение о преступлении будет преследоваться по данной статье УК РФ.

Следующим недостатком конструирования диспозиции ст. 205.6 УК РФ, влекущим проблемы применения данной нормы, является ограниченный перечень составов предикатных преступлений. Например, не влечет уголовной ответственности несообщение о таких опаснейших преступлениях, как убийство, совершенное при отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 105 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ), диверсия (ст. 281 УК РФ), посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ). Следует установить уголовную ответственность за заранее не обещанное несообщение обо всех особо тяжких преступлениях, как это сделано в ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений».

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ выступает лицо, достигшее 14-летнего возраста. Представляется, что установление возраста уголовной ответственности за несообщение о преступлении с 14 лет не соответствует принципу виновной ответственности. Возможно предположить, что в 14 лет несовершеннолетний не осознает характер и степень общественной опасности несообщения о преступлении. Так, за более опасное деяние — заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления наступает ответственность с 16 лет. В силу этого целесообразно установить возраст уголовной ответственности за несообщение о преступлении с 16 лет.

Одной из проблем применения ст. 205.6 УК РФ является привлечение к ответственности специальных субъектов — священников за несообщение о преступлении и о лице, его совершившем, в случае получения ими соответствующей информации на исповеди.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления также четко не определена.

Как во время действия УК РСФСР 1960 года¹, так и в настоящее время суды указывают, что диспозиция нормы об ответственности за несообщение о преступлении предполагает совершение преступления с прямым умыслом в отношении несообщения в органы власти о готовности совершить только те конкретные преступления, которые указаны в диспозиции статьи².

При этом Верховный Суд Российской Федерации обращает весьма пристальное внимание на объем умысла, направленного, по сути, на содействие террористической деятельности.

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2019), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 ноября 2019 г., указано, что содействие лица участнику незаконного вооруженного формирования советами, предоставлением информации, средств совершения преступления и устранением препятствий подлежит квалификации по ч. 5 ст. 33, ч. 2 ст. 208 УК РФ, а не по специальной норме, предусматривающей ответственность за содействие террористической деятельности (Апелляционное определение № 201-АПУ19-36).

Думается, что устранение недостатков конструкции ст. 205.6 УК РФ будет соответствовать как основным направлениям уголовной политики в области противодействия преступлениям террористической направленности, так и принципам охраны основных прав и свобод человека и гражданина в России.

УДК 343.2/.7

Т. А. ЗЕЗЮЛИНА

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШАЕМОГО В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Ежегодно в пенитенциарных учреждениях регистрируются преступления, квалифицируемые как хулиганство (ст. 213 УК РФ). Их количество колеблется в пределах от 2 до 5 преступлений в год, что составляет не более 1 % от общего числа совер-

¹ Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1972. № 5. С. 15—16.

² Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 21 марта 2019 г. № 22-1668/2019 по делу № 1-1341/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 10.11.2019).

шаемых преступлений в местах лишения свободы¹. Но при этом нередко возникают трудности при квалификации соответствующих деяний по ст. 213 УК РФ. Рассмотрим некоторые из них.

Так, в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» отмечается, что явное неуважение лица к обществу, составляющее основу объективной стороны состава уголовно наказуемого хулиганства, выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. По сути, как обоснованно отмечает Б. В. Волженкин, Верховный Суд Российской Федерации так и не разъяснил вопрос об объекте хулиганства — общественном порядке, поскольку общепризнанные нормы и правила поведения нарушаются и тогда, когда потерпевшему причиняют вред не в общественном и не в публичном месте².

Если обратиться к предмету нашего исследования, то местом совершения хулиганства является ограниченная территория места лишения свободы, т. е. исправительного учреждения. Исправительные учреждения по характеру возложенных на них функций являются учреждениями закрытого типа. Их посещение строго ограничено и регламентировано, на их территории действует режим³. Являются ли такие места общественными, т. е. теми, где существует общественный порядок, нарушаемый хулиганом, — вопрос сложный.

Общественный порядок — это совокупность общественных отношений, основанных на нормах морали, обычаях, нормах права и других социальных нормах, обеспечивающих нормаль-

¹ Отчет о состоянии преступности среди лиц, содержащихся в учреждениях УИС, за 2010—2018 гг. (форма 2-УИС). Доступ из автоматизир. информ. системы «Статистика ТО УИС».

² Волженкин Б. В. Постановление Пленума Верховного Суда о судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений // Уголовное право. 2008. № 1. С. 24.

³ Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 : текст с изм. и доп. на 6 февр. 2019 г. ; Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : Приказ М-ва юстиции Российской Федерации от 16 дек. 2016 г. № 295 : текст с изм. и доп. на 27 июня 2019 г. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

ные взаимоотношения между людьми в процессе их совместной жизнедеятельности: в быту, семье, в процессе труда и отдыха¹.

Исходя из устоявшейся теории уголовного права и практики применения уголовного закона, под общественным местом традиционно понимается место скопления неограниченного количества людей. Но, по справедливому замечанию Ю. В. Голика, это не совсем так, поскольку должно подразумеваться место *общения* (выделено нами. — Т. З.) людей»². Думается, что в рамках исправительных учреждений такое общение может происходить.

Это может быть общение осужденных между собой, общение осужденных с сотрудниками, общение осужденных с родственниками или иными лицами, посетившими исправительное учреждение (защитник, адвокат, следователь, прокурор, уполномоченный по правам человека, священнослужитель и т. п.), и, наконец, общение сотрудников между собой и с иными лицами.

В этой связи применительно к хулиганству, совершаемому в местах лишения свободы, предлагаем понимать общественный порядок в узком смысле. Это строго регламентированный порядок общественных отношений, складывающихся в исправительном учреждении как месте реализации наказания в виде лишения свободы, как один из элементов общественного порядка.

Наряду с этим возникает проблема оценки публичности совершаемых хулиганом действий, выражающих явное неуважение к обществу. По мнению некоторых ученых, публичность хулиганских действий является обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ³. Публичность характеризует обстановку совершения указанного преступлений.

Термин «публичность» понимается как открытость, доступность и коллективность. Понятие «публичность» характеризует открытую пониманию и вниманию общественную политику и иные виды деятельности (например, творческую), доступные

¹ Аистова Л. С., Попов А. Н. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 года № 45 / под ред. А. Н. Попова. СПб., 2010. С. 4.

² Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex russica. 2017. № 8. С. 163.

³ См., напр.: Егоров В. С. Уголовная ответственность за хулиганство : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 7.

наблюдению и контролю процедуры принятия решений, гласность дискуссий, выступлений лидеров и т. д.¹ Соответственно, совершить хулиганские действия публично буквально означает совершить гласно, открыто, на виду у посторонних лиц.

Публичность осуществления каких-либо противоправных действий в уголовном законе получила четкое закрепление только в некоторых статьях УК РФ: ст. 205.2, ч. 3 ст. 212, ст.ст. 280, 280.1, 354. В статье 213 УК РФ данный термин отсутствует. Поэтому, исходя из буквального толкования данной нормы, хулиганские действия не обязательно должны носить публичный характер.

Также стоит отметить, что хулиганство без отягчающих обстоятельств, совершенное в местах лишения свободы, может быть квалифицировано только по п. «а» либо п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. На территории исправительного учреждения невозможно совершить хулиганство, предусмотренное п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ (хулиганство, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования). Описанные виды транспорта не функционируют на территории мест лишения свободы. Въезжающий на территорию исправительного учреждения транспорт и выезжающий не относится к общественному, поскольку функционально предназначен, например, для вывоза мусора, перевозки грузов, этапирования осужденных. В последнем случае такой спецтранспорт хотя и предназначен для перевозки людей, но не является общественным, поскольку в нем могут размещаться только сотрудники и осужденные.

Хулиганство, совершаемое в местах лишения свободы, довольно часто сопряжено с показанием сопротивления сотрудникам исправительных учреждений. В этой связи обоснованно возникает вопрос относительно правильности квалификации таких действий по ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Согласно рекомендациям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, данным в п. 7 постановления от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», «как хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти, следует квалифицировать действия ви-

¹ Новая философская энциклопедия / Ин-т философии Рос. акад. наук ; науч.-ред. совет: В. С. Степина [и др.]. М., 2001. Т. 4. С. 438.

новного в том случае, когда сопротивление оказано непосредственно во время совершения уголовно наказуемых хулиганских действий».

Представитель власти в примечании к ст. 318 УК РФ определяется как должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Сотрудники исправительных учреждений во время несения службы «наделены контрольными и надзорными функциями в отношении осужденных, на них возлагается задача обеспечения деятельности учреждений и органов УИС в соответствии с ее целями; сотрудники УИС реализуют комплекс мер исправительного воздействия, организуют режим отбывания наказания, являются ответственными за обеспечение изоляции от общества»¹. Со всей очевидностью сотрудники исправительных учреждений — это представители власти, наделенные распорядительными полномочиями в отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, т. е. осужденных.

Полагаем, что сопротивление, квалифицируемое по ч. 2 ст. 213 УК РФ, может выражаться в грубом нарушении установленного режима отбывания наказания, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы и быть при этом сопряженным с активным неповиновением представителям администрации исправительного учреждения.

Такое поведение виновного нередко может быть соотнесено с другой формой противоправного поведения осужденных в местах лишения свободы. Речь идет о ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества».

При отграничении хулиганства от преступления, предусмотренного ст. 321 УК РФ, необходимо руководствоваться тем, что в субъективную сторону состава последнего заложены мотив

¹ Горшкова Н. А. Нарушение деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (уголовно-правовое исследование) : монография / под ред. А. И. Чучаева. М., 2013. С. 79—80.

либо цель — месть за осуществление сотрудником своей служебной деятельности (общественной обязанности) или воспрепятствование такой деятельности. Согласно традиционной концепции при совершении преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, виновным движет хулиганский мотив, он же лежит в основе субъективной стороны состава этого преступления. Нередко указанные мотивы могут пересекаться. Например, поведение виновного может свидетельствовать о том, что он не только без повода противопоставляет себя администрации места лишения свободы, но также и пренебрежительно относится к действиям конкретного сотрудника, желает прекращения его деятельности и подкрепляет свои действия угрозами с демонстрацией оружия (или соответствующих предметов, используемых в качестве оружия). В таких случаях, на наш взгляд, действия виновного необходимо квалифицировать по совокупности по соответствующим частям ст.ст. 213 и 321 УК РФ.

Таким образом, нами были рассмотрены только ключевые проблемы, возникающие при квалификации хулиганства, совершаемого в местах лишения свободы. Дальнейшая разработка и совершенствование указанных положений придаст развитие теоретической и нормативно-правовой базе, обеспечивающей уголовно-правовую охрану от преступных посягательств в исправительных учреждениях.

УДК 343.2/.7

М. А. ИВАЩЕНКО

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Согласно действующему уголовному законодательству в понятие экстремизма, помимо прочего, входит иная террористическая деятельность¹. Данный факт позволяет сделать вывод о том, что понятие экстремизма, в том числе экстремистской деятельности, тесно связано с понятием террористической деятельности. Более того, терроризм можно определить как вид экстремизма. Это вносит существенную путаницу в разграни-

¹ О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ : текст с изм. и доп. на 28 нояб. 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чение составов преступлений и размежевание единого преступления и совокупного.

В отечественной правовой науке представлены разные взгляды на соотношение данных явлений. Лидирующей можно признать точку зрения, согласно которой терроризм — это наиболее радикальное выражение экстремизма¹.

Несмотря на отнесение террористических преступлений к формам проявления экстремизма, преступления экстремистской направленности и террористической посягают на разные общественные отношения.

Объектом посягательства при совершении деяния террористического характера является общественная безопасность, т. е. состояние защищенности личности, общества от таких преступлений, тогда как при совершении преступления экстремистской направленности объект посягательства — государственная власть².

В нашем государстве признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст. 13 Конституции Российской Федерации).

Однако вопреки конституционным принципам преступления экстремистской направленности в Российской Федерации совершались и совершаются в настоящее время. Необходимо отметить положительную динамику, которая свидетельствует о том, что с 2019 года количество регистрируемых преступлений экстремистской направленности снизилось. Так, согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за период с января по июнь 2019 года по сравнению с аналогичным перио-

¹ Устинов В. В. Экстремизм и терроризм: проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5. С. 34.

² Киреев М. П., Юров Н. Н. О соотношении понятий «террористическая деятельность» и «экстремистская деятельность» // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 207—209.

дом 2018 года число деяний экстремистской направленности сократилось на 58,8 % (с 762 до 314)¹.

Несмотря на общее сокращение количества регистрируемых преступлений экстремисткой направленности, возросло число преступлений данной категории, совершенных с использованием сети «Интернет». Данный факт, с одной стороны, вызывает особый интерес правоприменителей, а с другой — обуславливает массу проблемных моментов, с которыми следователи сталкиваются в ходе расследования.

Анализ уголовных дел данной категории показал, что одним из активно используемых способов приобщения жителей нашей страны к экстремистской идеологии является размещение неустановленными лицами в сети «Интернет» текстов, видеороликов, изображений и комментариев экстремистского содержания.

Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, данный способ позволяет заинтересованным лицам довести свою идеологию до широкой потенциальной аудитории. Во-вторых, дает возможность скрыть свою личность и следы своей преступной деятельности. В-третьих, Интернет занимает важное место в жизни каждого из нас, так как благодаря объединенным в нем технологиям мы совершаем покупки, общаемся с родственниками из разных уголков мира, путешествуем, читаем новости, удаленно выполняем служебные (трудовые) обязанности, и, как установлено, большинству гораздо легче и удобнее находиться изо дня в день на просторах Интернета, чем в реальной жизни. Преступность с каждым днем все более развивается и «идет в ногу со временем», преступник приспосабливается к сегодняшней обычной жизни, видит связь человека с Интернетом и понимает, что это крайне удобный способ совершения преступлений.

С использованием высоких технологий возможны призывы к осуществлению экстремистской деятельности, т. е. к совершению деяний, посягающих на общественную безопасность, основы конституционного строя и безопасность государства. При этом возникают проблемы правильной квалификации содеянного, эффективного расследования совершенных деяний, поскольку преступность в виртуальном пространстве — новое явление.

¹ Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России за 2019 год // Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru/analytics/> (дата обращения: 25.10.2019).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации 20 сентября 2018 г. принял постановление № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”». Необходимость дополнительных разъяснений по вопросам применения антиэкстремистского уголовного законодательства была вызвана сложностями, возникающими при правовой оценке деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Есть вполне применимые формы преодоления таких сложностей. Это, во-первых, рекомендации специалистов, во-вторых, разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, в-третьих, собственные обобщения следственной и судебной практики.

В ходе обсуждения на заседании Пленума Верховного Суда Российской Федерации 20 сентября 2018 г. предложены пути устранения недостатков квалификации преступлений экстремистской направленности, отмечено, что примерно 90 % дел о таких преступлениях касаются размещения материалов в сети «Интернет». В первую очередь это относится к деяниям, предусмотренным ст. ст. 280, 282 УК РФ. Именно по этой причине Пленум сосредоточил свое внимание на вопросах квалификации действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 282 УК РФ).

В отношении преступлений экстремисткой направленности, совершенных с использованием сети «Интернет», возникают проблемы, связанные:

- 1) с определением обстоятельств, подлежащих доказыванию, или предмета доказывания;
- 2) основанием привлечения к уголовной ответственности за «репосты»;
- 3) неограниченным доступом к материалам, размещаемым в сети «Интернет»;
- 4) широкой географической распространенностью сети «Интернет».

При решении вопроса о направленности действий лица, разместившего какую-либо информацию либо выразившего свое отношение к ней в сети «Интернет» или иной информационно-

телекоммуникационной сети, на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение достоинства человека либо группы лиц следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, контекст, форму и содержание размещенной информации, наличие и содержание комментариев или иного выражения отношения к ней.

Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не может расцениваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды.

Судебная практика исходит из того, что само по себе размещение материалов, даже если они ранее были признаны судом экстремистскими, еще не свидетельствует о совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Запрещенное указанной статьей деяние предполагает совершение действий по возбуждению ненависти или вражды, а не просто распространение каких бы то ни было информации, идей, мнений. Распространение лишь тогда будет являться преступным, поясняет Пленум Верховного Суда Российской Федерации, когда «лицо, разместившее такой материал, осознавало направленность деяния на нарушение основ конституционного строя, а также имело цель возбудить ненависть или вражду либо унижить достоинство человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии либо принадлежности к какой-либо социальной группе»¹.

Одной из сложностей квалификации рассматриваемых деяний является привлечение к уголовной ответственности за «репосты». Несмотря на то что внесенные в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 дополнения связаны в основном с проблемой привлечения к уголовной ответственности за «репосты», тем не менее принципиальное их значение обусловливается двумя не менее важными обстоятельствами. Во-первых, применимостью этих разъяснений к иным преступлениям экстремистской направленности, в том числе совершаемым не в киберпространстве, во-вторых, продолжением намеченной ранее линии на реализацию соответ-

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 : текст с изм. и доп. на 20 сент. 2018 г. Допуступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствующих стандартов международного законодательства в области прав человека¹.

Верховный Суд Российской Федерации с момента принятия Постановления от 28 июня 2011 г. № 11 требует от судов при рассмотрении дел о преступлениях экстремистской направленности не только обеспечивать охрану публичных интересов, но и содействовать защите свободы совести, мысли и слова. Таким образом, обращается внимание судов на то, что уголовно-правовой запрет, охраняющий публичные интересы, может вступать в конфликт с конституционным правом на свободу слова, что необходимо учитывать при разрешении уголовных дел. Прежде всего это касается случаев привлечения к уголовной ответственности за экстремистские призывы и высказывания.

Нужно понимать, что вопрос о наказуемости мыслей не возникает: преступными, согласно соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, объявляются именно деяния, пусть и вызванные внутренними, в том числе порицаемыми обществом убеждениями лица. Тем не менее считаем важным подчеркнуть очевидное: криминализация существования у лица своего мнения (каким бы оно ни было) абсолютно недопустима.

Потенциал и коммуникативные возможности глобальной сети «Интернет» используются идеологами экстремизма и лидерами деструктивных движений в качестве своеобразной виртуальной площадки, что в значительной степени усложняет процесс информационно-аналитической деятельности субъекта расследования².

УДК 343.2/.7

Д. Г. КАМАЛОВА

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В соответствии со ст. 26 Уголовного кодекса Республики Узбекистан прекращение лицом preparatory действий либо

¹ Костылева О. В. Уголовная ответственность за возбуждение ненависти или вражды: новые разъяснения Пленума Верховного Суда РФ и международные стандарты в области прав человека // Уголовное право. 2018. № 6. С. 66—80.

² Аристархова Т. А., Малахвей Е. Д. К вопросу о преступлениях экстремистского характера, совершенных с использованием сети «Интернет» // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2017. Вып. 4 (2). С. 75—82.

прекращение совершения преступления, если лицо сознавало возможность окончить преступление, а также предотвращение наступления преступного результата, если лицо сознавало возможность его наступления, признается добровольным отказом от преступления.

В Уголовном кодексе Республики Узбекистан предусмотрены два вида добровольного отказа от преступления: первый — добровольный отказ до совершения действия или бездействия, входящего в объективную сторону преступления; второй — добровольный отказ после совершения всех деяний, входящих в объективную сторону преступления.

Первый вид добровольного отказа проявляется в пассивном поведении, т. е. заключается в прекращении преступных деяний при приготовлении к преступлению и покушении на преступление, а второй — в предотвращении наступления преступного результата по выполнению лицом объективной стороны преступления.

Добровольный отказ тесно связан со стадиями совершения преступления. Добровольный отказ имеет место лишь при начале преступного деяния, т. е. лицо должно осуществить определенное действие (бездействие), направленное на реализацию преступного умысла. Поэтому отсутствует добровольный отказ от формирования преступного умысла или проявления преступного умысла.

Добровольный отказ от приготовления к преступлению обычно выражается в бездействии, заключается в незавершении действий, направленных на создание условий для преступления. Например, отказ от подделки документов, приостановление поиска или приспособления орудий преступления, отказ от поиска места для хранения имущества, добытого преступным путем. «В некоторых случаях добровольный отказ может выражаться в активных действиях (уничтожение, приведение в негодность, добровольная сдача в правоохранительные органы орудия либо средства преступления, выброс приготовленного яда, уничтожение подготовленных документов, информирование участников преступления о приостановлении преступления и т. д.)»¹. Указанные действия носят альтернативный характер, не являются

¹ Усмоналиев М., Бакунов П. Жиноят ҳуқуқи. (Умумий қисм). Т., 2010. Б. 251—269.

обязательными, признаются в качестве отказа от продолжения преступной деятельности.

В соответствии с теорией уголовного права покушение на преступление делится на оконченное и неоконченное. Добровольный отказ от неоконченного покушения выражается обычно в бездействии. То есть лицо, начавшее действия, входящие в объективную сторону преступления, их прекращает (отказ лица от выстрела в потерпевшего при убийстве, отказ от совершения поджога или взрыва при диверсии).

В преступлениях, объективная сторона которых выражается в бездействии, добровольный отказ характеризуется активным поведением, целью которого является предотвращение преступного результата.

При совершении лицом в целях тайного хищения чужого имущества (огнестрельного оружия) всех необходимых действий — тайное проникновение в жилище или хранилище, где находится имущество (оружие), и наличии реальной возможности изъятия имущества (оружия) отказ от достижения преступной цели без вмешательства посторонних лиц и препятствий признается добровольным отказом от кражи (незаконного завладения огнестрельным оружием), а лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности за покушение на кражу (незаконное завладение огнестрельным оружием). В этом случае лицо считается не совершившим всех действий для достижения преступного результата. Следовательно, по нашему мнению, возможен добровольный отказ от оконченного покушения, и на этом основании лицо не несет уголовную ответственность.

В теории уголовного права относительно добровольного отказа от оконченного покушения существуют различные мнения. Так, ряд ученых считают, что, добровольный отказ возможен лишь при приготовлении и неоконченном покушении¹.

По мнению. Н. М. Скорилкина, «при неоконченном покушении добровольный отказ возможен и выражается обычно в воздержании от дальнейших действий, за исключением преступле-

¹ Ситникова А. И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление : монография. М., 2006. С. 117 ; Скорилкин Н. М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 8.

ний, осуществляемых путем бездействия, где добровольный отказ проявляется в действии. Добровольный отказ от совершения преступления при оконченном покушении невозможен»¹.

А. А. Анисимов отмечает, что «добровольный отказ невозможен при совершении оконченного покушения на преступление»². По данному вопросу М. Х. Рустамбаев и П. К. Пайзуллаев обосновали свое мнение следующим образом: «Нельзя добровольно отказаться от оконченного покушения (на примере умышленного убийства). Даже в случае возможности виновным лицом предупреждения смерти потерпевшего после совершения деяния в умышленной убийстве, оно не может вернуть или предотвратить совершенное деяние. В этом случае существует возможность ненаступления смерти потерпевшего, которое не зависит от воли виновного лица. Также, в целом, добровольный отказ может выражаться не в активной, а в пассивной форме поведения»³.

В. С. Савельева считает, что «разрешение вопроса добровольного отказа от оконченного покушения является сложным и вызывает несколько проблем на практике. Если был нанесен вред здоровью потерпевшего в целях его убийства и неминуемости смерти, а виновный предотвратил преступный результат и оказал ему помощь, лицо по наступившим последствиям несет ответственность за нанесение вреда здоровью. Однако указанное лицо должно быть освобождено от ответственности за покушение на убийство»⁴.

А. С. Каюмова в качестве примера добровольного отказа от оконченного покушения приводит ситуации, когда врач (акушер, гинеколог) или мать в целях убийства ребенка бросили его в ведро с водой, но сразу отказались от преступного намерения и спасли ребенка, когда лицо, столкнув в реку потерпевшего, не умеющего плавать, отказывается от преступного намерения

¹ Скорилкин Н. М. Указ. соч. С. 8.

² Анисимов А. А. Неоконченные преступления и особенности их доказывания : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ...канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 52.

³ Рустамбаев М. Х., Пайзуллаев П. К. Особенности добровольного отказа в насильственных преступлениях против личности // Конституция — Хукукий давлат куришининг асоси. Т., 1996. С. 29.

⁴ Савельева В. С. Основы квалификации преступлений : учеб. пособие . М., 2008. С. 58.

и спасает потерпевшего, когда после дачи яда виновное лицо предоставляет противоядие и спасает потерпевшего¹.

При предотвращении наступления преступного результата имеются все необходимые элементы добровольного отказа от преступления. В результате действий лица преступный результат не наступает, лицо, действуя на основании внутренней воли, окончательно отказывается от преступления. В этом случае должен быть определенный промежуток времени между деянием и его последствием, а субъект должен иметь возможность осуществлять контроль над развитием причинно-следственной связи и возможность предотвратить наступление преступного результата. Время между преступным деянием и его последствием зависит от вида преступления, во многих случаях оно минимально.

По нашему мнению, если лицо добровольно отказалось от преступления после того, как столкнуло потерпевшего в воду в целях его убийства, то действие, направленное на предотвращение смерти, должно быть совершено сразу. Поэтому в каждом случае должен быть рассмотрен вопрос о возможности добровольного отказа от оконченного покушения. При этом важное значение имеет совершение лицом всех действий, которые от него зависят, в целях недопущения наступления преступного результата. В то же время не имеет значения тот факт, что преступный результат не наступил вследствие воздействия окружающей среды, случайного стечения обстоятельств. Также имеет важное значение структура совершаемого преступления. Например, лицо в целях совершения террористического акта устанавливает в транспортное средство механическое взрывчатое вещество, но спустя некоторое время, отказавшись от своего преступного намерения, изымает взрывчатое вещество. В данном случае виновное лицо привлекается к уголовной ответственности лишь за оборот взрывчатых веществ². Соглашаясь с данным мнением, А. А. Ключев добавляет следующее: «В данном случае лицо может выполнить все действия для совершения терроризма, но путем своевременного обращения или неприведения в действие взрывчатого вещества может добровольно отказаться от совер-

¹ Каюмов А. С. Добровольный отказ от совершения преступления и деятельное раскаяние по уголовному законодательству Республики Узбекистан : дис. ... канд. юрид. наук. Т., 1998. С. 64—65.

² Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / О. Л. Дубовик, А. А. Жалинская-Рерихт, А. Э. Жалинский [и др.] ; под об. ред. А. Э. Жалинского. 2-е изд., испр. и доп. М., 2006. С. 113.

шения терроризма. В связи с наличием временного фактора в развитии причинно-следственной связи деяние считается совершенным во время добровольного отказа от преступления и поэтому лицо не привлекается к уголовной ответственности. Добровольный отказ от совершения преступления должен выражаться в активных действиях, направленных на предотвращение наступления преступного результата.

Если в совершенном действии (бездействии) имеются все признаки состава преступления (оконченное преступление) или преступление не доведено до конца под воздействием внешних факторов (неоконченное преступление), добровольный отказ от преступления исключается. До наступления указанных обстоятельств, а также после выполнения всех действий для совершения преступления можно добровольно отказаться от преступления. При этом должны учитываться, во-первых, характер совершенного деяния, во-вторых, структура состава преступления, в-третьих, разрыв связи между деянием и последствием, которое может наступить»¹.

По данному вопросу представляется обоснованным следующее мнение Н. С. Александровой: «В случаях добровольного отказа от совершения преступления на стадии оконченного покушения необходимо установить, сохраняло ли лицо контроль над развитием причинной связи между совершенным общественно опасным действием или бездействием и наступлением желаемого результата и могло ли оно повлиять на развитие этой причинной-следственной зависимости. Если же наступление или ненаступление общественно опасных последствий будет зависеть не только от воли виновного, но и от влияющих на дальнейшее развитие причинно-следственной связи каких-то других обстоятельств, то это не должно рассматриваться как добровольный отказ на стадии оконченного покушения»².

Возможен добровольный отказ от оконченного покушения на некоторые преступления с материальным составом (покушение на убийство при террористическом акте, на умышленное уничтожение или повреждение имущества путем поджога).

¹ Клюев А. А. Добровольный отказ от совершения преступления // Энциклопедия уголовного права. СПб., 2012. Т. 5 : Неоконченное преступление / М. В. Гринь, В. Д. Иванов, А. А. Клюев [и др.]. 2-е изд. С. 425—426.

² Александрова Н. С. Деятельное раскаяние и добровольный отказ от совершения преступления // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. № 1. С. 50.

Полагаем, в материальных составах преступления деяние, последствие и причинно-следственная связь являются обязательными признаками, в связи с чем может быть признан добровольным отказ от создания условий для совершения такого преступления, а также от деяния, направленного на непосредственное совершение преступления¹.

В некоторых случаях общественно опасное последствие может быть лишь частично предотвращено виновным лицом. Например, предотвращение смерти, но причинение вреда здоровью, тушение пожара, но причинение вреда имуществу влечет ответственность за фактически причиненный вред.

Также возможно добровольно отказаться, по нашему мнению, от оконченного покушения на преступление с формальным составом. Поскольку в формальных составах преступления объективная сторона преступления состоит из взаимосвязанных действий лица, совершающего преступление, и других лиц, то добровольный отказ от оконченного покушения на такое преступление осуществляется активными действиями. Данный добровольный отказ выражается в восстановлении ситуации, которая была до совершения покушения на преступление. Лицо может вмешаться в преступление, остановить действия и предотвратить наступление преступных последствий лишь в случае наличия контроля за развитием причинно-следственной связи. Данные действия могут быть совершены самим лицом или по его просьбе и приказу третьими лицами.

Преступление с формальным составом, в отношении которого возможно приготовление к преступлению, таким преступлением является, в частности, посягательство на Президента Республики Узбекистан (ч. 1 ст. 158 УК Республики Узбекистан), которое считается оконченным с момента совершения посягательства независимо от наступивших последствий. Поэтому добровольный отказ от данного преступления возможен лишь на стадии приготовления, при этом добровольный отказ выражается в прекращении действий по созданию условий для совершения преступления.

Добровольный отказ от преступлений с формальным составом, объективная сторона которых выражается в бездействии, как и от преступлений с материальным составом, возможен путем активных действий.

¹ Ключев А. А. Указ. соч. С. 427.

В некоторых случаях наряду с добровольным отказом от преступления преступление не может быть продолжено или окончено по обстоятельствам, которые не зависят от воли лица. Например, при сталкивании в реку потерпевшего в целях убийства и добровольном отказе от преступления путем оказания ему помощи в случае умения потерпевшего плавать, или поджог имущества в целях уничтожения и добровольный отказ от преступления, в то время как поджог был предотвращен в результате действий сотрудников пожарной службы в связи с сообщением соседа о пожаре. По нашему мнению, в указанных примерах существуют все признаки добровольного отказа от преступления, потому что лицо, осознавая возможность доведения преступления до конца, вследствие добровольного отказа совершило все действия для предотвращения наступления преступного результата, а преступный результат не наступил по причине вмешательства посторонних лиц и иных обстоятельств. На наш взгляд, из-за отсутствия правового ответа на данный вопрос в Уголовном кодексе в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда следует дать соответствующее разъяснение: «В случае, если лицо осознавало возможность наступления преступного результата в результате своих действий, а преступный результат не наступил по не зависящим и неизвестным обстоятельствам, несмотря на то, что лицо добровольно и осознанно осуществило все необходимые меры для предотвращения преступления, уголовная ответственность лица исключается по части второй статьи 26 УК».

УДК 343.2/.7

С. А. КОРНЕЕВ

**О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР
ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ, СОВЕРШИВШИМ
ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Рассматривая вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних за совершение преступлений против общественной безопасности, мы обратили внимание на специфику назначения наказания данной категории лиц и пришли к выводу о необходимости исследования отдельных аспектов применения прину-

дительных мер воспитательного воздействия к несовершеннолетним за совершение данных преступлений.

В Российской Федерации количество лиц, осужденных за преступления против общественной безопасности (глава 24 УК РФ), в 2016 году составило 11 514 человек, в 2017 — 11 756, в 2018 — 11 156 и в первом полугодии 2019 года — 5 194 человека¹. Таким образом, среднее число осужденных за 3,5 года составило 11 320 человек. Число несовершеннолетних лиц, совершивших преступления против общественной безопасности, в 2016 году составило 224 человека, в 2017 — 193, в 2018 — 202 и в первом полугодии 2019 года — 74 человека². В среднем за 3,5 года за преступления против общественной безопасности к уголовной ответственности привлечено 198 несовершеннолетних, что составляет 1,75 % от общего количества осужденных.

Указанное число несовершеннолетних осужденных считается весьма малозначительным, однако преступность несовершеннолетних лиц имеет тенденцию к росту. Данный факт объясняется с точки зрения психологии, ювенологии, социологии, педагогики и других отраслей наук, исследующих личность несовершеннолетнего преступника. Достаточно сказать, что в юридической литературе многими авторами отмечаются основные характеристики, присущие несовершеннолетним лицам, такие как: легкая внушаемость и подверженность чужим влияниям, аффективность и неадекватность реакции на жизненные ситуации, легкая возбудимость и излишняя раздражительность, упрямство, повышенная потребность в общении, стремление к самостоятельности, конфликтность. Данные психолого-социальные особенности, обусловленные конкретным возрастом, присущи абсолютно всем несовершеннолетним независимо от совершения ими общественно опасного деяния.

В соответствии с уголовным законом уголовно-правовое воздействие в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, может быть выражено в форме принудительных мер воспитательного воздействия, в форме наказания, а при освобождении от наказания судом — в форме помещения в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ст. 87 УК РФ).

¹ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081> (дата обращения: 13.11.2019).

² Там же.

Принудительные меры воспитательного воздействия известны доктрине уголовного права достаточно давно. Однако ни ранние нормативно-правовые акты, ни советское законодательство, ни действующий уголовный закон не содержат определения понятия мер воспитательного воздействия. В науке уголовного права также не сложилось единого понимания рассматриваемого явления. В связи с чем эта проблема является весьма актуальной и дискуссионной на протяжении долгого времени, в то время как ее решение необходимо для обеспечения правильного и четкого применения данного уголовно-правового института на практике.

В юридической литературе мнения относительно правовой природы принудительных мер воспитательного воздействия разделились. Одни стоят на позиции отнесения рассматриваемого института к форме реализации уголовной ответственности¹. Другая точка зрения заключается в отнесении этих мер к институту освобождения от уголовной ответственности и наказания².

Некая двойственность правовой природы принудительных мер воспитательного воздействия объясняется нормой уголовного закона о данных мерах. В статье 90 Уголовного кодекса Российской Федерации законодатель говорит о том, что несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия. Таким образом, в данном случае вести речь о форме реализации уголовной ответственности не представляется возможным, так как сама уголовная ответственность отсутствует.

В статье 92 УК РФ закреплено положение о том, что несовершеннолетний, осужденный за совершение преступления не-

¹ Ведмидь С. Э. Проблемы реализации уголовной ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 6 ; Лесниченко И. П. Уголовная ответственность: понятие и проблемы реализации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2005. С. 8 ; Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти, 2018. С. 31, 45.

² Скрипченко Н. Ю. Применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (по материалам Архангельской области) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 10.

большой или средней тяжести, может быть освобожден судом от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия. В этом случае лицо будет освобождено от наказания, но не от уголовной ответственности. Последняя по своему объему является более широким понятием, а значит, уголовно-правовой статус несовершеннолетнего претерпит некие изменения. Уголовно-правовое воздействие будет заключаться в помещении лица в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Очевидно, что данные лишения и ограничения непосредственно связаны с уголовной ответственностью, однако нельзя сравнить рассматриваемую меру уголовно-правового воздействия, например, с институтом наказания.

Таким образом, наблюдается «двойная» правовая природа анализируемого института. С одной стороны, это меры, замещающие прекращенную уголовную ответственность, с другой — меры уголовной ответственности, альтернативные наказанию.

Выявление юридической природы принудительных мер воспитательного воздействия предполагает, в первую очередь, установление того, к какому миру явлений они принадлежат, какое место они занимают в праве вообще и в системе уголовно-правовых средств в частности, определение их содержания и целей применения¹.

Разделяя уголовно-правовое воздействие на уголовную ответственность и иные меры уголовно-правового характера², считаем целесообразным к последним отнести институт принудительных мер воспитательного воздействия. Во-первых, принудительные меры воспитательного воздействия прежде всего направлены не на восстановление социальной справедливости и исправление осужденного, а на воспитание несовершеннолетнего лица, его дальнейшую позитивную социализацию. Во-вторых, как и принудительные меры медицинского характера они назначаются не за совершение преступления, а в связи с его совершением. В-третьих, применение принудительных мер воспитательного воздействия не порождает судимости. В-четвертых, в отличие от наказания, их сущность не выражается карой и воздаянием. И, наконец, в-пятых, несовершеннолетний в силу своего возрас-

¹ Бурлака С. А. Понятие и юридическая природа принудительных мер воспитательного воздействия // Научный портал МВД России. 2010. № 4 (12). С. 41.

² Корнеев С. А. Меры уголовно-правового воздействия, не связанные с уголовной ответственностью // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 3 (49). С. 64—72.

та, социальной незрелости, как и невменяемый в силу своего душевного состояния, не осознает общественную опасность совершенного деяния.

Принудительные меры воспитательного воздействия, равно как и принудительные меры медицинского характера, по своей правовой природе являются иными мерами уголовно-правового характера.

Подводя итог нашему исследованию, стоит отметить, что законодательной корректировки требует как институт иных мер уголовно-правового характера, так и институт принудительных мер воспитательного воздействия. Подобного рода изменения исключат коллизии в теории уголовного права и в практической деятельности правоприменителя.

УДК 343.2/.7

Р. М. КРАВЧЕНКО

КВАЛИФИКАЦИЯ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СОВЕРШЕННОГО ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ

Пленум Верховного Суда Российской Федерации не исключает возможности привлечения должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, к уголовной ответственности по ст. 219 УК РФ за нарушение требований пожарной безопасности¹. На данную категорию лиц распространяются требования пожарной безопасности, в их функции входит обеспечение соблюдения данных требований. В связи с этим представляется важным проанализировать соотношение состава преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, и составов, включенных в главы 23 и 30 УК РФ, в частности состава, изложенного в ст. 293 УК РФ.

Диспозиция ст. 293 УК РФ определяет общественно опасное деяние как халатность, т. е. неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо

¹ О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 г. № 14 : текст с изм. и доп. на 18 окт. 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обязанностей по должности. Однако должностные обязанности лица не ограничиваются лишь соблюдением и обеспечением соблюдения правил и требований безопасности. Обязанность по обеспечению соблюдения требований пожарной безопасности является лишь частью должностных обязанностей таких лиц, следовательно, ст. 219 УК РФ содержит состав квалифицированного общественно опасного деяния по отношению к ст. 293 УК РФ. Так, В. Н. Кудрявцев справедливо утверждал, что специальными нормами по отношению к общим нормам о должностных преступлениях могут рассматриваться нормы о нарушении правил охраны труда (ст. 143), нарушении правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215), то же при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216) и на взрывоопасных объектах (ст. 217) и о нарушении правил пожарной безопасности (ст. 219)¹.

В случае нарушения должностным лицом требований пожарной безопасности и наступления последствий в виде смерти человека и квалификации такого общественно опасного деяния по ч. 2 ст. 293 и ч. 2 ст. 219 УК РФ допускается двойное вменение в вину лица общественно опасных последствий, наступивших в результате совершения им общественно опасного деяния.

При квалификации лишь по ч. 2 ст. 293 УК РФ не принимаются во внимание факт нарушения конкретных требований безопасности, охватываемого специальной нормой, а также посягательство на общественную безопасность как отдельный объект уголовно-правовой охраны.

Следовательно, в соответствии с правилом соотношения общей и специальной нормы необеспечение должностным лицом соблюдения требований пожарной безопасности, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, следует квалифицировать по ч. 1 ст. 219 УК РФ.

Однако при такой квалификации не учитываются особые характеристики субъекта данного преступления и причинение вреда государственной власти, интересам государственной службы или службы в органах местного самоуправления. Нарушение должностным лицом обязанности по обеспечению соблюдения требований пожарной безопасности причиняет вред общественным отношениям, обеспечивающим стабильность и нормальное

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 220.

функционирование государственной власти и местного самоуправления. Такие общественные отношения традиционно определяются в качестве видового объекта составов преступлений, включенных в главу 30 Уголовного кодекса Российской Федерации¹.

Б. А. Куринов справедливо отмечал: «Каждая группа охраняемых уголовным законом социалистических общественных отношений в реальной жизни может оказаться объектом нескольких преступных деяний различного вида... Различие между этими преступлениями существует главным образом не по объекту посягательства, а по другим элементам: способу преступного посягательства, характеру вредных последствий, форме вины, особенностям субъекта преступления»². Однако в случае необеспечения должностным лицом соблюдения требований пожарной безопасности различия по иным элементам состава преступления отсутствуют, так как неисполнение либо ненадлежащее исполнение таким лицом своих должностных обязанностей выражается именно в несоблюдении требований безопасности. Обще-ственно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью либо смерти человеку также охватываются составом преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ.

Глава 23 УК РФ вообще не содержит состава преступления, аналогичного сформулированному в ст. 293 УК РФ, в связи с чем учет причинения вреда интересам службы в коммерческих и иных организациях при квалификации подобных случаев по ст. 219 УК РФ в принципе невозможен.

Таким образом, действующая редакция ст. 219 УК РФ не учитывает такое последствие, как причинение вреда государственной власти, интересам государственной службы или службы в органах местного самоуправления. В. Н. Кудрявцев вполне обоснованно утверждал, что выделение составов преступлений со специальным субъектом обусловлено характером общественных отношений, которым причиняется или создается угроза причинения вреда в результате таких посягательств. Преступления со специальным субъектом «совершаются в определенных областях государственной и общественной деятельности, поэтому

¹ См.: Волженкин Б. В. Служебные преступления : учеб.-практ. пособие. М., 2000. С. 96 ; Любавина М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 285, 286, 292 и 293 УК РФ. СПб., 2010. С. 6 и др.

² Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений : учеб. пособие для вузов по специальности «Правоведение». М., 1984. С. 61.

практически не всякий может их совершить. Как правило, специальный субъект преступления — только следствие создания норм со специфическими признаками объекта преступления»¹.

Вместе с тем уголовный закон содержит примеры установления более строгой ответственности исходя из служебного положения субъекта преступления. Так, получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации, государственную должность субъекта Российской Федерации, главой органа местного самоуправления является квалифицированным видом преступления².

Необеспечение должностным лицом соблюдения требований безопасности представляется более общественно опасным деянием, чем нарушение таких требований, совершенное, например, рядовым рабочим, строителем, водителем и т. п. Подобное повышение общественной опасности деяния связано с признаками должностного лица как субъекта преступления, а именно его ролью в механизме обеспечения законных прав и интересов граждан, что должно найти отражение в квалификации и в государственно-принудительном воздействии на виновное лицо в связи с совершением им преступления³.

Для учета специальных признаков должностных лиц и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, как специальных субъектов преступных нарушений требований пожарной безопасности, а также для исключения квалификационных ошибок видится необходимым дополнить ст. 219 УК РФ частью 4:

*«Статья 219. Нарушение требований пожарной безопасности
<...>*

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные лицом, на которое возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований пожарной безопасности...».

Для достижения обозначенных целей предлагается дополнить аналогичными особо квалифицированными составами и ст.ст. 215 и 216 УК РФ:

¹ Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 162—163.

² Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М., 2007. С. 161.

³ Так, Н. Ф. Кузнецова справедливо выделяла использование служебного положения как способ, влияющий на характер общественной опасности совершенного преступления. Кузнецова Н. Ф. Указ. соч. С. 74.

«Статья 215. Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики

<...>

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом, на которое возложены обязанности по обеспечению соблюдения таких правил безопасности...».

«Статья 216. Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ

<...>

4. Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные лицом, на которое возложены обязанности по обеспечению соблюдения таких правил безопасности...».

УДК 343.2/.7

Д. Ю. КРАЕВ

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УГОН СУДНА ВОЗДУШНОГО ИЛИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА ЛИБО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДВИЖНОГО СОСТАВА

УК РСФСР 1960 года содержал состав угона только находящихся на земле или в полете воздушных судов (ст. 213.2), а ст. 211 УК РФ предусмотрена ответственность за угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона.

Аналогичную норму содержат Уголовные кодексы, например, Армении (ст. 221), Беларуси (ст. 311), Казахстана (ст. 270), Киргизии (ст. 232), Таджикистана (ст. 184), Туркменистана (ст. 277).

В отличие от Уголовного кодекса Российской Федерации Уголовный кодекс Азербайджана (ст. 219) предусматривает ответственность за угон или захват не «железнодорожного подвижного состава», а «железнодорожного поезда»; УК Узбекистана (ст. 264) и УК Украины (ст. 278) — за угон или захват не «судна водного транспорта», а «морского или речного судна»; УК Грузии (ст. 227) — не за «угон или захват» соответствующего судна или состава, а за их «противоправное завладение»; УК Латвии (ст. 268) — только за «захват на земле, воде или в полете воздушного или водного транспортного средства,

за исключением малогабаритных транспортных средств»; УК Литвы (ст. 251) и УК Эстонии (ст. 197.1) — за захват «воздушного судна»; УК Молдовы (ст. 275) — не только «за угон или захват железнодорожного подвижного состава, воздушного или водного судна», но и за «захват вокзала, аэропорта, порта или иного транспортного предприятия, учреждения, организации, а равно грузов без цели их хищения».

Еще большие отличия от конструкции ч. 1 ст. 211 УК РФ имеют составы сходных преступлений в Уголовных кодексах Австрии, Болгарии, Дании, Нидерландов, Норвегии, Польши, Турции, Франции, ФРГ, Швеции. Так:

§ 185 УК Австрии «Воздушное пиратство» — «кто, используя особые условия, складывающиеся при осуществлении воздушных полетов, применяя насилие или опасную угрозу в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна, или в отношении лица, которое может повлиять на курс движения воздушного судна или на безопасность на его борту, ставит под свой контроль воздушное судно или завладевает воздушным судном, тот наказывается лишением свободы на срок до 10 лет» (1);

ст. 341б УК Болгарии — «кто незаконно завладеет воздухоплавательным средством, находящимся на земле или в полете, или установит контроль над таким средством, наказывается лишением свободы до 10 лет» (1);

ст. 385а УК Нидерландов — «лицо, которое актом насилия, угрозой насилием или запугиванием захватывает или осуществляет контроль над воздушным судном или меняет его курс, подлежит сроку не более 12 лет или штрафу пятой категории»;

§ 151а УК Норвегии — «наказанию в виде тюремного заключения сроком от 2 лет до 21 года подлежит тот, кто на борту корабля или воздушного судна, посредством насилия, угроз или любым другим путем незаконно захватывает контроль над судном или вмешивается в управление плаванием или полетом. Такому же наказанию подлежит тот, кто соответствующими методами незаконно и насильно берет на себя контроль над оборудованием или комплексами на континентальном шельфе»;

ст. 166 УК Польши — «кто, применяя обман либо насилие к лицу или угрозу непосредственного применения такого насилия, берет под свой контроль водное или воздушное судно, подлежит наказанию лишением свободы на срок от 2 до 12 лет»;

ст. 384 УК Турции — «если лицо совершило угон воздушного судна или воспрепятствовало его вылету или покушалось на эти

преступления, оно наказывается заключением на срок от 3 до 5 лет»; «если указанные деяния были совершены в отношении воздушного судна, предназначенного для общественного пользования, виновное лицо наказывается заключением на срок от 4 до 6 лет» (III); «если лицо с использованием силы или угрозы или путем обмана направило находящееся в воздухе воздушное судно в место, иное, чем пункт назначения, или совершило покушение на какое-либо из этих преступлений, оно наказывается тюремным заключением на срок от 10 до 15 лет» (IV);

ст. 224-6 УК Франции — «захват или взятие под контроль путем насилия или угрозы насилием воздушного судна, корабля или любого другого транспортного средства, на борту которых находятся люди, так же как стационарной платформы, находящейся на континентальном шельфе, наказывается 20 годами уголовного заключения»;

§ 316с УК ФРГ — «лишением свободы на срок не менее 5 лет наказывается тот, кто применяет насилие или посягает на свободу лица в принятии решения или предпринимает иные подобные действия для того, чтобы завладеть: а) воздушным судном, используемым в гражданском воздушном сообщении и находящимся в полете, или б) морским судном, используемым в гражданском морском сообщении, или воздействовать на управление ими» (1);

ст. 5а УК Швеции — «лицо, которое путем незаконного принуждения захватывает или препятствует управлению воздушным или морским судном, используемым в гражданских коммерческих морских сообщениях для транспортировки товаров или пассажиров, буксировки, спасения, рыболовства, или осуществляет иной захват, должно быть приговорено за захват судна к тюремному заключению на срок не более 4 лет. То же применяется в отношении лица, которое путем незаконного принуждения захватывает стационарную морскую платформу, предназначенную для исследования или использования природных ресурсов или для других финансовых целей».

Тюремному заключению на любой срок, вплоть до пожизненного тюремного заключения, согласно ст. 183а УК Дании подлежит «любое лицо, которое, находясь на борту воздушного судна или корабля, с применением незаконного принуждения типа, описанного в статье 260 настоящего Закона, захватывает контроль над воздушным судном или мешает его маневрированию» (по УК РФ пожизненным лишением свободы наказуемы угон

судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, сопряженные с совершением террористического акта либо иным осуществлением террористической деятельности (ч. 4 ст. 211).

В отличие от УК РФ, где норма об угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава помещена в главу 24 «Преступления против общественной безопасности», в УК ряда стран (например, Беларуси, Болгарии, Латвии, Молдовы, Узбекистана, Украины) рассматриваемое преступление относится к транспортным.

Правовой базой противодействия угону судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава служат Токийская конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 года, Гагская конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года, Монреальская конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 года, Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 года, Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 года и др.

Основным непосредственным *объектом* преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК РФ, является общественная безопасность в сфере движения и эксплуатации судов воздушного и водного транспорта, а также железнодорожных подвижных составов¹, а *предметом* — судно воздушного транспорта, судно водного транспорта или железнодорожный подвижной состав.

Железнодорожный подвижной состав — это локомотивы, грузовые вагоны, пассажирские вагоны локомотивной тяги и мотор-вагонный подвижной состав, а также иной предназначенный для обеспечения осуществления перевозок и функционирования инфраструктуры железнодорожный подвижной состав (ст. 2 Фе-

¹ Сходным образом основной непосредственный объект данного преступления определяют и другие ученые. См.: Князева Е. А. Угон и захват судна воздушного или водного транспорта (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 17 ; Коробеев А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность : монография. М., 2015. С. 270 ; Российское уголовное право : учебник / Е. В. Виноградова, П. В. Волосюк, Л. Д. Гаухман [и др.] / под ред. Э. Ф. Побегайло. М., 2008. Т. 2 : Особенная часть. С. 432 и др.

дерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации»).

Так, приговором Хабаровского краевого суда от 20 сентября 2018 г. Р. был осужден по ч. 1 ст. 211 УК РФ за угон железнодорожного подвижного состава.

19 января 2018 г., находясь в районе здания пункта подмены локомотивных бригад станции Токи, Р. увидел стоящий в 30 метрах от него работающий на холостом ходу локомотив — тепловоз ЗТЭ10МК № <...>, являющийся в соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 10 января 2003 г. № 17-ФЗ «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» железнодорожным подвижным составом, и решил угнать его.

С этой целью Р. незаконно проник в локомотив — тепловоз ЗТЭ10МК № <...> и, не имея допуска, разрешения и полномочий на управление и перемещение железнодорожного подвижного состава, не находясь при исполнении своих должностных обязанностей, незаконно, в нарушение п. 14 Правил технической эксплуатации железных дорог Российской Федерации, утвержденных Приказом Минтранса России от 21 декабря 2010 г. № 286, согласно которым «управлять подвижными единицами, сигналами, аппаратами, механизмами, другими устройствами, связанными с обеспечением безопасности движения и эксплуатации железнодорожного транспорта, а также переводить стрелки имеют право только уполномоченные на это работники железнодорожного транспорта во время исполнения служебных обязанностей», действуя умышленно, осознавая общественную опасность своих действий, предвидя наступление общественно опасных последствий в виде нарушения общественной безопасности, т. е. создание реальной опасности для неопределенного круга лиц и материальных ценностей ОАО «РЖД», нарушая безопасную деятельность транспортного комплекса, привел в движение указанный железнодорожный подвижной состав и, управляя им, проехал по 47 железнодорожному пути станции Токи 80 м, после чего остановил его, тем самым совершил угон железнодорожного подвижного состава без цели его последующего присвоения, выехав на нем за пределы территории объекта транспортной инфраструктуры¹.

¹ Приговор Хабаровского краевого суда от 20 сентября 2018 г. по делу № 2-20/18 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://www.sudact.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).

Согласно ст. 32 Воздушного кодекса Российской Федерации воздушное судно — это летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличного от взаимодействия с воздухом, отраженным от поверхности земли или воды. К судам воздушного транспорта относятся самолеты, дирижабли, планеры, автожиры, вертолеты и др.

В соответствии со ст. 3 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации судно — самоходное или несамоходное плавучее сооружение, предназначенное для использования в целях судоходства, в том числе судно смешанного (река— море) плавания, паром, дноуглубительный и дноочистительный снаряды, плавучий кран и другие технические сооружения подобного рода. К судам водного транспорта относятся корабли, катера, яхты, подводные лодки и т. д.

Так, по приговору Пермского областного суда от 18 октября 2002 г. Ч. наряду с другими преступлениями был осужден по пп. «в», «г» ч. 2 ст. 211 УК РФ и признан виновным в угоне судна водного транспорта, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением ножа, использованного в качестве оружия. Предметом угона являлся теплоход¹.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК РФ, состоит из следующих деяний:

угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава,
их захват в целях угона.

Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава — это неправомерное их перемещение с места, в котором они находились (в состоянии покоя или в движении), в самовольно определенное виновным место.

Захват — это неправомерное завладение судном воздушного или водного транспорта либо железнодорожным подвижным составом в целях угона.

Основной состав рассматриваемого преступления (ч. 1 ст. 211 УК РФ) формальный, юридически он окончен:

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2003 г. Дело № 44-о02-181. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

при угоне судна воздушного или водного транспорта, железнодорожного подвижного состава — с момента начала неправомерного перемещения их с места нахождения в самовольно определенное виновным место;

при захвате — с момента неправомерного завладения судном воздушного или водного транспорта либо железнодорожным подвижным составом в целях угона.

Фактически преступление, предусмотренное ст. 211 УК РФ, может быть окончено спустя какое-либо время (например, через несколько минут либо часов) после начала угона или захвата соответствующего судна либо состава. Как справедливо отмечается в теории, продолжительность времени угона или захвата, пройденное транспортным средством расстояние на квалификацию не влияют. Так же, как и тот факт, в состоянии покоя или в движении находилось в момент совершения преступления судно воздушного или водного транспорта либо железнодорожный подвижной состав¹.

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 211 УК РФ, может быть совершено как с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, так и без насилия либо угрозы его применения (например, в случае угона судна в отсутствие экипажа и пассажиров).

К насилию, не опасному для жизни или здоровья, относятся побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.), не повлекших вреда здоровью и не создавших реальной опасности для жизни или здоровья².

¹ Коробеев А. И. Транспортные преступления и транспортная преступность : монография. М., 2015. С. 274—280.

² См.: Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции : утв. Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2005 г. ; О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 : текст с изм. и доп. на 16 мая 2017 г. П. 21 ; О судебной практике по делам о преступлениях,

При угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвате такого судна или состава в целях угона, совершенных с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, помимо ч. 1 ст. 211 УК РФ дополнительной квалификации по статьям главы 16 УК РФ не требуется.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 211 УК РФ, характеризуется прямым умыслом (и целью угона при захвате судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава): лицо осознает общественную опасность совершаемого им угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвата такого судна или состава в целях угона и желает это совершить.

Так, по приговору Московского областного суда с участием присяжных заседателей от 4 февраля 2014 г. К. был осужден по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ и ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ за то, что 11 января 2013 г. в салоне воздушного судна <...> во время перелета из <...> в <...> умышленно из хулиганских побуждений причинил В. легкий вред здоровью, вызвавший кратковременное расстройство здоровья, а также совершил покушение на захват воздушного транспорта в целях угона с угрозой применения опасного для жизни и здоровья насилия.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации нашла приговор на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в части осуждения К. по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ подлежащим отмене с прекращением дела за отсутствием состава преступления, а в остальном — законным и обоснованным по следующим основаниям.

К. признан виновным в покушении на захват воздушного транспорта в целях угона, с угрозой применения опасного для жизни и здоровья насилия, а именно: К. во время полета, находясь в хвостовой части салона воздушного судна, после причинения из хулиганских побуждений бортпроводнику В. легкого вреда здоро-

связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 : текст с изм. и доп. на 24 мая 2016 г. П. 23 (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

вью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья, стал высказывать угрозы применения опасного для жизни и здоровья насилия в отношении членов экипажа воздушного судна, находившихся в непосредственной близости от него, заявив о прохождении им в прошлом специальной подготовки в специальных подразделениях Вооруженных Сил и владении в силу этого навыками причинения вреда здоровью человека вплоть до лишения жизни без применения оружия, а также одновременно сообщил о своем намерении заставить экипаж воздушного судна осуществить посадку в определенном им месте, однако преступление не было доведено до конца ввиду предпринятых членами экипажа активных действий по пресечению преступления.

Однако в приговоре не указаны конкретные действия К., направленные на захват самолета с целью угона, и не приведены причины, лишившие подсудимого возможности осуществить свой умысел. Не приведены они и в постановлении о привлечении К. в качестве обвиняемого. В обвинительном заключении не приведены доказательства, подтверждающие намерение К. совершить угон. В соответствии с п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2005 г. № 23 в случае обвинения подсудимого в совершении неоконченного преступления (покушения) председательствующий судья должен в понятной формулировке поставить перед присяжными заседателями вопросы, предусмотренные ст. 339 УПК РФ, в том числе о доказанности причин, в силу которых деяние не было доведено до конца. При этом данный вопрос должен содержать описание фактической причины, лишившей подсудимого возможности осуществить свои намерения, а не просто ссылку на таковую.

Однако суд лишен был возможности поставить вопрос перед коллегией присяжных заседателей о доказанности причин, в силу которых деяние не было доведено до конца, который бы содержал описание фактической причины, лишившей подсудимого возможности осуществить свои намерения, поскольку эти обстоятельства не были раскрыты в постановлении о привлечении К. в качестве обвиняемого и в обвинительном заключении.

При таких обстоятельствах действия К., указанные в вердикте коллегии присяжных заседателей, в этой части, вопреки выводам суда первой инстанции, не содержат состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ, — поку-

шение на захват воздушного судна в целях угона с угрозой применения опасного для жизни и здоровья насилия.

С учетом изложенного Судебная коллегия посчитала, что приговор в части осуждения К. по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ подлежит отмене с прекращением дела в связи отсутствием состава преступления¹.

Субъект угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава общий — любое физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 14 лет (это может быть и член экипажа транспортного средства, и его пассажир, и лицо, незаконно проникшее на судно).

Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 211 УК РФ как совершенные *группой лиц по предварительному сговору*, когда в совершении угона или захвата участвовали лица, заранее договорившиеся о его совместном совершении (ч. 2 ст. 35 УК РФ).

Так, приговором Забайкальского краевого суда от 3 июня 2014 г. Д. и Ч. были осуждены по п. «а» ч. 2 ст. 211 и п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ за совершенные группой лиц по предварительному сговору угон железнодорожного подвижного состава — тепловоза и кражу 800 литров дизельного топлива из топливного бака тепловоза².

При уgone судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвате такого судна или состава в целях угона несколькими лицами по предварительному сговору действия каждого квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 211 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ, как соисполнительство, независимо от того, кто из участников преступной группы фактически управлял судном воздушного или водного транспорта либо железнодорожным подвижным составом.

По п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ квалифицируются угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 4-АПУ14-21сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Забайкальского краевого суда от 3 июня 2014 г. по делу № 2-42/2014 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://www.sudact.ru/> (дата обращения: 10.11.2019).

угона, совершенные *с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия*.

Насилие, опасное для жизни или здоровья, — это насилие, которое повлекло причинение любого вида вреда здоровью либо хотя и не причинило вред здоровью потерпевшего, однако в момент применения создавало реальную опасность для его жизни или здоровья¹.

Следовательно, при уgone судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвате такого судна или состава в целях угона, совершенных с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия, помимо п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ дополнительной квалификации по чч. 1, 2 ст. 111, ст. 112, ст. 115, ст. 117, ст. 119 УК РФ не требуется².

Приговором Вологодского областного суда от 28 января 2013 г. Ш. наряду с иными преступлениями был осужден по ч. 3 ст. 33 и пп. «а», «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ и признан виновным в организации захвата и руководстве захватом судна воздушного транспорта в целях угона и в организации угона и руководстве угоном такого судна, совершенных группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а Р-ов и В. наряду с иными преступлениями были осуждены по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ и признаны виновными в захвате судна воздушного транспорта в целях угона и уgone такого судна, совершенных группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья.

Виновность Р-ва и В. в захвате и уgone судна воздушного транспорта — вертолета «МИ-2», принадлежащего ОАО <...>, с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, а Ш. — в организации этого преступления подтверждается сово-

¹ См.: Обзор ... ; О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29. П. 21 ; О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25. П. 23 (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Подробнее об уголовно-правовой оценке преступлений, совершаемых с применением насилия, см.: Краев Д. Ю. Преступления, совершаемые с применением насилия: вопросы квалификации // Законность. 2019. № 9. С. 48—53.

купностью имеющихся в материалах дела и приведенных в приговоре доказательств.

Так, из показаний потерпевшего Р., пилотировавшего вертолет, следует, что через несколько минут после взлета с базы <...> с Р-вым и В. на борту с него сдернули наушники, и он увидел возле себя Р-ва, у которого в правой руке был пистолет, а на мизинце висела граната, он воспринял их как боевые. Р-ов отдавал ему команды, заставив лететь к пос. <...> и там снизиться над территорией исправительной колонии, где они забрали Ш., а затем приземлиться в полутора километрах от зоны для посадки Ш. в вертолет. У последнего в руках был пистолет, который он также воспринимал как боевой ввиду его сходства с пистолетом Макарова. Он снова поднял вертолет в воздух и затем уже приземлился в районе <...>, где Ш., Р-ов и В. выпрыгнули из вертолета.

Доводы апелляционных жалоб о том, что угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья, при захвате и угоне вертолета осужденными не применялась, опровергаются вышеприведенными показаниями потерпевшего Р., который последовательно пояснял, что его действия были вынужденными, поскольку он опасался применения оружия, воспринимая его как боевое.

Суд обоснованно признал показания Р-ва достоверными, так как они подтверждаются показаниями начальника диспетчерского центра по обслуживанию воздушного движения — свидетеля Х. о том, что Р. некоторое время не выходил на связь, а когда связь возобновил, то сообщил, что он подвергся нападению со стороны двух мужчин и женщины, у которых было оружие, вынужден был подчиниться и выполнять их указания, и фонограммой переговоров между диспетчерами и пилотом вертолета Р., находящейся на диске, изъятом у Х.

Кроме того, из показаний самих осужденных видно, что на предварительном следствии они признавали, что между ними была договоренность об использовании в отношении пилота вертолета в качестве угрозы заранее приобретенного имитационного оружия, что согласуется с показаниями потерпевшего Р. и вышеназванного свидетеля и соответствует фактическим обстоятельствам дела.

Утверждения Ш. и В. об эксцессе исполнителя также являются несостоятельными, поскольку захват и угон вертолета были произведены на основании плана, разработанного Ш., предусматривавшего применение к Р. угрозы насилием, опасным для

жизни и здоровья, согласованного с Р-вым и В. и одобренного ими, о чем свидетельствует характер совершенных ими действий — приобретение пистолета и гранат, похожих на боевое оружие, доведение их внешнего вида до совершенного в ходе подготовки к преступлению и пронос их в салон вертолета.

О наличии такого плана свидетельствует не только согласованность действий осужденных, но и показания Р-ва, его явка с повинной, из которых следует, что они заранее договорились захватить и угнать вертолет путем устрашения пилота Р.

Утверждения Р-ва в жалобе о том, что он написал явку с повинной и дал показания в состоянии наркотического опьянения, являются несостоятельными, поскольку на очной ставке с Ш. он подтвердил, что в телефонном разговоре Ш. просил его показать пилоту пистолет и предмет, похожий на боевую гранату.

Необоснованными являются также доводы апелляционных жалоб о том, что суд неправильно расценил действия осужденных по использованию арендованного ими вертолета как захват и угон судна воздушного транспорта.

Как следует из показаний потерпевшего Р., представителя ОАО <...> П. и свидетеля С. — оператора по планированию Вологодского центра обслуживания воздушного движения филиала <...>, и об этом правильно указано в приговоре, полет вертолета проходил с нарушением полетного плана, с отклонением от согласованного маршрута <...> в сторону пос. <...>, с выполнением зависания над территорией исправительного учреждения, находящегося в зоне запрещения полетов, и двумя незапланированными посадками.

Эти фактические обстоятельства указывают на то, что вертолет был захвачен осужденными, установившими полный контроль над указанным судном воздушного транспорта и руководившими его дальнейшим полетом независимо от диспетчерской службы, в результате чего была создана угроза общественной безопасности.

В связи с этим суд правильно квалифицировал действия Р-ва и В. по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ, а действия Ш. по ч. 3 ст. 33 и пп. «а», «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ¹.

Угонщик может сам управлять судном воздушного или водного транспорта либо железнодорожным подвижным составом,

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2013 г. № 2-АП/13-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а может заставить, например, пилота или машиниста, не являющегося соучастником угона, переместить судно или состав в конкретное место. Нередко для запугивания членов экипажа используется оружие, поэтому еще одним обстоятельством, отягчающим наказание за угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, является их совершение *с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия* (п. «г» ч. 2 ст. 211 УК РФ). Установление того, является ли примененный при угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвате такого судна или состава в целях угона предмет оружием, осуществляется с учетом положений Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и на основании экспертного заключения (это могут быть пистолеты, автоматы и т. д.). Совершение указанных в ст. 222 УК РФ незаконных действий с оружием (приобретение, хранение, ношение и т. д.) не охватывается п. «г» ч. 2 ст. 211 УК РФ и требует квалификации по совокупности данных преступлений.

Под предметами, используемыми в качестве оружия, понимаются любые материальные объекты, которыми могли быть причинены смерть или вред здоровью потерпевшего (перочинный или кухонный нож, топор и т. п.), а также иные предметы, применение которых создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего, например механические распылители, аэрозольные и другие устройства, снаряженные раздражающими веществами¹.

Таким образом, предметы, используемые при угоне судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвате такого судна или состава в целях угона в качестве оружия, — это предметы, которые по своим поражающим свойствам сопоставимы с оружием².

Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна

¹ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 : текст с изм. и доп. на 16 мая 2017 г. П. 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Щепельков В. Ф. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 года № 29. СПб., 2010. С. 40.

или состава в целях угона квалифицируются по ч. 3 ст. 211 УК РФ как совершенные *организованной группой лиц*, когда они совершаются устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений (ч. 3 ст. 35 УК РФ).

Как правило, такая группа тщательно планирует угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захват такого судна или состава в целях угона, заранее подготавливает орудия преступления, распределяет роли между участниками группы.

При совершении угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава, а равно захвата такого судна или состава в целях угона организованной группой действия всех участников квалифицируются по ч. 3 ст. 211 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ как соисполнительство независимо от их роли в преступлении.

УДК 343.2/.7

В. Л. КУДРЯВЦЕВ

КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА: НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Категория «преступления террористического характера» является уже достаточно устойчивой, прочно вошедшей в уголовно-правовой оборот¹.

Не вдаваясь в подробности дискуссии о том, какие составы относятся к преступлениям террористического характера², за ос-

¹ См., напр.: Багмет А. М., Бычков В. В. Квалификация преступлений террористического характера : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». М., 2018. 167 с. ; Кудрявцев В. Л. Преступления террористического характера (ст.ст. 205—207 УК РФ) // Энциклопедия уголовного права. Т. 21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка / А. В. Ростокинский, В. Л. Кудрявцев, В. П. Агапов [и др.]. СПб., 2013. С. 126—257.

² См., напр.: Камергоев Б. М. Понятие и виды преступлений террористического характера на современном этапе // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 231—233 ; Смирнов М. А., Николаев А. М. О понятии «преступления террористического характера» // Марийский юридический вестник. 2017. № 3 (22). С. 51—53 ; Трофимов Д. С. Современное состояние борьбы с преступлениями террористического характера : анализ. обзор. Саратов, 2013. 78 с.

нову возьмем перечень № 22 преступлений террористического характера, установленный указанием Генпрокуратуры России № 487/11, МВД России № 1 от 12 июля 2019 г. в редакции от 23 октября 2019 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», в п. 1 которого отражены преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий: ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 277, 360, 361 УК РФ.

Классификация на общие и частные проблемы квалификации преступлений террористического характера осуществляется в зависимости от того, характеризует проблема квалификацию преступлений террористического характера в целом или только отдельных преступлений.

Данная классификация носит условный характер, поскольку общие проблемы раскрываются через квалификацию отдельных преступлений, и наоборот, что и будет продемонстрировано ниже.

К проблемам квалификации преступлений террористического характера можно отнести, в частности:

1. Проблемы отграничения составов преступлений террористического характера друг от друга и от иных составов преступлений.

Мало того, что в доктрине нет единства в вопросе, какие преступления относятся к преступлениям террористического характера, так и в УК РФ составы таких преступлений находятся и группируются в разных разделах и главах, т. е. преступления имеют различный родовой и видовой объекты, которые и служат одними из критериев отграничения составов преступлений.

В разделе IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» в главе 24 «Преступления против общественной безопасности» находятся составы преступлений террористического характера, предусмотренные ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 205.6, 208, ч. 4 ст. 211 УК РФ; в разделе X «Преступления против государственной власти» в главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» есть ст. 277 УК РФ; в разделе XII «Преступления против мира и безопасности человечества» в главе 34 «Преступления против мира и безопасности человечества» содержатся составы анализируемых преступлений, предусмотренные ст.ст. 360, 361 УК РФ.

Безусловно, родовой и видовой объекты — это не единственные критерии отграничения преступлений. Так, преступление, предусмотренное ст. 205 УК РФ¹, от предусмотренного ст. 277 УК РФ можно отграничить еще и по таким критериям, как: основной непосредственный объект, дополнительный непосредственный объект, конкретизация направленности объективной стороны, а также наличие и специфика формулирования специальной цели как конструктивного признака субъективной стороны преступления².

На проблемы разграничения составов преступлений обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации. В пункте 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указано следующее:

«В том случае, если лицо совершает посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля либо лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа путем совершения взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, содеянное надлежит квалифицировать по статье 205 УК РФ.

Когда посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля хотя и совершается указанными способами, но в целях прекращения его государственной или политической деятельности либо из мести за такую деятельность, содеянное квалифицируется по статье 277 УК РФ.

Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, сотрудника правоохранительного органа, совершенное путем взрыва, поджога или иных действий подобного характера в целях воспрепятствования их законной деятельности либо из мести за такую деятельность,

¹ Кудрявцев В. Л. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205 УК РФ «Террористический акт»: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2013. № 1—2 (29—30). С. 193—201.

² Кудрявцев В. Л. Отграничение террористического акта от иных смежных составов преступлений: теоретический анализ // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 1 (10). С. 45—55.

квалифицируется соответственно по статье 295 УК РФ или статье 317 УК РФ»¹.

Казалось бы, наличие еще и подобных разъяснений Верховного Суда Российской Федерации должно помогать правоприменителю решать проблемы квалификации, но, к большому сожалению, такое бывает не всегда.

Так, из приговора Санкт-Петербургского городского суда от 17 марта 2016 г. по делу № 2-01/2016 (Определением Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 78-АПУ16-34 данный приговор оставлен без изменения) следует:

«В прениях сторон государственный обвинитель полагала, что вина М. А. О. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 30 ч. 1, 205 ч. 1 УК РФ, ст. 30 ч. 1, 295 УК РФ полностью доказана, а квалификация, данная органами предварительного расследования, является правильной.

Однако суд не соглашается с мнением государственного обвинителя, поскольку по смыслу уголовного закона инкриминируемые М. А. О. указанные преступные деяния не могут быть оценены как совокупность преступлений.

Исходя из диспозиций статей 205 и 295 УК РФ, основным разграничительным признаком является цель совершения этих преступлений, то есть по делу должно быть точно установлено, с какой целью происходит посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие, путем совершения взрыва.

Если указанные действия совершаются в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями, то содеянное квалифицируется по ст. 205 УК РФ; если в целях воспрепятствования законной деятельности либо из мести за такую деятельность, то по ст. 295 УК РФ.

Как из фабулы обвинения, так и из представленных стороной обвинения доказательств, следует, что инкриминируемые М. А. О. действия в отношении судьи Ш. В. Р. были продиктованы чувством мести за участие последнего в отправлении правосудия по уголовному делу № 2-01/11 в отношении В. А. М.

При этом никаких доказательств, указывающих на наличие фактических обстоятельств, свидетельствующих о том, что

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 3 нояб. 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

М. А. О., посягая на жизнь судьи Ш. В. Р., намеревался воздействовать на принятие органами власти решений по регулированию межнациональных отношений, суду не представлено.

При таких обстоятельствах суд полагает необходимым М. А. О. оправдать по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 1, 205 ч. 1 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления¹.

2. Применение при квалификации преступления террористического характера аналогии закона, и это несмотря на то, что аналогия закона согласно ч. 2 ст. 3 УК РФ не допускается.

Из апелляционного определения судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 1 апреля 2015 г. по делу № 22-2609/2015 следует: «... согласно приговору действия А. были квалифицированы по ч. 1 ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации как склонение, вербовка лиц к совершению преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации, и подготовка лиц в целях совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 Уголовного кодекса Российской Федерации, совершенные группой лиц по предварительному сговору. Вместе с тем диспозиция ч. 1 ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации не предусматривает такого квалифицирующего признака, как совершение деяний “группой лиц по предварительному сговору”, а применение уголовного закона по аналогии не допускается (ч. 2 ст. 3 Уголовного кодекса Российской Федерации)». Указание на совершение деяний группой лиц по предварительному сговору исключено из квалификации действий А. по ч. 1 ст. 205.1 Уголовного кодекса Российской Федерации².

3. Проблемы квалификации, связанные с наличием или отсутствием совокупности преступлений.

Данные проблемы достаточно подробно освещены в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от

¹ Приговор Санкт-Петербургского городского суда от 17 марта 2016 г. по делу № 2-01/2016 ; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 января 2017 г. № 78-АПУ16-34 (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

² Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 1 апреля 2015 г. по делу № 22-2609/2015 // Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (второй квартал 2015 года (44)) : утв. Постановлением Президиума Свердловского областного суда от 2 сентября 2015 г. URL: http://oblsud.svd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=223 (дата обращения: 17.11.2019).

9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»:

а) наличие совокупности преступлений, в частности:

действия участников террористического сообщества, террористической организации, незаконного вооруженного формирования, совершивших террористический акт, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 205 УК РФ и соответственно ст.ст. 205.4, 205.5, 208 УК РФ (п. 13 Постановления);

при совершении участником незаконного вооруженного формирования конкретного преступления его действия должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 208 УК РФ и соответствующей статьей Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст.ст. 205, 205.1, 205.2 или ст. 206 УК РФ) (п. 28 Постановления);

если отдельные члены незаконных вооруженных формирований объединились в устойчивую вооруженную группу (банду) в целях нападения на граждан или организации либо в террористическое сообщество, руководят такой группой (бандой) или террористическим сообществом, а также участвуют в совершаемых ими нападениях или преступлениях террористической направленности, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 208 и 209 или ст. 205.4 УК РФ (п. 29 Постановления);

б) отсутствие совокупности преступлений, в частности:

причинение в результате террористического акта значительного имущественного ущерба квалифицируется по п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 167 УК РФ не требует (абз. 2 п. 7 Постановления);

если террористический акт повлек умышленное причинение смерти человеку (либо двум и более лицам), содеянное охватывается п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 105 УК РФ не требует (п. 9 Постановления).

Пример квалификации по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ:

«Так как подсудимый ФИО11, являясь участником устойчивой вооруженной группы (организованной группы), по указанию одного из руководителей банды совместно с ФИО6 измелчил с помощью кофемолки приобретенную аммиачную селитру и передал ее для изготовления СВУ участникам банды, осознавая, что она может быть использована для взрыва отдела полиции,

который был осуществлен членами банды в целях устрашения населения и воздействия на принятие решений органами власти, создал опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба и наступления иных тяжких последствий, повлек причинение значительного имущественного ущерба, наступление иных тяжких последствий в виде причинения вреда здоровью различной степени тяжести потерпевшим, умышленное причинение смерти двоим потерпевшим, суд расценивает его действия как террористический акт и квалифицирует по п. «б» ч. 3 ст. 205 УК РФ»¹;

если лицо содействует террористической деятельности путем финансирования незаконного вооруженного формирования, его действия охватываются ч. 1 ст. 208 УК РФ и дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ как финансирование терроризма не требуется (абз. 2 п. 26 Постановления).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении не в состоянии разъяснить все вопросы, связанные с наличием либо отсутствием совокупности преступлений, этот вакуум заполняет складывающаяся судебная практика.

Так, в приговоре Северо-Кавказского окружного военного суда от 4 сентября 2012 г. по делу № 1-11/2012 было указано, что органами предварительного следствия действия А. по вовлечению К., Н., А., Т. и Б. в состав незаконного вооруженного формирования дополнительно квалифицированы по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. Между тем суд полагает, что создание незаконного вооруженного формирования, в чем обвиняется А., невозможно без привлечения в его состав новых членов, в связи с чем эти действия А. полностью охватываются диспозицией ч. 1 ст. 208 УК РФ и дополнительной квалификации не требуют. В связи с изложенным суд исключает ч. 1 ст. 205.1 УК РФ из обвинения А. как излишне вмененную»².

4. Проблемы квалификации, связанные с отсутствием либо недостаточностью в уголовном деле доказательств.

Из приговора Северо-Кавказского окружного военного суда от 29 сентября 2011 г. по делу № 1-9/2011 следует:

¹ Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 24 июля 2015 г. по делу № 1-20/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).

² Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 4 сентября 2012 г. по делу № 1-11/2012 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).

«Органами предварительного расследования Б. обвинялся в создании вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, и руководстве им (ч. 1 ст. 208 УК РФ), а Х., Б-ов, Ж., К., С., И., Ш. соответственно в участии в указанном формировании (ч. 2 ст. 208 УК РФ). При этом, по мнению следственных органов, целью указанного вооруженного формирования Б. определил дестабилизацию общественно-политической обстановки на территории Кабардино-Балкарской Республики с последующим насильственным изменением конституционного строя и нарушением территориальной целостности государства, закрепленной в ч. 1 ст. 65 Конституции Российской Федерации, путем отторжения Кабардино-Балкарской Республики от России и образования на ее территории исламского государства с шариатской формой правления.

Между тем каких-либо объективных данных, подтверждающих деятельность Б. в указанный период по разработке структуры и устава вооруженного формирования, планированию его работы, подготовке мест дислокации формирования, полигонов для тренировочной работы следствием не добыто и в судебное заседание не представлено. Также ничем не подтверждается и наличие именно указанных в обвинительном заключении целей создания и функционирования незаконного вооруженного формирования, а также совершение каких-либо действий, направленных на достижение указанных целей.

Анализируя исследованные доказательства, суд полагает, что вся деятельность устойчивой вооруженной группы под руководством Б. полностью охватывается диспозицией ст. 209 УК РФ, а доказательств совершения подсудимыми действий, предусмотренных чч. 1 и 2 ст. 208 УК РФ, стороной обвинения не представлено.

В связи с изложенным, толкуя все неустранимые сомнения в пользу подсудимых, суд полагает необходимым оправдать Б. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 208 УК РФ, а Х., Б-ва, Ж., К., С., И., Ш. — по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 указанной статьи, за отсутствием события преступления»¹.

¹ Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 29 сентября 2011 г. по делу № 1-9/2011 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 15.11.2019).

УДК 343.2/7

А. В. КУРСАЕВ

**МЕТОДОЛОГИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ
НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ
ОБЩЕОПАСНЫХ РАБОТ**

В Уголовном кодексе Российской Федерации на момент его принятия имелось две нормы, криминализирующие схожие по характеру преступные посягательства. В частности, в ст. 216 УК РФ устанавливалась уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных и иных работ, а в ст. 217 УК РФ — за нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах.

Между тем в УК РСФСР 1960 года ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных (ст. 214) и строительных (ст. 215) работ предусматривалась в разных правовых нормах.

До настоящего времени законодатели отдельных стран придерживаются мнения о наличии существенного различия в квалификации нарушений правил безопасности при ведении горных и строительных работ, что обуславливает выделение соответствующих составов преступления в отдельные статьи уголовного закона. Так, Уголовный кодекс Эстонии содержит две уголовно-правовые нормы: ст. 206 устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил при производстве строительных работ, а ст. 206.3 — за нарушение правил безопасности горных работ.

В то же время в уголовном законодательстве большинства стран дальнего и ближнего зарубежья превалирует тенденция к созданию объединенной конструкции, общей для всех видов нарушений специальных правил безопасности при ведении различного рода опасных работ (ст. 258 УК Республики Узбекистан 1994 года, ст. 300 УК Республики Молдова 2002 года, ст. 303 УК Республики Беларусь 1999 года, ст. 230 УК Республики Армения 2003 года, ст. 222 УК Азербайджанской Республики 1999 года, ст. 236 УК Кыргызской республики 1997 года, ст. 135 УК КНР 1997 года, ст. 163 УК Республики Польша 1997 года).

В связи с этим предусмотренное УК РСФСР разделение горных и строительных работ подвергалось тщательному научному анализу.

Отраслевой подход к обеспечению промышленной безопасности был подвергнут серьезной научной критике. Так,

В. К. Глистин пришел к выводу, что отрасль производства сама по себе не определяет ни характер производимой работы, ни юридическую оценку характера допущенных нарушений, а значит, и форму вины ответственного лица¹.

И действительно, при разделении горных и строительных работ на два самостоятельных состава преступления возникает проблема определения объекта данных преступлений и разграничения их между собой. При выделении в УК РФ отдельных статей, устанавливающих ответственность за нарушение правил безопасности при обеспечении горных и строительных работ, мы будем вынуждены признать факт одновременного существования двух разных объектов уголовно-правовой охраны — строительной и горной безопасности². Такая дифференциация ответственности вряд ли имеет какой-либо теоретический и практический смысл. Наоборот, наличие нескольких уголовно-правовых норм, обеспечивающих охрану одних и тех же отношений в сфере промышленной безопасности, в рамках которых нарушения могут подпадать под признаки нарушения безопасности как горных, так и строительных работ, вызовет неоправданные трудности при квалификации деяния.

В этой связи И. М. Тяжкова делает вывод, что объединение уголовных составов, устанавливающих ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных и строительных работ, было произведено в целях унификации признаков однородных преступлений и расширения рамок данного состава путем указания на иные работы³. Аналогичного мнения придерживается и Р. В. Закомолдин⁴.

В то же время данная позиция не является общепринятой. Так, А. Н. Скрипник и В. И. Пушкаренко отмечают самостоятельность состава преступления, криминализирующего нарушения правил безопасности при ведении горных работ (ст. 214

¹ Курс советского уголовного права. В 5 т. Т. 3. Часть Особенная / Н. А. Беляев, Г. З. Анашкин, В. С. Прохоров [и др.] ; отв. ред. Н. А. Беляев, М. Д. Шаргородский. Л., 1973. С. 701—702.

² Федотов В. И. Разграничение преступных нарушений правил безопасности горных работ и смежных преступлений // Правоведение. 1978. № 1. С. 38—41.

³ Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002. С. 238.

⁴ Энциклопедия уголовного права. В 35 т. Т. 21. Преступления против общественной безопасности и общественного порядка / А. В. Ростокинский, В. Л. Кудрявцев, П. В. Агапов [и др.] ; отв. ред. В. Б. Малинин. СПб., 2013. С. 772.

УК РСФСР), и важность его отграничения от смежных составов преступления¹.

В конечном итоге в УК РФ 1996 года законодатель реализовал идею о необходимости закрепления ответственности за нарушение правил безопасности при ведении горных и строительных работ в одной норме.

Как отмечает А. А. Евдокимов, данный вариант кажется более удачным и научно обоснованным, в том числе с точки зрения юридической техники. И горные, и строительные работы часто осуществляются на одном и том же объекте. Одни работы одновременно могут предполагать и проведение других работ².

Отдельный уголовно-правовой запрет устанавливался на нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217 УК РФ).

В результате принятия Федерального закона от 23 апреля 2018 г. № 114-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» наименование и диспозиция ст. 217 УК РФ подверглась существенной корректировке. Теперь эта статья предусматривает ответственность не за нарушение правил безопасности на взрывоопасном объекте, а за нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов.

Указанное изменение имеет существенное значение. Так, Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» к опасным производственным объектам относил не только взрывоопасные объекты, но и те объекты, на которых: 1) получают, используются, перерабатываются, образуются, хранятся, транспортируются, уничтожаются предусмотренные данным Законом опасные вещества; 2) используется оборудование, работающее под избыточным давлением более 0,07 мегапаскаля; 3) используются стационарно установленные грузоподъемные механизмы, эскалаторы в метрополитенах, канатные дороги, фуникулеры; 4) получают, транспортируются, используются расплавы черных и цветных металлов, сплавы на основе этих расплавов с применением оборудования, рассчитанного на максимальное

¹ Скрипник А. Н., Пушкаренко В. И. Квалификация преступных нарушений правил безопасности горных работ // Правоведение. 1984. № 2. С. 71—73.

² Евдокимов А. А. Нарушение специальных правил безопасности в уголовном праве России / отв. ред. А. И. Чучаев. М., 2012. С. 83—84.

количество расплава 500 килограммов и более; 5) ведутся горные работы (за исключением добычи общераспространенных полезных ископаемых и разработки россыпных месторождений полезных ископаемых, осуществляемых открытым способом без применения взрывных работ), работы по обогащению полезных ископаемых; 6) осуществляется хранение или переработка растительного сырья, в процессе которых образуются взрывоопасные пылевоздушные смеси, способные самовозгораться, возгораться от источника зажигания и самостоятельно гореть после его удаления, а также осуществляется хранение зерна, продуктов его переработки и комбикормового сырья, склонных к самосогреванию и самовозгоранию.

Таким образом, в результате внесенных Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» изменений произошло расширение сферы действия ст. 217 УК РФ. В соответствии с ней теперь квалифицируется нарушение правил безопасности не только на взрывоопасных объектах, но и на любых опасных производственных объектах, ответственность за нарушение правил безопасности на которых ранее могла наступать по ст. 216 УК РФ.

Из сферы действия ст. 216 УК РФ исключены нарушения правил безопасности при ведении горных работ. Такие нарушения теперь должны квалифицироваться в соответствии со ст. 217 УК РФ как связанные с выполнением работ на опасных производственных объектах.

В то же время Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» не все объекты, на которых производятся горные работы, относит к опасным производственным объектам. К опасным относятся только те объекты, на которых выполняются горные работы, не связанные с добычей общераспространенных полезных ископаемых и разработкой россыпных месторождений полезных ископаемых, осуществляемых открытым способом без применения взрывных работ.

Поэтому нарушение правил безопасности при выполнении горных работ в зависимости от характера таких работ может квалифицироваться по ст. 217 УК РФ — если горные работы в силу Федерального закона «О промышленной безопасности опасных производственных объектов» выполняются на опасном производственном объекте; по ст. 216 УК РФ — в иных ситуаци-

ях. В последнем случае горные работы являются частным случаем «иных работ», указанных в ст. 216 УК РФ.

Такой взаимный переход охраняемых благ из одного состава преступления в другой не случаен, а отражает тесную взаимосвязь и внутреннее единство между ст. 216 и ст. 217 УК РФ.

В частности, в 2013—2015 годах на опасных производственных объектах произошло 457 аварий, приведших к гибели 619 человек.

За этот же период осуждено по вступившим в законную силу приговорам суда (или вынесены судебные акты по уголовным делам в отношении нижеуказанных лиц):

за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ) — 400 лиц (по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, около 20 % рассматриваемых судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных этой статьей, составляют дела о нарушениях правил безопасности при ведении именно горных работ);

за нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217 УК РФ) — 18 лиц.

Таким образом, ст.ст. 216 и 217 УК РФ направлены на обеспечение специальных правил безопасности условий труда. В то же время наличие двух взаимосвязанных составов свидетельствует, что проблема кодификации преступлений разрешена не полностью.

С одной стороны, безусловно, законодатель попытался объединить нарушения правил безопасности, допускаемые при осуществлении схожих по своему характеру видов работ, в одном составе преступления. Так, работы на опасных производственных объектах образуют один вид общественно опасного деяния (ст. 217 УК РФ), а нарушение правил безопасности строительных или иных работ квалифицируется по ст. 216 УК РФ. Более того, деяние, описанное в ст. 216 УК РФ, сконструировано как открытое, так как содержит упоминание на иные виды работ.

С другой стороны, отраслевая конкуренция уголовно-правовых норм (в зависимости от сферы деятельности) сменилась конкуренцией, зависящей от характера выполняемых работ, при которой имеет место конкуренция между ст. 143 и ст.ст. 216, 217 УК РФ. Напомним, что норма, закрепленная в ст. 143 УК РФ, направлена на охрану безопасных условий труда только работающих лиц. Нормы, закрепленные в ст. 216 и ст. 217

УК РФ, задумывались законодателем как более широкие по своему содержанию и целевому предназначению; они направлены на охрану безопасности не только лиц, производящих работы, но и посторонних для такой деятельности, а также на безопасность самого производства. В. И. Федотов правильно отмечает, что общественная безопасность (как объект преступления, предусмотренного ст.ст. 216 и 217 УК РФ) — понятие более широкое, чем безопасные условия труда, и включает в себя в качестве иных составных частей жизнь и здоровье людей, не связанных с производством соответствующих видов работ, различные материальные блага¹.

Следующая проблема состоит в том, что содержание некоторых оценочных признаков в ст. 216 УК РФ очень широко и затрудняет процесс ее отграничения от смежных составов.

В частности, в ст. 216 УК РФ устанавливается ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ. Однако содержание оценочного признака — иные работы — в законодательстве не раскрывается и является по своей законодательной конструкции абсолютно неопределенным. Фактически правоприменитель в данном случае вынужден применять аналогию и с учетом места ст. 216 УК РФ в уголовном законе (глава 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности») относить к «иным работам» работы повышенной опасности, для которых предусмотрен специальный порядок допуска и выполнения работ, и ответственность за которые не предусмотрена иными нормами уголовного закона.

Полагаем, что рассматриваемые сложности необходимо разрешать исходя из методологического понимания единства составов преступлений, установленных ст.ст. 216 и 217 УК РФ. Диспозиции указанных норм сформулированы в уголовном законе по типу бланкетных. Исходя из этого, критерии разграничения специальных правил безопасности при ведении горных, строительных или иных видов работ, работ на опасных производственных объектах определяются не уголовным законом, а законодательством, регулирующим промышленную безопасность в соответствующих сферах. Более того, отдельные виды этих работ (например, горные) «кочуют» из одного состава в другой.

¹ Федотов В. И. Указ. соч. С. 40.

При таких обстоятельствах горные, строительные и иные работы, работы на опасных производственных объектах являются частью одного целого — опасные работы. Верно подметив данную особенность, А. А. Евдокимов предлагает изложить диспозицию ч. 1 ст. 216 УК РФ в следующей редакции: «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ на опасном производстве, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека, крупного ущерба или иные тяжкие последствия, наказывается...»¹.

Таким образом, горные, строительные и некоторые другие виды работ относятся к опасным производствам, и нарушение правил охраны труда на них способно привести к многочисленным человеческим жертвам, крупному материальному ущербу. Критерием криминализации здесь выступает именно характер общественно опасных последствий. Соответственно, для целей построения уголовного закона представляется малозначительным, при каком именно виде работ такие последствия наступили. Этим и обусловлено объединение подобного рода преступлений в сфере опасного производства в одной уголовно-правовой норме.

Сущностное единство указанных составов преступлений отражается при конструировании ст.ст. 216 и 217 УК РФ, которые схожи по своему юридико-техническому построению и характеру. Так, обе эти уголовно-правовые нормы состоят из трех частей, включающих основной, квалифицированный и особо квалифицированный составы, критерии разграничения которых (причинение по неосторожности тяжкого вреда здоровью человека или крупного ущерба; причинение по неосторожности смерти человеку; причинение по неосторожности смерти двум или более лицам) идентичны.

Также, несмотря на некоторые различия в видах наказания, предусмотренных рассматриваемыми нормами уголовного закона, общая тяжесть наказания, в том числе определяемая по наиболее строгому виду наказания — лишению свободы на определенный срок, является тождественной. Деяния, предусмотренные ст.ст. 216 и 217 УК РФ, относятся к одной категории преступлений (ст. 15 УК РФ).

¹ Евдокимов А. А. Указ. соч. С. 99.

Указанное заставляет задуматься о дальнейшей кодификации и объединении ст.ст. 216 и 217 УК РФ в единый состав, что будет более правильным исходя из необходимости охраны единого объекта преступления — специальных правил безопасности. Данное предложение позволит исключить и необоснованную конкуренцию ст.ст. 216 и 217 УК РФ, когда один и тот же вид работ (например, горные) может охватываться уголовно-правовым запретом двух этих преступлений.

Соответствующий «задел» для конструирования единого общего состава нарушения специальных правил безопасности создан в результате принятия Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым была исключена ст. 269 УК РФ («Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов»). Магистральные трубопроводы по своей природе являются опасными производственными объектами, поэтому возможные нарушения при их строительстве, эксплуатации или ремонте полностью охватываются ст. 217 УК РФ.

УДК 343.2/.7

Г. К. ЛАПКО

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

В 2014 году в результате референдума, проводившегося на основе законности и свободного волеизъявления граждан, Республика Крым стала субъектом Российской Федерации. В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что переходный период вхождения в состав Российской Федерации завершился и Крым полностью интегрировался в российское правовое пространство. Поэтому изучение особенностей криминологической обстановки, сложившейся в Республике Крым как неотъемлемой части Российской Федерации, является научно легитимным и актуальным.

Учитывая геополитическое положение и особенности исторического прошлого, несомненный интерес представляют крими-

нологические особенности преступлений против общественной безопасности, совершаемых в Республике Крым. В широком смысле общественная безопасность включает общественные отношения, обеспечивающие безопасные условия жизни всего общества, общественный порядок, экологическую безопасность, здоровье населения, общественную нравственность, безопасность при производстве различного рода работ и при обращении с общеопасными предметами и др. В контексте настоящей работы общественная безопасность рассматривается в узком понимании и включает преступления террористической направленности; преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, и смежные деяния, криминологические характеристики которых во многом определяются создавшейся сложной геополитической, межрелигиозной, межэтнической и экономической обстановкой.

Говоря о перечисленных выше преступлениях, прежде всего следует отметить, что в целом по Российской Федерации в 2018 году наблюдалось снижение темпов прироста преступности на 3,3 %. В Республике Крым в этот же период происходило увеличение темпов прироста преступности на 3,2 %. Для сравнения: в г. Севастополе этот показатель имел противоположную тенденцию и составил -16 %.

Преступления против общественной безопасности и общественного порядка в общей структуре преступности занимают чуть более 11 %. Наибольший удельный вес составляют такие преступления, как хулиганство и вандализм. Вместе с тем наибольшую общественную опасность представляют преступления террористического характера и преступления, связанные с незаконным оборотом оружия.

В январе—декабре 2018 года в Российской Федерации зарегистрировано 1 679 преступлений террористического характера (-10,3 % по сравнению с 2017 годом)¹. За этот же период в Республике Крым было зарегистрировано: 3 преступления, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма», 10 преступлений, предусмотренных ст. 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации», 26 преступлений, предусмот-

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://mvd.ru/folder/101762> (дата обращения: 01.10.2019).

ренных ст. 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма»¹.

Говоря о прогнозах, следует отметить, что общепризнанными факторами роста террористических проявлений являются причины, среди которых применительно к настоящему исследованию следует выделить непродуманность и непоследовательность в осуществлении преобразования исторически сложившихся общественных отношений и бытового уклада, игнорирование интересов отдельных слоев населения и расслоение общества по признаку материальной обеспеченности. Одновременно с перечисленным наблюдается тотальная бюрократизация отношений во всех сферах жизни общества, рост коррупции, назначение на должности, из-за личной преданности и кумовства, вопреки деловым качествам кандидата; безнаказанность отдельных должностных лиц (например, после известной Керченской трагедии 2018 года осталось на своих местах все руководство Министерства образования, науки и молодежи Республики Крым, что вызвало множество негативных откликов в социальных сетях).

Сложившаяся ситуация в конечном счете неминуемо приведет к осязаемому торможению социально-экономического развития региона, на которое рассчитывали граждане после воссоединения с Россией, и, как следствие, развитию сепаратистских настроений, подогреваемых извне. В этом плане следует согласиться с А. А. Кашкаровым, еще в 2015 году указывавшим на то, что коррупционные преступления, совершаемые должностными лицами органов публичной власти Крыма, могут привести к развитию радикальных и экстремистских настроений в обществе². Позиция А. А. Кашкарова подтверждается и выводами специалистов, считающих, что одной из основных причин масштабного политического кризиса в Украине в 2014 году явился беспрецедентный уровень коррупции³.

¹ Прокуратура Республики Крым : офиц. сайт. URL: <http://rkproc.ru/ru/content/statisticheskie-otchety-prokuratury-respubliki-krym-za-2018-god> (дата обращения: 01.10.2019).

² Кашкаров А. А. О взаимосвязи должностной преступности с проявлениями экстремизма в Крымском федеральном округе // Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь, 2015. С. 30.

³ Агапов П. В., Илий С. К. Деятельность правоохранительных органов по укреплению законности в сфере противодействия экстремизму, терроризму и коррупции в Республике Крым и г. Севастополе // Вестник Всероссийского

Важной составляющей преступлений против общественной безопасности являются деяния, связанные с незаконным оборотом оружия.

Если в 2004 году преступления, связанные с незаконным оборотом оружия, составляли чуть более 2 % в общей структуре преступности в Российской Федерации¹, то в 2014 году удельный вес таких преступлений снизился до 1,2 %². Несколько ниже этих показателей был удельный вес преступлений рассматриваемой группы в Республике Крым, где он в 2014 году составлял 1 %, а в 2015 году — 1,2 % от общего количества зарегистрированных в Крыму преступлений. Следует отметить, что в период 2016—2017 годов удельный вес преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, в целом по Российской Федерации продолжал снижение: так, в 2018 году наблюдалось снижение на 5,1 % по сравнению с 2017 годом, также уменьшилось на 9,9 % количество выявленных фактов хищения и вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств³. В Республике Крым наблюдается общероссийская тенденция снижения удельного веса преступности в сфере незаконного оборота оружия.

Вместе с тем мы согласны со специалистами, считающими, что в Республике Крым в силу географического положения, связанного с близостью к местам боевых действий, ведущихся на юго-востоке Украины, возможно значительное увеличение преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия⁴.

Кроме того, необходимо принимать во внимание тот факт, что Крым является объектом геополитических устремлений соседних государств (в частности, Турции и Украины), в связи с чем не исключена нелегальная переправка оружия и его консервация для «пятых колонн».

института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2017. № 1 (41). С. 18—24.

¹ Ищук Г. В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений против общественного порядка и общественной безопасности : автореф. дис. канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 12.

² Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 03.10.2019).

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/reports/item/16053092/> (дата обращения: 03.10.2019).

⁴ Робак В. А. Состояние незаконного оборота оружия в Республике Крым // Развитие государственности и права в Республике Крым : материалы Всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. С. А. Буткевича. 2016. С. 254—255.

Интересными с позиции криминологии и правоприменительной практики представляются данные об уровне латентности преступлений, которая составляет по разным оценкам от 45 до 66 %. В Республике Крым факторами, определяющими латентность незаконного оборота оружия, являются, во-первых, наличие незарегистрированного оружия, оставшегося в руках у населения с периода нахождения Крыма в составе Украины, а во-вторых, наличие оружия, раскапываемого «черными археологами» и полулегальными поисковиками на местах боевых действий и в арсеналах, оставшихся после Гражданской войны 1918—1920 годов и Великой Отечественной войны.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что в случае непринятия активных и результативных действий государственной властью, направленных на преодоление нарастающих коррупции, бюрократизации и расслоения общества, в Республике Крым следует ожидать усиления экстремистских и террористических проявлений, а также роста числа преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, что во многом обусловлено геополитическим положением Крыма, многонациональным составом населения и историческим прошлым полуострова.

УДК 34

Б. В. МАКОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Понятие суверенитета является центральным элементом понятия государства. Угроза полной или даже частичной потери государством своего суверенитета автоматически ставит под вопрос безопасность общества, личности и самого этого государства. Однако именно понятие «суверенитет» в его классическом понимании, закреплённом в традициях вестфальского типа государственности, оказалось сегодня в центре критики. Это связано с вопросами политико-правовой трактовки трансформации суверенитета государств — членов Европейского союза: «Сегодня все снова и снова воспроизводится разный подход государств-членов относительно его будущего... В этой точке сосредоточены представления о границе между политическим и юридическим, между мечтой и действительностью. С чисто юридической стороны определение правовой природы Европейского союза

прежде всего зависит от политической суверенной воли государств, являющихся его членами. Является фактом то, что юридическое определение европейского сообщества практически невозможно. Какие бы не предпринимались для этого попытки, они в конечном итоге сводили его к традиционной категории межгосударственного объединения. Но такой подход представляется проблематичным, если считать, что вопрос о правовой природе Европейского союза зависит от определения правовой природы отчуждения компетенций государств-членов»¹.

В западно-европейской традиции правовой мысли идея суверенитета базируется на двух понятиях — понятии государства и понятии нации, — которые в своей взаимосвязи формируют единый дискурс. Представления о природе суверенитета, развитые просветителями XVIII века, закреплялись во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года и в Конституции Французской Республики 1791 года: «Постепенно понятие суверенитета трансформировалось благодаря своей существенной открытости и посредством своей чисто формальной природе. Понятие суверенитета — это понятие функции, а не субстанции. Все это ведет к изменению в истории содержания этого понятия. В дальнейшем революция перенесла понятие суверенитета монарха на народ»².

Такое представление о «переносе» понятия суверенитета с монарха на народ фиксировало правовое содержание реального исторического события — крушения французской монархии и установления республики, а идея просветителей о том, что источником суверенитета может быть народ, получила практическое подтверждение. Однако из этого вовсе не следовало, что отныне только народ можно было признавать законным источником суверенитета. В большинстве стран таким источником по-прежнему признавался монарх. Можно привести примеры государств, например теократических монархий (государство Ватикан), которые являются в полной мере суверенными и суверенитет которых никто не может оспорить. Но в то же время утверждение о том, что источником этого суверенитета выступает народ, представляется достаточно сомнительным. По крайней мере, даже если с позиций светской науки не принимать ссылки

¹ Lepoivre H. Staatlichkeit und Souveränität in der Europäischen Union am Beispiel Frankreichs. Frankfurt am Main, 2003. P. 253.

² Ibid. P. 138.

на Бога как на источник суверенитета таких государств, то в качестве такого источника может быть признана религиозная община, понятие которой мы вовсе не можем отождествить с понятием «народ».

Также вызывает вопросы и распространенная в правовой науке точка зрения, согласно которой современная теория суверенитета признает суверенитет лишь в отношении демократического государства или тесно связывает понятие «суверенитет» с представлениями о демократии и защите прав человека. «Почти до 20-х годов XX в. понятие суверенитета практически не увязывалось с признанием прав человека. Эти понятия существовали как бы параллельно. Лишь в XX в., особенно во второй его половине, идея, что суверенитет государства не может служить основанием для ограничения прав человека, а также что не признающее прав человека государство не может быть признано суверенным, постепенно стало завоевывать всеобщее признание, хотя в отдельные годы и в некоторых странах еще продолжали отстаивать принцип примата интересов государства над интересами личности»¹.

Здесь также возникают сомнения, связанные с соображениями как эмпирического, так и теоретического порядка. Во-первых, известно достаточно много государств, суверенитет которых никто не оспаривает, но в которых однозначно не соблюдаются права человека и которые точно не являются демократическими. Достаточным примером может служить Саудовская Аравия. Во-вторых, из того факта, что в большинстве современных государств источником суверенитета признается воля народа, еще никак не следует возможность дедуцировать понятие суверенитета из аналитически расчлененного понятия «воля народа». Во всяком случае, не приходилось встречать доказательств того, что понятие суверенитета может быть дедуцировано только из понятия воли народа и что его нельзя точно также дедуцировать из понятия воли монарха, воли класса, воли религиозной группы и даже из воли Бога.

Как нам представляется, дело в том, что понятие «суверенитет» в теории государства является первичным понятием, выражающим, если использовать определение Гегеля, «идеальность

¹ Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах / С. Н. Бабурин, М. И. Байтин, Н. Н. Вопленко [и др.] ; отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 181.

всех особенных правомочий». В своей «Философии права» Гегель прямо указывал на всеобщий характер понятия суверенитета, сводящий в свою внутреннюю сущность (идеальность) все особенные определения государства, которые именно поэтому следуют из понятия суверенитета и зависят от него, а не наоборот¹. Согласно этой точке зрения организация, обладающая политической властью, чтобы существовать в форме государства, должна обладать качеством, которое выражается синтетическим понятием «суверенитет». Он выражает автономность и субъектность политической организации, без которых его существование уже не будет существованием именно государства. Вопрос о том, будет ли это государство абсолютной теократической монархией или демократической республикой, по отношению к вопросу обладания политической организацией суверенитетом, уже вторичен, точно так же как и вопросы о соблюдении прав человека, его демократических свобод, обеспечении его безопасности и т. п. В противном случае окажется, что мы экстраполируем особенное содержание понятия на его всеобщее содержание, что методологически недопустимо.

Как и теоретическое понятие «суверенитет», общий принцип суверенитета выполняет в процессе общественного развития двойную функцию: инструментальную и структурирующую. В этом случае принцип национального суверенитета выражает связь между нацией, ее действительным суверенитетом и единой национальной государственностью и может рассматриваться в своих двух аспектах: суверенитет государства и суверенитет народа. «Принцип национального суверенитета получил как материальное, в принципе переносимое на другие инстанции содержание (суверенитет государства), так и абстрактное, неотчуждаемое содержание (демократический суверенитет). Ядро суверенитета складывается не из комплекса компетенций — его составляет экспликация народом первоисточника власти. Такое понимание соответствует изначальному значению понятия национального суверенитета в том виде, как оно сложилось ко времени революции»². По мнению исследователя Г. Лемуавра, это различие между государственным суверенитетом и суверенитетом народа, которое соответствует национальной конституции, позволяет согласовать национальную теорию суверенитета с реали-

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 316—318.

² Lepoivre H. Op. cit. P. 206.

ями Европейского союза. Лишь при таком условии понятие национального суверенитета еще может выполнять свои функции без угрозы европейской интеграции.

Обозначение суверенитета государства как совокупности компетенций преимущественно международного характера позволяет осуществить перенесение этих компетенций на европейское сообщество, не затрагивая при этом сам принцип национального суверенитета, так как национальный суверенитет в таком случае оказывается делимым только в аспекте суверенитета государства, но не в аспекте суверенитета народа. «Благодаря этому можно оправдать перенос компетенций государственного суверенитета на Европейский союз без того, чтобы национальный суверенитет стал пустым звуком: изначальная иррациональность текста французской конституции отсылает к “священной иррациональности” французской теории суверенитета»¹. Как нам представляется, такого рода «плюрализация» понятия суверенитета несовместима с его трактовкой как субъектности государства, поскольку субъект по самой сущности своей монистичен².

В результате мы видим, что хотя само понятие суверенитета и является многозначным, вместе с тем в правосознании европейских народов оно тесно связано с представлением о «едином и неделимом» суверенитете, что создает непреодолимые сложности при трансляции суверенитета государств на Европейский союз как на некое транснациональное государство. Но именно для преодоления такого мнения возникло понятие «суверенитет» в качестве совокупности компетенций. Заметим, что такой подход не решает вопроса о возможности переноса ядра суверенитета на Европейский союз. При этом нужно решить вопрос о том, как быть с системой конституционной защиты суверенитета.

В связи с этим ряд исследователей говорит о том, что процесс конституционализации европейской интеграции может привести к преобразованию национальных конституций в некоторые дуальные конституции, которые в рамках установленной правовой системы уже не будут соответствовать существенным условиям обеспечения национального суверенитета. При этом отмечается, что в рамках своей правовой компетенции Конституционный совет Франции ограничился тем, что установил неприемлемость

¹ Ibid. P. 206.

² Масленников Д. В. Природа логического в философии абсолютного идеализма (Гегель и Фихте). СПб., 2011. С. 61—64.

складывающихся в новом транснациональном политико-правовом образовании существенных условий сохранения национального суверенитета¹.

В этой связи нам также представляется неприемлемым столь категоричное противопоставление друг другу суверенитета государства и суверенитета народа, а также раздвоение смысла понятия суверенитета в ущерб идее его изначальной монистической целостности. Европейские авторы говорят о неделимости национального суверенитета, опасаясь при этом, что данное понятие окажется «пустым звуком». Но далее непонятно, на каком основании можно отказать в этом качестве неделимости суверенитету государства. В конечном счете европейские правоведы постмодернистского толка пытаются уверить своих читателей в том, что существует не один, а два суверенитета. Лежащий в их основании единый суверенитет в таком случае и становится совершенно «пустым звуком», абстрактным родовым понятием.

Представляется, что здесь за рассуждениями постмодернистов о критической деструкции понятий скрывается докантовская метафизика, для которой понятия — это не выражение действительного внутреннего единства вещей, а формально-логические категории разной степени абстрактности, которыми можно произвольно оперировать в рамках логически непротиворечивых операций. Как результат, создается видимость того, что имеет место содержательный анализ понятий, который подменяется чисто идеологическим обоснованием любых политических решений.

Постмодернистская деструкция правовых категорий оборачивается отступлением теории права на уровень мышления XVIII века, без сохранения характерной для эпохи Просвещения установки на национальный суверенитет государств вестфальской модели. В итоге получается следующая теоретическая, а точнее говоря, формально-логическая конструкция: делимому суверенитету государства с отчуждаемыми компетенциями противостоит неделимый суверенитет народа, а объединяющий их общий суверенитет представляется либо абстрактной родовой категорией, либо кантовской «вещью-в-себе». В любом случае выглядят произвольными суждения о том, что допустим перенос компетенций суверенитета государства на наднациональный субъект. В таком случае перенос суверенитета народа на надна-

¹ Lepoivre H. Op. cit. P. 115.

циональный субъект (Интернационал, Евросоюз и т. д.) является еще более проблематичным.

Ряд авторов, прежде всего теоретики функционализма и неофункционализма (Д. Митрани, Э. Хаас, Л. Линдберг и др.), открыто говорят об «эрозии» суверенитета и стремятся относиться к этому процессу как к объективному предмету анализа. Они изучали процессы добровольного создания больших по масштабам политических объединений, которые сознательно воздерживаются от применения силы в отношениях между составляющими их элементами¹. Ключевым вопросом неофункционалистов был вопрос: каким образом и в силу каких причин государства добровольно ограничивают свой суверенитет, одновременно приобретая новые средства для урегулирования конфликтов между собой? Кроме того, под интеграцией (в правовом значении этого термина) неофункционалисты понимали «процесс, посредством которого лояльность политических акторов нескольких национальных образований смещается в сторону нового наднационального центра принятия решений, который становится центром политической активности. Конечным результатом процесса политической интеграции является новое политическое сообщество»². Таким образом, в центре внимания данной научной парадигмы находились проблемы «эрозии» рассредоточения суверенитета. В итоге остается открытым вопрос о последствиях, в том числе и правовых, которые может иметь делегирование Европейскому союзу суверенных компетенций от государств, являющихся благоприобретателями интеграции, и от тех государств, для которых деструкция суверенитета, напротив, ведет к снижению уровня экономического потенциала и социально-политической стабильности, уровня безопасности личности и общества.

В современных условиях основные приоритеты политики государства в области интеграционных процессов, несущих в себе явную или скрытую угрозу государственному суверенитету, должны быть связаны с вопросами, в которых наиболее отчетливо просматриваются параметры соотношения внутренней и внешней политики, направленные на обеспечение государственной безопасности, а именно с вопросами:

¹ Haas Ernst B. The Study of Regional Integration : Reflections on the Joy and Anguish of Pretheorizing // Regional Organization : Theory and Research / Ed. by Leon N. Lindberg and Stuart A. Scheingold. Cambridge, 2001. P. 4.

² Ibid. P. 433.

обеспечения суверенитета государства в сфере международных экономических отношений;

обеспечения безопасности государства (прежде всего, в области военной, продовольственной, энергетической, сырьевой, информационной, экологической безопасности. Особую угрозу, связанную с глобализационными процессами, составляет активное включение транснациональной организованной преступности во внешнеэкономическую деятельность);

обеспечения устойчивого развития страны: в собственно экономической сфере; в социальной сфере; в сфере идеологии, культуры, духовной жизни с точки зрения их экономического обеспечения.

При этом Россия должна отстаивать собственное видение формата государственного суверенитета, которое должно состоять в утверждении отношения к суверенитету как к правовой ценности, имеющей не только собственно юридическое, но и нравственное измерение¹. Именно как ценность нравственно-правового порядка идея суверенитета может объединять различные народы и культуры вопреки негативным тенденциям стремительно партикуляризирующегося мира.

Если для Запада сегодня своеобразным манифестом становится положение Макса Вебера о том, что международная политика и мораль несовместимы, то Россия с ее глубокими традициями изучения отношения права и нравственности должна занять противоположную позицию². Эта позиция может найти поддержку мирового сообщества, особенно в сфере международного права, где добросовестность, ответственность, разумность признаются естественными условиями договорных отношений. Ценностный подход к понятию суверенитета, альтернативный грубому прагматизму, должен способствовать утверждению начал справедливости в системе международно-правового регулирования транснациональных отношений, исключающих какую-либо дифференциацию государств в зависимости от уровня их экономического развития или ущемление их суверенитета в международно-

¹ Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П., Числов А. И Современные интеграционные процессы и роль государства и права в мировом сообществе // Мир политики и социологии. 2015. № 8. С. 193—197.

² Сальников В. П., Романовская В. Б., Сальников М. В., Романовская Л. Р. Религиозные и иные духовные традиции как защита от угрозы деградации общества // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 7. С. 173—179.

договорных отношениях или при участии в деятельности международных организаций.

Опыт зарубежной интеграции показал, что невозможно одновременно осуществлять формирование глубоко интегрированного экономического и политического организма с сохранением действия принципа национального суверенитета в его традиционных формах. Вместе с тем обеспечение суверенитета — приоритетная задача государства. Позитивное разрешение данного противоречия возможно лишь в том случае, если оно станет источником действительного развития государства и национального права, стимулом для выработки новых, адекватных реалиям современного мира форм утверждения суверенитета государства как основы обеспечения безопасности личности и общества.

УДК 343.2/.7

Г. В. НАЗАРЕНКО А. И. СИТНИКОВА

ХУЛИГАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Согласно статистическим данным ГИЦ МВД России, хулиганство относится к числу распространенных преступлений. В этой связи в научных публикациях проблемам ответственности за хулиганство уделяется определенное внимание. Однако в правоприменительной практике возникают трудности понимания юридических признаков этого преступления и возникают ошибки при квалификации действий, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок, так как первоначальная редакция ст. 213 Уголовного кодекса Российской Федерации о хулиганстве многократно редактировалась законодателем. В пункт «а» части первой указанной статьи из части третьей перенесено предписание о хулиганстве с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. В пункт «б» включены мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также введен пункт «в», предусматривающий ответственность за совершение хулиганства на различных видах транспорта. Из части второй исключен такой квалифицирующий признак преступления, как «совершение лицом, ранее судимым за хулиганство». Зато ч. 3 ст. 213 УК РФ дополнена особо квалифицирующим признаком, в качестве которого указано совершение хулиганских действий с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств. Кроме того, трудности при квалификации хулиганства связаны с наличием

норм о насильственных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 111, п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ) либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ).

Проблемы квалификации хулиганства касаются практически всех указанных признаков, а также заключаются в необходимости дифференциации хулиганских действий и поведенческих актов, не являющихся хулиганством, и в необходимости правового разграничения уголовно наказуемого и мелкого хулиганства, хулиганства и преступлений против личности. В этой статье ввиду ее ограниченного объема рассматриваются те проблемы квалификации хулиганского поведения, которые вызывают наибольшие трудности при уголовно-правовой оценке действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу.

Квалификация хулиганства, совершенного с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия (п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

1. При квалификации действий по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ надлежит установить, является ли примененный при хулиганстве предмет оружием, предназначенным для поражения живой или иной цели. 2. Действия лица, применившего при совершении хулиганства оружие, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 213 и 222 УК РФ. 3. Если в процессе совершения хулиганства лицо использует животных, представляющих опасность для жизни или здоровья человека, содеянное следует квалифицировать по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. 4. Совершение хулиганских действий с применением незаряженного, неисправного, непригодного оружия квалифицируется по п. «а» ч. 1 ст. 213 УК РФ. 5. При совершении хулиганства, предусмотренного ст. 213 УК РФ, могут быть использованы любые предметы, принесенные виновным или обнаруженные им на месте преступления. 6. Газовый пистолет, рукояткой которого наносятся удары потерпевшему, следует рассматривать не как оружие, а как предмет, используемый в качестве оружия. 7. Угроза применения оружия в форме его демонстрации, представления ножа к телу человека и т. п. независимо от наступивших последствий образует состав хулиганства. 8. Не признается применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, их демонстрация и высказывание намерения применить

при отсутствии реальной угрозы их использования для причинения вреда жизни или здоровью потерпевшего¹.

Квалификация хулиганства, совершенного по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

1. В основе квалификации экстремистского хулиганства лежит уголовно-правовая оценка возможности причинения вреда интересам лиц в зависимости от их социальных, расовых, религиозных, национальных и иных различий. 2. Как хулиганство, совершенное по экстремистским мотивам, следует квалифицировать действия, возбуждающие социальную, расовую, национальную, религиозную рознь, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности. 3. При квалификации хулиганства как совершенного по экстремистским мотивам необходимо выявить сущность данных мотивов, которая состоит в желании виновного ущемить права и интересы потерпевшего лица в связи с его принадлежностью к иной расе, национальности или вероисповеданию.

Квалификация хулиганства, совершенного на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

1. Квалификация по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ будет осуществляться независимо от того, находилось транспортное средство в движении или нет². 2. При квалификации транспортного хулиганства необходимо учитывать поведение виновного лица, которое может выражаться в следующих действиях: нецензурные выражения в адрес обслуживающего персонала и пассажиров, демонстрация пренебрежительного отношения к членам экипажа, распитие спиртных напитков, агрессивная реакция на замечания обслуживающего персонала или граждан, создание реальной угрозы безопасности полета или движения транспорта.

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / В. П. Верин, О. К. Зателепин, С. М. Зубаров [и др.] ; отв. ред. В. И. Радченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 428.

² Куприянов Е. И., Майорова Е. И., Яковлева Л. В. Хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования // Российский следователь. 2018. № 4. С. 51—53.

3. О транспортном хулиганстве свидетельствуют нарушение общепринятых норм безопасности движения транспорта, демонстративное противопоставление себя окружающим, демонстрация пренебрежительного отношения к обществу, буйство.

Квалификация хулиганства, совершенного группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (ч. 2 ст. 213 УК РФ).

1. Для квалификации действий соисполнителей, совершивших хулиганство в составе группы лиц по предварительному сговору, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, не имеет значения, каким количеством лиц применялись оружие или предметы, используемые в качестве оружия. 2. Если в ходе совершения совместных хулиганских действий один исполнитель при отсутствии предварительного сговора с другими соучастниками преступления применил оружие или предметы, используемые в качестве оружия, либо осуществил хулиганские действия по мотивам вражды или ненависти, содеянное квалифицируется как эксцесс исполнителя по соответствующему пункту ч. 1 ст. 213 УК РФ. 3. Действия соучастников не образуют состава хулиганства, если между ними отсутствовал предварительный сговор на совершение противоправных действий, не применялись оружие или предметы, используемые в качестве оружия, отсутствовали мотивы вражды или ненависти. Такие действия квалифицируются как административное правонарушение по ст. 20.1 КоАП РФ. 4. Квалифицирующий признак хулиганства «совершенное группой лиц по предварительному сговору» исключается, если каждый из виновных в отношении потерпевшего действовал самостоятельно и предварительная договоренность на избиение потерпевшего после ссоры с ним у таких лиц отсутствовала. 5. Для квалификации хулиганства как совершенного организованной группой не требуется, чтобы применялись оружие или предметы, используемые в качестве оружия, всеми участниками группового хулиганства. Достаточно, чтобы те, кто нарушает общественный порядок без применения указанных предметов, знал о наличии оружия или предметов, используемых в качестве оружия, у других соучастников¹.

Квалификация хулиганства, связанного с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязан-

¹ Комментарий ... С. 428.

ности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка (ч. 2 ст. 213 УК РФ).

1. Как хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка, следует квалифицировать деяние в том случае, если сопротивление оказано непосредственно во время совершения хулиганских действий. 2. По совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 213 и ст. 317 или ст. 318 УК РФ, надлежит квалифицировать действия лица, оказавшего сопротивление представителю власти после совершения хулиганских действий. 3. Хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти, в ходе которого применено опасное или неопасное насилие, надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 и соответствующей частью ст. 318 УК РФ. 4. Если при оказании сопротивления лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка, умышленно причинены смерть, тяжкий или средней тяжести вред здоровью, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 213 УК РФ и соответственно п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ. 5. Если в процессе совершения хулиганских действий потерпевшему лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему преступление, нанесены побои или причинен вред здоровью различной степени тяжести из хулиганских побуждений, содеянное следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 213 УК РФ и соответствующей статьей Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за преступление против личности. 6. Если виновный вовлек несовершеннолетнего в совершение хулиганских действий, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 213 и 150 УК РФ.

Квалификация хулиганства, совершенного с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч. 3 ст. 213 УК РФ).

1. Квалификация по ч. 3 ст. 213 УК РФ осуществляется в случае использования взрывчатых веществ или взрывных устройств, создающих опасность для жизни или здоровья людей, уничтожения или повреждения имущества. 2. Особо опасный вид хулиганства квалифицируется по ч. 3 ст. 213 УК РФ при высказыва-

нии угрозы применения взрывчатых веществ или взрывных устройств, т. е. при реальном высказывании в любой форме намерения использовать общеопасные и поражающие свойства взрывчатых веществ или взрывных устройств в целях нарушения общественного порядка.

Квалификация действий, не подпадающих под признаки состава хулиганства.

1. Состав хулиганства отсутствует, если зачинщиком ссоры или драки признан потерпевший либо поводом к конфликту послужило противоправное поведение потерпевшего. 2. Действия лица при отсутствии умысла на нарушение общественного порядка не образуют состава хулиганства, предусмотренного ст. 213 УК РФ. 3. Причинение вреда здоровью различной степени тяжести или совершение убийства по мотивам вражды или ненависти при отсутствии признаков хулиганства надлежит квалифицировать по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности. 4. Причинение потерпевшему вреда здоровью различной степени тяжести, побоев, совершенное в отношении родственников или знакомых на почве личных неприязненных отношений из-за неправильных действий потерпевшего, следует квалифицировать по статьям Особенной части УК РФ, предусматривающим ответственность за преступления против личности. 5. Умышленные уничтожение или повреждение имущества, совершенные из хулиганских побуждений и повлекшее причинение значительного ущерба, надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 167 УК РФ. 6. Совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК РФ и соответствующей частью ст. 213 УК РФ, образуют действия лица, совершившего умышленные уничтожение или повреждение имущества из хулиганских побуждений, иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу. 7. Наличие личных неприязненных отношений между лицом, нарушающим общественный порядок, и потерпевшим исключает уголовную ответственность за хулиганство, даже если при этом нарушен общественный порядок. 8. Избиение потерпевшего из мести с использованием зажигалки, изготовленной в виде пистолета, надлежит квалифицировать как причинение легкого вреда здоровью.

Ограничение хулиганства (ст. 213 УК РФ) от административного правонарушения.

При отграничении уголовно наказуемого хулиганства (ст. 213 УК РФ) от мелкого хулиганства (ст. 20.1 КоАП РФ) следует учитывать степень нарушения общественного порядка, которая определяется на основании совокупности обстоятельств дела, включая способ, время, место совершения хулиганских действий, их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства. При этом критериями разграничения действий, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, служат величина причиненного общественному порядку вреда и степень общественной опасности совершенных действий. Законодатель учел проблему разграничения хулиганства как административного правонарушения и уголовно наказуемого хулиганства при конструировании ст. 213 УК РФ и решил эту проблему, указав на то, что уголовно наказуемое хулиганство совершается с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Отграничение хулиганства (ст. 213 УК РФ) от преступлений против личности. Отграничение хулиганства от преступлений против личности проводится по элементам состава преступления.

Квалифицируя действия лица как хулиганство, следует иметь в виду, что в систему объектов, которым причиняется вред, в первую очередь входит общественный порядок, который страдает в большей степени, чем потерпевшие, в числе которых могут оказаться посторонние лица, не причастные к началу совершения хулиганских действий.

В случаях посягательства на личность действия субъекта характеризуют расчетливость, обдуманность, непродолжительность, стремление достичь конкретного результата, осуществление контроля за совершаемыми действиями и их прекращение по достижении желаемого результата. При совершении хулиганства действия виновного в большинстве случаев непоследовательны, хаотичны и спонтанны. Агрессия хулиганствующих лиц может быть направлена на один или несколько объектов. В случае совершения преступлений против личности, предусмотренных ст.ст. 111 и 112 УК РФ, оружие или предметы, используемые в качестве оружия (как правило, заранее подготовленные или специально приспособленные), применяются целенаправленно. При совершении хулиганских действий лицо, как правило, не готовит оружие или предметы, используемые в качестве оружия, заранее, применяет любые пред-

меты, случайно оказавшиеся под рукой, оружие нередко использует непредуманно.

Лицо, совершая посягательство на личность, в основном действует с прямым умыслом, направленным на причинение вреда здоровью, и возможным косвенным умыслом по отношению к последствиям. При совершении хулиганских действий у виновного отсутствует целенаправленное желание достичь конкретного результата¹.

При посягательстве на личность действия виновного мотивированы личными неприязненными отношениями. Виновный заранее готовится к преступлению, продумывает свои действия и намечает механизм их реализации. Посягательство на общественный порядок мотивировано хулиганскими побуждениями, которые выражаются в желании противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение, проявить явное неуважение к обществу и общепринятым нормам поведения.

Сформулированные в данной статье правила квалификации дают возможность освоить рациональный алгоритм правовой оценки противоправных деяний, подпадающих под признаки хулиганства, предусмотренного чч. 1—3 ст. 213 УК РФ, отграничить уголовно наказуемое хулиганство от смежных преступлений и мелкого хулиганства, тем самым не допустить встречающихся на практике квалификационных ошибок.

УДК 343.98

Г. Г. НЕПЕИН

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ АВИАЦИОННОГО ПРОИСШЕСТВИЯ

Как показывают данные статистики, год от года растет число авиационных происшествий (катастроф), сопровождаемых человеческими жертвами². Согласно проведенным исследованиям в период с 2009 по 2018 год на территории Российской Федера-

¹ Назаренко Г. В. Русское уголовное право : курс лекций. М., 2000. С. 57.

² Согласно официальным данным МАК, опубликованным на сайте комиссии, на территории Российской Федерации и с воздушными судами, принадлежащими авиакомпаниям России, в 2013 году произошло 13 авиакатастроф, в 2014 году — 22, в 2015 году — 21, в 2016 году — 24. (Межгосударственный авиационный комитет : офиц. сайт. URL: <http://mak-iac.org/rassledovaniya/bezopasnost-poletov/> (дата обращения 28.10.2019).)

ции произошло 190 катастроф, в которых погибло не менее 790 человек. До 38 % всех авиакатастроф произошли вблизи аэродромов и посадочных площадок при взлете либо заходе на посадку воздушного судна, 24 % — при выполнении полетов на малых и сверхмалых высотах либо выполнении фигур сложного и высшего пилотажа. Наибольшее количество катастроф приходится на летний — 35,5 %, осенний — 28,9 % и весенний — 21,6 % периоды. При этом в дневное время произошел 41 % катастроф, утреннее время — 32,6 % и вечернее время — 21 %. Примерно в 10 % авиапроисшествий на возникновение и развитие особой ситуации в полете, завершившейся катастрофой, повлияли неблагоприятные метеорологические условия.

Судебно-следственная практика и результаты расследований Межгосударственного авиационного комитета (МАК) показывают, что чаще всего авиакатастрофы происходят вследствие нарушения летным либо наземным персоналом правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта (например, пренебрежение техникой пилотирования, несоблюдение правил управления воздушным движением). При расследовании авиакатастроф уполномоченным органам необходимо установить статьи и пункты конкретных инструкций, положений, наставлений, регламентов и иных норм, регулирующих безопасность движения и эксплуатации воздушного транспорта, которые были нарушены виновным работником. Кроме того, устанавливается, в чем именно выразились эти нарушения, был ли работник обязан выполнять требования данных правил.

Основные нормы, регулирующие безопасность движения и эксплуатации воздушных судов, содержатся в Воздушном кодексе Российской Федерации и нормативных актах уполномоченных органов, к которым относятся: Министерство транспорта Российской Федерации — в сфере гражданской авиации, Министерство обороны Российской Федерации — в сфере государственной авиации (государственной военной авиации), Министерство промышленности и торговли Российской Федерации — в области экспериментальной авиации.

Для понимания причин, послуживших наступлению общественно-опасных последствий при нарушении норм безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта в происшествиях с летательными аппаратами и наступлению со стороны уполномоченных органов обязанности по их расследованию,

необходимо определить, что является с криминалистической точки зрения авиационным происшествием.

В русском языке под происшествием подразумевается событие, возникшее в результате стечения обстоятельств либо целенаправленных действий и нарушившее обычный ход вещей¹.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации неоднократно упоминаются «место происшествия», «порядок осмотра места происшествия», но при этом законодатель не поясняет, что именно он понимает под термином «происшествие». Учеными-криминалистами предпринимались неоднократные попытки дать общее определение понятию «происшествие». Однако при изучении криминалистики как системы научных знаний нами не было обнаружено единого подхода к определению «транспортного происшествия» в общем и понятию «авиационное происшествие» в частности.

Основное внимание при изучении вопросов, связанных с расследованием транспортных преступлений, криминалистами уделяется дорожно-транспортным происшествиям.

Так, А. П. Онучин рассматривает транспортное происшествие как событие, с обнаружением которого у правоохранительных органов возникают обязанности по раскрытию и расследованию преступления. При этом это событие он понимает как длящийся многоэтапный процесс, состоящий из системы взаимосвязанных между собой элементов, каждый из которых принимает участие в возникновении и развитии преступного деяния². Аналогичной точки зрения придерживается Ф. Х. Кульмашев, указывающий на то, что происшествие или событие также является объектом процессуального установления и исследования, оценки³.

В. Д. Корма называет транспортное происшествие событием, содержащим информацию о предмете уголовного расследования и связанным с нарушениями безопасного порядка движения и нормального функционирования транспортного средства⁴.

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2004. С. 611; Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. Л. И. Скворцова. М., 2010. С. 495; Толковый словарь русского языка / Д. Аханкин, Т. Гаврилова, Д. Дмитриев [и др.] ; под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. С. 1039.

² Онучин А. П. Проблемы расследования дорожно-транспортных происшествий с учетом ситуационных факторов : монография. Свердловск, 1987. С. 24.

³ Кульмашев Ф. Х. Автотранспортное средство как объект криминалистического исследования : монография. М., 2006. С. 78.

⁴ Корма В. Д. Криминалистическая трактовка транспортного происшествия, его содержание и структуры // Транспортное право. 2006. № 4. С. 44—45.

При осуществлении прокурором анализа материалов уголовных дел об авиакатастрофах понятие «авиационное происшествие», по нашему мнению, является одним из ключевых элементов для познания преступления, связанного с нарушением норм, регулирующих безопасность движения и эксплуатации воздушного транспорта. Существуют различные толкования данного понятия.

Так, И. Ф. Васин под ним понимает «событие, связанное с летной и наземной эксплуатацией воздушных судов, при котором: а) одно или несколько лиц погибают или получают ранения при нахождении внутри воздушного судна либо на нем, а также в результате непосредственного соприкосновения с воздушным судном или с каким-либо предметом, прикрепленным к нему; б) воздушное судно полностью разрушается (уничтожается) или получает такие повреждения, до устранения которых оно является непригодным для полетов»¹. При этом в зависимости от характера и места произошедшего они квалифицируются как летные, наземные и чрезвычайные события.

В технической литературе под понятием «авиационное происшествие» понимаются различные события, которые произошли вследствие нештатного использования летательного аппарата. Последствиями такого происшествия, обусловленного нарушением нормального функционирования самого воздушного судна, летного экипажа либо внешними условиями, является гибель лиц, находившихся на борту судна (авиационная катастрофа), а также полное либо частичное повреждение летательного аппарата или вынужденная посадка в такую местность, откуда его эвакуация невозможна либо нецелесообразна (авиационная авария)².

Нормативное определение авиационного происшествия содержится в Приложении 13 к Конвенции о международной гражданской авиации³ и продублировано в п. 1.2.2.1 Правил

¹ Васин И. Ф. Основы расследования и предупреждения авиационных происшествий. Учеб. пособие. В 2 ч. Ч. 1. Основы расследования авиационных происшествий / Академия гражданской авиации. Л., 1975. С. 10.

² Большая энциклопедия транспорта. В 8 т. Т. 2. Авиационный транспорт / под ред. А. Г. Братухина, Л. А. Гильмберг. М., 1995. С. 95.

³ Расследование авиационных происшествий и инцидентов / Международная организация гражданской авиации // Отраслевые документы гражданской авиации : сайт. URL: http://www.aviadocs.net/icaodocs/Annexes/an13_cons_ru.pdf (дата обращения: 27.03.2019).

расследования авиационных происшествий и инцидентов с гражданскими воздушными судами в Российской Федерации, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июня 1998 г. № 609.

Под авиационным происшествием, в соответствии с названными нормативными актами, понимается событие, связанное с использованием воздушного судна, в ходе которого лица, находившиеся на борту, получают телесные повреждения, либо само судно получает различные повреждения или происходит разрушение его конструкции, либо оно пропадает без вести или оказывается в таком месте, где доступ к нему невозможен.

При этом в соответствии с указанными Правилами данные происшествия классифицируются:

на авиационные происшествия с человеческими жертвами (катастрофа) — гибель или пропажа без вести кого-либо из пассажиров, членов экипажа;

авиационные происшествия без человеческих жертв.

Вместе с тем основным объектом преступления, предусмотренного ст. 263 УК РФ, являются отношения в сфере безопасного функционирования движения и эксплуатации воздушного транспорта, включающего в себя не только полеты судов, но и выполнение различных авиационных работ, т. е. охватывающий эксплуатацию транспорта и транспортной системы в целом, а также соблюдение, при выполнении этих работ, установленных правил предосторожности. Нарушение работниками воздушного транспорта Правил влечет за собой наступление различных общественно опасных последствий, в том числе человеческие жертвы.

Авиационное происшествие, по нашему мнению, представляет собой уголовно релевантное событие, детерминированное с рассогласованием нормального функционирования самого воздушного судна, летного экипажа, наземных служб управления и обеспечения полетов. Обязанность по расследованию такого события возникает только в случае, если в нем содержатся признаки общественно опасного деяния, выраженного в факте обнаружения вреда и следов, которые воспринимаются как последствия преступных нарушений правил предосторожности, связанных с безопасностью движения и эксплуатации воздушного транспорта.

УДК 34

О. Г. НИКИТЕНКО

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В МИРЕ: СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ И ПРОГНОЗ СОВЕРШЕНИЯ

Изучение статистических данных о преступлениях террористического характера, а также осуществление прогнозирования будущих тенденций их совершения являются важными предпосылками для выработки оптимальной по теоретическому наполнению и прикладной составляющей совокупности мер, направленных на обеспечение эффективного предупреждения и профилактики данных преступных деяний.

Значительный рост числа преступлений террористического характера в мире произошел в 2006 году, когда их количество увеличилось на 25 % и составило 14 338 против 11 153 в 2005 году. Как следствие, возросло число жертв на 40 %: с 14 618 в 2005 году до 20 498 в 2006 году¹. Периодом релятивного спокойствия стал 2011 год: количество совершенных преступлений террористического характера снизилось на 12 % — с 11 641 в 2010 году до 10 282², число погибших (7 473) снизилось на 5 %³.

В 2013 году было совершено 9 707 преступлений террористического характера, в результате которых более 17 800 человек погибли и около 32 500 были ранены. В среднем террористами ежемесячно совершалось почти 809 атак, причинялись 1 491 смерть 2 715 травм⁴. В число стран, наиболее пострадавших от атак тер-

¹ Число терактов в мире за 2006 год выросло на 25 % // NEWSru.com : новостной портал. URL: <http://www.newsru.com/world/03may2007/doklad.html> (дата обращения: 14.11.2017).

² В 2011 году 70 % всех терактов в мире совершили мусульмане-сунниты // Cirota.ru : сайт. URL: <http://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=96002> (дата обращения: 14.11.2017).

³ Госдепартамент США: число терактов в мире уменьшилось // DeutscheWelle : сайт. URL: <https://www.dw.com/ru/госдепартамент-сша-число-терактов-во-всем-мире-уменьшилось/a-16135068-1?maca=rus-rss-ru-news-4383-xml-mrss> (дата обращения: 14.11.2017).

⁴ Annex of statistical information. Country reports on terrorism, 2013 // U.S. Department of State. Mode of access: <http://www.state.gov/documents/organization/225043.pdf> (date of access: 14.11.2017).

рористов в 2013 году, вошли Афганистан, Индия, Ирак, Йемен, Нигерия, Пакистан, Таиланд, Сирия, Сомали и Филиппины¹.

В 2014 году число совершенных преступлений террористического характера (13 463) по сравнению с 2013 годом увеличилось на 35 %, количество погибших (31 700) — на 81 %². В среднем в 2014 году в месяц имели место 1 122 преступления террористического характера, причинялись 2 727 смертей и 2 899 ранений³.

По сравнению с 2014 годом в 2015 году количество атак террористов (11 774) уменьшилось на 13 %, летальных исходов (28 300) — на 14 %. Это стало первым снижением указанных статистических показателей с 2012 года⁴. Ежемесячно в среднем в 2015 году совершалось 981 преступление террористического характера, причинялась 2 361 смерть и наносилось 2 943 ранения⁵. Следует отметить, что в 2015 году резко возросло число детей, используемых террористическими организациями в качестве смертников. Например, в Камеруне, Нигере, Нигерии и Чаде число атак, в совершение которых вовлекались дети-смертники, увеличилось с 4 в 2014 году до 44 в 2015 году. При этом 75 % указанных атак были совершены девочками⁶. Наиболее пострадавшими от преступлений террористического характера

¹ Anderson D. The terrorism acts in 2013 : rep. of the independent reviewer on the operation of the Terrorism Act 2000 and part 1 of the Terrorism Act 2006. London, 2014. P. 10.

² Annex of statistical information. Country reports on terrorism, 2014 // U.S. Department of State. Mode of access: <http://www.state.gov/documents/organization/239628.pdf> (date of access: 14.11.2017).

³ Fatalities : between 2014-01-01 and 2014-12-31 // Global Terrorism Database. Mode of access: https://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?chart=fatalities&casualties_type=&casualties_max=&start_year=2014&start_month=1&start_day=1&end_year=2014&end_month=12&end_day=31 (date of access: 31.03.2019).

⁴ Country reports on terrorism 2015 // U.S. Department of State. Mode of access: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/06/258013.htm> (date of access: 14.11.2017).

⁵ Injuries : between 2015-01-01 and 2015-12-31 // Global terrorism database. Mode of access: http://www.start.umd.edu/gtd/search/Results.aspx?charttype=bar&chart=injuries&casualties_type=&casualties_max=&start_year=2015&start_month=1&start_day=1&end_year=2015&end_month=12&end_day=31 (date of access: 17.11.2017).

⁶ Nigeria regional conflict: 10-fold increase in number of children used in «suicide» attacks // UNICEF. Mode of access: http://www.unicef.org/media/medi_a_90827.html (date of access: 14.11.2017).

государствами в 2014—2015 годах стали Афганистан, Индия, Ирак, Нигерия и Пакистан.

В 2016 году в отличие от 2015 года число преступлений террористического характера (11 072) снизилось на 10 %, количество летальных исходов (25 621) — на 13 %¹. При этом количество атак террористов уменьшилось по сравнению с 2006 годом практически на 30 % и возросло в сравнении с 2012 годом и 2013 годом на 40 % и 10 % соответственно². Число смертельных исходов в 2016 году сократилось по сравнению с 2014 годом и 2015 годом соответственно на 27 % и 14 %³. В среднем в 2016 году ежемесячно совершалось 923 преступления террористического характера, причинялось 2 135 смертей и 2 818 ранений. Обращаем внимание, что число государств, в которых в течение 2016 года не было зарегистрировано преступлений террористического характера, по сравнению с 2008 годом (49 стран) сократилось до 37⁴.

В 2017 году преступлений террористического характера было совершено на 23 % меньше (8 584), чем в 2016 году. Число летальных исходов снизилось на 27 % (18 700). Вместе с тем 19 400 человек получили ранения в результате атак террористов. Ежемесячно в 2017 году в среднем совершалось 715 преступлений террористического характера, причинялись 1 563 смерти и 1 623 ранения⁵. Названные преступные деяния в 2016—2017 годах

¹ Global terrorism index: measuring and understanding the impact of terrorism, 2017 // Institute for Economic and Peace. Mode of access: <http://visionofhumanity.org/reports/global-terrorism-index-2017-snapshot/> (date of access: 31.03.2019) ; National Consortium for the study of terrorism and responses to terrorism: annex of statistical information, 2016 // U.S. Department of State. Mode of access: <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2016/272241.htm> (date of access: 17.11.2017).

² Number of terrorist attacks world wide between 2006 and 2016 // Statista. Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/202864/number-of-terrorist-attacks-worldwide> (date of access: 17.11.2017).

³ Number of casualties due to terrorism world wide between 2006 and 2016 // Statista. Mode of access: <https://www.statista.com/statistics/202871/number-of-fatalities-by-terrorist-attacks-worldwide> (date of access: 17.11.2017).

⁴ Global peace index: measuring peace in a complex world, 2019 // Institute for Economic and Peace. Mode of access: <http://visionofhumanity.org/49D25471-9166-4EA0-B894-A2EA01E19088/FinalDownload/DownloadId-EDC37103B0C888A534C009DBC54AA02B/49D25471-9166-4EA0-B894-A2EA01E19088/app/uploads/2019/07/GPI-2019web.pdf> (date of access: 08.08.2019).

⁵ Annex of statistical information. Country reports on terrorism, 2017 // U.S. Department of State. Mode of access: <https://www.state.gov/documents/organization/283097.pdf> (date of access: 22.10.2018).

имели место более чем в 100 странах; наибольшее число атак террористов произошло в Ираке, Афганистане, Индии, Пакистане и на Филиппинах⁷³.

В 2018 году было совершено более 9 600 преступлений террористического характера, в результате которых погибли почти 16 000 человек и более 15 000 пострадали. В среднем ежемесячно совершалось 800 преступлений террористического характера, причинялось 1 330 смертей и 1 300 ранений¹. Больше всего атак террористами в 2018 году было совершено в Ираке, Афганистане, Нигерии, Индии и Пакистане².

Обращаем внимание, что в 2013 году более 220 террористических организаций были названы виновными в совершении преступлений террористического характера, в 2014 году — более 250, в 2015 году — более 270³, в 2016 году — более 330, в 2017—2018 годах — более 320. Кроме того, отметим, что общемировой является стабильная тенденция увеличения количества салафитско-джихадистских террористических групп. В частности, с 1988 года по 2013 год их количество увеличилось на 633 %⁴, а с 2001 года по 2018 год — на 180 %⁵.

В 2013—2014 годах наибольшее количество преступлений террористического характера было совершено такими террористическими организациями, как Аль-Шабаб, Боко-Харам, ИГИЛ, Коммунистическая партия Индии, Талибан, в 2015 году — Боко-Харам, ИГИЛ, Коммунистическая партия Индии, Курдская ра-

¹ Trends in Global Terrorism: Islamic State's Decline in Iraq and Expanding Global Impact; Fewer Mass Casualty Attacks in Western Europe; Number of Attacks in the United States Highest since 1980 s. Background Report // START. National Consortium for the study of terrorism and responses to terrorism. Mode of access: https://www.start.umd.edu/sites/default/files/publications/local_attachments/START_GTD_TerrorismIn2018_Oct2018.pdf (date of access: 14.10.2019).

² Top 10 countries by attacks. Global attack index 2018 [Electronic resource] // IHSMARKIT. Mode of access: <https://cdn.ihs.com/ADS/314351707/Countries-Attacks.html> (date of access: 02.09.2019).

³ National Consortium for the study of terrorism and responses to terrorism: annex of statistical information, 2015 // U.S. Department of State. Mode of access: <https://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2015/257526.htm> (date of access: 14.11.2017).

⁴ Jones, S. G. A persistent threat: the evolution of al Qaeda and other Salafijihadists / S. G. Jones. Santa Monica, 2014. P. 10.

⁵ The Evolution of the Salafi-Jihadist Threat. Current and Future Challenges from the Islamic State, Al-Qaeda, and Other Groups // The Center for Strategic and International Studies (CSIS). Mode of access: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/181221_EvolvingTerroristThreat.pdf (date of access: 11.10.2019).

бочая партия, Талибан¹, в 2016—2017 годах — ИГИЛ (включая как аффилированные с ИГИЛ террористические организации, так и террористические организации, не аффилированные с ИГИЛ, но вдохновленные примером ИГИЛ) и Талибан; в 2018 году — ИГИЛ, Талибан, Аль-Шабаб, Анзар Аллах, Боко-Харам, Хайят-Тахрир аль-Шам².

При этом террористические организации брали на себя ответственность за содеянное в 2013 году в 34,7 % случаев. Данный показатель в 2014, 2015, 2016 и 2017 годах составил 30, 34, 35 и 37 % соответственно.

Представляется весьма вероятным, что в ближайшее десятилетие «география» преступлений террористического характера расширится и затронет относительно спокойные государства мира. В значительной степени это будет обусловлено ростом политической напряженности на мировой арене, дальнейшим усилением гео- и экономико-политической борьбы, развитием информационных технологий. Одновременно интенсивность террористической активности останется высокой в регионах мира, где неоднородные по религиозным и иным признакам сообщества вынуждены постоянно контактировать и соприкасаться. При этом в качестве предпосылки совершения преступлений террористического характера сохраняются неразрешенные проблемы историко-культурного и социально-экономического характера, которые еще более обостряются ввиду перехода к постиндустриальному обществу.

Террористы и дальше будут активно развивать собственную социально-коммуникационную стратегию, увеличивать информационный охват различных аудиторий и давление на них, в том числе посредством нагнетания тревоги и опасений пострадать в результате совершения преступления террористического характера. Это не сможет негативным образом не сказаться на морально-эмоциональном состоянии мирового сообщества.

Для оказания максимального воздействия на целевую аудиторию, демонстрации несостоятельности проводимой государствами политики, бессилия власти и правоохранительных структур террористы будут наращивать зрелищность совершаемых ими

¹ Global terrorism index: measuring and understanding the impact of terrorism, 2015 // Institute for Economic and Peace. Mode of access: [http:// visionofhumanity.org/reports/global-terrorism-index-15/](http://visionofhumanity.org/reports/global-terrorism-index-15/) (date of access: 31.03.2019).

² Top 10 groups by attacks. Global attack index 2018 // IHSMarkit. Mode of access: <https://cdn.ihs.com/ADS/314351707/Group-Attacks.html> (date of access: 02.09.2019).

преступлений. Ввиду постоянного расширения пространства глобальной компьютерной сети «Интернет», увеличения числа подключенных к ней объектов и количества пользователей виртуальное пространство активнее будет использоваться для совершения преступлений террористического характера. Это существенно повысит общественную опасность терроризма, а также окажет непосредственное влияние на дальнейший процесс преобразования структуры террористических организаций в сторону их большей децентрализации и пространственного рассредоточения. Сказанное обусловит вынужденность ограничения прав, свобод и законных интересов граждан для обеспечения надлежащего уровня общественной безопасности.

Террористы будут намеренно расширять круг лиц, вовлекаемых в совершение преступлений террористического характера. Этому в определенной степени будет по-прежнему способствовать широкая популярность социальных сетей, позволяющих вербовать новых членов террористических организаций в любой точке земного шара и открыто пропагандировать терроризм. При этом всеобъемлющий процесс информатизации, активное развитие и внедрение различных систем контроля и защиты, преодолеть которые могут только лица, обладающие специальными познаниями и навыками, или лица, имеющие непосредственный доступ к указанным системам, предопределяют целевой, «адресный» круг потенциальных кандидатов для вербовки.

Необходимость материально-технического переоснащения повлечет дальнейшее наращивание участия террористических организаций в деятельности организованной (транснациональной) преступности и перераспределение сфер влияния в криминальном мире, в том числе в целях увеличения объемов теневого капитала.

УДК 343.2/.7

П. В. НИКОНОВ

**ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ И ОСОБЕННОСТИ
ЕЕ КВАЛИФИКАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ
ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДМЕТА, ОГРАНИЧЕННОГО
В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ**

Провокация взятки по действующему законодательству России относится к числу преступлений против правосудия, соблюдение интересов которого, в свою очередь, определяет содержание объекта данной уголовно-правовой нормы.

Понятие провокации взятки в доктрине уголовного права является дискуссионным.

Например, Б. В. Волженкин полагал, что суть провокации преступления (в том числе, провокации взятки) в том, что провокатор сам возбуждает намерение совершить преступление у другого лица с целью последующего изобличения этого лица либо его шантажа¹.

Г. Мишин считает необоснованным понимание ст. 304 УК РФ как статьи, предусматривающей ответственность за предложение должностному лицу взятки в целях его последующего изобличения. По его мнению, провокацией можно признать только такие действия, как подбрасывание предмета, симулирующего взятку, в кабинет (на рабочий стол) должностного лица либо иные манипуляции, направленные на то, чтобы подsunуть (путем обмана, насилия или введения в заблуждение) предмет, симулирующий взятку, с целью осуществления непосредственно за этим «задержания с поличным» и «разоблачения» указанного должностного лица².

В теории уголовного права вопрос оценки такого признака провокации взятки, как «попытка передачи материальных благ, оказания услуг имущественного характера», а также определение момента окончания преступления являются спорными.

Так, Б. В. Волженкин считал, что определение провокации взятки в ст. 304 УК РФ как «попытки передачи» вовсе не означает отсутствия данного состава преступления, если провокация удалась и передача ее предмета состоялась. По его мнению, используя такое описание преступления, законодатель просто переносит момент окончания преступления на более раннюю стадию, не связывая, таким образом, состав провокации взятки или коммерческого подкупа с той или иной реакцией провоцируемого лица³.

В то же время по этому поводу ряд исследователей придерживаются иного мнения. Например, Н. Егорова считает, что «провокация взятки будет только тогда иметь место, когда мате-

¹ Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 43.

² Мишин Г. Борьба со взяточничеством: некоторые направления совершенствования уголовной политики // Уголовное право. 2000. № 3. С. 78—80.

³ Волженкин Б. В. Указ. соч. С. 44—45 ; Новое уголовное право России. Особенная часть : учеб. пособие / Г. Н. Борзенков, С. В. Бородин, Б. В. Волженкин [и др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецова. М., 1996. С. 322.

риальная выгода передается должностному лицу без его согласия. Если должностное лицо либо служащий коммерческой или иной организации вначале не соглашается принять ценности или услуги, но в конечном итоге субъекту удастся склонить его к принятию ценностей, это означает, что согласие все же достигнуто. Конечно, состава дачи взятки при этом нет, поскольку виновный преследует иные цели. Но правильность квалификации деяния как провокации взятки также сомнительна: во-первых, передача (а не попытка передачи) предмета взятки состоялась; во-вторых, согласие должностного лица на получение имущественной выгоды фактически достигнуто. При таких условиях доказательства как сведения о совершившемся получении взятки соответствуют действительности; должностное лицо совершило преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ»¹.

С. Н. Радачинский также отмечает, что цель субъекта провокации — добиться уголовно-правовой оценки по ст. 290 УК РФ такого деяния, которого на самом деле в объективной действительности не существовало. Однако при успехе провокатора уже нельзя говорить о том, что деяния не существовало, так как должностное лицо, не зная о том, что это провокация, фактически сознательно получает взятку. Исходя из этого, тот же автор делает вывод, когда должностное лицо принимает деньги либо иные ценности, состав провокации будет отсутствовать.

Таким образом, при решении вопроса о правовой сущности провокации взятки высказываются различные мнения о влиянии принятия материальных благ (услуг) провоцируемым лицом на уголовно-правовую оценку содеянного.

Вместе с тем в соответствии с п. 32 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»² при решении вопроса о наличии состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 304 УК РФ, надлежит устанавливать, не было ли предварительной договоренности с должностным лицом о согласии принять пред-

¹ Егорова Н. Провокация взятки либо коммерческого подкупа // Российская юстиция. 1997. № 8. С. 53 ; Дубоносов Е. С. Провокация взятки либо коммерческого подкупа : лекция. М., 2002. С. 26.

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 : текст с изм. и доп. на 3 дек. 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

мет взятки. При отсутствии такой договоренности и отказе принять предмет взятки лицо, пытавшееся вручить названный предмет в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа, подлежит ответственности в соответствии со ст. 304 УК РФ.

Следовательно, рассматриваемый пункт Постановления в качестве обязательного признака, установление которого является необходимым условием вменения ст. 304 УК РФ, называет отказ должностного лица принять предмет взятки. В том же случае, когда действия провокатора были завершены фактическим принятием взятки должностным лицом, не представляется возможным вести речь об отказе от взятки, что с учетом изложенной позиции Верховного Суда Российской Федерации означает отсутствие в таких действиях состава провокации взятки.

Относительно юридической оценки совершенных при указанных выше обстоятельствах действий должностного лица, получившего предлагаемое ему незаконное вознаграждение, и лица, спровоцировавшего получение взятки, необходимо пояснить следующее.

Должностное лицо, фактически принявшее материальные ценности (услуги), полагая, что последние ему переданы в качестве взятки за определенное поведение по службе, фактически допускает ошибку в умысле, но при этом совершает все необходимые действия для достижения преступного результата, который не наступает по причине, не зависящей от него, поскольку в действительности полученное вознаграждение (услуга) взяткой в том смысле, в котором о ней говорит уголовный закон, не являлось, что предопределяет квалификацию содеянного как покушение на получение взятки.

Однако подобный подход в юридической литературе не является однозначным. Сторонники мнения о разнохарактерном содержании составов получения и дачи взятки, указывающие на отсутствие между ними какой-либо взаимосвязи, считают, что в рассмотренной ситуации действия лица, принявшего взятку, требуют квалификации как оконченного состава получения взятки, что, на наш взгляд, по причинам, изложенным ранее, следует признать бесспорным.

Действия лица, спровоцировавшего получение взятки, в свою очередь, не могут быть квалифицированы по ст. 291 УК РФ, так как в данном случае лицо передает материальное вознаграждение (оказывает услугу) не в качестве взятки за определенное по-

ведение должностного лица по службе. Провокатор преследует иные цели, не охватываемые юридическим содержанием взятки, что объективно исключает возможность квалификации содеянного, в связи с отсутствием субъективной стороны преступления, по ст. 291 УК РФ. Вместе с тем действия такого лица не могут быть квалифицированы и по ст. 304 УК РФ (как оконченное преступление), поскольку должностное лицо фактически приняло предмет взятки. При таких условиях представляется, что возможными вариантами квалификации действий провокатора может быть либо покушение на провокацию взятки, либо — при условии склонения должностного лица к получению взятки — подстрекательство к получению взятки.

Принимая во внимание изложенное выше, следует отметить, что к числу обстоятельств, подлежащих обязательному установлению при вменении ст. 304 УК РФ, относятся: *попытка передачи предмета взятки должностному лицу*, которая предполагает собой осуществление действий, направленных на передачу незаконного вознаграждения (оказания услуги); *отсутствие согласия должностного лица принять взятку*, о чем может свидетельствовать отсутствие предварительной договоренности о принятии взятки и (или) отказ в получении взятки непосредственно в момент ее передачи; *цель — искусственное создание доказательств совершения преступления или шантаж*, — стремление к достижению которой исключает оценку передаваемых материальных благ (оказываемых услуг) как взятки.

Таким образом, ответственность за провокацию взятки (ст. 304 УК РФ) наступает лишь в случае, когда попытка передачи денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа и должностное лицо заведомо для виновного не совершало действий, свидетельствующих о его согласии принять взятку, или отказалось ее принять.

При этом провокация взятки является оконченным преступлением с момента передачи имущества либо оказания услуг имущественного характера без ведома должностного лица либо вопреки его отказу принять незаконное вознаграждение.

В связи с тем, что провокация взятки совершается без ведома либо заведомо вопреки желанию должностного лица, указанное лицо не подлежит уголовной ответственности за полу-

чение взятки за отсутствием события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

Неоднозначные мнения высказываются по поводу возможности признания предметом провокации взятки имущества, услуг, иных имущественных прав, ограниченных или запрещенных в гражданском обороте. Вместе с тем положения уголовного закона, содержащиеся в диспозиции ст. 304 УК РФ, равно как и в диспозиции ч. 1 ст. 290 УК РФ, в которой раскрывается предмет взятки, являющийся единым для указанных преступлений, не ставят в зависимость признание полученных или переданных ценностей имущественного характера в качестве взятки от их разрешенности законом.

Сама по себе оборотоспособность предмета взятки не влияет и не исключает возможность причинения вреда охраняемым ст. 304 УК РФ общественным отношениям.

Представляется, что нарушение установленного законом порядка оборота предметов, веществ, услуг, используемых в качестве взятки, следует рассматривать как факультативный объект ст. 304 УК РФ. Соответственно, причинение вреда такому объекту уголовно-правовой охраны при наличии к тому оснований должно влечь уголовную ответственность по совокупности с соответствующими статьям УК РФ (ст.ст. 222, 228¹ и др.).

Следует заметить, что правовая оценка предмета взятки не должна быть основана на ограничении его толкования признаком разрешенности законом, тем более, что содержанием основного объекта ст. 304 УК РФ не является установленный законом порядок оборота денежных средств, ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера или иных имущественных прав.

Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, полученное в качестве взятки имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при необходимости с учетом заключения эксперта¹.

Из этого следует, что принципиальное значение для уголовно-правовой оценки содеянного, предметом которого является взятка, имеет наличие доказательств ее стоимости. В ином случае

¹ Там же. П. 9.

перспектива уголовного преследования по ст. 304 УК РФ будет отсутствовать.

С учетом изложенного выше, следует заключить, что отсутствует предусмотренный уголовным законом или вытекающий из его смысла запрет относить к предмету взятки, в частности, оружие, боеприпасы или другие предметы вооружения (далее — оружие) (ст. 222 УК РФ). Следовательно, при попытке передачи должностному лицу без его согласия в качестве взятки указанных выше предметов, ограниченных в гражданском обороте, содеянное может повлечь ответственность не только по ст. 304 УК РФ, но и по ст. 222 УК РФ, при наличии к тому оснований.

Однако действия субъекта, направленные на выполнение объективной стороны ст. 304 УК РФ, хоть и связаны с попыткой передачи оружия должностному лицу, но фактически имитируют его предоставление, т. е. в действительности не происходит ни сбыта, ни приобретения предметов вооружения. Из чего следует, что инсценирование незаконного оборота оружия является способом совершения ст. 304 УК РФ и дополнительной ответственности, предусмотренной ст. 222 УК РФ, такие действия не влекут в связи с отсутствием объективных и субъективных признаков данного состава преступления. В то же время незаконные действия, связанные с оборотом оружия, не образующие объективную сторону ст. 304 УК РФ, могут и должны влечь ответственность в соответствии со ст. 222 УК РФ. Так, если ранее было приобретено оружие, ношение или хранение которого осуществлялось в связи с подготовкой к провокации взятки, то такие действия требуют самостоятельной квалификации.

От преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, следует отграничивать подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо на принятие взятки. Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки с согласия или по предложению должностного лица, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этого лица к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на получение взятки не возник бы и преступление не было бы совершено.

Принятие должностным лицом при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ)¹.

УДК 343.2/.7

А. В. НИКУЛЕНКО

ВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

В начале августа 2018 года первый заместитель Генерального прокурора Российской Федерации А. Буксман сообщил, что за 2017 год удалось предотвратить 25 терактов, а в 2018 году только за первые шесть месяцев спецслужбами было предотвращено 19 терактов. Он также отметил, что несмотря на то, что сохраняется тенденция к сокращению преступлений террористической и экстремистской направленности, террористы не оставляют попыток дестабилизировать социально-политическую обстановку в стране².

Террористы стремятся расширить географию своей деятельности. На территории страны отмечается активность международных террористических организаций, которые привлекают наемников и боевиков, состоящих в экстремистских организациях, оказывают им финансовую помощь, поставляют оружие. Об этом свидетельствуют данные, раскрытые ФСБ России.

Так, директор ФСБ России А. Бортников отметил, что по состоянию на 2017 год в стране была пресечена деятельность более 300 структурных подразделений и организаций террористической и экстремистской направленности; на территорию страны был запрещен въезд более 17,5 тыс. иностранцам, которые подозреваются в пособничестве терроризму; было задержано более тысячи человек, убито около 90 боевиков, которые при задержа-

¹ Там же. П. 34.

² Егоров И. Терроризм с ядерным уклоном. Директор ФСБ Александр Бортников рассказал о новых угрозах // Российская газета. 2018. 14 авг. № 7641 (178). URL: <https://rg.ru/2018/08/14/nak-rasskazal-o-popytkah-terroristov-sozdat-ischejki-po-vsej-rossii.html> (дата обращения: 17.10.2019).

нии оказали вооруженное сопротивление; за последние пять лет за терроризм и экстремизм осуждены более 9,5 тыс. человек¹.

Эффективная защита личности, общества и государства от общественно опасных посягательств обеспечивается не только установлением соответствующих уголовно-правовых запретов, но и путем регламентации правомерного причинения вреда при защите от общественно опасных посягательств, задержании лиц, совершивших общественно опасные деяния, и устранении опасности. Тем самым обеспечивается реализация положений ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Кроме того, уголовный закон исключает ответственность лиц и в иных случаях причинения вреда, связанных с принуждением, исполнением приказа или распоряжения, а также с обоснованным риском.

Однако с момента закрепления в Уголовном кодексе Российской Федерации института обстоятельств, исключающих преступность деяния, возникли и до сегодняшнего дня остаются нерешенными проблемы как правотворческого, так и правоприменительного характера, разрешение которых необходимо для организации правильного отправления правосудия и укрепления законности в правовом государстве, обеспечения защиты прав граждан от преступных и иных общественно опасных посягательств.

Небезупречны с точки зрения законодательной техники и соответствующие законодательные формулировки статей, содержащихся в главе 8 УК РФ. Проблемным вопросом остается и согласование положений нормативных правовых актов, регламентирующих причинение вреда охраняемым законом интересам, с нормами УК РФ (в частности, Федеральных законов «О полиции», «О противодействии терроризму», «О Федеральной службе безопасности»)². Это регулятивное законодательство также подвержено изменениям. Например, в 2015 году были расшире-

¹ Там же.

² О полиции : Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ : текст с изм. и доп. на 16 окт. 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ : текст с изм. и доп. на 29 марта 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О Федеральной службе безопасности : Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ : текст с изм. и доп. на 7 марта 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ны полномочия сотрудников ФСБ России на применение физической силы, специальных средств и оружия¹.

Важно и то, что нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, являются в большинстве своем дозволительными, т. е. рассчитанными на их активную реализацию гражданами, однако без достаточных юридических знаний, дополнительных разъяснений остаются малоприменимыми как гражданами, так и сотрудниками правоохранительных органов.

Специалисты небезосновательно утверждают, что законодательные формулировки обстоятельств, содержащиеся в главе 8 УК РФ, требуют дальнейшего совершенствования.

Зачастую сотрудники полиции, а также граждане, стремясь совершить общественно полезные действия, пресечь совершение преступлений и иных общественно опасных деяний, задержать лиц, их совершивших, осуществить акт крайней необходимости или достичь социально значимой общественно полезной цели, вынуждены сами совершать поступки, причиняющие вред ценностям, охраняемым уголовным законом. Юридическая оценка подобных действий неочевидна, поскольку по своим внешним признакам они совпадают с соответствующими деяниями, предусмотренными уголовным законом.

Необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние, крайняя необходимость и другие обстоятельства, указанные в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляют собой, несомненно, общественно полезную деятельность (за исключением обстоятельства, предусмотренного ст. 40 УК РФ). Право на их осуществление имеют все без исключения граждане, а для сотрудников правоохранительных органов (МВД России, ФСБ России и др.) — является прямой обязанностью, возложенной на них законами и иными нормативными актами.

Мы же хотим обратиться к обстоятельствам, которые еще не получили законодательного закрепления в уголовном законе, но хорошо известны науке уголовного права, а также зарубежному законодательству.

В первую очередь таким обстоятельством может выступить проведение оперативно-розыскных мероприятий. Так, согласно

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 468-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ч. 4 ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». Очевидно, что рассматриваемый Закон² допускает совершение, в том числе, общественно опасных деяний, формально содержащих признаки какого-либо преступления, однако в УК РФ по этому поводу нет никаких указаний.

Между тем давно назрела необходимость появления указанной нормы в Уголовном кодексе Российской Федерации³. Для успешного осуществления оперативной работы, выявления и задержания виновных, предупреждения и пресечения преступлений, особенно террористической направленности, следует законодательно предусмотреть права должностных лиц, осуществляющих ОРД, а также лиц, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе. Это позволит шире использовать оперативное внедрение в организованные преступные группы с целью их последующего задержания и изобличения в содеянном.

Именно таким образом поступил украинский законодатель, предусмотрев в ст. 43 УК Украины соответствующую норму «Выполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ : текст с изм. и доп. от 22 дек. 2008 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О нем подробнее см., напр.: Железняк Н. С. «Острые углы» Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Научный портал МВД России. 2008. № 2. С. 65—69.

³ Об этом подробнее см.: Петровский А. В. Оперативно-розыскная деятельность и обстоятельства, исключающие преступность деяния // Проблемы реализации уголовной политики Российской Федерации на региональном уровне : сб. науч. тр. Москва—Ставрополь, 2007. С. 209—216 ; Никуленко А. В. Перспективы уголовной политики в сфере законодательного закрепления новых обстоятельств, регламентирующих правомерное причинение вреда // Современная уголовная политика: поиск оптимальной модели : материалы VII Российского конгресса уголовного права (31 мая—1 июня 2012 года) / отв. ред. В. С. Комиссаров. М., 2012. С. 186—191.

или преступной организации». Причем уголовная ответственность в таких случаях может наступать лишь при совершении умышленных особо тяжких или тяжких преступлений, связанных с насилием над потерпевшим, причинением тяжкого вреда здоровью или наступлением тяжких последствий (ч. 2 ст. 43). Кроме того, за указанные действия не может быть назначено пожизненное лишение свободы, а максимальный размер наказания не может превышать половину наиболее строгого вида наказания (ч. 3 ст. 43).

Тем не менее указанная норма справедливо подвергается критике, так как распространяется только на борьбу с организованной преступностью, не охватывая террористов-одиночек, а также предусматривает такие права лишь при выполнении специальных заданий, подавляя инициативу¹. По мнению Л. В. Брусницына, проявление инициативы в указанных случаях слишком рискованно и может повлечь гибель оперативного сотрудника или лица, оказывающего ему содействие².

О включении в главу 8 УК РФ статьи «О правомерности причинения вреда личности, обществу или государству при пресечении террористического акта или при совершении предписанных или разрешенных действий по борьбе с терроризмом» говорит А. И. Рарог³. Например, ст. 22 Федерального закона от 25 февраля 2006 г. «О противодействии терроризму» гласит: «Лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными».

Во исполнение указанного Закона было принято Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г.

¹ Подробнее см.: Милюков С. Ф., Сиятскова Л. А. Необходимая оборона по уголовному законодательству России как элемент гражданской самозащиты. Н. Новгород, 2005. С. 95.

² Брусницын Л. В. Государственная защита лиц, содействующих уголовному правосудию: состояние и вопросы развития законодательства // Государство и право. 2010. № 5. С. 42—54.

³ Рарог А. И. Российское уголовное законодательство: состояние и перспективы // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 8-й Междунар. науч.-практ. конф. (27—28 января 2011 г.). М., 2011. С. 5.

№ 352¹, в соответствии с которым Вооруженным Силам Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта или пресечения такого террористического акта предоставляется право на применение оружия и боевой техники².

Между тем Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит в себе никаких указаний на этот счет, несмотря на то что ответственность за террористическую деятельность только усиливается³. Впрочем, по мнению профессора В. И. Омигова, в действующий УК РФ вообще не следует включать иные обстоятельства, исключающие преступность деяния⁴.

При этом, что касается деятельности органов внутренних дел (а также войск национальной гвардии — силовой структуры, на которую возложена обязанность противодействия, в том числе, терроризму и организованной преступности⁵), связанной с противодействием преступным проявлениям, в том числе террористической и экстремистской направленности, то законодательство и следственно-судебная практика далеко не всегда лояльны

¹ О мерах по реализации Федерального закона «О противодействии терроризму»: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 352 : текст с изм. и доп. на 7 дек. 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Вместе с Положением о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта в воздушной среде или пресечения такого террористического акта, Положением о применении оружия и боевой техники Вооруженными Силами Российской Федерации для устранения угрозы террористического акта во внутренних водах, в территориальном море, на континентальном шельфе Российской Федерации и при обеспечении безопасности национального морского судоходства, в том числе в подводной среде, или для пресечения такого террористического акта, Положением о применении Вооруженными Силами Российской Федерации оружия, боевой техники и специальных средств при участии в проведении контртеррористической операции.

² Подробнее см.: Милюков С. Ф., Никуленко А. В. Силовое противодействие преступному поведению: анализ модернизации нормативной базы // Уголовное право. 2012. № 6. С. 41—47.

³ См., напр.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ : текст с изм. и доп. на 3 июля 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Омигов В. И. Обстоятельства, исключающие преступность деяния // Научный портал МВД России. 2008. № 3. С. 36—44.

⁵ Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 : текст с изм. и доп. на 17 июня 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

к сотрудникам полиции, которые применяют физическую силу, специальные средства и, тем более, огнестрельное оружие для задержания лиц, совершивших преступления или иные общественно опасные деяния.

Подводя итог разговору о неиспользованных возможностях уголовного законодательства, отметим, что нормы о необходимой обороне (при их законодательной модернизации)¹ могли бы сыграть существенную роль в борьбе с террористическими проявлениями. Так, можно весьма успешно применять необходимую оборону при противодействии телефонному терроризму, который с завидной периодичностью охватывает крупные города России, причиняя значительный материальный и моральный ущерб, отрывая силы правоохранительных органов от выполнения текущих задач, деморализуя жителей мегаполисов, не считающих себя находящимися под надежной защитой государства.

УДК 343.2/.7

Т. А. ОГАРЬ, М. В. ШКЕЛЕ

**КРИМИНООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ МОТИВА
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО ПРИЗНАКАМ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
СТАТЬЕЙ 215.2 УК РФ**

Норма об ответственности за приведение в негодность объектов жизнеобеспечения была включена в главу 24 Уголовного кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 19 июня 2001 г. № 83-ФЗ «О внесении изменения и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР». Как отмечал В. Н. Кудрявцев, «для уяснения содержания закона необходимо подчас мысленно выйти за рамки правовой нормы и осознать социальные причины и предпосылки ее создания»². В соответствии с пояснительной запиской к законопроекту включение данной нормы в уголовное законодательство было обусловлено ростом хищений цветных

¹ Подробнее см.: Никуленко А. В. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2019. С. 22—30.

² Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999. С. 87.

металлов на объектах жизнеобеспечения с целью сдачи их в пункты приема лома и должно было привести к усилению ответственности лиц, виновных в хищениях цветных металлов¹.

Основанием привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ «Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения», является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. В сравнении с иными составами преступлений против общественной безопасности следует выделить, прежде всего, такие образующие данный состав преступления признаки:

предмет преступления в виде объектов жизнеобеспечения, к которым относятся объекты энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства и др.;

общественно опасное деяние в виде разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние предмета преступления;

мотив в виде корыстных или хулиганских побуждений.

Изучение судебной практики показывает, что преступление, предусмотренное ст. 215.2 УК РФ, не совершается как отдельное единичное преступление, а всегда сопряжено с иными общественно опасными деяниями, что влечет квалификацию содеянного по совокупности с хищениями² и хулиганством. Такое обстоятельство обусловлено, в том числе, и закреплением в ст. 215.2 УК РФ конкретных мотивов в качестве обязательных признаков состава преступления. Поэтому содержание и роль указанных мотивов требуют более детального анализа.

Мотив преступления в науке уголовного права определяется как «обусловленное определенными потребностями и интересами побуждение, которое вызывает у лица решимость совершить преступление и проявляется в нем»³. В учении о составе преступления мотив не относится к обязательным признакам состава

¹ Паспорт проекта Федерального закона № 90044689-3 «О внесении изменения и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Причем хищение возможно не только в форме кражи. См., напр.: Приговор Индустриального районного суда г. Перми от 28 марта 2019 г. по делу № 1-148/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jBRYzXoKLGbO/> (дата обращения: 10.11.2019).

³ Рапог А. И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 139.

ва, несмотря на то что в соответствии со ст. 73 УПК РФ относится к обстоятельствам, подлежащим доказыванию. В качестве обязательных признаков субъективной стороны состава данного преступления законодатель предусмотрел наличие одного из двух мотивов: корыстного или хулиганского.

В комментариях к ст. 215.2 УК РФ содержание корыстного мотива раскрывается, как правило, без учета специфики данного преступления. Например, «под корыстными побуждениями понимается желание виновного лица получить какие-либо материальные выгоды, услуги (деньги, имущество и иные ценности, избавление от долгов, путевка на отдых, бесплатный ремонт квартиры, машины и т. д.)»¹. Подобная трактовка корыстного мотива встречается и в многочисленных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации².

В теории уголовного права корыстный мотив рассматривается как «стремление удовлетворить индивидуальную жизненную потребность путем завладения имуществом, имущественными правами, а также посредством освобождения от имущественных обязанностей или сокращения расходов»³.

Причины, изложенные в пояснительной записке к законопроекту и побудившие законодателя включить данную статью в Уголовный кодекс Российской Федерации, свидетельствуют о том, что корыстный мотив при совершении данного преступления обычно проявляется в стремлении лица получить выгоду от похищаемого имущества (например, сдать в пункт сбора лома цветные металлы за вознаграждение).

Однако, по нашему мнению, при анализе состава данного преступления не следует рассматривать корыстные мотивы исключительно через призму хищений цветных металлов. Получили распространение случаи уничтожения и повреждения систем,

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : (постатейный). В 4 т. Т. 3. Особенная часть. Раздел IX / А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова, В. А. Давыдов [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017.

² Напр.: Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами». П. 22 ; от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве». П. 11. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

³ См., напр.: Тютюнник И. Г. Соотношение понятий «корыстного побуждения» и «корыстного мотива» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 36—38.

обеспечивающих доступ к телекоммуникационным кабельным сетям и сети «Интернет», в связи с конкурентной борьбой провайдеров за расширение своей деятельности. Целенаправленно выводятся из строя технические системы конкурирующих фирм, чтобы представить услуги своей фирмы как надежные и бесперебойные. В результате потребители — физические и юридические лица — оказываются отключены от банковской сферы, от сферы предоставления государственных услуг, от телефонии.

Полагаем, что цель, состоящая в том, чтобы причинить вред конкурирующим субъектам предпринимательской деятельности путем повреждения принадлежащего им оборудования для создания преимуществ собственной фирме, сопряжена с корыстной мотивацией. Корысть в данном случае как мотив преступления шире, чем в хищениях, поскольку реализуется путем причинения вреда другим из расчета увеличения собственной прибыли от этого.

Хулиганский мотив в судебной практике раскрывается как «явное неуважение к обществу и общепринятым нормам морали, когда поведение виновного является открытым вызовом общественному порядку и обусловлено желанием противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение (например, ...без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога...)»¹. При этом содержание данного мотива совершенно конкретное и требует установления в каждом случае совершения исследуемого деяния. На примере убийств С. В. Бородин указывал, что в практике встречаются безмотивные преступления, которые нередко квалифицируются как совершенные из хулиганских побуждений. Однако, по мнению указанного автора, неустановление мотива не является основанием для признания его совершенным из хулиганских побуждений². Поэтому в случае выявления факта приведения в негодность объектов жизнеобеспечения при неустановленном мотиве нет юридических оснований квалифицировать данное деяние по ст. 215.2 УК РФ.

Возникает проблема и при квалификации, если те же самые деяния были совершены лицом, которое руководствовалось дру-

¹ О судебной практике по делам об убийстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 3 марта 2015 г. П. 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Бородин С. В. Преступления против жизни. М., 1999. С. 84, 145.

гими мотивами, например личной неприязнью или местью в отношении конкретного лица. Буквальное толкование текста закона приводит к тому, что те же самые действия, фактически нарушающие общественную безопасность, не будут являться основанием для привлечения к уголовной ответственности по ст. 215.2 УК РФ, если побуждения лиц, их совершивших, не будут связаны с корыстью или явным неуважением к обществу. Привлечение к уголовной ответственности в таких случаях за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества будет возможно только при наличии всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ (в частности, последствия в виде значительного ущерба, который определяется стоимостью имущества и не всегда будет установлен при повреждении объектов жизнеобеспечения, находящихся в собственности организаций или государства)¹. И при этом оценка дается только посягательству на собственность как на объект уголовно-правовой охраны, а причинение ущерба общественной безопасности оставляется без должной юридической оценки. Хотя, если сравнить санкции ст. 167 и ст. 215.2 УК РФ, можно отметить, что законодатель полагает приведение в негодность объектов жизнеобеспечения более общественно опасным деянием.

Помещение законодателем ст. 215.2 в главу 24 УК РФ означает, что основным непосредственным объектом данного преступления является общественная безопасность, что обусловлено характеристикой предмета преступного посягательства. Авторы пояснительной записки к законопроекту о введении данной нормы подчеркивали, что в результате преступных действий целые населенные пункты оказываются без электрической энергии, наносится ущерб десяткам и сотням предприятий и организаций, которые вынужденно простаивают, подвергается опасности жизнь людей. Соответственно, последствия таких действий значительно превосходят размер реального материального ущерба, причиненного самим хищением цветного металла² и нарушают именно общественную безопасность.

¹ Подробнее см.: Огарь Т. А. Особенности установления признака «значительный ущерб» при умышленном уничтожении и повреждении имущества юридических лиц в статье 167 УК РФ // Право и современная экономика : сб. ст. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. юрид. факультета СПбГЭУ 5 апреля 2018 года / под общ. ред. Е. Л. Васяниной, О. В. Аверьяновой. М., 2018. Ч. 2. С. 179—186.

² Паспорт проекта ...

Полагаем, что путем включения в УК РФ нормы об ответственности за приведение в негодность объектов жизнеобеспечения законодатель осуществил криминализацию, в первую очередь, самого факта разрушения, повреждения или приведения иным способом в негодное для эксплуатации состояние указанных объектов. Побуждения, которыми руководствовался виновный, по нашему мнению, не оказывают существенного влияния на характер и степень общественной опасности деяния при умышленном приведении в негодность объектов жизнеобеспечения. Однако, поскольку корыстные или хулиганские побуждения предусмотрены в тексте диспозиции ст. 215.2 УК РФ, установление такого мотива для квалификации деяния становится обязательным. Как отмечал В. Н. Кудрявцев, «нельзя забывать, что в конечном счете применению подлежит закон, а не мотивы закона, не намерения законодателя»¹.

В связи с изложенным полагаем, что не следует состав преступления, предусмотренного ст. 215.2 УК РФ, ограничивать только теми мотивами, которые предусмотрены в тексте закона. Действительно, намерения законодателя были связаны с противодействием хищению цветных металлов или порче из хулиганских побуждений объектов и систем жизнеобеспечения, но в итоге созданная норма получилась объемнее, богаче по содержанию и этими конкретными мотивами не исчерпывается. Исключение из нормы об ответственности за приведение в негодность объектов жизнеобеспечения конкретных мотивов позволило бы повысить эффективность уголовного закона в части обеспечения безопасности на объектах жизнеобеспечения и придало бы норме самостоятельное уголовно-правовое значение. Однако данное предложение требует изменения текста уголовного закона, которое должно быть взвешенным и обдуманным. Распространение действия ст. 215.2 УК РФ на более широкий круг действий по приведению в негодность объектов жизнеобеспечения возможно также путем разработки в уголовно-правовой литературе содержания указанных в статье мотивов с учетом специфики совершаемого преступления и в целях оказания научно-методической помощи практическим работникам, осуществляющим предварительное расследование, и формирования единого подхода к квалификации деяний по ст. 215.2 УК РФ в судебно-следственной практике.

¹ Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 88.

УДК 343.2/7

В. А. РОБАК

ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ

На необходимость существования института освобождения от уголовной ответственности в уголовном законодательстве указывали ученые еще в начале прошлого века. Так, А. А. Жижиленко отмечал, что «Уголовный кодекс должен отчетливо указывать, что борьба с преступностью не сводится лишь к применению наказаний и что наряду с наказанием или взамен его уместно применение и других мер»¹. Следует отметить, что в начале XX века освобождение от уголовной ответственности еще не получило значительного распространения в сфере борьбы с преступностью. Однако дальнейшая эволюция привела к тому, что в конце XX—в начале XXI века одной из форм борьбы с преступностью стало применение не только тех мер, которые заменяют или дополняют наказание, но и таких, которые вообще исключают уголовное преследование как таковое, освобождают от уголовной ответственности. Эта тенденция направлена на поиск иных способов решения уголовно-правовых конфликтов (способов, не связанных с уголовным преследованием и уголовной ответственностью).

Уголовный закон содержит ряд норм, которые предусматривают определенные «поощрения» для лиц, совершивших преступление. Необходимо отметить, что среди ученых нет единства мнений относительно определения используемых понятий. Так, некоторые ученые считают, что поощрительные нормы являются разновидностью уполномоченных норм права². Иные ученые не относят данные нормы к правовым, считая, что «поощрение» имеет заправовой характер³. Также следует отметить,

¹ Жижиленко А. А. Задачи текущего момента в области русского уголовного законодательства // Отчет о состоянии и деятельности императорского Петроградского университета за 1915 год. Петроград, 1916. С. 54.

² Советское исправительно-трудовое право : учеб. для вузов по спец. «Правоведение» / под ред. Н. А. Стручкова, Ю. М. Ткачевского. М., 1983. С. 64.

³ Кабалкин А. Ю. Социально-экономические права советских граждан (в отраслях права цивилистического профиля) / под ред. В. М. Чхиквадзе. М., 1986. С. 107.

что некоторые авторы относят их к отдельной, самостоятельной группе норм права¹.

Указанные нормы ученые подразделяют на общие и специальные. Относительно *общих* оснований освобождения от уголовной ответственности спорных вопросов среди авторов не существует, поскольку эти виды предусмотрены Общей частью УК РФ. К ним относятся: по нашему мнению, добровольный отказ от преступления (ст. 31 УК РФ); деятельное раскаяние (ст. 75 УК РФ); примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 76.1 УК РФ); освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ); окончание сроков давности (ст. 78 УК РФ).

Относительно *специальных* оснований освобождения от уголовной ответственности следует отметить, что среди исследователей отсутствует единство мнений. Так, авторы, поддерживающие точку зрения относительно разделения обстоятельств, при наличии которых лицо освобождается от уголовной ответственности, на общие и специальные основания, отмечают, что специальные предусмотрены законодателем в Особенной части УК РФ, касаются отдельных преступлений и не могут отождествляться с общими обстоятельствами, которые предусмотрены в Общей части УК РФ, следовательно, должны называться «специальными»² или «отдельными»³. Другие авторы не соглашались с указанным мнением и считают, что нельзя выделять институт освобождения от уголовной ответственности, который содержится в Особенной части УК РФ, как отдельный, обосновывая это тем, что, в обоих случаях при наличии указанных обстоятельств лицо освобождается от уголовной ответственности⁴.

По нашему мнению, более обоснованной видится позиция авторов, которые разделяют обстоятельства, при наличии которых

¹ Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел : учеб. пособие. Хабаровск, 1984. С. 15.

² Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 1974. С. 87.

³ Тенчов Э. Добровольная сдача оружия и взрывчатых веществ // Советская юстиция. 1974. № 15. С. 23.

⁴ Барков А. В. Юридическая природа освобождения от уголовной ответственности предусмотренного нормами Особенной части уголовного законодательства // Проблемы уголовного права : сб. ст. Минск, 1976. С. 65.

лицо освобождается от уголовной ответственности, на общие и специальные. Общие обстоятельства при наличии определенных условий, предусмотренных уголовным законом, могут быть учтены в отношении любого лица, которое совершило преступление. Обстоятельства, относящиеся ко второй категории, могут быть применены к лицам, которые совершили лишь определенные преступления, для которых законодатель непосредственно предусмотрел указанные обстоятельства освобождения от уголовной ответственности. Несмотря на то что результат применения общих и специальных видов обстоятельств единый — освобождение лица от уголовной ответственности, их разделение на группы является обоснованным.

В целях усиления профилактической функции уголовного закона и стимулирования позитивного постпреступного поведения законодатель предусмотрел в примечаниях к ст.ст. 222—223.1 УК РФ поощрительные нормы, согласно которым лицо освобождается от уголовной ответственности за незаконный оборот предметов, указанных в этих статьях, при условии выполнения определенных требований.

В соответствии с примечаниями к ст.ст. 222—223.1 УК РФ «лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье». На основе рассмотренной классификации видов оснований освобождения от уголовной ответственности можно сделать вывод, что данное относится к специальным.

Законодатель указал только одно обязательное условие освобождения лица от уголовной ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 222—223.1 УК РФ, — добровольность сдачи предметов, названных в этих статьях. Однако в законе подчеркнуто, что добровольность отсутствует в случае, если изъятие указанных предметов имеет место при задержании лица или при производстве следственных действий по их обнаружению и изъятию.

Необходимо указать, что в законодательстве многих стран предусматриваются условия освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота оружия (незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение), в случае добровольной сдачи таких предметов. В частности, такие нормы содержатся в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики: «лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, осво-

бождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления» (ст. 228); в Уголовном кодексе Республики Армения: «лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, если его действия не содержат иного состава преступления» (ст. 235); в Уголовном кодексе Грузии: «лицо, добровольно сдавшее предметы, перечисленные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, если его деяния не содержат признаков другого преступления» (ст. 236); в Уголовном кодексе Республики Узбекистан: «лицо, добровольно сдавшее предметы, предусмотренные в настоящей статье, освобождается от ответственности» (ст. 248); в Уголовном кодексе Республики Казахстан: «лицо, добровольно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится состава иного преступления» (ст. 251); в Уголовном кодексе Республики Молдова: «лицо, добровольно сдавшее огнестрельное оружие или боеприпасы, хранившиеся у него без соответствующего разрешения, освобождается от уголовной ответственности» (ст. 290); в Уголовном кодексе Республики Беларусь: «лицо, добровольно (в том числе, по предложению властей) сдавшее предметы, указанные в статьях 295, 296 и 297 настоящего Кодекса, освобождается от уголовной ответственности за действия, предусмотренные названными статьями, кроме случаев сбыта» (ст. 295) и др.

Целесообразно также отметить, что большинство авторов, которые проводят исследования в данной сфере, положительно оценивают наличие института освобождения лица от уголовной ответственности за указанные деяния. Однако некоторые авторы высказываются о необходимости внесения изменений и дополнений в существующие положения.

Так, по мнению Е. А. Кац, в целях реализации конституционных прав граждан, недопущения случаев неправомерного нарушения этих прав целесообразно признать добровольной сдачу предметов вооружения не позднее двух лет с момента начала осуществления незаконных действий, указанных в ст. 222 УК РФ. Обоснованием указанного положения, по мнению данного автора, является общественная опасность, которая характеризуется временными рамками¹.

¹ Подробнее об этом: Кац Е. А. Уголовная ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку или ношение оружия, его

По нашему мнению, нецелесообразным является временное ограничение освобождения лица от уголовной ответственности за рассматриваемые деяния, поскольку из свободного оборота изъяты предметы, которые, во-первых, ограничены определенным порядком оборота, во-вторых, представляют непосредственную опасность для жизни и здоровья лица. В связи с изложенным временной промежуток между началом осуществления незаконных действий и сдачей предметов вооружения не должен приниматься во внимание.

По мнению М. М. Мусаева, целесообразным является унифицировать институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и установить единые требования к применению этого института. В этой связи более совершенной представляется следующая редакция примечания к ст. 223 УК РФ: «лицо, впервые совершившее деяние, предусмотренное настоящей статьей, и добровольно сдавшее изготовленные предметы, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления»¹.

По нашему мнению, дополнение примечания условием «если в его действиях не содержится иного состава преступления» не имеет существенного значения и лишь излишне наполнит содержание Особенной части УК РФ, поскольку даже без этого условия принцип неотвратимости наказания за совершенное преступление не перестает действовать и, кроме того, в примечаниях прямо указывается, что лицо освобождается от уголовной ответственности, предусмотренной именно данной статьей.

По мнению Е. В. Зайцевой, поощрение лиц, которые незаконно владеют оружием, к добровольной сдаче оружия необходимо. Однако автор считает, что, если имеет место приобретение или изготовление оружия с целью совершения иного преступления с последующей добровольной сдачей, основания для освобождения отсутствуют². Считаем, что такая позиция противоречит положениям уголовного закона, поскольку в нем указаны обстоятельства, необходимые для освобождения лиц от ответственности за определенные деяния в сфере незаконного оборота оружия.

основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2005. С. 9.

¹ Мусаев М. М. Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконного изготовления оружия: по материалам Республики Дагестан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004. С. 8.

² Зайцева Е. В. Указ. соч. С. 119.

По нашему мнению, наличие в уголовном законе норм, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота оружия, является целесообразной и необходимой превентивной мерой, направленной на борьбу с криминальным рынком оружия. Положения закона относительно освобождения лиц от уголовной ответственности за определенные деяния в сфере незаконного оборота оружия не требуют изменений.

Полагаем, что целесообразным также является предусмотрение подобных условий освобождения от уголовной ответственности и для лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 355 УК РФ («Разработка, производство, накопление, приобретение или сбыт оружия массового поражения»). Необходимо отметить, что данная статья не является актуальной для России, что, безусловно, положительно. Однако следует отметить, что наше государство принимает активное участие в миротворческих миссиях, направленных на поддержание мирового правопорядка, поэтому применение указанных видов оружия против граждан, в частности военнослужащих, Российской Федерации возможно и, к сожалению, такие факты имели место.

В соответствии с ч. 3 ст. 12 УК РФ в случае совершения преступления вне пределов Российской Федерации иностранцем или лицом без гражданства, которые постоянно не проживают на территории Российской Федерации, против интересов Российской Федерации или гражданина Российской Федерации, или лица без гражданства, постоянно проживающего в Российской Федерации, их действия квалифицируются по УК РФ, если иное не предусмотрено международным договором или иным документом международного характера. Учитывая сказанное, а также особую общественную опасность деяний, предусмотренных ст. 355 УК РФ, обоснованность и необходимость превентивных мер, считаем целесообразным предусмотреть условия освобождения лиц от ответственности за совершение таких деяний по аналогии со ст.ст. 222—223.1 УК РФ. На основании указанного следует дополнить ст. 355 УК РФ примечанием следующего содержания: «Лицо, добровольно прекратившее разработку или производство предметов, указанных в настоящей статье, сдав все имеющиеся материалы, а равно сдавшее предметы, указанные в настоящей статье, освобождается от уголовной ответственности по данной статье».

УДК 343.2/7

А. А. САЛЬНИКОВ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСПОРТНОМУ ХУЛИГАНСТВУ

Проблема безопасности дорожного движения обострила еще в XIX веке в связи с широким распространением самоходных экипажей. По этой причине дорожное движение регулируется на законодательном уровне. Так, «The road traffic act», принятый в 1835 году в Великобритании, принято считать первыми правилами дорожного движения¹.

Несмотря на совершенствование законодательства, направленного на борьбу с нарушениями в сфере дорожного движения, выработку комплексных мер по повышению безопасности дорожного движения, согласно сведениям, приведенным в докладе Всемирной организации здравоохранения, «более 1,2 миллиона человек во всем мире погибают ежегодно в дорожно-транспортных происшествиях (ДТП) и еще 20—50 миллионов получают травмы. В большинстве районов мира эта эпидемия дорожно-транспортного травматизма продолжает возрастать»².

При этом Всемирная организация здравоохранения указывает на то, что лишь 15 % стран располагают всеобъемлющим законодательством, касающимся всех факторов риска, основными из которых являются превышение скорости и вождение автомобиля в нетрезвом виде³.

Транспортное хулиганство как социальное явление появилось сравнительно недавно. По мере развития технического прогресса, усложнения процесса участия в дорожном движении на дорогах общего пользования, массовости приобретения транспортных средств (как авто- так и мототехники) рассматриваемое явление

¹ Валдаев Е. В. Эволюция законодательства об ответственности за транспортные преступления по праву Англии // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 4. С. 224—227.

² Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире: краткий обзор // Всемирная организация здравоохранения : сайт. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/70041/WHO_NMH_VIP_09.01_rus.pdf?sequence=5 (дата обращения: 15.11.2019).

³ Доклад о состоянии безопасности дорожного движения в мире 2013. Поддержать десятилетие действий // Всемирная организация здравоохранения : сайт. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/44122/9789244563847_rus.pdf?sequence=2 (дата обращения: 15.11.2019).

стало приобретать характер, представляющий особую опасность ввиду использования источников повышенной опасности в местах нахождения людей. Именно транспортное хулиганство является одним из составных элементов дорожно-транспортного травматизма, что признается исследователями этого общественно опасного феномена в сфере дорожного движения.

Прежде всего необходимо отметить, что институт уголовной ответственности за транспортное хулиганство является новым в российском праве в сфере транспортной безопасности. Длительное время какой-либо специализированной нормы, предусматривающей ответственность за действия, квалифицируемые как транспортное хулиганство, в отечественном праве не существовало.

Наряду с этим, с развитием транспортной инфраструктуры и увеличением количества транспортных средств закономерно увеличилось и число актов хулиганства, связанного с дорожным движением или деятельностью общественного транспорта.

В этой связи изучение особенностей реализации механизма привлечения к ответственности за транспортное хулиганство представляется значимым в российской правоприменительной практике.

С целью исправления сложившейся ситуации отечественным законодателем были введены следующие новеллы в сфере уголовного права.

Одним из первых серьезных шагов стало принятие Федерального закона от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Часть 1 ст. 213 УК РФ была дополнена п. «в», и состав уголовно наказуемого деяния стало составлять хулиганство, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.

Описание преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, включает в себя указание на конкретные виды транспорта, совершение хулиганства на которых влечет за собой его квалификацию по данной статье, а именно: на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования.

Таким образом, данной статьей не охватывается транспортное хулиганство, совершенное вне транспорта общего пользования

и его инфраструктуры либо по отношению к другим участникам дорожного движения.

Введение нового признака, приведенного в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в первую очередь было направлено на борьбу с пассажирами общественного транспорта, своими действиями не только препятствующими эксплуатации транспорта, но и создающими угрозу для жизни пассажиров, персонала общественного транспорта и иных лиц. Можно предположить, что именно по этой причине законодатель фактически исключил из охватываемой данной статьей сферы львиную долю иных проявлений транспортного хулиганства, оставив только «хулиганство на транспорте».

Также представляется, что изложенная формулировка диспозиции рассматриваемой статьи не позволяет отнести к «хулиганству на транспорте» действия, совершенные на транспорте или объектах инфраструктуры, не относящихся к транспорту общего пользования, т. е. не являющегося общественным.

Кроме того, следует отметить, что, несмотря на перечисление конкретных видов транспорта, законодатель не дает разъяснений по раскрытию данных понятий. Неточность формулировок, приведенных в федеральном законодательстве, а также отсутствие пояснений либо отдельной понятийной базы приводят к тому, что вопрос квалификации уголовно наказуемого деяния ложится на суд, а основные критерии отнесения преступления к «хулиганству на транспорте» являются оценочными и не имеют установленных границ.

Например, понятийный аппарат, который дал бы однозначный ответ, какие транспортные средства и объекты инфраструктуры относятся к морскому транспорту, в отечественном праве отсутствует.

Так, А. В. Семенов отмечает, что объекты морского транспорта законодательно не определены, нет понятия и видов объектов морского транспорта ни в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации, ни в Федеральном законе от 8 ноября 2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ни в Федеральном законе от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», ни в Гражданском кодексе Российской Федерации, ни в Уголовном кодексе Российской Федерации. Когда суд выносит решение, в судебном

акте не указывается, почему суд приходит к выводу о том, можно данный объект отнести к морскому транспорту или нет¹.

Сложившаяся ситуация весьма неоднозначная и требует разъяснений со стороны законодателя и высших судебных органов.

Действующее законодательство не дает и однозначного определения понятий «транспорт общего пользования», «общественное место». Однако, проанализировав судебную практику, можно сделать вывод о том, что местом совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, будет являться не любой объект инфраструктуры общественного транспорта, а часть объекта, предназначенная для нахождения на нем пассажиров, не являющаяся закрытой зоной или служебным помещением и непосредственно связанная с функционированием транспорта (например, места посадки (высадки) пассажиров, ожидания, остановки транспорта и т. п.).

Исходя из судебной практики, а также смысла противодействия анализируемому уголовно наказуемому деянию, представляется, что законодателю необходимо конкретизировать, что же является местом совершения преступления, дополнив рассматриваемую статью примечанием.

Второй статьей, введенной в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», является ст. 267.1 «Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств».

В ходе анализа положений указанной статьи сложно избежать аналогии со ст. 206 УК РСФСР (в редакции от 4 августа 1966 г.). Понимая, что проявления транспортного хулиганства не заканчиваются на неправомерном поведении пассажиров общественного транспорта, не имея достаточного опыта и систематизации проявлений этого вида девиантного поведения, законодатель все иные возможно уголовно наказуемые деяния, не подпадающие под «хулиганство на транспорте», включил в состав ст. 267.1 УК РФ.

В настоящее время какая-либо единая судебная практика, дающая ответы на вопрос о границах применения данной статьи, отсутствует. Квалифицирующие признаки, равно как и квалифи-

¹ Семенов А. В. Объекты морского транспорта: понятие и виды, специфика судебной защиты // Транспортное право. 2017. № 3. С. 11—13.

цированные составы уголовно наказуемых действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств и совершенных из хулиганских побуждений, законодателем также не приведены.

Можно предположить, что поскольку состав уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ст. 267.1 УК РФ, не содержит квалифицирующих признаков, это не позволяет в полной мере использовать механизм уголовного наказания и индивидуализировать наказание в соответствии с тяжестью деяния.

Так, наиболее логичным представляется введение такого квалифицирующего признака, как совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору либо организованной группой.

Частью 2 ст. 213 УК РФ предусмотрена ответственность и более строгие санкции за хулиганство, совершаемое на транспорте общего пользования, совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка.

Данная формулировка может быть перенесена и в ст. 267.1 УК РФ, поскольку действующая редакция не рассматривает как отдельный квалифицированный состав совершение группового транспортного хулиганства.

Кроме того, огромный пласт проявлений транспортного хулиганства на современном этапе развития общественных отношений, связанных с организацией дорожного движения, остается вне поля правового регулирования либо имеющиеся санкции недостаточно эффективны для противодействия анализируемому явлению.

Наиболее яркий пример — стритрейсинг — трюковая езда и иные проявления опасного вождения, которые совершаются умышленно и в настоящее время не являются правонарушениями как таковыми, поскольку действия нарушителей квалифицируются по статьям главы 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, соответствующих нарушенным пунктам Правил дорожного движения Российской Федерации.

Это самые распространенные проявления транспортного хулиганства как вида общественно опасного девиантного поведе-

ния, имеющие большой общественный резонанс, но фактически оставляемые безнаказанными ввиду отсутствия специализированных норм как в административном, так и в уголовном праве Российской Федерации.

Первые шаги, сделанные законодателем, признавшим, что такие проявления транспортного хулиганства несут в себе гораздо большую опасность по сравнению с «рядовыми» нарушениями Правил дорожного движения Российской Федерации, нашли свое отражение в постановлении Правительства Российской Федерации от 30 мая 2016 г. № 477 «О внесении изменения в Правила дорожного движения Российской Федерации».

Указанным Постановлением п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации дополнен абзацем, которым законодатель вводит в обиход понятие «опасное вождение». Законодательство ряда стран уже давно имеет дефиниции таких проявлений транспортного хулиганства, как опасное вождение, неосторожное вождение и агрессивное вождение, а также предусматривает ответственность за их совершение.

Недостатки изменений, внесенных в Правила дорожного движения Российской Федерации, уже являлись предметом подробного анализа со стороны исследователей как в области транспортной безопасности, так и административного права, однако нельзя не отметить главного: до сих пор в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не введена соответствующая статья, которая предусматривала бы административную ответственность за опасное вождение.

Вместе с тем данная норма является важной для дальнейшего развития системы противодействия транспортному хулиганству, в том числе мерами уголовно-правового характера.

Так, представляется целесообразным введение уголовной ответственности за совершение опасного вождения, которая будет наступать в случае неоднократного совершения такого деяния. При этом совершением опасного вождения неоднократно будет признаваться опасное вождение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию.

Подобная мера позволит ввести конкретные уголовно-правовые санкции, направленные на противодействие транспортному хулиганству, а также охватить ту сферу его проявле-

ний, которая длительное время остается без должного внимания отечественного законодателя.

Следует учесть, что перечень форм проявления транспортного хулиганства, закрепленный в п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации, не является исчерпывающим.

Кроме того, целесообразно перенимать законодательный опыт в сфере противодействия транспортному хулиганству у стран, где такие меры совершенствуются на протяжении длительного времени.

Так, можно предположить, что назрела необходимость криминализации такого явления, как стритрейсинг (уличные гонки). Даже по мнению многих зарубежных исследователей, данное проявление транспортного хулиганства является недооцененным со стороны законодателей, и имеющиеся меры реагирования и противодействия стритрейсингу неэффективны.

Само понятие стритрейсинга в законодательстве зарубежных стран разнится и не является унифицированным, поэтому необходимо избежать той конкретизации, которая допущена в российском праве при введении понятия опасного вождения.

Можно допустить, что стритрейсинг является разновидностью опасного вождения, однако сущность и эволюция проявлений стритрейсинга гораздо глубже и шире содержания опасного вождения.

Представляется, что предполагаемая криминализация опасного вождения в целом и стритрейсинга как его проявления в частности позволит более эффективно противостоять таким ситуациям, когда транспортные хулиганы неоднократно нарушают правила дорожного движения, создавая опасные ситуации, однако не несут за это уголовной ответственности, а имеющиеся административно-правовые санкции на них должного эффекта не оказывают.

Более того, транспортное хулиганство как явление продолжает развиваться. Например, последнее время набирает популярность так называемый киллстрит — массовые или одиночные заезды по дорогам общего пользования; как правило, в качестве транспортного средства при этом используются легкие дорожные мотоциклы, на которых исполняются элементы трюковой езды (например, вилли — езда на заднем колесе, стоппи — езда на переднем колесе во время торможения и т. д.).

Киллстрит является разновидностью трюковой езды, создающей потенциальную опасность как для исполнителей таких трюков и пассажиров транспортных средств нарушителей, так и для других участников дорожного движения.

Таким образом, предлагается криминализировать описанные выше проявления транспортного хулиганства. Реализовать такое возможно либо путем введения соответствующих формулировок в ст. 267.1 УК РФ, либо расширением понятия «опасное вождение»: «Опасное вождение — это умышленная эксплуатация механических транспортных средств, в том числе стритрейсинг, трюковая езда, а также неоднократно совершенные одно или совершение нескольких следующих друг за другом действий, которые могут повлечь причинение вреда жизни и (или) здоровью иным лицам либо причинение имущественного ущерба».

УДК 343.2/.7

В. Н. САФОНОВ

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО ХУЛИГАНСКОМУ МОТИВУ НА ТРАНСПОРТЕ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Неблагоприятное состояние правопорядка на всех видах транспорта общего пользования в России — непроходящая проблема. Приметами дорожных «разборок» давно стали бейсбольные биты, травматическое оружие и другие приспособления для поражения противника.

Анализ динамики законодательного регулирования в этой сфере привел к безутешному выводу: «низведение» конструкции такого состава преступления, как хулиганство до случаев его вооруженного проявления или совершения его по мотивам ненависти в случаях, указанных в п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, себя не оправдало. Исследователи не могли не заметить столь радикальной практики законодателя. Так, Л. В. Сердюк считает, что состав хулиганства оказался расформированным¹. Еще ранее Б. В. Волженкин заметил, что значимость хулиганского мотива (хулиганских побуждений) как критерия, позволявшего судить

¹ Сердюк Л. В. Безопасность эксплуатации транспорта, охрана общественного порядка и защита личности // Lex russica. 2016. № 11 (120). С. 126—134.

о направленности умысла на нарушение общественного порядка, окончательно сведена на нет¹.

Это убедительно доказали, среди ряда других дел, и материалы уголовного дела в отношении авиадебошира С. К. Напомним об этом уголовном деле. Авиапассажир С. К. 11 января 2013 г., находясь на борту самолета, следовавшего рейсом Москва—Хургада, будучи в состоянии алкогольного опьянения, умышленно из хулиганских побуждений причинил бортпроводнику легкий вред здоровью, вел себя неадекватно, агрессивно, угрожал расправой членам экипажа воздушного судна, пытался проникнуть в кабину управления самолетом, своими действиями создал угрозу безопасности жизни и здоровья пассажиров и экипажа, а также безопасности эксплуатации судна. Органами предварительного следствия действия С. К. были квалифицированы по п. «а» ч. 2 ст. 115 и по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ. Суд первой инстанции согласился с этим обвинением и осудил авиахулигана. Однако Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело в апелляционном порядке, отменила приговор в части обвинения подсудимого по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ как не подтвердившееся, прекратив производство по делу в этой части за отсутствием состава преступления. В результате опасные действия хулигана, поставившего под угрозу десятки жизней пассажиров и членов экипажа, а также сохранность воздушного судна, были квалифицированы лишь по п. «а» ч. 2 ст. 115 УК РФ («Умышленное причинение легкого вреда здоровью»). Ему назначено наказание в виде лишения свободы сроком на один год восемь месяцев с отбыванием в колонии общего режима².

Об эффективности подобной уголовно-правовой охраны говорить не приходится, ибо о какой эффективности может идти речь, когда в реальной опасности оказалась жизнь десятков человек и сохранность воздушного судна? А если бы события на борту приняли неконтролируемый характер, последствия могли быть еще более опасными!

¹ Волженкин Б. В. Хулиганство // Уголовное право. 2007. № 5. С. 17—22.

² Чистикова А. К., Мишин В. А. О противодействии правонарушениям на воздушном транспорте // Вестник Международного института управления. 2015. № 5—6. С. 135—136. См. также: Определение по делу от 14 апреля 2014 г. № 4-АПУ14-21сп // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 20.11.2019).

Гипотетическое примирение в суде потерпевшего с авиадебоширом как один из вариантов разрешения дела и вовсе могло привести такую уголовно-правовую «охрану» жизни и здоровья авиапассажиров и членов экипажа к конфузу.

Очевидно, что этот эпизод наряду с накопившимися другими переполнил чашу терпения законодателя, и Федеральным законом от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ч. 1 ст. 213 УК РФ была дополнена пунктом «в», предусматривающим ответственность за хулиганство на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также любом ином транспорте общего пользования.

Тем же Законом УК РФ дополнен ст. 267.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств.

В результате две введенные нормы дополнили уже существующий ряд норм, предусматривающих ответственность за совершение деяний из хулиганских побуждений (п. «д» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 2 ст. 115, ст. 116, ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Законодательная пробельность на этот раз сменилась множеством дублирующих друг друга правовых норм. Рекомендации исследователей в части критериев отграничения смежных составов преступлений содержат противоположные доводы¹.

Сложности квалификации деяний, совершаемых на разного вида транспорте общего пользования, усугубляются наличием ст. 263.1 в УК РФ «Нарушение требований в области транспортной безопасности».

Думается, что более сбалансированным подходом был бы правовой «минимализм», когда норма о хулиганстве была бы сконструирована в ст. 213 УК РФ с соответствующими простым и квалифицированными составами.

Криминализация транспортного хулиганства имеет еще одну небезынтересную сторону. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) содержит административное правонарушение, недостаточно проработанное

¹ Самойлюк Н. В. Вопросы уголовной ответственности за хулиганство и преступления, совершенные из хулиганских побуждений на объектах транспорта общего пользования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 96—100.

с точки зрения общественной опасности. Мы имеем в виду правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 11.1 КоАП РФ, объективная сторона которого составляет «повреждение железнодорожного пути, сооружений и устройств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования, сбрасывание на железнодорожные пути или оставление на них предметов, которые могут вызвать нарушение движения поездов». Этот деликт не только схож объективной стороной с деяниями, предусмотренными п. «в» ч. 1 ст. 213, ст.ст. 217.1, 263.1 УК РФ, но и вполне им под статью по общественной опасности. Мы полагаем, что ч. 1 ст. 11.1 КоАП РФ в целях устранения междисциплинарной несогласованности правовых норм нуждается во встречающемся в других административно-правовых нормах и оправдавшем себя конструктивном дополнении: «...если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния»¹.

Квалификация хулиганских действий всегда имела особенности. Наиболее приметная из них — учет и точное применение оценочных признаков состава преступления (грубое нарушение, явное неуважение, а раньше — особая дерзость, исключительный цинизм).

Оценочные признаки состава преступления — достижение и беда уголовного права. Все зависит от того, насколько квалифицированно они используются при квалификации деяния: в руках опытного специалиста они служат наиболее точному отражению признаков деяния в результатах квалификации; в другом случае — открывают простор для квалификационных ошибок или даже произвола правоприменителя.

С учетом специфики места и обстоятельств совершения транспортного хулиганства вполне объяснима такая ситуация, когда внешне схожие действия, но совершенные на разных видах транспорта, в одном случае могут быть квалифицированы как преступление, а в другом — как административный деликт. В первом случае незначительная потасовка, затеянная из хулиганских побуждений, но совершенная на борту авиалайнера на высоте нескольких тысяч метров от земли, может быть расценена как криминальное хулиганство. Квалификация этих же дей-

¹ Сафонов В. Н. Транспортное хулиганство // Научная сессия ГУАП. Сборник докладов : в 3 ч. СПб., 2019. Ч. 3 : Гуманитарные науки. С. 386—389.

ствий, но совершенных в купе поезда, вполне может ограничиться нормой КоАП РФ.

В заключение считаем уместным предложить следующие выводы:

1. Эффективное противодействие хулиганским действиям на всех видах транспорта общего пользования нуждается в правовом минимализме, когда одна норма с простым и квалифицированными составами будет охватывать все случаи нарушений общественного порядка в этой сфере.

2. Диспозиция ч. 1 ст. 11.1 КоАП РФ нуждается в конструктивном дополнении: «...если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния».

3. Квалификация хулиганских действий на всех видах общественного транспорта требует квалифицированного подхода к исследованию объективных и субъективных признаков деяния и учета оценочных признаков составов преступлений, совершенных по хулиганскому мотиву.

УДК 343.2/.7

К. П. СЕМЕНОВ

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ БЕЗОПАСНОГО СОДЕРЖАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Необходимость упорядочивания отношений по содержанию животных и обращению с ними в Российской Федерации привела к принятию соответствующего Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Законодательно закреплены основные требования безопасного содержания животных и обращения с ними, а также нормативно указано на необходимость правового реагирования на происшествия, связанные с нарушением указанных требований, посредством привлечения владельцев животных и иных виновных лиц к административной, уголовной и иной ответственности, предусмотренной действующим законодательством. Рассмотрим предусмотренные Законом требования безопасного содержания животных

и предусмотренную Уголовным кодексом Российской Федерации возможность уголовной ответственности владельцев домашних животных за нарушение требований безопасного содержания своих питомцев.

Объективная российская действительность диктует необходимость решительного ответственного реагирования на происшествия, связанные с нарушением требований безопасного содержания животных и обращения с ними. С 2007 по 2018 год в России от нападений опасных животных, преимущественно бродячих собак, погиб 391 человек. Эта цифра говорит о том, что ежегодно в России жертвами нападений животных становятся в среднем три человека, чаще всего это лица, не способные по различным причинам оказать активного противодействия агрессивным проявлениям животных. Как правило, это дети и престарелые люди.

Развивающееся законодательство об ответственном обращении с животными и правоприменительная практика посредством уголовной ответственности достаточно успешно реагируют на происшествия, связанные с нападениями на людей диких и животных без владельцев.

Так, в поселке Едва Удорского района Республики Коми в результате нападения волка, который по невыясненным обстоятельствам оказался на улицах поселка, погибла 14-летняя девочка. По данному происшествию региональным Следственным комитетом возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 293 УК РФ «Халатность» в отношении должностных лиц органов местного самоуправления и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Коми, которые в силу занимаемой должности и возложенных обязанностей ответственны за безопасное обращение с дикими животными.

Пенсионерка из города Перми стала жертвой нападения стаи бродячих собак. Ее останки с характерными повреждениями были обнаружены в октябре 2019 года. В отношении должностных лиц администрации города Следственным управлением Следственного комитета России по Пермскому краю возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 293 УК РФ «Халатность».

По той же статье к уголовной ответственности привлечены должностные лица Пермской городской службы по регулированию численности собак и кошек без владельцев за неиспол-

нение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обеспечению безопасного обращения с животными, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью человека. В Мотовилихинском районе города Перми 29 ноября 2019 г. жертвами нападения стаи бродячих собак явились трое подростков. Вмешательство проходившего мимо мужчины предотвратило неизбежную гибель детей. Семилетний мальчик в тяжелом состоянии был доставлен в краевую детскую клиническую больницу.

Методические указания по осуществлению деятельности по обращению с животными без владельцев являются нормативным основанием для наделения должностных лиц обязанностями по обеспечению безопасного обращения с бродячими животными, что облегчает процедуру привлечения к уголовной ответственности виновных должностных лиц за проявленную преступную халатность в случаях наступления предусмотренных уголовным законом общественно опасных последствий.

Если животное находится на содержании у человека, то в случаях причинения вреда правоохраняемым интересам в результате нарушения требований безопасного содержания животных к ответственности привлекаются их владельцы, допустившие нарушение указанных требований. К домашним животным законодательно отнесены животные, кроме включенных в перечень запрещенных к содержанию, которые находятся на содержании физического лица, под его временным или постоянным надзором и местом содержания которых не являются зоопарки, зоосады, цирки, зоотеатры, дельфинарии и океанариумы. Следовательно, речь идет о животных, опекаемых человеком и содержащихся в местах его проживания. Это животные-компаньоны (собаки и кошки), а также сельскохозяйственные животные (кролики, свиньи, коровы, лошади и др.), которых традиционно называют домашними животными.

В перечень животных, запрещенных к содержанию, включены исключительно дикие животные, относящиеся к классам пресмыкающиеся (например, ядовитые змеи и ящерицы, крокодилы и некоторые виды черепах), земноводные (например, ядовитые лягушки и др.), паукообразные (ядовитые пауки и скорпионы), млекопитающие водные и сухопутные (например, тюлени, моржи, волки, медведи, лисицы, львы, тигры, леопарды, ягуары, барсы, гепарды, пумы, рыси, обезьяны и др.), птицы

(например, страусы, пингвины, совы и др.), хрящевые рыбы (например, скаты и акулы), костные рыбы (например, мурены, угри и др.), а также коралловые полипы (зоантарии). Исходя из указанного перечня и нормативно закрепленного понятия «домашние животные», к последним можно отнести диких животных, нахождение которых на содержании у человека не запрещено законом, (например ежи, еноты, попугаи и другие животные), не представляющие опасности для жизни и здоровья человека и чье содержание не требует создания специальных условий, потребных для выживания животного. Запрещенные к содержанию животные, приобретенные до 1 января 2020 г., могут находиться на содержании владельца до наступления их естественной смерти.

Федеральным законом «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлены такие требования их безопасного содержания, как ограничение предельного количества домашних животных в местах содержания; обеспечение владельцем безопасного выгула домашних животных в целях предупреждения нападений этих животных на людей; исключение возможности свободного и неконтролируемого передвижения животного при пересечении проезжей части автомобильной дороги, в лифтах и помещениях общего пользования многоквартирных домов, во дворах домов, на детских и спортивных площадках; обеспечение уборки продуктов жизнедеятельности животного в местах и на территориях общего пользования; недопустимость выгула животного вне мест, разрешенных органами местного самоуправления.

С 1 января 2020 г. запрещен выгул потенциально опасной собаки без поводка и намордника независимо от места осуществления выгула, кроме случаев нахождения потенциально опасной собаки на огороженной территории, принадлежащей владельцу. О наличии потенциально опасной собаки должна быть сделана предупреждающая надпись при входе на такую территорию.

К потенциально опасным собакам отнесены такие породы, как акбаш, американский бандог, амбульдог, бразильский бульдог, булли Кута, бульдог алапахский чистокровный (отто), бэндог, волко-собачьи гибриды, волкособ, гибрид волка, гуль дог,

питбульмастиф, северокавказская собака и метисы собак указанных пород.

За нарушение указанных требований безопасного содержания домашних животных, повлекшее причинение вреда охраняемым интересам, владельцы таких животных согласно ст. 21 вышеуказанного Федерального закона привлекаются к юридической ответственности, вид которой зависит от тяжести причиненного вреда. Ранее нами обосновывалось предложение о привлечении владельцев домашних животных за неосторожное причинение существенного вреда охраняемым интересам посредством животных в результате нарушения требований их безопасного содержания к уголовной ответственности с использованием специальной нормы, вопреки сложившейся практике квалификации подобных деяний по имеющимся в УК РФ общим нормам.

С принятием рассматриваемого Федерального закона, регламентирующего требования безопасного содержания животных, произошло нормативное обоснование обязанности владельцев обеспечивать безопасные условия содержания своих питомцев, что, безусловно, облегчило установление и вменение вины нарушителям требований безопасного содержания домашних животных. При этом правоприменителями допускается ошибка в объекте преступления, поскольку вред по неосторожности причиняется не конкретному потерпевшему лицу, а любому члену общества, который по случайным и трагическим обстоятельствам оказался жертвой посягательства со стороны опасного животного. Мы полагаем, что при таком подходе видовым объектом преступления выступают не интересы личности, а интересы общества в виде сохранения здоровья населения.

Таким образом, мы продолжаем придерживаться мнения о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства об ответственном обращении с животными, в том числе модернизации уголовно-правовых норм и практики их применения, что облегчит уголовное преследование владельцев животных, причинивших по неосторожности вред охраняемым интересам в результате нарушения требований безопасного содержания животных.

УДК 343.2/7

В. В. СЕМЕНОВА

**УЧАСТИЕ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ,
В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Наркомания — это эпидемия XXI века, которая распространяется на все слои общества, в том числе и на молодежь. Масштабы и темпы ее распространения таковы, что ставят под угрозу здоровье молодежи и будущее значительной ее части, социальную стабильность российского общества в уже ближайшей перспективе¹.

В России только официально зарегистрированных наркозависимых около 600 тысяч человек, и за последние пять лет эта цифра не уменьшается². Средний возраст лиц, страдающих наркозависимостью, составляет 16—30 лет, при этом почти каждый пятый школьник пробовал запрещенное средство или вещество. Возраст, с которого школьники начинают употреблять запрещенные средства или вещества, составляет 9—13 лет³.

Одной из основных причин распространения среди молодежи наркомании является ее же привлечение в наркобизнес, и в большей степени несовершеннолетних лиц, а установленные нормами уголовного законодательства рамки наступления уголовной ответственности благоприятствуют этому.

Отметим, что за совершение преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 228.1 УК РФ, привлекаются лица, достигшие 16 лет. Напомним, что за хищение либо вымогательство наркотиков (ст. 229 УК РФ) законодателем уголовная ответственность определена с 14 лет, соответственно, при совершении деяний, закрепленных в данной статье, лицо способно осозна-

¹ Ишимова А. Е. Проблема наркомании в России // Молодой ученый. 2015. № 6 (86). С. 48.

² Стенограмма заседания Совета Безопасности Российской Федерации по вопросу реализации государственной антинаркотической политики от 28.04.2017 // Совет Безопасности Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2206/> (дата обращения: 10.10.2019).

³ Вартумян Е. Наркотики в школе: «Я пробовал за компанию и из любопытства» // Милосердие.ru : православный портал о благотворительности. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/narkotiki-v-shkole-ya-poproboval-za-kompaniyu-iz-lyubopystva/> (дата обращения: 05.09.2019).

вать общественную опасность с более раннего возраста. Полагая, что лица, достигшие 14-летнего возраста, участвующие в сбыте наркотиков (ст. 228.1 УК РФ), также понимают противоправность своих действий, так как запрет на указанные в статье действия понятен и не требует, на наш взгляд, специальных знаний, отсутствие которых препятствовало бы пониманию преступности своих деяний.

Согласно результатам анкетирования подозреваемых (обвиняемых) и осужденных за преступления в сфере незаконного оборота наркотиков возрастом начала совершения ими данных деяний является: 18 и более лет (47 %); 16—17 лет (29 %); 14—15 лет (24 %), что свидетельствует о том, что четверть опрошенных начала заниматься преступной деятельностью в исследуемой сфере, не достигнув возраста наступления уголовной ответственности. Также знакомые им лица, занимающиеся сбытом запрещенных средств и веществ, начали осуществлять свою преступную деятельность в возрасте: 14—15 лет (37 %); 16—17 лет (19 %); 18 и более лет (19 %), что указывает на то, что как минимум 37 % лиц, осуществляющих сбыт наркотиков, остаются безнаказанными. В свою очередь, 35 % опрошенных отметили, что у одного сбытчика запрещенные предметы постоянно приобретает 11—15 человек в год; 29 % респондентов сообщили о наличии более 20 клиентов у сбытчика; 24 % — указали на 16—20 человек и 12 % респондентов — на 6—10¹.

При этом 55 % опрошенных подозреваемых (обвиняемых) и осужденных показали, что начали заниматься наркодеятельностью в целях основного источника заработка, 17 % — для получения бесплатных средств и веществ для личного потребления, 17 % — в целях дополнительного источника дохода и 11 % — чтобы быть признанным в группе².

Анализируя вышесказанное, несложно спрогнозировать, как увеличится число потребителей за счет сбыта наркотиков лицами, не достигшими возраста наступления уголовной ответственности.

Примеров активного участия несовершеннолетних лиц в незаконном обороте наркотиков имеется много. При этом несо-

¹ Семенова В. В. Уголовная ответственность за склонение к потреблению средств и веществ, представляющих угрозу здоровью населения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2019. С. 227.

² Там же.

вершеннолетние не только участвуют в наркобизнесе вместе со взрослыми, но и сами организуют его. Так, из показаний несовершеннолетнего подозреваемого Ф. следует, что совместно с несовершеннолетним Р., не достигшим возраста уголовной ответственности, на протяжении одного года через интернет-ресурс на сайте «Гидра» они приобретали в целях последующего сбыта наркотическое средство гашиш (анаша, смола каннабиса), которое в дальнейшем сбывали в образовательных учреждениях, а также реализовывали посредством «закладок».

Отметим, что 22 ноября 2017 г. в Тамбове была проведена встреча экспертов по вопросу «О целесообразности снижения возраста привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные со сбытом наркотиков несовершеннолетними», в ходе которой большинство участников пришло к мнению о необходимости снижения возраста наступления уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, до 14 лет. Лишь И. А. Аркашина и А. Л. Белкина высказались против. Первая указала на то, что при снижении возраста наступления уголовной ответственности до 14 лет взрослые будут привлекать к сбыту малолетних, т. е. детей от 10 до 14 лет. А. Л. Белкина считает, что такими мерами рассматриваемую проблему не решить, так как большинство несовершеннолетних вовлекаются в наркобизнес взрослыми и необходимо выработать меры по извлечению ребенка из среды, которая способствует совершению преступления¹.

Вряд ли можно согласиться с мнением И. А. Аркашиной и А. Л. Белкиной. Как указывалось выше, в возрасте 14 лет человек имеет реальную возможность получить достаточно полную информацию о вреде наркотиков, способен уяснить этот вред для себя и для общества, а в более младшем возрасте ребенок не способен делать умозаключения и регулировать свое поведение.

Обратим внимание и на опыт зарубежных стран, где, например в Германии, Китае и некоторых штатах США, за сбыт за-

¹ Информационный материал о результатах встречи экспертов по вопросу «О целесообразности снижения возраста привлечения к уголовной ответственности за преступления, связанные со сбытом наркотиков несовершеннолетними» // Администрация Тамбовской области : офиц. сайт. URL: https://www.tambov.gov.ru/user/170/files/inform-materialy-o-rezultatah-vstrechi-ekspertov-22-11-2017_ugolovnaya-otvetstvennost-nesovershennoletnih-za-non.pdf (дата обращения: 17.09.2019).

прещенных средств и веществ уголовная ответственность предусмотрена с 14 лет.

Учитывая вышеизложенное, по нашему мнению, для снижения темпов распространения наркомании необходимо рассмотреть вопрос о снижении возраста привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ, до 14 лет.

В связи с этим предлагаем рассмотреть вопрос о возможности расширения диспозиции ч. 2 ст. 20 УК РФ «незаконными производством, сбытом или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконными сбытом или пересылкой растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (статья 228.1)».

УДК 34

А. В. СУМАЧЕВ

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Активизация спортивной деятельности не только на национальном, но и на международном уровне наряду с несомненно положительными моментами имеет и некоторые отрицательные, обусловленные общественно опасным поведением болельщиков. Так, однажды, говоря о футболе, один из моих студентов сказал: «Знаете, а у меня есть знакомый, он реальный фанат. У него все лицо в шрамах!» А ведь в этой фразе содержатся две весьма значимые послышки — «реальный фанат» и «все лицо в шрамах», — которые позволяют утверждать, что отдельные группы спортивных болельщиков представляют непосредственный интерес не только с точки зрения их криминальной активности, но и с позиций обеспечения безопасности в процессе организации и проведения спортивных мероприятий.

Например, достаточно криминально-активной группировкой являются футбольные фанаты. У крупных российских клубов насчитывается по несколько официальных и неофициальных фанатских объединений, в которых, по некоторым данным, состоят сотни тысяч человек. Первые хулиганские группировки европейского масштаба — это «Red-Blue Warriors» (ПФК «ЦСКА»),

«Flint's Crew» (ФК «Спартак») и «Ultras» (ФК «Зенит»). Практически каждый их выезд на футбольный матч своей команды сопровождался массовым хулиганством и драками. На происходящее обратили внимание силовые структуры, последовали аресты, полиция заняла крайне жесткую позицию, и фанаты, дабы оградить себя от лишнего внимания, стали скрытными и осторожными, переняв тактику, характерную для британских «Кэжуалс»¹. Вместе с тем фанатское движение вскоре стало модным, спровоцировав быстрый рост числа футбольных группировок как в столице, так и по всей России. В официальных фанатских клубах существует строгая иерархия и фанатский «кодекс чести». Все мероприятия, проводимые фанатами (от «кричалок» и баннеров до крупномасштабных драк), являются четко спланированными лидерами данных группировок, исключения лишь составляют неофициальные футбольные банды (на сленге — «фирмы»). В любой официальной или неофициальной «фирме» существует лидер, который отвечает за организацию деятельности фан-клуба, а именно организацию выездных матчей (билеты, транспорт, проживание и т. п.), контакты с администрацией футбольного клуба, контакты с лидерами других «фирм». В настоящее время за грубое, непристойное поведение болельщиков на трибунах наказывается сам футбольный клуб, поэтому администрация клуба тесно взаимодействует с лидерами фанатских «фирм». Объединения фанатов характеризуется достаточно высокой сплоченностью.

Криминальная активность фанатов, особенно футбольных, достаточно высока. Так, после матча сборных России и Японии 9 июня 2002 г., показ которого устроили на Манежной площади в Москве, пьяные фанаты стали громить все вокруг. В итоге пострадало 75 человек, из которых 49 были госпитализированы, а один скончался. Относительно недавно — 11 мая 2014 г. — во время матча «Зенит»—«Динамо» в Санкт-Петербурге, после гола А. Кержакова на 87-й минуте матча, сотни местных фанатов выбежали к лицевой линии, а некоторые — на поле. При этом один из фанатов «Зенита» подбежал к защитнику москвичей Владимиру Гранату и ударил его по лицу². На стадионе в Тюме-

¹ Кинг Д. Фабрика футбола. М., 2005. С. 187.

² Десять самых масштабных выходов футбольных фанатов // FURFUR : молодежный интернет- сайт. URL: <http://www.furfur.me/furfur/culture/culture/175975-10-samyh-zverskih-vyhodok-futbolnyh-fanatov> (дата обращения: 11.11.2019).

ни в 2013 году фанаты футбольного клуба «Зенит», недовольные поражением своей команды в игре с тюменским клубом, начали кидать петарды на поле и подожгли сиденья на стадионе. После инцидента полиция задержала 17 человек¹.

Одно из последних событий: «Фанаты московского ЦСКА устроили беспорядки в Будапеште перед матчем Лиги Европы с венгерским “Ференцварошем”. Об этом сообщает Telegram-канал «ЭкСпорт». Источник отмечает, что в городе произошла серия драк между ультрас, причем на подмогу россиянам прибыли группировки из Польши, Болгарии и Сербии. В столице Венгрии в усиленном режиме работает полиция, было ограничено движение наземного транспорта» (матч состоялся 7 ноября 2019 г. в 23 час 00 мин по московскому времени)².

О значимости проблем фанатского движения с позиции противодействия преступности сказано и в защищенных кандидатских диссертациях не только по юриспруденции (Мейтин А. А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2004), но и по психологии (Медников С. В. Психологические составляющие агрессивного поведения футбольных болельщиков : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2012).

Отметим, что обеспечение безопасности в процессе организации и проведения спортивных мероприятий посредством привлечения к охране порядка сотрудников силовых ведомств (например, Росгвардии) не всегда эффективно. Так, если массовые беспорядки не связаны с посягательствами на посторонних, а выражаются, например, в выбрасывании петард на поле или в порче имущества стадиона, представители Росгвардии, как правило, не вмешиваются в происходящее.

И здесь весьма интересным представляется российский пример непосредственной профилактики сотрудниками полиции возможных правонарушений со стороны футбольных фанатов. В одном из российских городов проходила игра футбольного клуба «Анжи» из Махачкалы. Предполагался, соответственно, и приезд фанатов данного клуба. За некоторое время до игры со-

¹ LIFE : сайт. URL: <https://life.ru/t/новости/122046> (дата обращения: 11.11.2019).

² СПОРТ mail : сайт. URL: <https://sportmail.ru/news/football-eurocups/39399824/?frommail=1> (дата обращения: 11.11.2019).

трудникам полиции и некоторым близким им людям из этого города характерной внешности сказали, чтоб они не брились (отрастили бороду) и на матч пришли в соответствующей одежде: желто-зеленые майки, шарфы, папахи. Основной задачей этих полицейских было смешаться на трибунах с футбольными болельщиками «Анжи» и успокаивать наиболее агрессивно настроенных фанатов. Мера профилактики сработала, игра закончилась без эксцессов.

Здесь мы указали лишь один пример обеспечения безопасности в процессе организации и проведения спортивных мероприятий. Конкретная же разработка форм обеспечения безопасности с учетом опыта других государств и национального регионального опыта еще ждет своих исследователей.

УДК 343.2/.7

И. О. ТКАЧЕВ

**ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
НОРМЫ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ
В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ**

Необходимость борьбы с организованной преступностью очевидна. Именно организованная преступность, составляющая ядро всей преступности в целом, представляет наибольшую опасность для охраняемых уголовным законом общественных отношений, как указано в п. 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683.

В специальной литературе подчеркивается, что одним из признаков организованной преступности является выраженная иерархия преступных объединений¹. В связи с этим усилия государства должны быть направлены в первую очередь именно на борьбу с криминальными лидерами, осуществляющими функции управления преступным миром и контроля за ним. При этом успешность такой борьбы во многом зависит от эффективности соответствующего уголовно-правового запрета.

¹ Криминология : учебник / А. И. Гуров, А. А. Игнатьев, Н. Ф. Кузнецова [и др.] ; науч. ред. Н. Ф. Кузнецова, В. В. Лунеев. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2004. С. 394.

Президент Российской Федерации 14 февраля 2019 г. внес в Государственную Думу законопроект 645492-7¹. Менее чем через два месяца соответствующий Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» был принят в трех чтениях, одобрен Советом Федерации, подписан и опубликован в официальных источниках. В результате Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 210.1, устанавливающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Вместе с тем анализ указанной нормы в ее существующем виде позволяет сделать вывод о том, что претворение в жизнь замысла отечественного законодателя вызовет ряд теоретико-прикладных проблем, способных существенно снизить правоприменительный потенциал введенной статьи.

Ключевым при этом видится вопрос: в чем именно заключается преступное деяние, ответственность за которое установлена анализируемой нормой? Иначе говоря, какое именно поведение субъекта образует состав соответствующего преступления?

Из буквального толкования нормы следует, что уголовная ответственность устанавливается за сам факт занятия высшего положения в высшей преступной иерархии.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова отглагольное существительное «занятие» определяется, в том числе, как «то, чем кто-нибудь занят, дело, труд, работа»². В то же время среди всех значений глагола «занять» к употребленному в тексте диспозиции ст. 210.1 УК РФ наиболее близко лексически значение «вступить в должность».

Таким образом, термин «занятие» может рассматриваться как:

1) *процесс* занятия высшего положения в преступной иерархии, т. е. деятельность лица, направленная на приобретение указанного статуса;

2) *принадлежность* виновного к категории лиц, занимающих высшее положение в высшей преступной иерархии.

¹ СОЗД : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 24.11.2019).

² Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1973. С. 197.

Если рассматривать термин «занятие» в первом из вышеприведенных значений, анализируемое деяние можно считать своеобразным аналогом создания (образования) отдельных форм коллективных преступных образований, ответственность за которые предусмотрена нормами главы 24 УК РФ. В связи с этим в рассматриваемом значении деяние будет считаться оконченным в тот момент, когда виновный приобрел статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, т. е. занял соответствующее положение. Последующее нахождение лица в обозначенном статусе уголовно-правового значения в таком случае не имеет.

Согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, обратной силы не имеет. В связи с этим, если понимать «занятие» как деятельность, направленную на приобретение обозначенного в диспозиции статуса, действие уголовно-правовой нормы ст. 210.1 УК РФ может быть распространено только в отношении тех лиц, которые займут высшее положение в преступной иерархии после вступления нормы закона в силу, что вряд ли отвечает целям принятия уголовного закона.

Кроме того, нельзя не отметить, что восприятию «занятия» как приобретения статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, препятствует отсутствие каких-либо формализованных критериев, по которым в таком случае можно было бы достоверно судить о моменте юридического окончания преступления. Также важно обратить внимание, что приобретение указанного статуса является не столько результатом сознательно-волевых действий самого субъекта, сколько результатом восприятия субъекта в указанном качестве со стороны иных участников криминального мира.

В связи с этим, по нашему мнению, законодатель установил ответственность именно за принадлежность виновного к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. Как отмечено в законопроекте 645492-7, Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» «впервые введено понятие и установлена уголовная ответственность лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, но только в случае если указанное лицо совершает общественно опасное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 210 УК РФ. При этом

уголовная ответственность за *сам факт лидерства* [курсив наш. — И. Т.] такого лица в преступной иерархии не предусмотрена»¹. Такое восприятие содержания нормы указывает на длящийся характер описанного в ней преступления, что позволит применить ее к тем ситуациям, когда статус лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, был приобретен до вступления в силу Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности», но лицо продолжило занимать указанное положение после вступления Закона в силу.

На это первый взгляд, установление в ст. 210.1 УК РФ ответственности за сам факт принадлежности виновного к числу лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, роднит анализируемую норму с рядом других, устанавливающих уголовно-правовой запрет на участие в деятельности тех или иных коллективных преступных образований (ч. 2 ст. 205.4, ч. 2 ст. 205.5, ч. 2 ст. 208, ч. 2 ст. 209, ч. 2 ст. 210 УК РФ и др.).

Но это только на первый взгляд. Участие в банде, преступном или террористическом сообществе, незаконном вооруженном формировании и т. д. предполагает не только сам факт отнесения виновного к формализованному коллективному преступному формированию, т. е. наличие соответствующего социального статуса, но и совершение конкретных активных действий, направленных на достижение тех целей, для которых создана соответствующая преступная группа.

Так, в частности, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» отмечается, что под участием в преступном сообществе (преступной организации) следует понимать *вхождение в состав сообщества (организации)* (курсив наш. — И. Т.), а также разработку планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабже-

¹ СОЗД : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения: 24.11.2019).

ние информацией, ведение документации, подыскание жертв преступлений, установление в целях совершения преступных действий контактов с должностными лицами государственных органов, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, создание условий совершения преступлений и т. п.).

При этом использование союза «а также» не должно вводить в заблуждение. В данном случае указанный союз выполняет роль соединительного, о чем явно свидетельствует второй абзац указанного выше пункта Постановления, в соответствии с которым «преступление в форме участия лица в преступном сообществе (преступной организации) считается оконченным с момента совершения хотя бы одного из указанных преступлений или иных конкретных действий по обеспечению деятельности преступного сообщества (преступной организации)». Таким образом, сам факт вхождения в состав сообщества не является достаточным для квалификации содеянного как оконченного преступления, ответственность за которое установлена ч. 2 ст. 210 УК РФ.

Аналогичным образом решается вопрос, когда речь идет о специальном субъекте преступления, предусмотренном ч. 4 ст. 210 УК РФ. Как верно отмечают А. Рагулин и В. Фефелов, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, может быть привлечено к уголовной ответственности не за этот статус, а за совершение конкретных действий, описанных в диспозиции ч. 1 ст. 210 УК РФ¹.

В то же время применительно к ст. 210.1 УК РФ ответственность, как уже отмечалось, наступает за сам факт принадлежности к определенной группе, состоящей из лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. На самом деле, если помимо формальной принадлежности к соответствующей группе необходимо совершение каких-либо действий, производных от имеющегося у виновного статуса в преступном мире, то существование ст. 210.1 УК РФ следует признать законодательным излишеством. В таком случае все, что требует уголовно-правовой оценки по указанной норме, также будет одновременно квалифицироваться по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Смысл нового уголовно-правового запрета как раз в том, что ответственность по ст. 210.1 УК РФ наступает независимо от каких-либо действий,

¹ Рагулин А., Фефелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право. 2010. № 5. С. 69.

совершенных виновным как участником соответствующего преступного сообщества.

Иными словами, отечественный законодатель впервые установил ответственность за сам социальный статус. При этом указанный социальный статус не имеет четкой формализации и оказывается в какой-то мере производным от ценностей и убеждений, которые исповедует соответствующее лицо. Вместе с тем в доктрине уголовного права справедливо указывается, что уголовно-правовое значение имеет только деяние, а не убеждения или мысли («*cogitationis poenam nemo patitur*»)¹. Убеждения и намерения человека, какими бы отрицательными и опасными для общества они ни были, не воплощенные в деянии, не подлежат уголовной ответственности². Равным образом уголовная ответственность не может устанавливаться и за социальный статус.

В связи с этим мы полагаем, что установление уголовной ответственности за принадлежность виновного к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, противоречит основополагающим принципам уголовного права. Законодателю следует установить уголовную ответственность не за сам факт обладания соответствующим статусом, а за выполнение производных от такого статуса функций, т. е. за совершение конкретных действий, если они при этом не охватываются ст. 210 УК РФ.

УДК 343.2/7

И. А. ХАЛИКОВ

ВОПРОСЫ ОБОСНОВАННОСТИ ОТНЕСЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ К ПРЕДМЕТУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 226.1 УК РФ

В Уголовном кодексе Российской Федерации содержится значительное количество норм, предусматривающих ответственность за преступления, совершаемые в отношении культурных ценностей. Они не образуют определенную совокупность со-

¹ Курс уголовного права. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении : учеб. для вузов / Г. Н. Борзенков, В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова [и др.] ; под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 70, 125.

² Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2005. С. 89.

ставов, объединенных единым видовым и родовым объектом преступлений, а разнесены законодателем по четырем главам Кодекса. Так, рассматриваемые нормы содержатся, например, в главе 21 УК РФ (ст. 164 «Хищение предметов, имеющих особую ценность»), главе 22 УК РФ (ст. 190 «Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей»), главе 24 УК РФ (ст. 214 «Вандализм», ст. 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов»), главе 25 УК РФ (ст. 243 «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, выявленных объектов культурного наследия, природных комплексов, объектов, взятых под охрану государства, или культурных ценностей», ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»).

По мнению Т. В. Кондрашовой, подобная неупорядоченность может быть свидетельством того, что законодатель до конца не определился, какое благо, связанное с культурными ценностями, является первостепенным и что он хотел бы защитить в первую очередь (собственность, монополию государства на определенные действия с названными предметами, культурное пространство страны, общественную нравственность или общественную безопасность)¹.

¹ Кондрашова Т. В. Культурные ценности под защитой российского уголовного права // Российский юридический журнал. 2016. № 5. С. 135—142.

На проблему разобщенности составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за посягательства на культурные ценности, обращалось внимание ряда ученых¹.

Так, Л. Р. Клебанов для совершенствования действующего уголовного законодательства, с учетом направленности преступных посягательств, общности предмета и родового объекта преступления предлагал выделить в рамках УК РФ специальный раздел «Преступления против культурных ценностей», который должен был включать в себя, в том числе, и норму, предусматривающую ответственность за контрабанду культурных ценностей².

В настоящее время ст. 226.1 УК РФ включена в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» Уголовного кодекса Российской Федерации. Это произошло в результате декриминализации ст. 188 УК РФ, предусматривавшей ответственность за «товарную контрабанду».³ Часть вторая утратившей силу нормы закона предусматривала ответственность за контрабанду культурных ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу. Исходя из содержания непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, возникает вопрос обоснованности отнесения культурных ценностей к предмету контрабанды.

Характерной особенностью рассматриваемого состава преступления является то, что в результате его совершения причиняется вред ряду общественных отношений. С учетом видового разнообразия предмета контрабанды, нахождения рассматриваемого состава в главе 24 УК РФ непосредственным объектом преступления признаны общественные отношения, связанные с об-

¹ Давлетшина О. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2003. 201 с. ; Медведев Е. В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2003. 203 с.

² Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 14.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ : текст с изм. и доп. на 3 июля 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы "КонсультантПлюс".

щественной безопасностью в сфере установленного порядка перемещения через таможенную границу Таможенного союза либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза предметов, изъятых из гражданского оборота или в отношении которых установлены специальные правила перемещения их через таможенную границу¹. При этом не существует основного непосредственного объекта преступления, поскольку предметы, приведенные в диспозиции ст. 226.1 УК РФ, не образуют однородной группы. Это предметы, перемещение которых через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) или Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС запрещено, (сильнодействующие, ядовитые, отравляющие вещества, взрывчатые вещества, радиоактивные вещества и т. п.), предметы, вывоз которых за пределы таможенной границы Таможенного союза в рамках ЕАЭС или Государственной границы Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕАЭС ограничен разрешительными процедурами (стратегически важные товары и ресурсы, культурные ценности в крупном размере). При этом законодатель в качестве критерия отнесения культурной ценности к предмету контрабанды указал на обязательное наличие крупного размера, определяемого в результате проведения экспертного исследования (ст. 11.2 Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»).

Следует согласиться с мнением И. А. Подройкиной, в соответствии с которым нелогичным является включение культурных ценностей в качестве предмета контрабанды в ст. 226.1 УК РФ. Данное преступление посягает на экономическую безопасность государства и является разновидностью «товарной контрабанды»². Высказанное И. А. Подройкиной мнение позво-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. (Постатейный). В 2 т. Т. 2 / А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Желваков, Ю. Е. Пудовочкин ; под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., науч. М., 2015. 704 с.

² Подройкина И. А., Кругликова Д. А. Проблемы регламентации уголовной ответственности за контрабанду в современном законодательстве // Современное право. 2018. № 9. С. 100—105.

ляет сделать вывод о несоблюдении правил законодательной техники, а именно, нарушении последовательности изложения и взаимосвязи размещаемых в акте нормативных предписаний.

В подтверждение сказанного обратимся к решениям, вынесенным судами Российской Федерации. Так, приговором Печорского районного суда Псковской области от 16 июня 2015 г. С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела осужденный, не имея соответствующих документов на вывоз за территорию Российской Федерации культурных ценностей, незаконно пытался вывезти из Российской Федерации в Эстонскую Республику, т. е. через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕАЭС, монеты, изготовленные более 50 лет назад. Согласно заключению экспертов комиссионной искусствоведческой судебной экспертизы монеты, принадлежащие С., изъятые в ходе таможенного контроля, признаны культурными ценностями, имеющими историческое значение, как денежные знаки, ходившие в обращении в определенную историческую эпоху. Стоимость изъятых монет составила более 100 тыс. рублей¹.

Не оспаривая законность вынесенного судом решения, следует отметить, что преступное посягательство не было направлено на безопасность перемещения через границу отдельных предметов. Совершенное преступление является «товарной контрабандой» — нарушением правил декларирования товаров, перемещаемых через границу Таможенного союза (ЕАЭС) (ст. 355 Таможенного кодекса Таможенного союза).

Сомнения в возможности оказания влияния на общественную безопасность перемещения через границу ЕАЭС культурных ценностей усматриваются и при изучении приговора Советского районного суда г. Владикавказа от 26 января 2018 г. Согласно принятому решению А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 226.1 УК РФ. Осужденный в нарушение требований ст.ст. 155 и 355 Таможенного кодекса Таможенного союза не задекларировал вывозимые культурные ценности — ритуальный меч, изготовленный в США в 1912—1922 годах. Согласно заключению эксперта стоимость

¹ Приговор Печерского районного суда Псковской области от 16 июня 2015 г. по делу № 1-37/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0pY4ybVOE9dB> (дата обращения: 15.11.2019).

изъятого у А. предмета составила 119 тыс. 800 рублей, что согласно п. 4 примечания к ст. 226.1 УК РФ образует крупный размер¹. Анализ судебного решения подтверждает позицию автора о сохранении в судебной практике случаев совершения «товарной контрабанды».

Обратимся к уголовному законодательству государств — членов ЕАЭС. В Уголовном кодексе Республики Казахстан содержится ст. 234 «Экономическая контрабанда», т. е. перемещение в крупном размере через таможенную границу ЕАЭС товаров или иных предметов, в том числе запрещенных или ограниченных к перемещению через таможенную границу товаров, вещей и ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу, за исключением указанных в ст. 286, Уголовного кодекса Республики Казахстан, которой установлена ответственность за перемещение изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено.

Таким образом, отечественному законодателю следует пойти по пути возврата ответственности за товарную контрабанду, которая была предусмотрена ст. 188 УК РФ, предусмотрев, в том числе, ответственность за контрабанду культурных ценностей в крупном размере. Это будет согласовываться с опытом правотворческой деятельности стран — участниц ЕАЭС, в уголовном законодательстве которых в качестве самостоятельных составов преступления имеется товарная (экономическая) контрабанда и контрабанда предметов, изъятых из гражданского оборота.

Кроме того, следует сохранить в ст. 226.1 УК РФ контрабанду культурных ценностей, имеющих особое значение. Это будет логичным при раскрытии содержания правового запрета, поскольку вывоз подобного рода предметов создает угрозу культурной, национальной безопасности государства. Сохранение в качестве предмета контрабанды культурных ценностей, имеющих особое значение, будет согласовываться с содержанием Стратегии национальной безопасности Российской Феде-

¹ Приговор Советского районного суда г. Владикавказа от 26 января 2018 г. по делу № 1-84/2018 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <http://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--plai/32654617/extended> (дата обращения: 15.11.2019).

рации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683¹. В Стратегии определено понятие национальной безопасности, которая включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, преимущественно государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность в области культуры и безопасности личности.

УДК 343.98

А. В. ХОЛОПОВ

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Работа прокурора, следователя, судьи и других субъектов уголовного судопроизводства — это, прежде всего, деятельность интеллектуального характера, заключающаяся в познании и осмыслении произошедшего преступления как целостного явления. Такое осмысление с выявлением ключевых особенностей (структуры элементов и их взаимосвязей) познаваемого объекта (правонарушения) необходимо для формирования целостного мысленного образа в сознании субъекта познания (следователя, прокурора) и создания максимально объективной и адекватной модели преступления (уголовное дело) для его дальнейшего рассмотрения в суде, где происходит поиск и принятие правосудного решения.

Исследование сложного объекта требует от субъекта познания наличия превосходящей по сложности этого объекта системы знаний и системы мышления.

Можно сказать, что данный принцип исследования является одним из базовых для любого типа познавательной деятельности и исходит из закона необходимого разнообразия, сформулированного английским психиатром, кибернетиком У. Р. Эшби и

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

закключающегося в том, что «управление может быть обеспечено только в том случае, если разнообразие средств управляющего, по крайней мере, не меньше, чем разнообразие управляемой им ситуации»¹.

Также, это можно проиллюстрировать принципом, сформулированным логиком и математиком Куртом Геделем: «Система не может познать саму себя, а лишь систему более простую, находящуюся на предыдущей ступени развития»², иначе говоря, простая система не может познать более сложную.

Исходя из сформированной американским экономистом, социологом К. Боулдингом классификации систем по сложности, состоящей из девяти иерархических уровней, преступление можно отнести к высшим уровням сложности. В частности, к седьмому уровню (человек — система, обладающая развитой способностью самопознания и самосовершенствования), и восьмому (социальные системы — многоэлементные сложные системы, жизнедеятельность которых основана на развитии коммуникаций).

С точки зрения теории познания и классификации сложности К. Боулдинга преступление является сложным объектом познания. Система знаний и методы познания, существующие в уголовном судопроизводстве, должны превышать сложность объекта познания, что позволит полно, всесторонне, объективно и целостно исследовать преступление.

Фундаментом уголовного судопроизводства как процесса исследования преступлений является диалектический метод познания. Теория познания является основой теории доказательств и теории доказывания. Соответственно, диалектическая логика также положена в основу теории квалификации преступлений и теорий доказательств и доказывания.

Научный диалектический метод является методом теоретического мышления, воспроизводящего предмет исследования в его совокупности как целостную систему, в которой каждый закон представляет собой отдельный момент («подсистему»), внутрен-

¹ Эшби У. Р. Введение в кибернетику : пер. с англ. М., 1959. 432 с.

² Гуревич И. М. Законы информатики — основа строения и познания сложных систем. 2-е изд., уточн. и доп. М., 2007. 400 с. ; Нагель Э., Ньюмен Дж. Р. Теорема Геделя. М., 2010. 121 с.

не связанный с остальными¹. Таким образом, одним из фундаментальных принципов диалектики является системность.

Более того, исследователями в области теории систем Ф. И. Перегудовым и Ф. П. Тарасенко была высказана, на наш взгляд, абсолютно справедливая и правильная мысль о том, что системный анализ и, значит, системный подход можно рассматривать как практическую реализацию диалектического метода познания, а системный анализ (системный подход) — как прикладную диалектику².

Другими словами, любой объект познания, как в естественных, так и в гуманитарных науках, можно рассматривать как систему, имеющую сложное внутренне устройство, способное к изменению в условиях фаз ее жизненного цикла.

Из этого следует, что любой объект — материальный (например, след, т. е. физический объект) или нематериальный (мысль, знание, т. е. идеальный объект) — возможно представить в виде системы и исследовать его элементный состав, иерархию, внутреннюю организацию, стадии процесса развития, так как «из универсальности взаимосвязей вытекает универсальность системы, иными словами, любые объекты могут быть представлены как некоторые системы»³.

Соответственно, «системный подход в широком смысле — это методология научного познания, занимающая промежуточное положение между философской методологией и методами естественнонаучного исследования. Системный подход не дает непосредственного нового знания, главное в нем — своеобразное видение объекта, своеобразная технология исследования, ориентация на такие представления, как целостность, организация, управление»⁴.

Рассматривая общую теорию систем как теоретический и методологический фундамент в процессах познания преступления, считаем целесообразным привести мнение В. В. Ключкова, отмечающего, что недооценка возможностей использования систем-

¹ Оруджев З. М. Диалектика как система. М., 1973. С. 59.

² Перегудов Ф. И., Тарасенко Ф. П. Введение в системный анализ. М., 1989. С. 4.

³ Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. С. 22.

⁴ Яковлева Э. В. Системный подход: материалистическая диалектика // Диалектика познания и современная наука. М., 1973. С. 105.

ного подхода в отдельных науках замедляет их развитие, препятствует адекватной оценке совокупности полученных результатов исследований, способствует консервации устаревших представлений о предмете науки, понятиях и терминологии¹.

Исходя из логического принципа Курта Геделя и закона необходимого разнообразия У. Р. Эшби, необходимо сформировать систему представления, измерения объекта познания в процессе его исследования; необходима теория, сравнимая или превышающая своей сложностью системное представление объекта познания.

Философ К. Поппер приводит интересное и удачное определение теории (от греч. *theoria* — рассматриваю, исследую). «Теории — это сети, предназначенные улавливать то, что мы называем “миром”, для осознания, объяснения и овладения им. Мы стремимся сделать ячейки сетей все более мелкими»².

Вообще, теорию можно сравнить с категориальной сеткой (иначе, структурой, системой), которую сознание посредством мышления субъекта познания как бы набрасывает на объект. Упорядоченные ячейки такой категориальной сетки фрагментируют объект познания и, исходя из системного устройства самой сетки, дают исследователю представление об объекте как о системе.

С точки зрения процесса познания «теория — высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности — объекта данной теории»³.

Для познания (анализа) сложных объектов исследователю для совершения декомпозиции на части, поддающиеся изучению, необходимо знание, дающее представление о целостности объекта, для последующего синтеза.

Исходя из диалектического метода познания, субъект познания для исследования преступления должен иметь абстрактное,

¹ Клочков В. В. Актуальные проблемы теории законности и прокурорского надзора: монография / сост.: А. В. Клочкова, О. В. Пристанская; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. М., 2012. С. 105.

² Поппер К. Логика научного исследования. М., 1983. С. 391.

³ Новая философская энциклопедия : в 4 т. / Институт философии Российской академии наук ; науч.-ред. совет: В. С. Стёпин [и др.]. М., 2000—2001; URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1215/ТЕОРИЯ (дата обращения: 12.12.2019).

универсальное, целостное знание о преступлении, т. е. обладать теорией преступления.

Таким образом, с позиции теории познания, являющейся фундаментом теорий доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве в частности и в юриспруденции в целом, необходимо существование теории преступления. В настоящее время следует констатировать, что такой теории преступления или учения о преступлении как о сложном целостном объекте познания не существует.

Возникает проблема источника (источников) формирования теоретического знания о преступлении. Сразу же отметим, что таким источником теоретического знания о преступлении в рамках процесса познания не может в полной мере служить учение о составе преступления, сформированное в уголовном праве, по нескольким причинам: 1) отсутствует системное описание события преступления; 2) в сравнении с криминалистикой, механизм преступления рассматривается усеченно; 3) не исследуется следовая картина преступления; 4) не рассматриваются механизмы следообразования; 5) не исследуется обстановка совершения преступления и другие факторы, способствовавшие его подготовке, совершению и сокрытию.

По сути, уголовное право является источником формирования терминологического аппарата в уголовном производстве, но с точки зрения познания преступления как целостного объекта, имеющего сложное устройство и характеристики динамического развивающегося процесса, не предоставляет необходимой системы знаний.

Такой подход, по нашему мнению, особо актуален, если рассматривать судебное разбирательство с участием присяжных заседателей как процесс познания преступления, так как сначала государственный обвинитель познает преступление сам для себя, т. е. в сознании формируется целостная картина преступления, основанная на изучении уголовного дела. Затем государственный обвинитель должен обеспечить познание преступления другими участниками судебного разбирательства, т. е. передать им с помощью вербальных средств или визуализировать посредством различных научно-технических средств и методов, сложившиеся в его сознании образы — информацию.

С точки зрения теории познания уголовное дело является моделью такого явления социальной энтропии, как преступление. И в этом смысле уголовное судопроизводство можно рассматривать как функцию социальной системы по познанию и противодействию энтропийным явлениям для обеспечения безопасности и устойчивости своего развития. При этом для снижения субъективных искажений в процессе формирования модели преступления (уголовного дела) используются принципы формализации и объективизации¹ в поиске, обнаружении, фиксации, изъятии и исследовании доказательственной информации.

Для вынесения правосудного вердикта присяжными заседателями государственный обвинитель должен представить доказательственную информацию из материалов уголовного дела в судебных заседаниях таким образом, чтобы в сознании присяжных заседателей сформировалась целостная картина события преступления.

По нашему мнению, практически единственным источником теоретического знания о преступлении или источником формирования понятия и представления о преступлении как об абстрактном, идеализированном универсальном целостном объекте познания является криминалистика.

В 1983 году, впервые в отечественной криминалистике, о преступлении как о системном объекте познания, являющемся основой криминалистической теории преступления, с позиции системного подхода написал профессор Г. А. Густов в своей статье «К разработке криминалистической теории преступления»².

Исследование преступления как системного объекта познания и его теоретическое описание в рамках системного подхода было предпринято В. В. Клочковым и В. А. Образцовым³. Изучая преступление как систему, данные авторы сконцентрировали внимание на описании элементного состава преступления и других его системных свойств и качеств.

¹ См.: Вандер М. Б. Объективизация доказывания в уголовном процессе с применением научно-технических средств. СПб., 1994. 52 с.

² См.: Густов Г. А. К разработке криминалистической теории преступления // Правоведение. 1983. № 3. С. 88—92.

³ См.: Клочков В. В., Образцов В. А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. № 42. С. 44—54.

В связи с этим можно заключить, что исследование сложных объектов познания должно идти по двум направлениям системного исследования: первое — кибернетический подход, т. е. исследование структуры, элементного состава, иерархии и взаимосвязей элементов, особенностей функционирования системы; второе — синергетический подход, т. е. закономерности развития, самоорганизации системы, фазы ее развития (рождение, развитие, кризис, катастрофа), влияние окружающей среды на развитие системы.

Кибернетический подход к описанию преступления как системы. Описание устройства и функционирования системы: ее элементного состава, структуры, иерархии, внутренних и внешних системных связей, закономерности функционирования.

«Термин “кибернетика” (от греч. *kybernetike* — искусство управления) представляет собой науку об управлении, связи и переработке информации. <...> Высокий уровень абстракции позволяет кибернетике находить общие методы подхода к изучению систем качественно различной природы, например технических, биологических и даже социальных»¹.

Так, состав элементов преступления как системы Г. А. Густов описывал следующим образом: «Реальная система “преступление” имеет вид иерархического построения, причем подсистемы любого уровня можно рассматривать как автономные блоки, объединенные единством целей поведения субъекта посягательства»².

Преступление — это не только статический материализованный объект познания, но в то же время и процесс — динамическая система.

Синергетический подход к описанию преступления как системы. Преступление — это процесс, и его необходимо рассматривать как самоорганизующуюся динамическую систему, т. е. описывать происхождение, этапы развития (временные фазы) системы (предкриминальная, криминальная, посткриминальная фазы развития системы «преступление»).

¹ Большая советская энциклопедия. М., 1969—1978. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/95162/> (дата обращения: 12.12.2019).

² Густов Г. А. К определению криминалистического понятия преступления // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 2. СПб., 2000. С. 80.

Термин «синергетика» (от греч. *synergeia* — сотрудничество, содействие, соучастие) представляет собой «междисциплинарное направление научных исследований, в рамках которого изучаются общие закономерности процессов перехода от хаоса к порядку и обратно (процессов самоорганизации и самопроизвольной дезорганизации) в открытых нелинейных системах физической, химической, биологической, экологической, социальной и др. природы»¹.

Рассматривая преступление как систему, Г. А. Густов отмечал, что согласно положениям системно-деятельностного подхода «преступление как сложная система состоит из множества взаимосвязанных между собой элементов, как процесс — носит временный характер и вместе с тем совершенствуется, развивается, имеет свою историю»².

В рамках данного подхода В. В. Клочков и В. А. Образцов отмечают: «Преступления не возникают из ничего. Они имеют свою предысторию. Далеко не все элементы системы преступления исчерпывают свое содержание, прекращают реальное функционирование и в посткриминальный период. <...> Этот этап жизнедеятельности субъекта преступления в определенной мере связан с генезисом преступления»³.

С точки зрения криминологии В. Н. Кудрявцевым были рассмотрены временные фазы развития преступления, включающие взаимодействие личности преступника с детерминирующими факторами внешней среды, а также «три основных звена, или блока: 1) мотивацию преступления; 2) планирование преступных действий; 3) исполнение преступления и наступление общественно опасных последствий»⁴.

Синергетический подход в познании преступления как системы предполагает описание междисциплинарных проблем, связанных с синтезом криминологического и криминалистического уровней понимания преступления, на базе методологии общей теории систем. Такой междисциплинарный подход в теоретическом описании преступления как системного объекта познания

¹ Философия : энцикл. словарь // под ред. А. А. Ивина. М., 2004. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/1099 (дата обращения: 12.12.2019).

² Густов Г. А. К определению ... С. 79.

³ Клочков В. В., Образцов В. А. Указ. соч. С. 51—52.

⁴ Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования : учеб. пособие. М., 1998. С. 33—34.

предполагает выход за пределы исследования, ограниченные криминалистической теорией преступления.

Синтез (единство) вышеописанных подходов обеспечивает формирование общетеоретического знания о преступлении как о целостном абстрактном идеализированном объекте познания.

В этом смысле Г. Г. Зуйков отмечал, что «каждая из наук — уголовное право, криминология, криминалистика, абстрагируясь при изучении способа совершения преступления от тех сторон, которые для нее безразличны, образует разные по содержанию понятия, с помощью которых изучается один и тот же объект»¹.

Исходя из этого, возникает вопрос: формируется ли в сознании обучающего юриспруденции целостное априорное знание об объекте уголовного судопроизводства — преступлении — после изучения криминологии, уголовного права и криминалистики? При ответе на вопрос необходимо учитывать, что все дисциплины криминального цикла рассматривают преступление не просто с разных позиций, но локально (изолированно) с минимальной междисциплинарной коммуникацией. В частности, такая изолированность и обедненность междисциплинарной коммуникации наблюдается в научных конференциях. Второе начало термодинамики, положения которой, исходя из научного принципа изоморфизма, применимы в гуманитарных науках, гласит: «Энтропия изолированной системы не может уменьшаться». Другими словами, для преодоления внутридисциплинарной энтропии (возрастание хаоса в системе) и развития дисциплин необходимы междисциплинарные исследования. Соответственно, для междисциплинарных исследований необходим трансдисциплинарный язык (логика), позволяющий преодолеть междисциплинарную разобщенность. Иначе, в уголовном судопроизводстве необходим трансдисциплинарный, универсальный язык (логика), применимый во всех юридических и иных науках.

Именно такую роль может играть системный подход как прикладная технология реализации всеобщего диалектического метода познания.

Поэтому системные основы общей теории преступления позволят реализовать интегративный подход в юриспруденции по-

¹ Зуйков Г. Г. Криминалистическое понятие и значение способа совершения преступления // Труды Высшей школы МООП СССР. М., 1967. Вып. 15. С. 54.

средством объединения знаний наук, изучающих преступление на базе трансдисциплинарной логики, которой является системный подход как прикладная диалектика. Теоретические принципы изучения преступления как объекта познания не должны базироваться только на понятийной монополии уголовного права. Это предоставляет возможность преодолеть, если так можно выразиться, профессиональную «шизофрению» (от др.-греч. *schizo* — разделяю, расщепляю и *phren* — ум, мысль).

Преодоление такой разобщенности (раскола, расщепленности) в понимании преступления как объекта познания в криминологии, уголовном праве и криминалистике создаст эффект синергии (от греч. *synergeia* — сотрудничество, содружество). Результатом этого эффекта является получение такого знания, которое предоставит субъекту познания новое целостное понимание и новые смыслы, а не тривиальную сумму научных знаний.

УДК 343.2/.7

Е. В. ХРОМОВ

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, СОДЕРЖАЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА

Бурную дискуссию вызвала получившая большой общественный резонанс ситуация с задержанием в июле 2019 года Елены Боголюбовой при получении в международном почтовом отправлении в отделении связи незарегистрированного в нашей стране лекарственного средства «Фризиум», содержащего психотропное вещество клобазам¹, для больного 10-летнего сына.

На официальном сайте Министерства здравоохранения Российской Федерации 16 октября 2019 г. размещены разъяснения о порядке получения незарегистрированных в Российской Федерации психотропных препаратов для детей (диазепам, клобазам,

¹ Клобазам включен в Список психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации ограничен и в отношении которых допускается исключение некоторых мер контроля в соответствии с законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (список III), утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681.

мидазолом)¹ исключительно в медицинских учреждениях на территории страны.

Министерство здравоохранения Российской Федерации 27 октября 2019 г. приобрело партию лекарственного препарата «Фризиум» (клобазам).

Указанные обстоятельства еще раз подчеркнули наличие двух проблем:

недостаточность импортозамещения лекарственных средств в стране²;

недостатки правового регулирования трансграничного перемещения физическими лицами наркотических и психотропных веществ, входящих в состав лекарственных средств, не позволяющие этим лицам в полной мере осознавать уголовно-правовые последствия.

На основании ст. 229.1 УК РФ установлены уголовно-правовые запреты на незаконное трансграничное перемещение наркотических средств и психотропных веществ. В зависимости от места совершения преступления уголовный закон различает³:

незаконное перемещение товаров через таможенную границу Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС);

незаконное перемещение товаров через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

Для уяснения сущности юридической конструкции бланкетного характера анализируемого запрета следует обратиться к различным нормам международного и национального права.

Проанализировав содержание различных международных договоров, приходим к следующим выводам⁴.

¹ Министерство здравоохранения Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.gosminzdrav.ru/news/2019/10/16/12637> (дата обращения: 10.11.2019).

² Право граждан на лекарственное обеспечение : монография / Н. В. Путило, Н. С. Волкова, Ф. В. Цомартова [и др.] ; отв. ред. Н. В. Путило. М., 2017. 216 с.

³ Федоров А. В. Уголовно-правовое значение способа совершения контрабанды // Российский следователь. 2017. № 17. С. 28—35.

⁴ Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. Российской Федерацией документ ратифицирован Федеральным законом от 22 мая 2001 г. № 56-ФЗ; Договор о создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза от 6 октября 2007 г. Российской Федерацией документ ратифицирован Федеральным законом

Евразийское экономическое сообщество создано 10 октября 2000 г. Россией, Беларусью, Казахстаном, Таджикистаном и Кыргызстаном, в 2006 году присоединился (приостановил участие в 2008 году) Узбекистан; 6 октября 2007 г. только часть стран (Россия, Беларусь, Казахстан) объединили таможенные территории, создав Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС; 1 июля 2010 г. принят Таможенный кодекс Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (ТК ТС). В 2014 году к Договору о Евразийском экономическом союзе, без вхождения в Таможенный союз в рамках ЕврАзЭС, присоединились Армения и Кыргызстан.

Россия, Казахстан и Беларусь 1 января 2015 г. создали качественное новое интеграционное объединение — Евразийский экономический союз (ЕАЭС). При этом с момента создания ЕАЭС прекращено действие ЕврАзЭС и Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. В дальнейшем к ЕАЭС присоединились Армения, а после и Кыргызстан.

С 1 января 2018 г. в связи с подписанием 11 апреля 2017 г. Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС и введением в действие Таможенного кодекса ЕАЭС (ТК ЕАЭС) признан утратившим силу Таможенный кодекс Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

До момента принятия ТК ЕАЭС участники ЕАЭС вынужденно использовали Таможенный кодекс несуществующего к тому времени регионального международного объединения ЕврАзЭС (с 1 января 2015 г. по 1 января 2018 г.). Не отмененные к моменту создания ЕАЭС международные договоры, заключенные в рамках ЕврАзЭС, стали использоваться и применяются в части, не противоречащей Договору о создании ЕАЭС.

от 27 октября 2008 г. № 187-ФЗ; Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза. Вступил в силу с 6 июля 2010 г. с учетом временных изъятий, установленных Протоколом от 5 июля 2010 г. В Республике Казахстан и Российской Федерации Договор применялся с 1 июля 2010 г. Российской Федерацией документ ратифицирован Федеральным законом от 2 июня 2010 г. № 114-ФЗ; Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Российской Федерацией документ ратифицирован Федеральным законом от 3 октября 2014 г. № 279-ФЗ; Договор о прекращении деятельности Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2014 г., Российской Федерацией документ ратифицирован Федеральным законом от 3 февраля 2015 г. № 1-ФЗ; Договор о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза. Российской Федерацией документ ратифицирован Федеральным законом от 14 ноября 2017 г. № 317-ФЗ.

Ряд исследователей в области международного права полагают, что ЕврАзЭС преобразовалось в ЕАЭС¹.

Нам же представляется, что в ст. 229.1 УК РФ содержится запрет на незаконное перемещение на несуществующую с 1 января 2015 г. таможенную территорию несуществующего Таможенного союза в рамках несуществующего регионального международного объединения (таможенная территория Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС).

Данную проблему весьма интересно «решил» Пленум Верховного Суда Российской Федерации: исходя из положений п. 2 ст. 101 Договора о ЕАЭС, он разъяснил в абз. 4 п. 1 постановления от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», что под используемыми в УК РФ терминами «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС», «Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» следует понимать соответственно «таможенная граница ЕАЭС», «Государственная граница Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС». По нашему мнению, допустимость синонимичности использования понятий для норм международного права, исходя из положений ч. 2 ст. 3 УК РФ, вовсе не означает допустимость применения аналогии в ст. 229.1 УК РФ.

Отметим, что после упразднения ЕврАзЭС и создания ЕАЭС Республики Беларусь и Казахстан внесли необходимые изменения в уголовные нормы, устанавливающие ответственность за контрабанду (ст.ст. 328.1, 333.1 УК Республики Беларусь, ст. 286 УК Республики Казахстан). В Республике Армения и Кыргызской Республике установленные запреты изначально не содержали указания на вид таможенного объединения (ст. 215 УК Республики Армения, ст. 204 УК Кыргызской Республики).

Несмотря на наше несогласие с таким подходом, следует продолжить анализ бланкетной сущности анализируемой нормы, позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации и правоприменительной практики.

Следует отметить, что ЕАЭС при формулировании мер нетарифного регулирования в торговле с третьими странами отдель-

¹ Чиркин В. Е. Интеграционные межгосударственные процессы, конституции и государственный суверенитет // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 3. С. 5—19.

но определяет порядок ввоза на таможенную территорию лекарственных средств и лекарственных средств, являющихся наркотическими средствами, психотропными веществами и их прекурсорами¹.

Юридической предпосылкой применения положений ст. 229.1 УК РФ при перемещении физическими лицами *на таможенную территорию ЕАЭС* лекарственных средств, содержащих наркотические и психотропные вещества, их прекурсоры, является несоблюдение требований:

пункта 1 ст. 7 ТК ЕАЭС, предусматривающего соблюдение запретов и ограничений при перемещении товаров через таможенную границу ЕАЭС;

подпункта «а» п. 6 Положения о ввозе на таможенную территорию ЕАЭС и вывозе с таможенной территории ЕАЭС наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, утвержденного Решением коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 (приложение № 10), в той части, в которой ввоз и (или) вывоз физическими лицами ограниченного количества наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в виде лекарственных средств для личного применения по медицинским показаниям возможен исключительно при наличии подтверждающих медицинских документов;

пункт 2, подп. «б» п. 5 Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров при осуществлении внешнеторговой деятельности с государствами, не являющимися членами Евразийского экономического союза, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2011 г. № 181, в той части, в которой указанное Положение не предусматривает возможности физическим лицам осуществить перемещение поименованных товаров на таможенную территорию ЕАЭС.

Из положений п. 25 ст. 2 ТК ЕАЭС, разъяснений, изложенных в абз. 2 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Рос-

¹ О мерах нетарифного регулирования : Решение коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 : текст с изм. и доп. на 8 окт. 2019 г. Приложения № 10 и № 21. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сийской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», следует, что незаконность перемещения товаров определяется не только несоблюдением ограничений и запретов на их ввоз, но и порочностью формы такого перемещения. В поименованных актах приведено восемь способов перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС, влекущих безусловное основание признания таких действий незаконными.

Так, перемещение товаров или иных предметов вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах противоречит требованиям п. 1 ст. 10 ТК ЕАЭС, а следовательно, является незаконным.

Сущность иных форм перемещения товаров, влекущих признание перемещения товаров незаконным, следует раскрывать в зависимости от способа пересечения таможенной границы ЕАЭС¹.

В силу п. 3 ст. 256 ТК ЕАЭС товары для личного пользования могут перемещаться через таможенную границу ЕАЭС следующими способами:

в сопровождаемом или несопровожаемом багаже при следовании физического лица через таможенную границу Союза;

в международных почтовых отправлениях;

перевозчиком в адрес физического лица, не пересекавшего таможенную границу Союза, либо от физического лица, не пересекавшего таможенную границу Союза.

В силу подп. 1, 2 и 10 п. 1 ст. 260 ТК ЕАЭС при любом способе перемещения товаров таможенному декларированию подлежат товары для личного пользования, в отношении которых подлежат соблюдению запреты и ограничения. К таким товарам относятся лекарственные средства, содержащие наркотические и психотропные вещества, их прекурсоры.

Таможенное декларирование товаров для личного пользования производится с использованием пассажирской таможенной декларации (абз. 2 п. 3 ст. 260 ТК ЕАЭС). При пересылке международным почтовым отправлением допускается использование в качестве пассажирской таможенной декларации документов,

¹ Любавина М. А. Незаконное перемещение предметов наркоконтранбанды через Государственную границу Российской Федерации // Криминалист. 2016. № 2 (19). С. 22—26.

предусмотренных актами Всемирного почтового союза, если в отношении товаров не установлены запреты и ограничения (п. 4 ст. 260, пп. 8, 9 ст. 286 ТК ЕАЭС). Следовательно, использование документов, предусмотренных актами Всемирного почтового союза, в качестве пассажирской таможенной декларации при перемещении в международных почтовых отправлениях лекарственных средств, содержащих наркотические и психотропные вещества, недопустимо.

Инструкция о порядке использования документов, предусмотренных актами Всемирного почтового союза, в качестве таможенной декларации утверждена Решением Комиссии Таможенного союза от 18 июня 2010 г. № 310.

Согласно подп. 2.1.1 п. 2 ст. 18 Всемирной почтовой конвенции запрещено включение во все категории почтовых отправлений наркотиков и психотропных веществ.

На основании подп. 1 п. 1 ст. 285 ТК ЕАЭС не допускается пересылка в международных почтовых отправлениях товаров, запрещенных к пересылке в соответствии с актами Всемирного почтового союза.

В силу подп. 2 п. 1 ст. 285 ТК ЕАЭС не допускается пересылка в международных почтовых отправлениях товаров, не подлежащих пересылке в международных почтовых отправлениях, перечень которых определяется Комиссией.

Согласно п. 9 Перечня товаров, ограниченных к перемещению через таможенную границу Таможенного союза при ввозе и (или) вывозе, пересылка которых в международных почтовых отправлениях запрещена, утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 г. № 338, наркотические средства, психотропные вещества и их прекурсоры не могут быть перемещены в международных почтовых отправлениях.

Таким образом, юридическими предпосылками применения положений ст. 229.1 УК РФ при перемещении физическими лицами на таможенную территорию ЕАЭС для личного потребления лекарственных средств, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, в зависимости от способа перемещения является несоблюдение требований:

пункта 1 ст. 10 ТК ЕАЭС (при ввозе товаров вне таможенных постов или за пределами их работы);

подпунктов 1, 2 и 10 п. 1 ст. 260 ТК ЕАЭС, выразившихся в непредоставлении (предоставлении ложных сведений или сведений, относящихся к другим товарам) таможенной декларации (пассажирской таможенной декларации, документов, предусмотренных актами Всемирного почтового союза, иных документов) при перемещении товаров любым способом, на которые распространяются запреты и ограничения. Запреты и ограничения распространяются на лекарственные средства, содержащие наркотические и психотропные вещества;

подпункта 1 п. 1 ст. 285 ТК ЕАЭС, подп. 2.1.1 п. 2 ст. 18 Всемирной почтовой конвенции¹, а также подп. 2 п. 1 ст. 285 ТК ЕАЭС, п. 9 Перечня товаров, ограниченных к перемещению через таможенную границу Таможенного союза при ввозе и (или) вывозе, пересылка которых в международных почтовых отправлениях запрещена, утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 17 августа 2010 г. № 338, запрещающих пересылку в международных почтовых отправлениях лекарственных средств, содержащих наркотические и психотропные вещества.

Проблемой для правоприменительной практики является определение критериев незаконности перемещения товаров *через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС*. Российская Федерация имеет государственную границу не со всеми странами ЕАЭС, а только с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан. При этом не исключается контрабанда из иных стран ЕАЭС (Республики Армения, Кыргызской Республики) при помощи транзита.

Как справедливо отмечают ряд исследователей, ТК ЕАЭС (ранее ТК ТС) определяет критерии незаконности перемещения товаров только через таможенную границу ЕАЭС путем совершения обманных действий в отношении таможенного контроля, а не через Государственную границу Российской Федерации, на которой могут осуществлять иные виды контроля (например, пограничный (паспортный, визовый), транспортный, санитарно-карантинный, ветеринарный).

¹ Подробнее см.: Любавина М. А. Квалификация контрабанды наркотиков путем международных почтовых отправлений // Уголовное право. 2018. № 3. С. 72—77.

С 1 июля 2011 г. отменен таможенный и иные формы контроля на Государственной границе Российской Федерации с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан, таможенный контроль перенесен за внешнюю границу ЕАЭС¹. Вопросы обеспечения порядка перемещения товаров через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС относятся к ведению органов пограничного контроля.

В связи с созданием Союзного государства Российской Федерации и Республики Беларусь, еще до формирования Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (Таможенного союза ЕАЭС), отменен пограничный контроль на границе указанных стран, а также воздушных судов и следующих на них лиц, совершающих авиарейсы между аэропортами России и Беларуси. Вместе с тем с 2017 года пограничный контроль на Государственной границе Российской Федерации и Республики Беларусь восстановлен². Пограничный контроль осуществляется с целью недопущения пересечения границы лицами, не являющимися гражданами Союзного государства.

При определении критериев незаконности перемещения товаров через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС следует использовать иные (не ТК ЕАЭС) нормативные правовые акты.

В силу подп. 5 п. 1 ст. 25 Договора о ЕАЭС в рамках Союза осуществляется свободное перемещение товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля (транспортного, санитарного, ветеринарно-санитарного, карантинного фитосанитарного).

Следовательно, при перемещении лекарственных средств, содержащих наркотические и психотропные вещества, через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС подача таможенной декларации при любом спо-

¹ Об отмене согласованных видов контроля на государственной границе Российской Федерации с Республикой Белоруссия и Республикой Казахстан : Указ Президента Российской Федерации от 1 июля 2011 г. № 880. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Разъяснение порядка пересечения государственной границы между Российской Федерацией и Республикой Беларусь // Пограничная служба ФСБ России : офиц. сайт. URL: <http://ps.fsb.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

собе их перемещения не требуется, в том числе при перемещении товаров в международных почтовых отправлениях.

При таких обстоятельствах встает вопрос о формах незаконного перемещения товаров через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС, поскольку фактически исключены такие формы контрабанды, как недекларирование или недостоверное декларирование, сокрытие от таможенного контроля.

Ряд авторов предлагают использовать аналогию толкования тождественных понятий «незаконность перемещения товаров через таможенную границу» и «незаконность перемещения товаров через Государственную границу Российской Федерации», определив в рассматриваемой ситуации их формы как перемещение вне установленных мест или в неустановленное время работы пограничных органов в этих местах, либо с сокрытием от пограничного контроля, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о перемещаемых предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим предметам средств идентификации¹.

Анализ норм, определяющих бланкетную сущность диспозиции ст. 229.1 УК РФ при перемещении товаров через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС, следует в первую очередь начать с установления наличия в нормах ЕАЭС права Российской Федерации на введение ограничений на оборот отдельных видов товаров.

Право Российской Федерации на установление дополнительных ограничений на перемещение товаров из стран ЕАЭС предусмотрено п. 3 ст. 29 Договора о ЕАЭС, ч. 2 ст. 129 ГК РФ.

В силу ст. 3 Соглашения о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС (24 октября 2013 г.² заключено в г. Минске) физические лица вправе осуществлять перемещение и перевозку (внутренний транзит) ограниченного количества наркотических средств, пси-

¹ Остапенко В. И., Морозова О. В. Проблемы квалификации контрабанды // Уголовное право. 2012. № 6. С. 48—52.

² Соглашение подписано Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан. В 2014 году к соглашению присоединились Республика Армения и Кыргызская Республика.

хотропных веществ и их прекурсоров в виде лекарственных средств для личного применения по медицинским показаниям при наличии подтверждающих медицинских документов.

Юридическими предпосылками применения положений ст. 229.1 УК РФ при перемещении физическими лицами через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС лекарственных средств, содержащих наркотические и психотропные вещества, их прекурсоры, является несоблюдение требований:

статьи 3 Соглашения о порядке перемещения наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров по таможенной территории Таможенного союза в части, запрещающей их перемещение при отсутствии медицинских документов;

статей 5, 28 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», п. 2, подп. «б» п. 4 Положения о ввозе в Российскую Федерацию и вывозе из Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров при осуществлении внешнеторговой деятельности с государствами — членами Евразийского экономического союза, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 марта 2011 г. № 181, во взаимосвязи с п. 3 ст. 29 Договора о Евразийском экономическом союзе, ч. 2 ст. 129 ГК РФ, в той части, в которой приведенные нормы не предусматривают возможности для физических лиц осуществлять перемещение поименованных товаров по таможенной территории ЕАЭС;

части 1 ст. 22 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» (применительно к Списку I наркотических средств и психотропных веществ), подп. 2.1.1 п. 2 ст. 18 Всемирной почтовой конвенции, п. 7 Правил таможенного оформления и таможенного контроля товаров, пересылаемых через таможенную границу Российской Федерации в международных почтовых отправлениях, утвержденных Приказом Государственного таможенного комитета Российской Федерации от 3 декабря 2003 г. № 1381, абз. 2 п. 424 Почтовых правил, принятых Советом глав администраций связи Регионального сотрудничества в области связи 22 апреля 1992 г., введенных в действие в Российской Федерации с 1 октября 1993 г. на основании Приказа Минсвязи России от 14 ноября 1992 г. № 416, запрещающих

пересылку поименованных товаров в международных почтовых отправлениях;

статьи 10, абз. 1 ст. 11 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-І «О Государственной границе Российской Федерации», запрещающих пересечение границы в обход процедур пограничного контроля.

Анализ правоприменительной практики приводит к неутешительному выводу. Нет понимания сущности и различий запретов на перемещение лекарственных средств, содержащих наркотические и психотропные вещества. В рамках бланкетной диспозиции нормы ст. 229.1 УК РФ при перемещении товаров в ЕАЭС из третьих стран и в Российскую Федерацию из стран ЕАЭС в судебных решениях продолжают использоваться как критерии незаконности:

положения ст.ст. 12, 152, 313, 317 ТК ЕАЭС, регламентирующих возвращение товаров, не подлежащих ввозу (вывозу) (ст. 12), декларирование товаров, следующих транзитом (ст. 152), таможенный контроль таможенной стоимости (ст. 313), процедуру таможенного контроля товаров, пересылаемых международными почтовыми отправлениями (ст. 317)¹;

положения ст.ст. 7, 10, 260, 285 ТК ЕАЭС, предполагающих прохождение таможенного контроля и декларирование товаров при перемещении на территорию ЕАЭС из третьих стран при оценке законности ввоза товаров в Российскую Федерацию из стран ЕАЭС²;

положения ст.ст. 2, 22, 32 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи», являющиеся нормами-определениями (ст. 2) либо нормами, регламентирующими порядок пересылки запрещенных предметов исключительно в пределах Российской Федерации (ст. 22), порядок доставления почтовых отправлений автомобильным, железнодорожным, воздушным, морским и речным транспортом в сопровождении сотрудников почтовой организации (ст. 32)³.

¹ Приговор Курганского городского суда Курганской области от 11 апреля 2019 г. по делу № 1-515/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 15.10.2019).

² Приговор Ивановского областного суда от 3 декабря 2018 г. по делу № 2-6/2018 // Там же.

³ Приговор Ленинского районного суда г. Кирова Кировской области от 27 февраля 2019 г. по делу № 1-169/2019 // Там же.

Использование подобных норм затрудняет понимание самой сущности запрета, «размывает» его границы. В некоторых случаях проблема усугубляется использованием недействующих норм ТК ТС, Федерального закона от 27 ноября 2010 г. № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации».

УДК 343.2/.7

В. Н. ШИХАНОВ

К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ УЧАСТИЯ В ПОДГОТОВКЕ И СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статьи главы 24 УК РФ, предусматривающие ответственность за участие в подготовке и совершении преступлений, а также за участие в разного рода преступных группах, на протяжении десятилетия подвергаются справедливой критике из-за ряда технико-юридических решений: например, целесообразность отдельной криминализации организаторства или пособничества террористическому акту, захват заложника, а равно подстрекательство к преступлениям террористической направленности в ст. 205.1 УК РФ. С недавних пор справедливые упреки вызывает некорректная формулировка объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. Также правоведы рассматривают вопросы разграничения так называемых организационных преступлений¹, предусмотренных ст.ст. 208, 209, 210, 205.4, 205.5, 282.1, 282.2 УК РФ, при этом отмечают множество сходных признаков в составах этих деяний и сложные отношения конкуренции между ними². Ряд авторов предлагает Пленуму

¹ Терминология, используемая В. В. Лунеевым и другими криминологами в отношении преступлений, предусматривающих ответственность за организационную преступную деятельность. См.: Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии. Учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. М., 2011. С. 639—641.

² Агапов П. В. Организация террористического сообщества и участие в нем: проблемы криминализации и правоприменения // Российская юстиция. 2015. № 7. С. 23—25 ; Хлебушкин А. Г. Сообщество: преступное, террористическое, экстремистское // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. А. Г. Хлебушкина, Т. Н. Тиминой. СПб., 2018. С. 248—253 ; Его же. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации

Верховного Суда Российской Федерации формулировки для постановлений, которые помогли бы снять некоторые проблемы разграничения указанных преступлений между собой¹.

Вместе с тем юридические конструкции, использованные в ст.ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 282.1, 282.2 УК РФ, оказались более сложными. Конструкции статей требуют не столько разграничения, сколько уяснения разных уровней соотношения.

Во-первых, преступные группы, упоминающиеся в ст.ст. 205.4, 210 и 282.1 УК РФ, в соответствии с диспозициями названных статей уголовного закона могут быть «структурированными организованными», а могут быть «объединением нескольких организованных групп под единым руководством». Значит, в силу структурных свойств (используя терминологию ч. 4 ст. 35 УК РФ) их можно рассматривать как организации или сообщества.

Во-вторых, незаконное вооруженное формирование, о котором говорится в ст. 208 УК РФ, как показывает практика применения этого уголовно-правового запрета, тоже может иметь сложную структуру, является устойчивым и организованным. В составе этого формирования могут быть подразделения тылового обеспечения, управления и связи, охраны, а также боевые подразделения.

В-третьих, в ст.ст. 205.5 и 282.2 УК РФ говорится об организациях, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации в связи с признанием их деятельности террористической или экстремистской. Ознакомление с существующими списками таких организаций² позволяет обнаружить, что зача-

(ст. 205.5 УК РФ): уголовно-правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 82—87 ; Гребенкин П. И. Отдельные вопросы квалификации деятельности участников террористических групп и сообществ // Экономика, наука, образование России: тенденции и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Сер. «Научный вестник» / отв. ред. А. В. Жукова. Гагра, 2016. С. 58—72 и др.

¹ Соловьев В. С. Особенности квалификации преступлений, совершенных в составе террористического сообщества // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4 (34). С. 18—22.

² Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Ми-

стую это весьма крупные общественно-политические объединения и религиозные организации, которые имеют вполне рациональное структурное построение для успешного функционирования либо даже сеть филиалов. Примерами могут быть Свидетели Иеговы, Правый сектор, УНА-УНСО, Тризуб имени Степана Бандеры, объединение православных Староверов-Инглинов, Хизб ут-Тахрир аль-Ислами, Братья-мусульмане, Исламское государство и т. д. Получается, что они также обладают признаками устойчивости, организованности, могут быть структурированными или состоять из объединившихся более мелких групп.

В-четвертых, обратим внимание на ст.ст. 209, 205.4, и 282.1 УК РФ. В диспозициях этих статей мы находим упоминание о простых (неструктурированных) организованных группах, состоящих из двух или более лиц, объединившихся для совершения преступлений с соответствующими целями (в двух последних статьях УК РФ такие группы упоминаются наряду с более сложными видами организованных групп).

При этом в ст.ст. 205.4 и 282.1 УК РФ вооруженность преступной группы не исключается, а совершаемые преступления экстремистской или террористической направленности могут являться нападениями (убийствами, захватом заложников, террористическими актами, умышленным уничтожением чужого имущества и т. д.). В свою очередь, в ст. 209 УК РФ не говорится о мотивах нападений на граждан и организации, не устанавливается никаких ограничений в отношении целей преступных посягательств.

Среди этих трех уголовно-правовых запретов ст. 282.1 УК РФ является самой мягкой. Поэтому экстремистское сообщество, созданное в целях нападения по экстремистским побуждениям и являющееся вооруженным, должно признаваться бандой. А если учесть, что террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности, то ст. 282.1

нует России офиц. сайт. URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 12.11.2019) ; Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими // Федеральная служба безопасности Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 12.11.2019).

УК РФ будет уступать конкуренцию и ст. 205.4 УК РФ по параметрам цели.

С учетом сказанного мы делаем вывод, что практически все вышеназванные статьи УК РФ могут применяться в разных сочетаниях, в зависимости от вида преступной группы. Например, экстремистская организация Правый сектор помимо политического крыла имеет в своем составе незаконное вооруженное формирование — Добровольческий украинский корпус, в который входят волонтеры-снабженцы, ремонтные подразделения, подразделения планирования, связи и управления (могут быть подразделения контрразведки) и, конечно, резервные и действующие добровольческие батальоны, т. е. ожидающие мобилизации и готовые боевые подразделения. Поскольку последние вооружены и предназначены для нападения на граждан и организации, постольку они могут считаться бандами в составе незаконного вооруженного формирования. Правила такого вменения ст. 208 и ст. 209 или ст. 205.4 УК РФ находим в п. 29 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1¹.

Примерно такой же подход необходимо использовать и применительно к Исламскому государству: если лицо вступило в эту террористическую организацию, запрещенную в России, и участвует в ее деятельности, однако не является участником конкретной боевой (террористической) группы, то его действия квалифицируются по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ; вхождение такого лица в состав боевых подпольных ячеек или открыто действующих вооруженных подразделений, совершающих преступления террористической направленности, образует дополнительно состав преступления, предусмотренного ст. 205.4 УК РФ.

Следует заметить, что преступное сообщество (преступная организация), упоминаемое в ст. 210 УК РФ, может иметь в своем составе структурные подразделения, например — банду, экстремистское сообщество или террористическое сообщество, если перед лицами, входящими в указанное структурное подразделение, ставятся задачи совершения преступлений террористиче-

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 3 нояб. 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ской или экстремистской направленности, в то время как остальные участники преступного сообщества (преступной организации) заняты извлечением прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. На примере банды, входящей в состав преступного сообщества, правило квалификации демонстрирует Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 21 Постановления от 10 июня 2010 г. № 12¹.

Значит, террористическое или экстремистское сообщество как юридическая конструкция может быть конкурентом конструкции преступного сообщества (преступной организации), а может являться составной частью последнего.

Как видим, рассматриваемые юридические конструкции получили выраженный криминологический оттенок, поскольку, во-первых, смещают акцент криминализации с конкретного деяния, направленного на причинение какого-то вреда, на создание условий для совместного совершения преступлений, а во-вторых, учитывают возможный многоцелевой характер деятельности социальных структур, запрещенных законом, и позволяют дать этому правовую оценку. Разумеется, квалификация по совокупности нескольких составов преступлений усиливает уголовную ответственность создателей, руководителей и участников многоцелевых преступных групп.

Нельзя обойти вниманием и другой вопрос развития юридических конструкций организационных преступлений. До 1996 года эти преступления считались преступлениями с усеченным составом (например, бандитизм), напоминая современную конструкцию состава разбоя (ст. 162 УК РФ). Преступление (бандитизм) считалось оконченным с момента создания банды и готовности совершать нападения, а все последствия (результаты нападений) были факультативным признаком объективной стороны и поглощались составом бандитизма, за исключением сначала таких преступлений, которые были более тяжкими, чем бандитизм, а затем за исключением тяжких и особо тяжких преступлений.

В частности, В. Н. Кудрявцев в первом издании своей работы «Общая теория квалификации преступлений» отмечал: «При

¹ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

бандитизме разнообразные преступные действия участников банды могут вызвать материальный ущерб, гибель людей, нарушение правильной работы органов власти и ряд других вредных последствий. Тем не менее и кража, и спекуляция, и бандитизм являются единичными преступлениями»¹.

Он же привел в качестве примера решение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР: «Совершенное бандой хищение, ограбление и иные насильственные действия над отдельными гражданами, в том числе убийство, а также незаконное хранение и ношение оружия охватываются диспозицией ст. 68 УК Таджикской ССР [бандитизм] и дополнительной квалификации по другим законам не требуют, если при этом не были совершены другие действия, образующие состав более тяжкого, чем бандитизм, преступления»².

В декабре 1993 года этот подход был частично скорректирован: пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 1993 г. № 9 установлено правило, согласно которому преступления, совершенные бандой, квалифицируются по совокупности с составом бандитизма, если последствия таких нападений образуют состав тяжкого (или особо тяжкого — прим. В. Ш.) преступления³.

А вот с принятием Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 состав бандитизма стал считаться формальным: в его объективную сторону стали входить исключительно действия по созданию банды, руководству бандой, а также участие в банде или в совершаемых ей нападениях. Сами нападения, а также другие сопутствующие преступления, совершенные бандой, требуют дополнительной квалификации по соответствующим статьям УК РФ⁴. При этом

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 281.

² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1962. № 4. С. 37.

³ О судебной практике по делам о бандитизме : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 1993 г. № 9 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/7736/> (дата обращения: 12.11.2019). Утратило силу.

⁴ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.vsrfr.ru/documents/own/7769/> (дата обращения: 12.11.2019).

формулировка диспозиции статьи об ответственности за бандитизм в самом уголовном законе не менялась.

С тех пор все составы организационных преступлений по своей конструкции считаются формальными, что позволяет квалифицировать содеянное участниками всевозможных преступных групп (ст.ст. 205.4, 205.5, 208, 209, 210, 282.1, 282.2 УК РФ) по совокупности преступлений по схемам «участие в группе + преступления, совершенные в составе группы» либо «создание группы или руководство группой + преступления, совершенные группой». Наказание в таких случаях назначается по правилам ст. 69 УК РФ. Это еще один инструмент существенного ужесточения уголовной ответственности, т. е. вполне очевидное уголовно-политическое решение, принятое высшей судебной инстанцией.

Перенос видов соучастия в Особенную часть УК РФ также следует рассматривать через призму создания юридических конструкций (небесспорных) в условиях, когда доктрина не позволила удовлетворить уголовно-политические притязания инициаторов криминализации некоторых видов общественно опасного поведения.

В первую очередь таким решением расширяется фактический круг лиц, которые могут быть признаны соучастниками преступления. *De facto* пособник или организатор террористического акта теперь *de jure* — исполнитель самостоятельного преступления (чч. 3 и 4 ст. 205.1 УК РФ). В таком случае правоприменитель получает возможность с использованием ст. 33 УК РФ говорить о подстрекателе пособника, о пособнике организатору и т. д. Прежде конструкция «подстрекатель подстрекателя» изредка встречалась лишь по делам об убийствах по найму, а в целом считалась нежизнеспособной, так как все виды соучастников, закрепленные в ст. 33 УК РФ, принято рассматривать в привязке к исполнителю (в том числе по правилам акцессорной теории).

Более того, теперь действия подстрекателя к террористическому акту и ряду других преступлений (чч. 1, 1.1. и 2 ст. 205.1 УК РФ) образуют оконченное преступление независимо от того, довел ли исполнитель преступление (теракт) до конца, и даже при условии, что потенциального исполнителя не удалось склонить к совершению планируемого преступления¹. Это правило

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступ-

вполне можно распространять и на пособника и организатора террористического акта (чч. 3 и 4 ст. 205.1 УК РФ), если исходить из буквального толкования соответствующих правовых предписаний: там не сформулировано условие о доведении исполнителем преступления до конца.

Следовательно, такой юридической конструкцией была криминализована приготовительная деятельность (ч. 1 ст. 30 и ч. 5 ст. 34 УК РФ — приискание соучастников, в том числе неудавшееся, а также сговор на совершение преступления), а это значит, что с этой «стадии» (если говорить о стадиях террористического акта и ряда других преступлений в отрыве от юридической конструкции ст. 205.1 УК РФ) невозможен добровольный отказ от преступления. При совершении действий, которые подпадают под признаки добровольного отказа, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям в соответствии с п. 2 примечания к ст. 205.1 УК РФ.

Попытки с помощью создания специальных конструкций в Особенной части УК РФ обойти правила Общей части УК РФ об ответственности за неоконченное преступление, а также об ответственности соучастников и добровольном отказе хорошо видны на примере ст.ст. 204.1 и 291.1 УК РФ (посредничество в коммерческом подкупе и во взяточничестве), а наиболее ярко — в случае с криминализацией обещания или предложения совершения посреднических действий. Сами по себе эти обещания и предложения были бы приготовлением к преступлениям небольшой и средней тяжести, однако теперь они являются самостоятельными преступлениями с фигурой исполнителя и возможностью рассмотрения их через призму соучастия и неоконченной преступной деятельности (со ссылкой на ст.ст. 33 и 30 УК РФ).

Криминализация, осуществляемая с применением таких конструкций, характерна для современной уголовной политики стран англо-саксонской правовой семьи (где возник феномен свехкриминализации)¹. В нашем случае, конечно, произошло определенное отступление от традиций кодификации.

лениях террористической направленности ...

¹ Гуринская А. Л. Англо-американская модель предупреждения преступности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 2018. С. 31—32.

Например, теперь совершенно ненужной видится современная формулировка ч. 4 ст. 35 УК РФ. Она, по сути, упоминает ст. 210 УК РФ, но совершенно не подходит под описание террористических и экстремистских сообществ и организаций. Строго говоря, последние нельзя называть преступными сообществами.

Несоответствие конструкции статей об участии в подготовке и совершении преступлений против общественной безопасности положениям Общей части УК РФ привело к тому, что, применяя ст. 210 УК РФ, суды не считают обязательным установление цели извлечения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, так как в диспозиции названной статьи уголовного закона о таких целях нет ни слова, равно как нет и прямых ссылок на ч. 4 ст. 35 УК РФ¹. Такую позицию поддержала и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации по делу о преступлениях, совершенных Чистопольским джамаатом².

В этих условиях полагаем, что необходимо продолжить изучать созданные хаотично юридические конструкции об ответственности за участие в подготовке и совершении преступлений и за создание объединений криминальной направленности, чтобы гармонизировать текст УК РФ и удовлетворить потребности уголовной политики.

¹ Приговор Верховного Суда Республики Северная Осетия — Алания от 17 мая 2012 г. по делу № 2-18/2012 // Росправосудие : сайт. URL: <https://rospravosudie.com/court-verhovnyj-sud-respubliki-severnaya-osetiya-alaniya-respublika-severnaya-osetiya-alaniya-s/act-456228065/> (дата обращения: 25.10.2017).

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 августа 2017 г. № 203-АПУ17-21 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : сайт. URL: <http://legalacts.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-31082017-n-203-apu17-21/> (дата обращения: 12.11.2019).

МАТЕРИАЛЫ МОЛОДЕЖНОЙ СЕКЦИИ

УДК 343.2/.7

А. Г. АЛЬБИЦКИЙ, Р. Э. ФЕДОТОВ

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЗАХВАТА ВЛАСТИ, НАСИЛЬСТВЕННОГО УДЕРЖАНИЯ ВЛАСТИ И ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА СО СМЕЖНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Одной из основ развития демократического общества следует считать законодательно закрепленные гарантии, касающиеся процесса формирования органов государственной власти и защиты указанных органов от возможных посягательств. В соответствии с ч. 4 ст. 3 Конституции Российской Федерации никто не может присваивать власть в Российской Федерации. Захват власти или присвоение властных полномочий преследуются по федеральному закону.

В статьях 278 и 279 УК РФ содержатся нормы, объектом преступления в которых являются основы конституционного строя Российской Федерации, представляющие собой общественные отношения, регулируемые конституционным правом Российской Федерации.

С учетом особой значимости указанных общественных отношений необходимо рассмотреть взаимосвязь преступлений, предусмотренных ст.ст. 278, 279 УК РФ, с некоторыми преступлениями против общественной безопасности, нормы об ответственности за которые закреплены в главе 24 УК РФ.

Для квалификации преступления по ст. 278 УК РФ необходимо совершение действий, направленных на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а равно направленных на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации.

Характерной особенностью ст. 278 УК РФ следует считать возможность широкого толкования понятия «насилие», использованного в данной статье. Так, Д. В. Царёв отмечает, что степень насилия не конкретизирована¹. Следовательно, такое насилие может осуществляться как с использованием оружия, так и без его использования. Л. В. Иногамова-Хегай применительно к объективной стороне преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, подчеркивает, что крайней формой насилия является применение оружия².

При реализации умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, крайне вероятным становится совершение иных преступлений, в том числе преступлений против общественной безопасности.

Согласимся с мнением И. Ефремова, который указывает на то, что «с помощью описанных в ст. 278 УК РФ деяний одному или даже нескольким лицам нереально насильственно захватить и удерживать власть или насильственно изменить конституционный строй»³.

А. Г. Хлебушкин обоснованно замечает, что преступления, направленные на насильственный захват и удержание власти, чаще всего совершаются преступными сообществами, вооруженными формированиями⁴.

Необходимо обратить особое внимание на такое преступление, как организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, квалифицируемое по ст. 208 УК РФ. Видовым объектом данного преступления служат отношения в сфере общественной безопасности. Вооруженное формирование представляет собой, как правило, устойчивую и сплоченную

¹ Царёв Д. В. Объективная сторона преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Дата публикации: 09.04.2012. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=3155 (дата обращения: 13.11.2019).

² Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Моск. гос. юрид. акад. ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучуева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2008. С. 574.

³ Ефремов И. Анахронизм закона о захвате власти. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F62659-anakhronizm-zakona-zakhvate-vlasti> (дата обращения: 13.11.2019).

⁴ Хлебушкин А. Г. Уголовно-правовая охрана политических основ конституционного строя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2 (66). С. 86.

группу лиц, которые имеют на вооружении огнестрельное или холодное оружие¹.

Представляется, что конструкция диспозиции ст. 208 УК РФ предполагает, что создание незаконного вооруженного формирования является закономерным шагом для последующей реализации деяний, предусмотренных ст. 278 УК РФ.

В качестве примера приведем определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2012 г. № 30-О12-1. Доказательством наличия умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ, стали высказывания организатора незаконного вооруженного формирования Х., направленные на изменение конституционного строя.

Также выяснилось, что Х. контактировал с иными незаконными вооруженными формированиями — «джамаатами», которые должны были оказывать помощь в финансировании созданного им формирования, предоставлять боеприпасы.

Следовательно, Х. преследовал цель вооруженной борьбы против представителей власти, насильственного захвата власти и насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации в регионе, создание на его территории отдельного исламского государства².

Данный пример свидетельствует о том, что в ходе подготовки к совершению преступления, указанного в диспозиции ст. 278 УК РФ, совершаются преступления, предусмотренные ст. 208 УК РФ, ст. 222 УК РФ.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ («Вооруженный конфликт»), следует считать общественные отношения в сфере охраны основ конституционного строя, территориальной целостности и безопасности Российской Федерации. Объективная сторона преступления предполагает альтернативные деяния: 1) организацию вооруженного мятежа; 2) активное участие в вооруженном мятеже. При этом необходимо наличие определенных целей, которыми могут быть: 1) свержение или насильственное изменение конституционного строя Российской

¹ Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть : учебник / Б. В. Здравомыслов, В. Ф. Караулов, А. В. Кладков [и др.] ; под. ред. Б. В. Здравомыслова. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2001. С. 256.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2012 г. № 30-О12-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации; 2) нарушение территориальной целостности Российской Федерации.

Таким образом, составы преступлений, предусмотренных ст.ст. 278 и 279 УК РФ, фактически пересекаются, однако непосредственный объект и субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, имеют более «широкий» характер.

Вместе с тем насильственный захват власти или насильственное удержание власти могут совершаться как с применением оружия, так и без его применения, что является принципиальным отличием состава ст. 278 УК РФ от состава ст. 279 УК РФ.

Интересно отметить мнение П. В. Агапова, который считает, что «в подавляющем большинстве случаев осуществлению вооруженного мятежа предшествует организация незаконного вооруженного формирования»¹, что свидетельствует о проблеме соотношения ст. 279 УК РФ и ст. 208 УК РФ.

Приговором Московского городского суда от 8 февраля 2013 г. К. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, ст. 279, ч. 1 ст. 205.1 УК РФ. С целью свержения конституционного строя Российской Федерации была создана организация, перед некоторыми членами которой была поставлена задача по установлению места расположения складов вооружения, боеприпасов и имеющейся на вооружении техники на территории учебного центра во Владимирской области. После захвата оружия планировалось ликвидировать ряд объектов жизнеобеспечения на территории Владимирской и Московской областей, что по замыслу К. должно было повлечь дезорганизацию управления в указанных регионах².

Можно сделать вывод, что в случае реализации умысла, направленного на захват оружия, указанная организация вполне могла соответствовать критериям незаконного вооруженного формирования, что подтверждает гипотезу о том, что при реализации умысла на совершение преступлений, направленных про-

¹ Агапов П. В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства. URL: <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fwiselawyer.ru%2Fpoleznoe%2F66344-vooruzhennyj-myatezh-nekotorye-aspekty-ugolovno-pravovoj-kharakteristiki> (дата обращения: 13.11.2019).

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2017 г. № 203-АПУ17-34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тив основ конституционного строя Российской Федерации, возрастает вероятность совершения преступлений против общественной безопасности.

Как показывает анализ судебной практики, на стадии подготовки к реализации деяния по насильственному захвату или насильственному удержанию власти (ст. 278 УК РФ) или подготовки к вооруженному мятежу (ст. 279 УК РФ) имеется существенная вероятность совершения иных преступлений, в том числе преступлений против общественной безопасности. Наиболее распространенными являются деяния, связанные с созданием незаконного вооруженного формирования и осуществлением незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

УДК 343.2/.7

А. С. АНТИПЬЕВА, К. А. СИЛУЯНОВА

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА

В условиях современной России, многонационального, полирелигиозного государства, одной из самых больших проблем является экстремизм в разных его проявлениях. Экстремизм угрожает целостности, а также единству государства. Президент Российской Федерации В. В. Путин в поздравлении по случаю Дня сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации отметил: «Ваш долг — жестко противодействовать терроризму и экстремизму, попыткам посеять ненависть, расколоть наше многонациональное и многоконфессиональное общество. Здесь важна постоянная профилактическая работа, честный, прямой диалог с гражданским обществом, представителями традиционных религий России»¹.

Проявление экстремизма крайне активно и с каждым днем обретает все новые особенности. Экстремистские организации применяют современные компьютерные технологии, вводя в свою деятельность в первую очередь те технологии, которые довольно результативно влияют на глобальное социальное сознание. Согласно статистическим данным за период январь—сентябрь 2018 года было официально зарегистрировано

¹ Путин призвал полицию жестко противодействовать экстремизму // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru> (дата обращения: 11.11.2019).

1 165 преступлений экстремистской направленности, а за аналогичный период 2019 года — 2 269 преступлений¹. Таким образом количество только официально зарегистрированных преступлений экстремистской направленности за год выросло в два раза.

Основной правовой базой для борьбы с экстремистской деятельностью является Уголовный кодекс Российской Федерации.

Под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Зачастую пропаганда экстремизма осуществляется в различных общественных местах, посредством СМИ, социальных сетей, мессенджеров. Информационная сеть «Интернет» дает возможность анонимной деятельности, в том числе антисоциальной, экстремистской. Например, на множестве сайтов в сети «Интернет» можно встретить аудиоматериалы, видеоматериалы, документы, картинки, плакаты, брошюры и т. д., которые доступны широкому кругу лиц, с открытой пропагандой экстремизма.

Криминологическая характеристика организации экстремистского сообщества и участия в экстремистском сообществе, ответственность за которые предусмотрена ст. 282.1 УК РФ, должна включать в себя следы совершения данного вида противоправных деяний. В результате технического прогресса и перехода общества в эпоху цифровизации экстремистская деятельность по большей части осуществляется в информационных сетях. Выявление, фиксацию и исследование цифровых следов экстремистских действий можно определить как основную проблему в борьбе с организованной преступностью, экстремизмом и терроризмом. Эта проблема связана с большим потоком информации в сети «Интернет», развитием науки и техники, а также развитием криптографических технологий, использование которых в преступных целях создает препятствие для пресечения данного вида деятельности. Использование информационных технологий в экстремистской и террористической деятельности неизбежно обуславливает потребность в постоянном совершенствовании законодательства в данной сфере. Однако совершенствование закона сталкивается с проблемой применения норм права на

¹ Показатели преступности в России // Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации : URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 11.11.2019).

практике. В первую очередь стоит сказать о дискуссионном вопросе классификации следов преступления, связанных с использованием электронно-вычислительной техники.

В своей работе Е. Р. Россинская использует термин «цифровые» следы, однако на законодательном уровне вопрос о классификации данных следов остается открытым¹, в то время как экстремистская деятельность и пропаганда терроризма все чаще осуществляются посредством применения сети «Интернет». Также для применения норм права на практике в данной сфере необходима квалифицированная информационно-аналитическая поддержка работы органов правопорядка. В данном случае возникает потребность в специалистах, обладающих соответствующими экспертными знаниями и опытом работы в информационной сети. Специалисты экспертных организаций могут осуществлять мониторинг сайтов через автоматизированные системы анализа информации в той форме, которая отвечает требованиям процессуального законодательства.

В решении вопроса об исследовании экстремистской и террористической деятельности большую роль играют способы выявления и предотвращения данной преступной деятельности. Выявление радикальной экстремистской пропаганды возможно при помощи алгоритмов анализа информации, распространенной в информационных сетях. Призывы к экстремизму, вербовка и иные действия информационно-радикального характера имеют специфический контент, выражаемый посредством слов, словосочетаний и обозначений. В соответствии с этим информационное пространство может быть проанализировано посредством специальных поисковых систем, основанных на алгоритмах выявления «ключевых слов» радикальной экстремистской информации. Однако цифровые следы призывов к экстремизму не всегда представляют собой общедоступный текстовый файл, для данных целей могут быть использованы видео в сети YouTube или личные сообщения в мессенджерах, которые, как правило, используют шифрование личных данных и чатов². Также стоит

¹ Россинская Е. Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193—202.

² Latov Y. et al. Mechanisms of Countering the Dissemination of Extremist Materials on the Internet // Big Data-driven World: Legislation Issues and Control Technologies. Springer, Cham, 2019. P. 145—161.

учесть тот факт, что «ключевые слова» экстремистской направленности, анализируемые посредством применения специальных алгоритмов, могут иметь в качестве маскировки бытовое значение. Для выявления подмены понятий и более тщательного анализа выводов автоматизированных сетей алгоритмического поиска информации экстремистского характера необходимо проделать большую работу, результаты которой должны соответствовать по форме и содержанию требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Уровень противодействия экстремистским действиям зависит от результатов прогрессивного развития технического оснащения правоохранительных органов и экспертных организаций. В своей деятельности эксперт должен иметь средства доступа к средствам связи, для которых у пользователя есть пароль или его отдельные части. Примером такого инструмента является система «Мобильный криминалист». Это часть программного обеспечения, которая позволяет эксперту подобрать методы извлечения данных на основе модели телефона и извлекать эти данные соответствующим образом. Извлеченные данные могут помочь восстановить причинно-следственную связь между действиями экстремистских организаций либо конкретного лица и наступлением общественно опасных последствий. Эти данные могут помочь не только в разоблачении злоумышленников, но и защите тех лиц, в действиях которых нет экстремистской или иной противоправной направленности. Автоматизированные системы, как правило, не совершают технических ошибок, однако эти ошибки могут проявиться в изначальной неточности формулировки «ключевых слов» поиска. Иными словами, лицо, распространяющее информацию экстремистской направленности, может избежать наказания, а действия иного лица могут быть предварительно системой распознаны как «действия экстремистской направленности». Для предотвращения данной проблемы необходимо проведение комплексного исследования, по результатам которого составляется экспертное заключение.

В статье 1 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» рассматривается дефиниция «экстремистская деятельность (экстремизм)». Следует отметить, что приведенный в данном Законе перечень действий, признаваемых экстремизмом, не является исчерпывающим. Последняя редакция датируется 28 ноября 2018 года.

Данное обстоятельство свидетельствует о том, что, с одной стороны, законодатель оперативно реагирует на меняющуюся ситуацию, с другой стороны — что опаздывает.

Отнесение какого-либо действия к экстремистско направленному должно основываться прежде всего на результатах судебной экспертизы: социологической, политологической, лингвистической, этнологической, религиоведческой и т. п., иными словами, необходимо применение специальных знаний.

Невозможно не заметить рост за последние года судебных разбирательств дел об экстремизме в Интернете. Граждане были привлечены к ответственности за «лайки» и «репосты» экстремистских материалов. Проанализировав судебную практику, Верховный Суд Российской Федерации рекомендовал при осуществлении правосудия по делам данной категории отойти от формального подхода к рассмотрению дел. Большое значение имеет такой элемент состава преступления, как субъективная сторона, т. е. внутреннее психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию. Поэтому важную роль играет комментарий к материалу, где говорится, зачем гражданин разместил данный материал. Нельзя ограничиваться только указанием на то, что лицо разместило на своей странице запрещенный материал. Нельзя однозначно трактовать посыл размещения данного материала, так как некоторые признаки экстремизма требуют экспертных оценок.

В заключение стоит сказать о необходимости всестороннего исследования данного вопроса и с правовой, и с технической стороны. Только взаимосвязь двух данных составляющих может обеспечить достаточный уровень противодействия экстремизму, терроризму и организованной преступности. Борьба с сообщениями и постами экстремистского характера в информационных сетях на данный момент является одним из основных направлений обеспечения общественной безопасности. Однако вопрос поиска действенных способов реализации стремительно изменяющегося законодательства в данной сфере по-прежнему открыт, и эти способы подвержены изменениям в связи с нормативно-правовыми и техническими изменениями внутри общества. В связи с этим криминологическая характеристика организации экстремистского сообщества всегда будет изменяться, в том числе и за счет прогрессивных технологий в области судебной экспертизы.

УДК 343.2/7

М. В. АНЧУГОВА, Н. Д. САФОНОВА

КОНТРАБАНДА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков, являются одними из наиболее актуальных в настоящее время. Распространение наркотических средств пагубно влияет на демографическую ситуацию, создает реальную угрозу здоровью населения и таким образом подрывает основы национальной безопасности.

По статистическим данным в России значительное количество людей употребляют наркотики. Сегодня количество регулярно употребляющих наркотики составляет $\approx 8,5$ млн человек, хотя бы раз пробовавших — $\approx 18,5$ млн человек. Проведенный анализ позволяет понять, что в стране существует большой спрос на наркотики у наркозависимых (в том числе у молодежи). Это позволяет создать обширный рынок сбыта данных веществ с привлечением организованных преступных группировок¹.

Самая большая опасность поставок наркотиков через границу Российской Федерации исходит от групп лиц, действующих по предварительному сговору, обладающих значительным финансовым потенциалом и связями. Достаточно часто средства, полученные за перевозку и продажу наркотиков, идут на финансирование экстремистских групп и терроризма. Развитие торговых отношений в мире происходило неодинаково и неравномерно, но везде оно начиналось с установления таможенных запретов, которые сопровождались развитием контрабанды.

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, предусмотрена ст. 229.1 УК РФ.

¹ Состояние преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств в Российской Федерации. Региональные различия : монография / Т. А. Боголюбова, О. А. Евланова, О. С. Галаева [и др.] ; под ред. О. А. Евлановой. М., 2018. С. 6—9.

По данным ФТС России, в первом полугодии 2018 года было изъято более 83 кг наркотических средств, психотропных веществ, а также более 0,795 кг прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ. По статье 229.1 УК РФ возбуждено 137 уголовных дел, изъято более 56 кг наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Из незаконного международного оборота изъято 10,754 кг наркотиков¹.

Контрабандисты прибегают к разнообразным способам провоза наркотиков через границу. Так, московские таможенники в «Шереметьево-2» нашли у гражданина Колумбии 1 148 г кокаина, упакованного в специальные пластиковые контейнеры, которые он пытался провезти в Гонконг в желудке. Используются и другие способы незаконного перемещения. Так, 66-летний пенсионер из Чили на момент перемещения был в инвалидном кресле с загипсованной кокаином ногой. В целях сокрытия от таможенного контроля используются и отдельные части автомобиля (двигатель, колеса, топливные баки, двери). Наркодилеры маскируют наркотические средства под товары народного потребления, оборудуют места перевоза контрабанды тайниками и секретными отделениями².

В ходе анализа материалов судебной практики представилось возможным выделить случаи, когда контрабанда наркотиков признается малозначительной. Так, Президиум Московского городского суда, рассматривая уголовное дело № 44/у-33/11 в порядке надзорного производства, установил, что 11 февраля 2010 г. в 10.05 ч гражданка Б., прилетев самолетом из Дели в Москву, была задержана на таможенном посту, так как в ее рюкзаке находилось вещество темно-коричневого цвета, похожее на наркотик. Проведенной экспертизой было установлено, что данное вещество является наркотическим средством (гашиш) общей массой 0,06 г. По этому факту было возбуждено уголовное дело, виновная осуждена за контрабанду наркотиков. Вышестоящий суд первоначальные решения отменил, а уголовное де-

¹ Таможенная статистика // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: <http://www.customs.ru/statistic/> (дата обращения: 10.11.2019).

² Рогатых Л. Ф., Стрельченко Э. Г., Топоров С. Б. Борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ : учеб.-метод. пособие для оперативного состава и отделов дознания таможенных органов. СПб., 2016. С.30—31.

ло прекратил в силу малозначительности. По мнению Президиума Московского городского суда, действия гражданки. Б. не обладают признаками значительной опасности, а в материалах уголовного дела не имеется достаточных данных, указывающих на то, что действия гражданки. Б. причинили вред личности, обществу или государству¹.

Криминологический портрет личности преступника, совершающего незаконные действия по ввозу, вывозу, транзиту через территорию Российской Федерации наркотических средств, психотропных веществ, позволяет лучше ориентироваться в криминогенных факторах контрабанды, а также способствует разработке современной системы предупреждения контрабанды наркотиков и противодействия ей.

Преступления, предусмотренные ст. 229.1 УК РФ, совершаются не только гражданами Российской Федерации, но и иностранными гражданами и лицами без гражданства. Большое количество наркотических средств, психотропных веществ поступает через организованные этнические группировки. Каждое третье преступление, связанное с незаконными поставками наркотиков в Россию, совершается иностранцами.

Среди лиц, задержанных за контрабанду наркотиков, более 83 % составляют лица мужского пола и более 16 % — женщины. Чаще всего контрабанда наркотиков совершается лицами в возрасте 40—45 лет и старше — 47 %, от 16 до 29 лет — 35 %. Данные статистики позволяют понять, что большинство преступлений, связанных с контрабандой наркотиков, совершается лицами достаточно зрелого возраста.

Проведенными криминологическими исследованиями установлено, что большинство лиц, задержанных за контрабанду наркотических средств и психотропных веществ, нигде не работают. Существуют также и другие категории, которые работают и используют свою трудовую деятельность для незаконного ввоза наркотиков на территорию Российской Федерации (например, водители по найму, проводники железнодорожного транспорта и пр.).

¹ Правовые консультации по делам, связанным с наркотиками : сайт. URL: http://www.hand-help.ru/documents/mosgorsud_maloznachitelnost.doc (дата обращения: 11.11.2019).

УДК 343.2/.7

А. Д. АСТРАТОВА

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА НА ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ

В процессе квалификации преступлений возникают ситуации, когда признаки оцениваемого деяния совпадают с признаками составов преступлений, предусмотренных различными уголовно-правовыми нормами. Правоприменители постоянно сталкиваются с проблемой соотношения смежных составов преступлений, которые наблюдаются в каждом разделе Особенной части УК РФ. Преступления против общественной безопасности не являются исключением. До сих пор проблематичным представляется разграничение хулиганства, совершенного на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ), действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, совершенных из хулиганских побуждений (ст. 267.1 УК РФ), вандализма (ст. 214 УК РФ) и умышленных уничтожения или повреждения имущества, совершенных из хулиганских побуждений (ч. 2 ст. 167 УК РФ).

Данная проблема имеет важное уголовно-правовое значение и представляется актуальной. По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, количество преступлений, квалифицируемых по ст. 213 УК РФ, составило около 1 538 за январь—сентябрь 2019 года¹. Ежегодно хулиганством на общественном транспорте причиняется немалый ущерб организациям-перевозчикам. Так, в первом квартале 2019 года Октябрьская железная дорога зафиксировала более 80 случаев порчи подвижного состава и оборудования. Ущерб, по сообщению компании, составил около миллиона рублей².

Без правильного разграничения смежных составов преступлений невозможно справедливое решение вопросов уголовной ответственности и наказания. При рассмотрении указанной проблемы прежде всего проанализируем состав хулиганства на общественном транспорте и выделим его существенные признаки.

¹ Состояние преступности в России: за январь—сентябрь 2019 года : сборник / Главный информационно-аналитический центр МВД России. М., 2019. С. 9.

² Колодчук В. ОЖД рассказала, какой ущерб нанесли ей вандалы // Gazeta.SPB : сайт. 2019. 10 апр. URL: <https://gazeta.spb.ru/2105344-ozhd-rasskazala-kakoj-ushherb-nanesli-ej-vandaly%2F> (дата обращения: 01.11.2019).

Субъект — вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет. Субъективная сторона транспортного хулиганства характеризуется прямым умыслом: виновный осознает общественную опасность своих хулиганских действий и реальную возможность грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, и желает их совершения.

В науке уголовного права долгое время велись дискуссии по поводу того, является хулиганство однообъектным или многообъектным преступлением. Опираясь на УК РФ, можно без сомнения заключить, что помимо основного объекта хулиганства — отношения по охране общественного порядка, предполагаются два дополнительных непосредственных объекта данного преступления — отношения по охране здоровья граждан и отношения собственности. Состав преступления, предусмотренный ст. 213 УК РФ, будет наличествовать в действиях того или иного лица лишь в случае, когда наряду с грубым нарушением общественного порядка, выражающим явное неуважение к обществу, к гражданам применено насилие, угроза насилием или же уничтожено, повреждено чужое имущество¹.

Объективная сторона транспортного хулиганства, помимо уже названных уничтожения либо повреждения имущества на общественном транспорте, выражается в нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противостоять себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним².

Под таким выражающим явное неуважение к обществу грубым нарушением общественного порядка на транспорте общего пользования можно понимать нахождение в состоянии алкогольного опьянения, сопровождающееся нецензурной бранью, курение, высказывание угроз в адрес лиц, находящихся на объектах транспорта, временное прекращение нормальной деятельности общественного транспорта в результате хулиганских действий виновного³. Необходимо также отметить, что такие действия мо-

¹ Зарубин В. И. Понятие общественного порядка как объекта хулиганства // Журнал российского права. 2001. № 8. С. 124.

² О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 // Российская газета. 2007. 21 нояб.

³ Самойлюк Н. В. Вопросы уголовной ответственности за хулиганство и преступления, совершенные из хулиганских побуждений на объектах транс-

гут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц¹. Главным условием выполнения объективной стороны транспортного хулиганства является то, что при совершении хулиганских действий в транспортном средстве кроме лица, совершающего хулиганские действия, и водителя должны находиться иные лица. В противном случае (когда другие лица отсутствуют и никто больше не видит факта совершения хулиганства) о применении п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ не может идти речи, так как при совершении хулиганских действий обязательно должен страдать общественный порядок — основной объект данного преступления.

Для правильной квалификации преступлений значимо выделение элементов их составов и их отличительных признаков.

В апреле 2017 года в УК РФ была включена ст. 267.1, предусматривающая ответственность за действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств. Отличительный признак данного деяния состоит в том, что ответственность за него наступает при совершении любых действий, создающих угрозу безопасности, а не только действий, содержащих нарушение соответствующих норм, регулирующих эксплуатацию транспортных средств. Такие действия, по мнению ряда ученых, могут быть выражены: в проезде на крышах, подножках, других выступающих частях электропоезда, не предназначенных для проезда пассажиров, в свечении лазерными указками в кабины воздушного транспорта, в закидывании различными предметами транспортных средств².

При отграничении транспортного хулиганства от действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств, ответственность за которые установлена ст. 267.1 УК РФ, необходимо основываться на следующих отличиях данных составов. Во-первых, основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 267.1 УК РФ, являются общественные отношения в сфере безопасности эксплуатации транспортных средств, дополнительным объектом — общественный порядок³. Основным же объектом транспортного хулиганства выступают

порта общего пользования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 3 (79). С. 97.

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве ...

² Самойлюк Н. В. Указ. соч. С. 98.

³ Там же. С. 96.

отношения по охране общественного порядка. Во-вторых, объективную сторону преступления, описанного в ст. 267.1 УК РФ, составляют действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств, тогда как объективную сторону преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, образуют, как уже упоминалось выше, нарушение общепризнанных норм и правил поведения, грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, и желание виновного противопоставить себя окружающим. В-третьих, при совершении хулиганства действия виновного направлены, как правило, против присутствующих граждан. А в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 267.1 УК РФ, действия виновного угрожают безопасности эксплуатации транспортных средств¹. В-четвертых, местом совершения преступления, предусмотренного п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, являются не только конкретные виды транспорта, но и их инфраструктура. Действия, направленные на создание угрозы эксплуатации конкретного транспортного средства, что также влечет за собой угрозу безопасности пассажиров и экипажа, совершаются непосредственно на этом транспортном средстве². В-пятых, роль транспорта в данных составах разнообразна. В пункте «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ транспорт выступает местом совершения хулиганства, в ст. 267.1 УК РФ — предметом, на который воздействуют извне из хулиганских побуждений³. В-шестых, транспортное хулиганство совершается во время нахождения лица в общественном транспорте, тогда как под ст. 267.1 УК РФ подпадают также действия, совершенные вне транспортного средства. Седьмым отличием является то, что, как уже упоминалось, не образуют состава хулиганства действия, совершаемые, когда в транспортном средстве кроме лица, совершающего хулиганские действия, и водителя нет других пассажиров, так как не происходит посягательства на основной объект данного преступления — общественный порядок. Для квалификации действий по ст. 267.1 УК РФ при-

¹ Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // *Lex russica*. 2017. № 8 (129). С. 164.

² Там же. С. 164.

³ Баранчикова М. В. Уголовная ответственность за хулиганство на транспорте и его отграничение от смежных составов правонарушений // *Сибирский юридический вестник*. 2019. № 2. С. 74.

существование других лиц (пассажиров) в транспортном средстве не является обязательным признаком объективной стороны.

На основании изложенного представляется возможным рассматривать норму п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ в качестве общей по отношению к норме ст. 267.1 УК РФ. Деяние, предусмотренное п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в случае создания угрозы безопасной эксплуатации транспортных средств «перетекает» в деяние, предусмотренное ст. 267.1 УК РФ.

Отграничивая вандализм (ст. 214 УК РФ) в форме порчи имущества на транспортном средстве от уголовно наказуемого хулиганства на транспорте, необходимо выделить следующие их отличия. Во-первых, данные составы отличаются объективной стороной. Хулиганство заключается в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу. При вандализме нарушается не только общественный порядок, нормы общественной нравственности, но и причиняется вред имуществу путем осквернения зданий и иных сооружений, порчи имущества на транспорте или в иных общественных местах. Во-вторых, вандализм не должен иметь публичный характер, не должен носить в момент порчи имущества на транспорте демонстративности. Если же признак публичности будет присутствовать, то в зависимости от уровня грубости нарушения общественного порядка, связанного с явным неуважением к обществу, подобная порча имущества на транспорте должна быть оценена как мелкое хулиганство либо как уголовно наказуемое хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования¹.

Умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества, совершенные из хулиганских побуждений и повлекшие причинение значительного ущерба, следует квалифицировать по ч. 2 ст. 167 УК РФ. Если при уничтожении или повреждении чужого имущества значительный ущерб потерпевшему не был причинен, то деяние следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ².

¹ Габеев С. В. Хулиганство, совершенное на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования // Уголовный закон Российской Федерации: проблемы правоприменения и перспективы совершенствования : материалы межвуз. науч.-практ. конф., Иркутск, 28 апреля 2017 г. / Восточ.-Сиб. ин-т М-ва внутр. дел Российской Федерации ; гл. ред. П. А. Капустюк. Иркутск, 2017. С.118.

² Аистова Л. С. Квалификация хулиганства : учеб.-практ. пособие. СПб., 1998. С. 20.

Различие между данными преступлениями состоит главным образом в объектах, на которые они посягают. Так, при умышленных уничтожении или повреждении имущества, совершенных из хулиганских побуждений, объектом преступления являются отношения собственности, при хулиганстве — отношения по охране общественного порядка. В тех случаях, когда лицо помимо умышленных уничтожения или повреждения имущества из хулиганских побуждений совершает иные умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок, выражающие явное неуважение к обществу, содеянное им надлежит квалифицировать по ч. 2 ст. 167 УК РФ и соответствующей части ст. 213 УК РФ¹.

Таким образом, законодатель закрепил в УК РФ ответственность за новый вид «транспортного» хулиганства. До введения в УК РФ пункта «в» ч. 1 ст. 213 хулиганство на транспорте квалифицировались по ст. 20.1 КоАП РФ, и виновному лицу грозил штраф от 500 р. до 5 тыс. р. либо арест до 15 суток. Теперь же санкция п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ предусматривает наказание до 5 лет лишения свободы или штраф до 500 тыс. р. По нашему мнению, с введением данной нормы, повлекшим ужесточение наказания за хулиганство на общественном транспорте, переводом деяния из категории административного правонарушения в уголовное преступление, несомненно, уменьшится количество правонарушений на общественном транспорте, посягающих на общественный порядок. Во избежание проблем применения данной нормы разграничение состава хулиганства на общественном транспорте со смежными составами преступлений должно проводиться по объекту посягательства, наличию факта уничтожения, повреждения, порчи имущества на общественном транспорте, осквернения зданий и сооружений транспортной инфраструктуры в результате хулиганских действий субъекта, нарушения правил безопасной эксплуатации транспорта. Для обеспечения справедливой оценки действий виновных представляется необходимой разработка дополнительных официальных рекомендаций по толкованию и применению п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ, разграничению со смежными составами правонарушений.

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве ...

УДК 343.2/.7

В. А. БАТОВ

**ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ
ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
СТАТЬИ 210.1 УК РФ**

Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» Уголовный кодекс Российской Федерации дополнен ст. 210.1 «Занятие высшего положения в преступной иерархии».

Таким образом, законодатель ввел специальную норму об ответственности лидеров преступного мира. Данное преступление законодатель относит к категории особо тяжких, в качестве наказания за указанное деяние установлено лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом в размере до 5 млн р.

Кроме того, ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)» дополнена частью первой, где выделяются в отдельный состав преступления действия, связанные с участием в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения преступлений. В качестве наказания за указанное деяние предусмотрено лишение свободы на срок от 12 до 20 лет со штрафом в размере до 1 млн р. Также указанной статьей предусматривается усиление наказания по уже действующим составам преступлений.

Наряду с этим в Общую часть УК РФ (ст.ст. 56, 64, 73) вносятся изменения, согласно которым лицам, занимающих высшее положение в преступной иерархии, не может быть назначено условное осуждение либо наказание ниже низшего предела.

Норма об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии не является новой для уголовного законодательства зарубежных стран. Так в Италии в 1982 году была установлена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет за членство в мафии, а также повышенная уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок

от 12 до 18 лет за создание, руководство и поощрение мафиозной организации¹.

В УК Грузии в 2006 году введена ст. 223.1 «Членство в воровском обществе, вор в законе», в части первой которой установлена ответственность в виде лишения свободы на срок от 5 до 8 лет за членство в воровском обществе и в части второй, как сейчас в России, — ответственность за пребывание лица в положении «вора в законе» с наказанием в виде лишением свободы на срок от 7 до 10 лет².

Следует признать актуальной борьбу с «ворами в законе», неформальными лидерами российского преступного мира, но норма уголовного закона, изложенная в ст. 210.1 УК РФ, порождает проблемы для правоприменителей.

Во-первых, само понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» было закреплено еще в 2009 году в ч. 4 ст. 210 УК РФ об ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ, совершенные таким лицом, но в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» не раскрывается понятие и даже не называются признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, а лишь указывается, что судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию преступного сообщества, преступной организации, либо по руководству такими сообществом или организацией, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер влияния и преступных доходов, а также другие обстоятельства, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в криминальной среде. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ.

¹ Уголовный кодекс Италии // BROCARDI.it : сайт. URL: <https://www.brocardi.it/codice-penale/libro-secondo/titolo-v/art416bis.html> (дата обращения: 21.09.2019).

² Уголовный кодекс Грузии. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/download/16426/137/ru/pdf> (дата обращения: 21.09.2019).

Полагаем, что данный пункт Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации не содержит четкого разъяснения понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», что не способствует обеспечению единообразного применения законодательства Российской Федерации, так как «не позволяет отграничить организатора и (или) руководителя, координатора преступного сообщества (преступной организации) от лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии»¹.

Судебная практика по данной категории дел немногочисленна. Как отмечают эксперты, первый приговор по ч. 4 ст. 210 УК РФ был вынесен лишь спустя семь лет, в апреле 2017 года. Алтайский краевой суд приговорил к 17 годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии строго режима грузинского вора в законе М. Чкадуа, признав его виновным в организации преступного сообщества и вымогательстве².

Следует согласиться с Д. В. Мещеряковым, который отмечает, что для устранения неопределенностей «необходимо закрепить в примечании к статье, какого человека следует считать, “занимающим высшее положение в преступной иерархии”, что такое “преступная иерархия”»³.

В информационной системе «КонсультантПлюс» размещено апелляционное постановление Московского городского суда от 24 июля 2019 г., в соответствии с которым Московский городской суд рассмотрел апелляционную жалобу на постановление Басманного районного суда города Москвы от 15 июля 2019 г., которым в отношении М., подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. В производстве ГСУ СК России находится уголовное дело, возбужденное 12 июля 2019 г. по признакам преступления, предусмотренного

¹ Куракин А. В., Сухаренко А. Н. Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью, в том числе транснациональной // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 23.

² Там же.

³ Мещеряков Д. В. Новелла российского законодательства об установлении уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности : сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 29 марта 2019 г. / сост. Г. В. Чеботарева. Симферополь, 2019. С. 255—260.

ст. 210.1 УК РФ, в отношении М. по факту занятия им высшего положения в преступной иерархии.

Постановление Басманного районного суда города Москвы от 15 июля 2019 г., которым в отношении подозреваемого М. избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, оставлено без изменения. Будем следить за исходом данного уголовного дела.

Хочется, чтобы норма, введенная по инициативе Президента Российской Федерации и имеющая целью борьбу с лидерами преступного мира, была работоспособной, а не носила декларативный характер.

УДК 343.2/.7

М. А. БОГДАНОВА, В. В. ШЕВЧУК

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА И ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» под безопасностью следует понимать состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз. Необходимость пресечения преступлений против общественной безопасности обусловлена тем, что их совершение сопряжено с причинением значительного материального, физического, организационного или иного вреда гражданам, собственности, окружающей среде, различным социальным институтам.

Вопросы ответственности за такие преступления, как захват заложника и похищение человека, являются предметом регулирования ряда международно-правовых актов (Международная конвенция о захвате заложников 1979 года, Европейская конвенция о пресечении терроризма 1977 года и др.).

В УК РФ ответственность за захват заложника установлена ст. 206 УК РФ, расположенной в главе о преступлениях против общественной безопасности.

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что судебные приговоры по данной статье выносятся достаточно редко. Так, за первое полугодие 2019 года по ст. 206 УК РФ было вынесено 2 обвинительных приговора¹. На наш

¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации // Судебный департамент при Верховном Суде

взгляд, данное положение вещей свидетельствует о наличии проблем, связанных с квалификацией захвата заложника. Одной из проблем является разграничение ст. 206 УК РФ («Захват заложника») и ст. 126 УК РФ («Похищение человека»).

Основным критерием разграничения данных составов служит объект преступления. В научной литературе вопрос о том, что следует понимать под объектом преступления, относится к дискуссионным.

Так, Е. Н. Карабанова придерживается точки зрения, согласно которой под объектом преступления понимаются социальные ценности¹. К. П. Петрова считает, что под объектом преступления следует понимать охраняемые уголовным законом определенные общественные отношения, на которые происходит посягательство². Однако на практике разрешение вопроса, на какой объект совершено преступное посягательство, представляется непростой задачей.

В основе деления Особенной части действующего УК РФ на разделы и главы лежит классификация объектов преступлений. Выделяются родовой, видовой и непосредственный объекты преступления. Соответственно, так как ст. 206 УК РФ включена в раздел IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», то родовым объектом данного преступления выступают общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка, в отличие от преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, родовым объектом которого являются общественные отношения в сфере защиты личности. Видовым объектом захвата заложника являются общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, поскольку указанная статья расположена в главе 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности», в то время как видовым объектом похищения человека выступают общественные отношения в сфере защиты свободы, чести и достоинства личности.

Сложности квалификации совершенного деяния проявляются при определении непосредственного объекта преступления. Так,

Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5081> (дата обращения: 27.10.2019).

¹ Карабанова Е. Н. Понятие объекта преступления в современном уголовном праве // Журнал российского права. 2018. № 6 (258). С. 75.

² Петров П. К. Похищение человека и захват заложника — вопросы квалификации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. № 18. С. 50.

непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ, признаются общественные отношения, «образующие личную свободу человека не только в плане свободного перемещения в пространстве, но и в плане свободы выбора поведения, исключая физическое принуждение и воздействие на человека со стороны»¹, а непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 126 УК РФ, — общественные отношения, складывающиеся по поводу реализации человеком права на свободу местопребывания и перемещения. То есть в обоих рассматриваемых составах непосредственным объектом выступает физическая свобода.

Для более полного анализа объекта указанных преступлений необходимо воспользоваться «горизонтальной» классификацией объектов преступления, согласно которой объект преступления на уровне непосредственного делится на основной и дополнительный. Именно с помощью нее мы можем выявить различия в непосредственном объекте преступлений, предусмотренных ст. 126 и ст. 206 УК РФ, которые и помогут нам при квалификации содеянного.

Так, под основным понимается объект, которому вред причиняется всегда и в первую очередь, соответственно, он находится в плоскости родового объекта преступления. В качестве основного непосредственного объекта в ст. 206 УК РФ выступают общественные отношения в сфере общественной безопасности в связи с тем, что данное деяние наносит ущерб жизненно важным интересам не столько конкретного гражданина, сколько всего общества; в ст. 126 УК РФ — общественные отношения в сфере охраны личной (физической свободы) человека.

Дополнительный непосредственный объект преступления характерен для тех составов, в которых одновременно посягательство в обязательном порядке осуществляется на два объекта и более, только один из которых относится к видовой группе. Так как захват заложника является двухобъектным преступлением, то в первую очередь преступник посягает на общественную безопасность (основной объект), а уже потом — на физическую

¹ Бельский А. Е. Объект преступления «захват заложника» (ст. 206 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Novaum.ru : ежеднев. науч. журн. Юридические науки. 2018. № 14. URL: <http://novaum.ru/public/p821> (дата обращения: 20.10.2019).

свободу человека. Следовательно, физическая свобода в данном случае выступает дополнительным непосредственным объектом.

В этом и состоит основной момент разграничения таких смежных составов, как захват заложника и похищение человека, так как в последнем случае физическая свобода выступает основным непосредственным объектом, а не дополнительным.

В научной литературе высказываются иные мнения по данному вопросу.

Так, Д. Петрайкин считает, что общественная безопасность может выступать дополнительным объектом и похищения человека, поскольку «нередко эти преступления совершаются в отношении людей, пользующихся известностью или состоятельными, и, соответственно, они имеют широкий общественный резонанс, порождая обстановку нестабильности в обществе»¹. Говоря о захвате заложника, некоторые авторы придерживаются той позиции, что личная свобода и вовсе не является дополнительным объектом данного состава². По нашему мнению, такие высказывания представляются неверными.

Таким образом, при сопоставлении родового и видового объектов данных смежных составов наглядно прослеживается разница между ними. Однако для квалификации важно обратить внимание на непосредственный объект преступления, а именно на то, как именно в конкретном случае проявляется посягательство на физическую свободу потерпевшего (т. е. является физическая свобода основным непосредственным объектом или же дополнительным).

На практике возникают сложности при разграничении составов, предусмотренных п. «з» ч. 2 ст. 206 и п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ (квалифицирующий признак — корыстные побуждения). Например, в одном случае лицо совершает похищение человека с целью последующего требования выкупа, а в другом виновный осуществляет захват заложника с целью понуждения гражданина предоставить ему денежные средства.

¹ Петрайкин Д. Похищение человека: объект, объективная сторона // Законность. 2008. № 12. С. 29.

² Липатёва А. В. Разграничение похищения человека со смежными составами // Проблемы противодействия преступности в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 16—17 октября 2003 г. / Башкирский гос. ун-т. Уфа, 2004. Ч. 3. С. 176.

Как указывалось выше, чтобы ответить на данный вопрос, необходимо определить основной непосредственный объект совершенного деяния. Для чего следует обратить внимание на такие характеристики состава, как цель и способ совершения преступления.

Например, если удержание или захват гражданина осуществляется с целью дезорганизации общества или запугивания населения, подрыва авторитета власти, то можно говорить о том, что основным объектом совершаемого преступления будет являться именно общественная безопасность. Эта цель и придает специфику способу захвата или удержания. Как правило, это открытое, демонстративное, агрессивное и ультимативное выдвижение требований с угрозой расправы над заложником. Причем обычно в данной ситуации личность потерпевшего не имеет значения для преступника. Соответственно, в таком случае содеянное следует квалифицировать по ст. 206 УК РФ.

Если же виновный стремится сохранить содеянное в тайне, например, помимо требования предоставить денежные средства высказывает требование не обращаться с соответствующим сообщением в правоохранительные органы, а равно предъявляет близким потерпевшему лицам требование о выкупе, то преступление стоит квалифицировать как похищение человека, совершенное из корыстных побуждений.

Говоря о цели совершения противоправного деяния, также следует учитывать, что при квалификации по ст. 206 УК РФ цель является конструктивным признаком состава преступления, который более или менее четко сформулирован законодателем, — понуждение государства, организации, гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения¹. При похищении человека цели могут быть различные (ревность, корысть, месть и т. д.).

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что при разрешении вопроса о разграничении таких смежных составов, как захват заложника и похищение человека, особое внимание следует уделить рассмотренным нами характеристикам состава преступления, а именно: объекту преступления, цели, способу его совершения.

¹ Воронцова А. Н., Щербина М. В. Проблема разграничения преступлений, связанных с похищением человека, с другими смежными составами // Проблемы науки. 2017. № 19 (101). С. 82.

УДК 343.2/.7

Д. А. БОРОДИН

**К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ УЧАСТИЯ
В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ, НЕЗАКОННОМ
ВООРУЖЕННОМ ФОРМИРОВАНИИ И БАНДЕ**

Многообразие форм преступлений против общественной безопасности обуславливает сложность их квалификации. Более того, одно и то же деяние может образовывать составы сразу нескольких преступлений, предусмотренных УК РФ.

Определенный интерес вызывает вопрос квалификации участия в террористическом сообществе, в деятельности организации, признанной террористической, в незаконном вооруженном формировании, в банде, в преступном сообществе (преступной организации), ответственность за которое предусмотрена ст.ст. 205.4, 205.5, 208, 209 и 210 УК РФ, поскольку формы такого участия имеют существенные различия.

Террористическое сообщество представляет собой устойчивую группу лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма (здесь и далее — преступления террористической направленности).

Причем, как указывает Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 22.2 постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», для признания организованной группы террористическим сообществом не требуется предварительного судебного решения о ликвидации организации в связи с осуществлением террористической деятельности.

Цели и направленность террористических сообществ могут быть различными, однако можно выделить три основных группы: а) националистические (национально-освободительные, сепаратистские или националистические); б) религиозные (утверждение определенной религии или провозглашение религиозной власти); в) революционные (коренное изменение экономической, социальной и политической системы страны).

Согласно разъяснениям, приведенным в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации,

под участием в террористическом сообществе понимается вхождение лица в состав такого сообщества с намерением участвовать в осуществлении террористической деятельности либо в подготовке или совершении одного либо нескольких преступлений террористической направленности, участие в подготовке к совершению указанных преступлений или в совершении таких преступлений, а также выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (снабжение информацией, ведение документации и т. п.).

При рассмотрении вопроса об участии лица в террористическом сообществе возникает вопрос о том, как квалифицировать его действия, если оно только вошло в состав такого сообщества, но не предпринимало каких-либо активных действий по подготовке или совершению преступлений террористической направленности либо исполнению функциональных обязанностей.

Данный вопрос можно разрешить на примере вхождения в состав террористического сообщества радикального исламистского течения. Оно может сопровождаться клятвой верности идеологии и руководителю организации, получением обмундирования и специального оружия, например ножа, на котором выгравирован лозунг течения, нанесением татуировок с определенным идеологическим содержанием, а также иными обрядовыми действиями, что говорит о явном намерении лица участвовать в террористической деятельности данной организации.

Так, в мае 2019 года в СМИ появилось сообщение о проведении правоохрнительными органами в Чеченской Республике спецоперации по задержанию членов организованного террористического сообщества.

Задержанными оказались девять человек, у которых изъяты оружие и боеприпасы, а также текст присяги, подписанной одним из участников сообщества. В присяге вошедший в состав группы гражданин У. клянется в верности руководителю объединения и заявляет о верности религии Бога и соблюдении законов божьих и принадлежности к террористическому сообществу, также передает сообщение «крестоносцам, которые обстреливают мусульман каждый день» (так члены террористических сообществ и организаций именуют своих противников), высказывая угрозы в их адрес, что говорит об открытых и яв-

ных намерениях лица совершать преступления в составе данного сообщества¹.

Преступление в форме участия в террористическом сообществе считается оконченным уже с момента дачи согласия, присоединения к иным участникам сообщества и готовности выполнять любые указания его руководителя.

Участие в деятельности террористической организации имеет свою специфику. Отличием террористической организации от террористического сообщества является:

1) наличие решения суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему прокурора о признании уже существующей организации террористической и ее ликвидации (и запрещении ее деятельности) или

2) наличие обвинительного приговора суда относительно конкретного лица, создавшего террористическую организацию.

Вопрос разграничения понятий «террористическое сообщество» и «террористическая организация» относится к дискуссионным.

Представляется, что основной целью включения законодателем данной конструкции состава преступления в УК РФ является недопущение распространения влияния иностранных и международных террористических организаций, осуществляющих свою деятельность за пределами территории России, предупреждение их попыток организовать свои структурные подразделения на территории Российской Федерации.

Вместе с тем имеется правовая возможность в определенных законом случаях признать террористической деятельность, например, зарегистрированной в Российской Федерации политической партии или экстремистской организации, признанной по решению суда таковой.

Основываясь на диспозиции ст. 205.5 УК РФ, а также принимая во внимание вышеуказанное Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, участие в деятельности террористической организации можно определить следующим образом: лицо, зная о признании организации террористической, несмотря на это, вступает в данную организацию или совершает иные действия, относящиеся к продолжению или возобновлению деятельности данной организации.

¹ О. : сайт. URL: <https://obzor.io/2019/05/14/klyanus-v-vernosti-al-bagdadi-v-chechne-zaderzhany-boeviki-igil-32194> (дата обращения: 09.11.2019).

Как показал анализ судебной практики, в основном субъектами данных преступлений выступают не столько непосредственные боевые единицы террористических объединений, действия которых в форме участия квалифицируются по большей части по ст. 205.4 УК РФ, а вербовщики запрещенных в России террористических организаций.

Так, в 2016 году был вынесен обвинительный приговор по совокупности преступлений в отношении ряда лиц, которые «в разное время вступили в ряды запрещенной в Российской Федерации террористической организации “Партия исламского освобождения”, целью которой является устранение неисламских правительств и поэтапное установление исламского правления во всемирном масштабе путем воссоздания теократического государства “Всемирный Исламский Халифат”, в том числе и на территории Российской Федерации.

Для достижения целей и задач партии наряду с иными лицами, подчиняясь существующей в данной организации дисциплине в соответствии с установленной иерархией, распространяли идеологию партии на территории Республики Дагестан. В целях расширения сферы влияния организации, воздействия на религиозные чувства населения принимали участие в занятиях по изучению идеологии организации, в проводимых данной организацией массовых мероприятиях, агитационных собраниях, а также религиозно-практических занятиях — “халакатах”, распространяли печатную продукцию издательства организации»¹.

Ответственность по ст. 205.5 УК РФ наступает, если лицо вступает в террористическую организацию или продолжает членство в данной организации, зная о ее запрещении, проводит беседы, раздает листовки в целях пропаганды деятельности организации, а также принимает непосредственное участие в проводимых организацией мероприятиях и т. п.

В рамках рассматриваемой темы нельзя обойти вниманием и вопрос участия в незаконном вооруженном формировании. Под незаконным вооруженным формированием следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей, например для совершения террористи-

¹ Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/UJKXPKI3RAYq/?> (дата обращения: 09.11.2019).

ческих актов, насильственного изменения основ конституционного строя, нарушения целостности Российской Федерации.

Под участием в незаконном вооруженном формировании надлежит понимать вхождение в состав такого формирования (например, принятие присяги, дача подписки или устного согласия, получение формы, оружия), выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого формирования (обучение его участников, строительство временного жилья, различных сооружений и заграждений, приготовление пищи, ведение подсобного хозяйства в местах расположения незаконного вооруженного формирования и т. п.).

Поскольку незаконные вооруженные формирования имеют военизированный характер, то вхождение в подобные объединения зачастую сопровождается принесением присяги, выражающей верность целям формирования и готовность подчинения его руководству и уставу (иногда негласному), выдачей оружия и обмундирования, присвоением неофициального звания, подтверждающего определенное место в иерархии формирования, внесение в списки воинского подразделения, назначением исполняемой роли и функциональных обязанностей.

В частности, гражданин Э., являясь приверженцем религиозно-экстремистского течения в исламе, в 2016 году, находясь в городе Каспийске, дал устное согласие лидеру незаконного вооруженного формирования ДТГ «Каспийская» А. на вступление в него, добровольно вошел в состав созданного последним незаконного вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, имея умысел на совершение преступлений с целью подрыва стабильности существующих политического, экономического и социального устройств Российской Федерации и на совершение посягательств на жизнь сотрудников органов внутренних дел, принимал участие в деятельности указанного незаконного вооруженного формирования до его задержания, произведенного сотрудниками правоохранительных органов¹.

Дача согласия в устной или письменной форме на вступление в незаконное вооруженное формирование или же принесение присяги уже могут квалифицироваться как участие в нем независимо от исполнения иных функциональных обязанностей или совершения каких-либо преступлений.

¹ Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gT4jVyknUAUJ/?regular-txt> (дата обращения: 09.11.2019).

Особый интерес вызывает участие в банде, предусмотренное ст. 209 УК РФ. Под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападений на граждан или организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения. От иных организованных групп банда отличается вооруженностью и преступными целями — совершение нападений на граждан и организации.

Участие в банде представляет собой не только непосредственное участие в совершаемых ею нападениях, но и выполнение членами банды иных активных действий, направленных на ее финансирование, обеспечение оружием, транспортом, подыскание объектов для нападения и т. п., т. е. действий, направленных на организацию нападений и функционирование банды.

Важной особенностью рассматриваемых составов преступлений является следующее. При даче согласия на вступление в террористическое сообщество, террористическую организацию и незаконное вооруженное формирование преступление уже считается оконченным с момента дачи согласия, поскольку вступление в рассматриваемые объединения в большинстве случаев подразумевают прохождение специальной процедуры, что явно выражает намерение лица на осуществление противоправной деятельности в рамках объединения.

Однако, по нашему мнению, в случае с бандитизмом, если лицо дало согласие на вступление в банду, но еще не успело принять участия в ее практической деятельности, то содеянное нужно квалифицировать по ч. 2 ст. 209 УК РФ со ссылкой на ч. 3 ст. 30 УК РФ, как покушение на бандитизм, ибо лицо уже совершило действия, направленные на вступление в банду.

Интересен тот факт, что террористические сообщества, изначально создаваемые с целью осуществления преступлений террористической направленности, могут заниматься и бандитизмом.

Примером служит уголовное дело № 1-14/2015, рассмотренное Северо-Кавказским окружным военным судом в июле 2015 года. Согласно вынесенному приговору в октябре 2007 года руководитель экстремистской организации «Имарат Кавказ» и иные не установленные следствием лица на территории Северо-Кавказских республик, в том числе Республики Дагестан, создали и возглавили объединения устойчивых вооруженных орга-

низованных групп (банд), имевших различные наименования, включавших в себя вооруженные группы и отряды различной численности, сформированные по этническому признаку, преимущественно из числа жителей одного населенного пункта либо района. В итоге действия некоторых лиц по данному делу квалифицировались по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.4 и 209 УК РФ.

Подводя итоги, следует резюмировать:

1) деятельность различных незаконных преступных объединений разграничивается в зависимости от их цели: террористические сообщества и объединения направлены на осуществление террористической деятельности, банды — на совершение нападений на граждан или организации, а незаконные вооруженные формирования и вовсе могут иметь любую цель, поскольку они признаются таковыми вне зависимости от цели создания, даже если формирование преследует общественно полезную цель, например охрану общественного порядка;

2) участие в рассмотренных объединениях имеет свою специфику, зачастую связано с прохождением специальной процедуры, в рамках которой лицо присягает на верность и т. п., что говорит о его готовности совершать активные действия в соответствии с отведенной ему ролью в объединении, и подлежит квалификации как оконченное преступление.

УДК 343.2/.7

Я. А. БУЛГАКОВА, З. Э. ФУРМАМБЕТОВА

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

Терроризм признается угрозой общественной и государственной безопасности не только на международном уровне, но и на национальном.

В законодательстве России отсутствует определение террористической деятельности. В связи с чем стоит согласиться с мнением А. Б. Коновалова, который утверждает, что комплексное исследование российского антитеррористического законодательства, многократно претерпевавшего беспорядочную замену концепции государственного правотворчества, показывает необходимость в дифференциации терроризма как «социально-правового пара-

докса и террористической деятельности как конгломерата уголовно-противоправных посягательств»¹.

Разобщенность понятийного аппарата Федерального закона от 6 апреля 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» с этимологически схожими правовыми категориями, примененными при создании составов преступлений, в целом именуемых как террористическая деятельность, осложняет систематизацию отмеченных уголовно наказуемых деликтов².

В целях обеспечения охраны прав и законных интересов государства, общества и человека от террористических посягательств законодатель включил в УК РФ ряд норм, предусматривающих ответственность за преступления террористического характера. Однако их толкование и в теории и на практике вызывает определенные трудности. В частности, это относится к определению террористической природы такого деяния, как заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Число фиксируемых в государстве преступлений, предусмотренных ст. 207 УК РФ, имеет направленность к снижению. Так в 2016 году по ч. 1 ст. 207 УК РФ было осуждено 740 лиц, а в 2018 году — 418³.

Однако при этом методы их совершения становятся более изощренными: применение мобильного Интернета и мобильной связи с обезличенных SIM-карт, использование услуг интернет-серверов, находящихся за границей Российской Федерации, использование средств шифрования данных, анонимайзеров и анонимных прокси-серверов, программ-«маршрутизаторов» и пр. Возрастание общественной опасности заведомо ложного сообщения об акте терроризма справедливо объясняется как инновационно-технологическим развитием самого социума, так и массовым развитием информационного сообщества, кроме того — возрастанием опасности интернационального терро-

¹ Коновалова А. Б. Террористический акт в форме угрозы и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как проявления информационного терроризирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 3.

² Игнатов А. Н. Уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма: совершенствование законодательной регламентации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 7.

³ Судебная статистика РФ: сайт / Агентство правовой информации. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 28.10.2019).

ризма, его индивидуальным восприятием как обществом в целом, так и каждым отдельно взятым человеком. Соответственно, растет вред (как прямой имущественный вред, так и административно-ресурсные затраты), причиняемый государству, обществу и человеку.

Уголовная ответственность за указанное преступление в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ наступает с 14 лет, в связи с чем можно говорить, что степень и характер общественной опасности законодателем учтены. Причем отметим, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма уже давно не считается «школьным хулиганством»¹.

Законодатель в 2017 году внес изменения в диспозицию ч. 1 ст. 207 УК РФ, предусмотрев в качестве конструктивного признака состава преступления — заведомо ложного сообщения о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, совершение его из хулиганских побуждений.

По нашему мнению, применение данного признака нецелесообразно, поскольку выделение хулиганских мотивов как признака состава преступления порождает множество противоречий.

Интересным представляется тот факт, что, как правило, не бывает немотивированного поведения, по этой причине появляется вопрос: какой повод считается «незначительным» для совершения преступления, если более значительными, чем «хулиганские побуждения», служат драка, месть, ненависть, неприязнь, возникшие на почве индивидуальных взаимоотношений. Подчеркнем, что круг уголовно наказуемых деяний, совершенных из хулиганских побуждений, Верховный Суд Российской Федерации ограничивает умышленными действиями, направленными против личности человека или его имущества².

¹ Игнатов А. Н. Указ. соч. С. 7.

² О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Если имеет место иной мотив, причиняется вред деятельности органов государственной власти, появляются панические настроения в обществе, страдает деятельность коммерческих организаций, неэффективно расходуются бюджетные средства, а юридическая ответственность для сообщившего не наступает. При заведомо ложном сообщении об акте терроризма у лица могут быть такие мотивы, как месть, недовольство работой правоохранительных органов, корысть, получение поощрения на службе и др. Но во всех случаях данное деяние будет наносить вред общественным отношениям и негативно сказываться на общественном порядке и общественной безопасности. Так, проверка одного «заминированного» дома обходится государству в сумму около миллиона рублей¹.

Действующая редакция ст. 207 УК РФ, с одной стороны, приводит к необоснованной «искусственной» ликвидации преступности данного деяния, с другой — к тому, что судам общей юрисдикции при квалификации содеянного приходится самые разнообразные цели и мотивы совершения преступления сводить к «незначительному поводу». Таким образом, при наличии в норме о заведомо ложном сообщении об акте терроризма указания на хулиганские побуждения игнорируются общественная опасность и террористический характер рассматриваемого деяния.

Отметим, что зачастую суды выносят свои решения вразрез с действующим уголовным законодательством. Примером является дело, рассмотренное Таганрогским городским судом, в отношении гражданки Л. В., обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ.

Установлено, что Л. В., имея умысел на заведомо ложное сообщение об акте терроризма, со своего домашнего телефона позвонила в дежурную часть УВД по г. Таганрогу и сообщила, что дом, в котором располагается МУП ЖЭУ «Промышленное», заминирован. В ходе расследования стало известно, что поводом для звонка послужило то, что Л. В. разозлилась на

¹ Специалист: Проверка «заминированного» дома стоит государству около миллиона // Life.ru : информ. портал. URL: https://life.ru/t/%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%81%D1%88%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D1%8F/930635/spietsialist_provierka_zaminirovannogho_doma_stoit_ghosudarstvu_okolo_milliona (дата обращения: 17.10.2019).

сотрудников МУП ЖЭУ за неподачу отопления в ее квартиру, она обращалась к ним с просьбой разобраться неоднократно, однако решение этого вопроса затягивалось. Исследовав все имеющиеся доказательства, суд признал Л. В. Виновной по ст. 207 УК РФ¹. Данное решение не было обжаловано и вступило в законную силу.

В другом случае гражданин обжаловал решение суда первой инстанции и был реабилитирован. 5 сентября 2018 г. Н. был осужден Урюпинским городским судом Волгоградской области по ч. 1 ст. 207 УК РФ. Однако суд первой инстанции указал на то, что Н., будучи недовольным работой сотрудников полиции, сообщил заведомо ложные сведения, содержащие признаки угрозы совершения террористического акта — взрыва, создающего опасность гибели людей и причинения значительного имущественного ущерба.

Тем самым суд допустил в приговоре противоречивые выводы относительно мотива совершения деяния, указав и на хулиганский мотив, и на мотив недовольства работой сотрудников полиции.

Суд апелляционной инстанции указал, что действия Н. не могут расцениваться как заведомо ложное сообщение об акте терроризма в связи с отсутствием обязательного элемента субъективной стороны данного состава преступления, т. е. отсутствием хулиганского мотива.

Данные примеры наглядно иллюстрируют, что при причинении вреда общественным отношениям в области общественной безопасности лицо остается безнаказанным из-за отсутствия надлежащего правового регулирования.

Учитывая общественную опасность анализируемого деяния, с целью эффективной его превенции уголовно-правовыми средствами считаем необходимым исключить из ч. 1 ст. 207 УК РФ указание на совершение деяния из хулиганских побуждений как конструктивный признак состава преступления и изложить в следующей редакции: заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий.

¹ Прокуратура Ростовской области : офиц. сайт. URL: <http://www.prokuror-rostov.ru/news/2227.html> (дата обращения: 10.10.2019).

УДК 343.2/7

А. С. ВАСИЛЬЕВА, Е. С. СТУПАК

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ
К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОГО ОПРАВДАНИЯ
ТЕРРОРИЗМА И ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА**

В настоящее время терроризм стал проникать в общественно-политическую жизнь многих государств и превратился в одну из главных угроз международной безопасности. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» в УК РФ была введена ст. 205.2, устанавливающая ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганду терроризма.

В пункте 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указано, что под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в ст. 205.2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, т. е. к совершению преступлений, предусмотренных ст.ст. 205—206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ.

Понятие террористической деятельности раскрывается в п. 2 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» путем перечисления действий, составляющих ее содержание: террористическая деятельность — это деятельность, включающая в себя: организацию, планирование, подготовку, финансирование и реализацию террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно участие в такой струк-

туре; вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; информационное или иное пособничество в планировании, подготовке или реализации террористического акта; пропаганду идей терроризма, распространение материалов или информации, призывающих к осуществлению террористической деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности.

Понятие террористической деятельности раскрывается и в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ, согласно которому под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205—206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ.

Проанализировав приведенные толкования понятия террористической деятельности, следует отметить, что для правоприменительной практики наиболее целесообразно использование определения, указанного в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ. Данная точка зрения обосновывается полнотой раскрытия понятия террористической деятельности, содержащегося в примечании, а также включением в него не только действий, указанных в п. 2 ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму», но и таких уголовно наказуемых деяний, как захват заложника; угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава; незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами, их хищение либо вымогательство; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; вооруженный мятеж; нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой; акт международного терроризма¹.

Актуальной проблемой, возникающей при квалификации действий по ст. 205.2 УК РФ, является разграничение призыва как способа подстрекательства и как признака объективной стороны². Сложность заключается в том, что в ч. 4 ст. 33 УК РФ используется формулировка: «Подстрекателем признается лицо,

¹ Кунашев А. А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81—89.

² Решетников А. Ю. Уголовно-правовая оценка призывной деятельности // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 82—92.

склонившее другое лицо к совершению преступления ... другим способом», что дает основание рассматривать призыв как прямо не закрепленный, но вполне возможный способ подстрекательства к преступлению.

Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности соотносятся с понятием «публичное подстрекательство к совершению террористического преступления», раскрываемым в п. 1 ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 года как «распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического преступления, когда такое поведение, независимо от того, пропагандирует оно или нет непосредственно террористические преступления, создает опасность совершения одного или нескольких таких преступлений»¹. С учетом данной дефиниции вместо терминов «подстрекательство» и «террористическое преступление» в УК РФ указаны сходные, но не идентичные понятия — «призыв» и «террористическая деятельность». Думается, что законодатель пошел по этому пути с тем, чтобы исключить при квалификации смешение таких уголовно-правовых институтов, как преступление и соучастие в преступлении.

В науке уголовного права большинство ученых склоняются к тому, что призыв, обращенный к конкретным лицам (независимо от их количества), следует квалифицировать как подстрекательство к соответствующему преступлению террористического характера². Они аргументируют это тем, что законодатель специально указал в диспозиции нормы на публичный характер таких действий, следовательно, разграничение между самостоятельным преступлением и соучастием в преступлении должно

¹ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма : заключена в г. Варшаве 16 мая 2005 г. ETS № 196 // Бюллетень международных договоров. 2009. № 9. С. 30—57.

² Жилкин М. Г. Судебная практика установления объективных признаков публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 57—62 ; Кибальник А. Г., Соломоненко И. И. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма // Законность. 2007. № 2 (868). С. 14—16 ; Пинкевич Т. В., Черных Е. Е. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: проблемы квалификации // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 3 (27). С. 141—144.

проходить по адресной направленности призыва к совершению преступления. Однако на практике имеет место ошибочная квалификация деяний.

Например, приговором Верховного суда Республики Дагестан Д. был осужден по ст. 205.2 УК РФ. В ходе следствия было выяснено, что Д. в целях создания незаконного вооруженного формирования использовал социальную сеть «Одноклассники», через которую осуществлял поиск и склонение лиц к участию в данном формировании. Экспертом, привлеченным для определения лингвистического смысла сообщений Д., было отмечено, что в переписке, обращенной к конкретным лицам, имеются призывы к осуществлению террористической деятельности. Несмотря на это, суд сослался на положения письма управления Роскомсвязьнадзора России по Республике Дагестан о том, что информация, размещенная на сайте «Одноклассники», является доступной неограниченному кругу лиц¹.

Тем не менее представляется, что подход ученых следует считать более обоснованным, поскольку подстрекательство к совершению преступления направлено на побуждение конкретного лица к совершению конкретного уголовно наказуемого деяния, в то время как призыв направлен на неопределенный круг лиц и на побуждение к совершению абстрактных преступлений террористической направленности.

В соответствии со ст. 205.2 УК РФ ответственность за призывы к осуществлению террористической деятельности наступает только в том случае, если они совершаются публично. Таким образом, публичность представляет собой обязательный признак объективной стороны исследуемого состава преступления. Однако толкование понятия «публичность» вызывает немало споров.

По мнению А. В. Галаховой, публичность представляет собой действия в отношении определенного или неопределенного круга лиц². Однако такое понимание публичности исключает

¹ Приговор Верховного суда Республики Дагестан от 17 мая 2013 г. по уголовному делу № 2-35/13 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 17.10.2019).

² Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование : науч.-практ. пособие / Ю. И. Антонов, В. Б. Боровиков, А. В. Галахова ; под ред. А. В. Галаховой. М., 2008. С. 36.

возможность установления четких ее критериев и разграничения с непубличным распространением информации. Неэффективной видится и позиция, согласно которой публичность выражается в большом числе адресатов, которых некоторые авторы называют неопределенным кругом лиц.

Признак публичности раскрывается в п. 18 и п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Согласно данному Постановлению Пленума публичным может быть обращение к другим лицам, выраженное в любой форме. При решении же вопроса о публичности призывов к осуществлению террористической деятельности суд должен учитывать место, способ, обстановку и другие обстоятельства дела (например, обращение к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т. п.).

Все вышеприведенные толкования публичности объединяет содержащееся в них понятие «неопределенный круг лиц». Употребление данного понятия свидетельствует о том, что индивидуальные характеристики субъекта (адресата) не важны для определения публичности деяния.

Рассмотрим, как решает вопрос публичности суд. Верховный суд Чеченской Республики признал А. виновным в совершении публичного призыва к осуществлению террористической деятельности. Однако осужденный не согласился с тем, что его деяния являлись публичными, обратился с апелляцией в Верховный Суд Российской Федерации, который оставил приговор без изменения, а жалобу без удовлетворения. Судебная коллегия привела ряд доказательств, подтверждающих публичность действий А.

А. в кругу родственников и малознакомых ему лиц неоднократно проводил беседы ваххабитского толка о необходимости ведения вооруженной борьбы с теми, кто не придерживается ваххабизма, призывал молодых людей убивать лиц, поддерживающих существующую власть.

А. показывал различные видеоролики с участниками НВФ, а также видеоролик по сборке самодельного взрывного устройства. Летом в мечети (в месте, свободном для доступа неопределенного круга лиц) он вел беседы с Д. о джихаде и необходимости ведения вооруженной борьбы. Все действия А. были подтверждены не только им самим, но и многочисленными свидетелями¹.

Таким образом, под понятием «публичные призывы» согласно позиции суда признается обращение лица в местах открытого доступа к неопределенному кругу лиц. При этом для виновного не имеют значения индивидуальные характеристики лиц, к которым он обращается.

Еще одной актуальной проблемой является определение момента окончания преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, а именно публичных призывов к террористической деятельности.

Согласно п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указанное преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению террористической деятельности или нет. Это находит свое отражение также в диспозиции статьи, которая не предусматривает наступление общественно опасных последствий для данного состава.

О. С. Хорошилова отмечает, что проблема заключается в том, что признание законодателем террористической деятельности наиболее общественно опасной предполагает привлечение лиц к уголовной ответственности за создание условий для выполнения самого деяния, что, на первый взгляд, может рассцениваться как усеченный состав².

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 марта 2014 г. по делу № 23-АПУ14-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Хорошилова О. С. Классификация составов преступлений по моменту окончания преступления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2/2 (62). С. 223—226.

Исходя из этого, можно говорить, что специфика анализируемого состава состоит в том, что общественная опасность публичных призывов к осуществлению террористической деятельности не совсем самостоятельна: она производна от повышенной общественной опасности террористической деятельности, к которой призывают.

Исследуя вопрос момента окончания публичного призыва, некоторые ученые утверждают, что автор информации и ее распространитель будут нести ответственность как соисполнители¹.

На наш взгляд, данная точка зрения является ошибочной. Если следовать позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», согласно которой состав данного преступления является формальным, действия автора информации следует расценивать как пособничество, так как момент окончания преступления определен выполнением объективной стороны преступления, а именно провозглашением (распространением) информации.

Таким образом, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности являются оконченным преступлением с момента совершения указанного в законе деяния.

Подводя итог, стоит отметить, что на сегодняшний день публичные призывы к осуществлению террористической деятельности представляют собой достаточно распространенное явление и несут серьезную угрозу для существования общества и государства. В целях сокращения указанных преступных деяний необходимо выявить новые направления предупредительной деятельности, обеспечить неотвратимость наказания для лиц, совершающих подобные преступления, а также лишить террористов возможности легализовать свои действия под каким-либо благовидным предлогом.

¹ Агапов П. В. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: анализ законодательной новации // Уголовное право. 2007. № 1. С. 4—6 ; Шибзухов З. А. Проблемы квалификации публичных призывов к осуществлению террористической деятельности или публичного оправдания терроризма, совершенных в соучастии // Общество и право. 2011. № 2. С. 184—187.

УДК 343.2/7

Ю. А. ВЬЮХИНА, К. С. ПАВКОВА

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СРОКОВ ДАВНОСТИ К ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Довольно распространенной является ситуация, когда в момент совершения лицом преступления действовал один закон, а на момент решения вопроса об уголовной ответственности лица действует уже другой. Или, например, виновный был осужден во время действия одного закона, а в период отбывания им наказания вступил в силу закон, иначе регулирующий ответственность за содеянное. Во всех подобных случаях возникает вопрос: какой закон применять, старый или новый? Это особенно остро проявляется при существенном реформировании законодательства. Так, Уголовный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 января 1997 г., во многом иначе решает вопросы уголовно-правовой ответственности, чем Уголовный кодекс РСФСР 1960 года, что породило немало проблем, связанных с действием уголовного закона во времени¹.

Несмотря на то что с момента принятия нового уголовного закона прошло более 20 лет, проблемы ретроактивности законодательства встречаются и сегодня. Так, Генеральная прокуратура Российской Федерации в 2018 году поддержала ранее выдвинутые обвинения в отношении лиц, причастных к совершению террористического акта в городе Буденновске.

В 1995 году террористы в г. Буденновске захватили более полутора тысяч человек, убили 129 и ранили 317. В результате переговоров большую часть заложников освободили, а боевикам позволили уйти в Чечню. Дело вызвало общественный резонанс. Следствию потребовалось много времени для того, чтобы все причастные к совершению данного акта были привлечены к ответственности.

Однако правозащитники заявляют о том, что сроки давности привлечения к ответственности за совершение террористического акта истекли, ведь на момент совершения преступления действовал УК РСФСР (в ред. Закона Российской Федерации от 29 апреля 1993 г. № 4901-1).

¹ Попов А. Н. Уголовный закон и его обратная сила. СПб., 1998. С. 10.

«В истории российского правосудия не было еще такого несправедливого приговора», — заявил адвокат Маздаева Ильяс Тимишев¹.

В связи с этим встает вопрос о действии уголовного закона во времени². Согласно ч. 1 ст. 9 УК РФ (ст. 6 УК РСФСР) преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом, действовавшим во время совершения этого деяния.

В соответствии с ч. 1 ст. 10 УК РФ «уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, совершившего преступление, имеет обратную силу, то есть распространяется на лиц, совершивших соответствующие деяния до вступления такого закона в силу. Уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет».

Однако Верховный Суд Российской Федерации в Апелляционном определении от 10 апреля 2018 г. № 205-АПУ18-5 постановил изменить приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 13 декабря 2017 г.: в соответствии с ч. 1 ст. 40 УК РСФСР по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 209 УК РФ (в ред. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), ч. 3 ст. 205 УК РФ (в ред. Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ), путем частичного сложения наказаний окончательно назначить наказание в виде лишения свободы Белялову — на срок 14 лет 9 месяцев в исправительной колонии общего режима, Маздаеву — на срок 12 лет 10 месяцев в исправительной колонии общего режима³.

Особо следует рассмотреть возможность привлечения к ответственности по ст. 205 УК РФ в связи с изменениями ее редакции.

Развитие уголовного права и его применение в последние годы свидетельствуют о том, что законодатель, суды и правоохранительные органы вынуждены самостоятельно, без доктринальной поддержки или без принятия ее в расчет предпринимать попытки по «приспособлению» уголовного закона к происходящим

¹ Высказывания адвокатов по делу террористов из Буденновска // Газета.ru : общественно-политическое интернет-издание. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2017/12/13/11431010.shtml> (дата обращения: 20.10.2020).

² Попов А. Н. Указ. соч. С. 23.

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в обществе изменениям, по решению сложных вопросов, связанных с его обратной силой¹.

Срок давности исчисляется со дня совершения преступления и до момента вступления приговора в законную силу. Следовательно, освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности возможно на любой стадии уголовного процесса до вступления приговора в законную силу. В уголовном процессе истечение сроков давности считается одним из обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу, что подчеркивает важность изучения данного вопроса.

Для решения вопроса о возможности освобождения Маздаева и Беялова от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности следует определить, подлежит применению ст. 48 УК РСФСР 1960 года (в ред. Закона Российской Федерации от 29 апреля 1993 г. № 4901-1) или ст. 78 УК РФ (в ред. Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ).

Отметим, что сегодня в соответствии со ст. 78 УК РФ сроки давности привлечения к ответственности не применяются к лицам, совершившим такие преступления, как теракт (ст. 205 УК РФ), содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ) и некоторые другие подобные преступления. Для всех остальных преступлений действует срок давности от 2 до 15 лет в зависимости от тяжести преступления (чч. 1, 4 ст. 78 УК РФ).

Далее следует обратить внимание на то, что согласно ч. 3 ст. 78 УК РФ (ч. 3 ст. 48 УК РСФСР) течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, уклоняется от следствия или суда. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента задержания указанного лица или его явки с повинной.

Под уклонением от следствия или суда понимаются умышленные действия, специально направленные на уклонение от уголовной ответственности. В качестве таковых практика рассматривает изменение фамилии, проживание в другом месте с сокрытием от властей, пластические операции с целью изменения внешнего вида и др. Уклонение может иметь место как в тех случаях, когда орган следствия или суд уже осуществили определенные процес-

¹ Ерасов А. М. Обратная сила уголовного закона и принципы уголовного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 3. С. 75—89.

суальные действия (избрана мера пресечения, предъявлено обвинение и др.), так и тогда, когда лицо скрывается в целях уклонения от уголовной ответственности, не будучи еще известным органам правопорядка и правосудия. Однако не признается уклонением сам факт переезда в другое место жительства или смена места работы без каких-либо иных действий, специально направленных на избежание уголовной ответственности.

Материалы дела свидетельствуют об умысле Белялова и Маздаева скрыться от ответственности за совершенные деяния и воспрепятствовать задержанию, избличению и привлечению их к ответственности за содеянное, а поэтому есть основания считать сроки давности привлечения к уголовной ответственности приостановленными в соответствии как с ч. 3 ст. 78 УК РФ, так и с ч. 3 ст. 48 УК РСФСР.

Исходя из положений ч. 4 ст. 48 УК РСФСР, действовавшей на момент совершения преступления, и действующей в настоящее время ч. 4 ст. 78 УК РФ, применение сроков давности к лицу, совершившему преступление, за которое предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертная казнь, решается судом. То есть является правом, а не обязанностью суда и по смыслу закона решается судом лишь по итогам рассмотрения уголовного дела по существу с учетом не только факта истечения срока давности уголовного преследования, но и всех обстоятельств дела, данных о личности обвиняемого, о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления, свидетельствующих в совокупности о том, что на момент принятия судом решения отсутствует общественная опасность деяния и лица, совершившего такое особо тяжкое преступление против жизни.

Из этого следует, что положения Общей и Особенной частей УК РСФСР в своем системном единстве до 1 января 1997 г. позволяли не применять последствия пропуска сроков давности к подсудимым за совершение названных преступлений (ст. 77 и ч. 3 ст. 213.3 УК РСФСР).

Однако УК РСФСР предусматривал наказание за аналогичные преступления, в частности за терроризм — ч. 3 ст. 213.3, в виде смертной казни, а УК РФ исключил смертную казнь из числа наказаний, которые могут быть назначены за терроризм — по ч. 3 ст. 205 УК РФ (в ред. Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ), что улучшило положение подсудимых.

Таким образом, ст. 78 УК РФ подлежит применению к лицам, совершившим деяние, квалифицируемое по ст. 205 УК РФ.

УДК 343.2/.7

О. В. ГАЛИНСКАЯ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Огонь — неконтролируемая, неукротимая стихия, которая зачастую приводит к самым тяжким последствиям. По данным Всемирной организации здравоохранения, в России один из самых высоких уровней смертности от пожаров. Потому так важно предупредить появление пожара, нежели впоследствии бороться с бушующей стихией.

Требования пожарной безопасности установлены в самых различных нормативных правовых актах, однако основополагающими в данной сфере являются Федеральные законы от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», от 6 мая 2011 г. № 100-ФЗ «О добровольной пожарной охране» и от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности». В целом систему нормативно-правовых актов в данной сфере можно охарактеризовать как запутанную, поскольку помимо вышеназванных нормативно-правовых актов принимаются ведомственные приказы, инструкции и иные документы по вопросам пожарной безопасности.

Ответственность за нарушение требований пожарной безопасности лицом, на котором лежала обязанность по их соблюдению, установлена ст. 219 УК РФ. Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения по обеспечению пожарной безопасности. В Федеральном законе от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности» определено, что под пожарной безопасностью понимается состояние защищенности личности, имущества, общества и государства от пожаров. Дополнительным объектом является здоровье или жизнь одного или нескольких лиц.

Решая вопрос разграничения данного состава со смежными составами, необходимо обращать внимание на объект преступления, поскольку посягательство на собственность и посягательство на экологическую безопасность будут квалифицироваться по ст.ст. 167, 168 или по ст. 261 УК РФ соответственно. Если нарушение требований пожарной безопасности повлекло помимо указанных в ст. 219 УК РФ последствий уничтожение или повреждение лесных насаждений, то содеянное образует иде-

альную совокупность преступлений, предусмотренных ст. 219 и ч. 1 ст. 261 УК РФ.

Если причина возникновения пожара заключается в нарушении специальных правил безопасности (на взрывоопасных объектах, при ведении горных, строительных или иных работ), то совершенное деяние охватывается специальными нормами — ст.ст. 215, 216, 217, 218 УК РФ, и квалификации по совокупности со ст. 219 УК РФ не требует.

Нарушение каких-либо правил безопасности возможно и путем бездействия в случае, когда требования по каким-либо причинам не выполняются. Также данное преступление может являться длящимся, сопряженным с длительным невыполнением возложенных на лицо обязанностей.

Характеризуя обязательные признаки состава преступления, стоит отметить, что в качестве обязательного признака объективной стороны нарушения требований пожарной безопасности названы общественно опасные последствия, т. е. данный состав является материальным. К таким последствиям законодатель отнес причинение тяжкого вреда здоровью либо смерть одного или нескольких потерпевших. При нарушении требований пожарной безопасности и отсутствии обязательных признаков объективной стороны ответственность наступает по ст. 20.4 КоАП РФ. Однако возникновение пожара, исходя из буквального толкования УК РФ, не является необходимым признаком нарушения правил пожарной безопасности, в отличие от административного проступка, ответственность за который наступает по ст. 20.4 КоАП РФ.

Причинение вреда здоровью может быть не связано непосредственно с контактным взаимодействием потерпевшего с огнем либо продуктами горения, а являться вторичной причиной получения травм и даже гибели лиц при попытке выбраться из окон в задымленных многоэтажных зданиях.

Необходимо отметить, что в диспозиции ст. 219 УК РФ не указано на наиболее часто встречающееся последствие пожара — вред имуществу. В научных кругах активно высказываются мнения о необходимости включения в объективную сторону предусмотренного данной статьей состава преступления таких последствий, как причинение крупного ущерба. Однако представляется, что в таком случае возникнут дополнительные вопросы при разграничении ст. 219 и ст. 168 УК РФ.

Говоря о субъекте данного преступления, стоит обратиться к ст. 38 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», где перечисляются лица, на которых возложена обязанность по соблюдению правил пожарной безопасности. Так, ответственность несут собственники имущества; руководители федеральных органов исполнительной власти; руководители органов местного самоуправления; лица, уполномоченные владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом, в том числе руководители организаций; лица, в установленном порядке назначенные ответственными за обеспечение пожарной безопасности; должностные лица в пределах их компетенции.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» конкретизируется перечень ответственных лиц, на которых возложена обязанность постоянно или временно исполнять правила пожарной безопасности.

К таковым, в данном Постановлении отнесены руководители предприятий и организаций всех форм собственности и уполномоченные ими лица, которые по занимаемой должности или по характеру выполняемых работ в силу действующих нормативно-правовых актов и инструкций непосредственно обязаны выполнять соответствующие правила либо обеспечивать их соблюдение на определенных участках работ; собственники имущества, в том числе жилища, наниматели, арендаторы.

Так, руководитель юридического лица приказом назначает ответственного за пожарную безопасность сотрудника, который согласно приказу МЧС Российской Федерации от 12 декабря 2007 г. № 645 «Об утверждении Норм пожарной безопасности “Обучение мерам пожарной безопасности работников организаций”» должен пройти обучение пожарно-техническому минимуму. Невыполнение данного требования может повлечь привлечение соответствующего лица к административной ответственности уполномоченным органом.

Например, газосварщик К., нанятый для проведения ремонтных работ в квартире, являясь ответственным за безопасное проведение данных работ, обязан был соблюдать требования пожарной безопасности и нести ответственность за их нарушение. По окончании проведения газосварочных работ К., будучи в со-

стоянии алкогольного опьянения, продолжил ремонтные работы в санузле квартиры без использования газосварочного оборудования, однако баллон с горючим газом, который в соответствии со ст. 1079 ГК РФ является источником повышенной опасности, не убрал в специально отведенное помещение (место), а оставил его храниться на полу в жилой комнате возле дивана. Собственник жилья почувствовал, что из баллона, оставленного К., происходит утечка газа, о чем сообщил последнему. К., будучи в состоянии алкогольного опьянения, в нарушение требований пожарной безопасности поднес к баллону зажженную зажигалку, в результате чего произошло возгорание газовоздушной смеси с последующим распространением огня на горючие материалы, находящиеся в квартире.

В связи с нахождением газосварочного оборудования в квартире в нарушение соответствующих правил и возгоранием его газовоздушной смеси был перекрыт путь эвакуации находящемуся в квартире собственнику, который ввиду отсутствия возможности эвакуироваться на лестничную площадку через очаг пожара был вынужден покинуть квартиру через окно. В результате падения с карниза окна собственник жилья получил телесные повреждения, которые вызвали причинение тяжкого вреда его здоровью¹.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, характеризуется неосторожностью. «Осознание нарушения правил пожарной безопасности не делает преступление умышленным, поскольку вина определяется отношением к наступившим последствиям»².

Подводя итог, стоит отметить, что особую сложность составляет расследование преступлений данной категории. Большинство пожаров возникают в условиях неочевидности, проявляясь как результат неосторожных действий или преступной халатности определенных лиц или даже сокрытия следов другого пре-

¹ Приговор Свердловского районного суда Красноярского края от 18 января 2019 г. по делу № 1-69/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 12.10.2019).

² Любавина М. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» от 5 июня 2002 года № 14 с изменениями, внесенными Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 года № 7. СПб., 2010.

ступления. Зачастую последствия нарушения требований пожарной безопасности вызывают общественный резонанс и расследование дел данной категории находится под пристальным вниманием СМИ и обеспокоенного произошедшим населения. Поэтому представляется необходимым сформировать единый подход к определению субъекта преступления, квалифицируемого по ст. 219 УК РФ, разграничению данного состава со смежными и не допускать двойного вменения за одно и то же деяние.

УДК 343.2/.7

Л. А. ГОЛОВИЗНИНА

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Общественную опасность нарушения требований пожарной безопасности сложно переоценить. Из года в год количество пожаров и их масштабы неумолимо увеличиваются, одновременно растет и число жертв пожаров. Невозможно не вспомнить страшные события, произошедшие в Кемерово в марте 2018 года, когда в результате неосторожного обращения с огнем, а также несоблюдения ряда правил пожарной безопасности погибли 60 человек, в том числе 41 ребенок¹.

Существует огромное количество различных требований пожарной безопасности. Их насчитывается более 150 тысяч и ими руководствуется свыше трех миллионов субъектов хозяйственной деятельности. При этом соответствующие документы зачастую дублируют друг друга. Пожалуй, одним из главных нормативно-правовых источников является Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности», который вводит единый подход к организации и обеспечению пожарной безопасности. Однако Технический регламент не содержит норм пожарной безопасности, например, в быту, на транспорте и т. д.

¹ Пожар в ТЦ «Зимняя вишня». Кемерово // Википедия: свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B6%D0%B0%D1%80_%D0%B2_%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BC_%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B5_%C2%AB%D0%97%D0%B8%D0%BC%D0%BD%D1%8F%D1%8F_%D0%B2%D0%B8%D1%88%D0%BD%D1%8F%C2%BB (дата обращения: 10.11.2019).

В УК РФ ответственность за данное преступление предусмотрена ст. 219 «Нарушение требований пожарной безопасности». В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» разъясняется, что следует понимать под правилами пожарной безопасности. Это комплекс положений, устанавливающих обязательные требования пожарной безопасности, под которыми понимаются специальные условия социального и (или) технического характера, установленные в целях обеспечения пожарной безопасности законодательством Российской Федерации. В прошлой редакции ст. 219 УК РФ применялась дефиниция «правила пожарной безопасности», впоследствии замененная на «требования». Видится, что понятие «требования» предполагает более широкое толкование.

Суды, привлекая к ответственности за нарушения правил пожарной безопасности, которые привели к смерти людей, должны установить, в чем именно выражалось ненадлежащее исполнение либо неисполнение данных правил, причинно-следственную связь между допущенными нарушениями и наступившими последствиями.

Однако, как показывает практика, число возбужденных дел по данной статье ничтожно мало, не говоря уже о единицах тех дел, которые все же доходят до суда. Одной из причин является техническая и правовая неподготовленность дознавателей государственного пожарного надзора федеральной противопожарной службы МЧС России к работе по данной категории дел.

Для сравнения рассмотрим зарубежный опыт решения аналогичных вопросов. Так, за рубежом по статистике пожаров происходит не меньше, чем в России. В США в среднем каждые пять дней из-за несоблюдения требований пожарной безопасности возникает пожар, сопровождающийся гибелью людей. Однако санкции за данное преступление предусмотрены гораздо более суровые, нежели в нашей стране, даже если обвиняемый и вовсе не причастен к возникновению пожара. Нередки случаи, когда виновных приговаривают к пожизненному заключению, что свидетельствует о явной суровости наказания.

По российскому уголовному законодательству ответственность за нарушение требований пожарной безопасности наступает лишь в том случае, если деяние повлекло последствия в виде

тяжкого вреда здоровью (ч. 1 ст. 219 УК РФ), смерти одного человека (ч. 2 ст. 219 УК РФ), смерти двух и более лиц (ч. 3 ст. 219 УК РФ). Однако если тяжкий вред здоровью был причинен лицу, обязанному соблюдать требования пожарной безопасности, состав преступления отсутствует. Уголовная ответственность не наступает, если вследствие нарушения требований пожарной безопасности был причинен вред имущественного характера. В таком случае ответственность предусмотрена Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, а именно чч. 6 и 6.1 ст. 20.4 КоАП РФ, где сказано, что нарушение требований пожарной безопасности, повлекшее возникновение пожара, уничтожение или повреждение чужого имущества, а также причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью человека влечет наложение административного штрафа не только на физических лиц, но и должностных и даже юридических. Если последствием пожара стала смерть человека, административная ответственность наступает лишь для юридических лиц, физические лица должны быть привлечены к ответственности уголовной.

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, выступает именно безопасность жизни и здоровья людей.

Субъектом преступления являются как граждане, которые обязаны соблюдать требования пожарной безопасности, так и руководители организации (ст. 37 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 69-ФЗ «О пожарной безопасности»).

Субъективная сторона выражена виной в форме неосторожности, т. е. лицо предвидело или могло предвидеть, что в результате нарушения требований пожарной безопасности наступят определенные последствия, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, либо лицо не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло их предвидеть.

Дискуссионным на сегодняшний день остается вопрос о факте воспламенения как признака рассматриваемого преступления. Так, В. В. Сверчков, ссылаясь на решение Верховного Суда Российской Федерации, указывает: «Привлечение к уголовной ответственности по ст. 219 УК РФ может быть не связано с возникновением пожара. Достаточно нарушения требований пожарной без-

опасности»¹. Иного мнения придерживается Я. В. Гармышев, который считает пожар обязательным элементом нарушения требований пожарной безопасности². Тем не менее очевидно то, что общественно опасные последствия должны наступать лишь от пожара, который может быть в совершенно различных формах: не только открытый огонь, но и задымление, тление, возгорание.

На практике нередко встречаются ситуации возгорания из-за нарушений технического характера на объектах, где федеральными законами не установлены требования пожарной безопасности, и пожарная безопасность считается обеспеченной, если пожарный риск не превышает соответствующих допустимых значений, установленных законом, это подтверждается и независимой оценкой пожарного риска. То есть формально имеется состав преступления, предусмотренного ст. 219 УК РФ, но на основании ст. 6 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» в отношении объекта защиты произведена независимая оценка пожарного риска и фактическое значение пожарного риска не превышает установленных законом значений.

В таком случае пожарная безопасность объекта защиты считается обеспеченной в полной мере. Складывается так, что пожар произошел на объекте защиты, пожарная безопасность которого обеспечена, из-за нарушения требований пожарной безопасности. Видится, что данное противоречие должно быть разрешено.

Пожарная безопасность считается обеспеченной, если: 1) в полной мере исполнены все требования пожарной безопасности, установленные нормативно-правовыми актами; 2) пожарный риск не превышает допустимых значений. Подтверждение соответствия объектов защиты требованиям пожарной безопасности может осуществляться как в добровольном, так и в обязательном порядке.

Таким образом, регламентация уголовной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности на сегодняшний день требует дальнейшего совершенствования и устранения пробелов в законодательстве в целях повышения эффективности применения правовых норм.

¹ Сверчков В. В. Уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. для бакалавров. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2013. С. 213.

² Гармышев Я. В. Проблемы квалификации объективных признаков нарушений правил пожарной безопасности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2011. № 3. С. 13—19.

УДК 343.2/7

М. А. ГОРДИН, М. А. НАУМЕНКО

**БОРЬБА С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ**

Конец XX — начало XXI века можно признать этапом повсеместной глобализации. Однако последствия этого процесса не всегда позитивные. «Объективность процесса отнюдь не значит, что он всегда является позитивным: коллективные бомбардировки Югославии, Ирака, Афганистана, террор в Америке — факты глобального масштаба, по-своему характеризующие современный процесс глобализации». Международный терроризм представляет собой явление трансграничной преступности. Террористическая деятельность характеризуется наличием международных и региональных руководящих органов. Это обстоятельство необходимо учитывать правоохранным и правоприменительным органам в целях эффективной борьбы с преступной деятельностью.

Для России противодействие терроризму является одним из главнейших направлений политики начиная с 1990-х годов. Правительство, военные и правоохранные органы ведут упорную и мужественную борьбу как с внутрироссийскими, так и с международными террористическими бандами и организациями.

Одной из важнейших составляющих обеспечения пагубной деятельности террористов является ее финансирование. Без постоянного получения денежных средств террористам невозможно было бы содержать членов преступных групп, закупать для них продовольствие, обмундирование, снабжать их оружием, взрывчаткой и т. д. Именно поэтому борьба с финансированием терроризма является наиболее эффективным способом борьбы с ним в самом начале преступного процесса.

Особую актуальность исследование вопроса борьбы с финансированием терроризма получило в связи с недавними изменениями, внесенными в УК РФ. Так, Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ в ст. 205.1 УК РФ была введена дополнительная ч. 1.1, предусматривающая ответственность за финансирование терроризма и устанавливающая более строгое наказание в виде лишения свободы от 8 до 15 лет с возможным штрафом или даже в виде пожизненного лишения свободы

(в то время как прежняя редакция ст. 205.1 предусматривала наказание за финансирование терроризма в виде лишения свободы от 5 до 10 лет с возможным штрафом). Из анализа вышеприведенных изменений, внесенных в УК РФ, видно, что законодатель принял решение ужесточить наказание за весь комплекс преступлений, предусмотренных ст. 205.1, в частности за финансирование терроризма. Следует отметить, что в юридическом сообществе данные изменения в законодательстве вызвали противоречивые мнения.

Прежде всего необходимо указать на мотивацию принятия изменений в ст. 205.1 УК РФ. В пояснительной записке к законопроекту № 230595-7, внесенному депутатом Государственной Думы А. Л. Шхагошевым, указывается, что «необходимость реализации законодательной инициативы обусловлена тем, что терроризм превратился в весьма прибыльный бизнес глобального масштаба с развитым “рынком труда” и приложения капиталов, со своими правилами и моралью, не совместимыми ни с какими общечеловеческими и демократическими ценностями»¹. Автор проекта закона подчеркивает, что на вербовку террористов преступниками тратятся огромные средства, причем в записке утверждается, что «за каждого привлеченного в ряды террористов вербовщик получает “комиссионные”. Их сумма колеблется в зависимости от “ценности” завербованного»².

Председатель Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишас заявил, что «одной из целей данных изменений является формирование негативного общественного отношения к любым действиям по подготовке терактов, которая является не менее опасным деянием, чем сам теракт»³.

Между тем данная точка зрения подвергается критике со стороны некоторых представителей юридического сообщества. Так, продолжающаяся последние годы тенденция к ужесточению

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в статью 205.1 УК РФ» // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230595-7> (дата обращения: 19.11.2019).

² Там же.

³ Совфед одобрил закон о пожизненном заключении за вербовку в террористы // TACC : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/4843463> (дата обращения: 19.11.2019).

санкций за совершение преступлений террористического характера, по мнению некоторых адвокатов, опрошенных Российским агентством правовой и судебной информации, весьма противоречива и сомнительна¹.

Адвокат М. Хадисов отметил, что «ужесточением наказаний... наше государство ничего не достигнет — у нас и так достаточно законов по борьбе с терроризмом. Ужесточение наказаний еще никогда не оправдывало себя, даже в Советском Союзе. Не поможет и сейчас, ведь террорист заранее знает, на что он идет и что его ждет»².

Адвоката М. Трепашкин утверждает, что «ужесточать ответственность — опасный путь, так как практика показывает, что у нас зачастую квалифицируются как террористические деяния, не имеющие отношения к терроризму или подрыву государственного строя»; тем самым ужесточение санкций, по его мнению, чревато злоупотреблениями и ошибками в процессе расследования и судебного разбирательства.

М. Трепашкин, говоря о большей пользе предотвращения преступлений, чем усиления суровости кары, видит эффективный путь борьбы с терроризмом не в ужесточении наказаний, а в разработке мер борьбы «на основе исследований социально-экономических, политических, криминальных причин, истоков терроризма»³.

Схожей точки зрения придерживается адвокат С. Бадамшин, который считает, что «борьба с терроризмом, которой, конечно, должно заниматься государство, складывается из двух вещей: борьбы и противодействия, и одно без другого не работает. Наши законодатели опять решили сосредоточиться на борьбе: ужесточении законов, ликвидации террористов — и забыли про противодействие: профилактику, диалог, в том числе с бандформированиями, оперативную работу и работу с населением», и призывает увеличивать доверие между правоохранительными органами и населением⁴.

Анализируя приведенные точки зрения, можно сделать вывод, что вопрос о том, какими должны быть тактика и стратегия борьбы с терроризмом, заслуживает крайне скрупулезной проработки.

¹ Голос Ислама.ru : информ.-аналит. портал. URL: [https:// golosislama.com/news.php?id=21526](https://golosislama.com/news.php?id=21526) (дата обращения: 19.11.2019).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

В условиях различия мнений представляется необходимым перед непосредственным изменением законодательства проводить широкую научную и профессиональную дискуссию, рассматривать перспективу действия нормы права многоаспектно.

В этом смысле преждевременное изменение нормативной базы, осуществленное без тщательного анализа перспектив действительности и полезности новых правил, будет носить волюнтаристский характер и непродуманность. Между тем уголовное законодательство должно быть наиболее тщательно выверено и проработано, ведь от качества его норм и конструкций в наибольшей степени зависит соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Терроризм следует рассматривать как в узком смысле — исходя из национального законодательства стран, так и в широком — как трансграничное преступление. Говоря о терроризме как о транснациональном преступлении, следует выделить основную цель преступников, а именно влияние на наднациональные отношения, посягательство на основы международного права. Относительно методов и стратегии борьбы с финансированием терроризма необходимо отметить, что в силу процессов глобализации само финансирование зачастую носит трансграничный характер.

На международном уровне разработаны многочисленные конвенции и соглашения по борьбе с терроризмом (Конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 года и другие), что говорит о том, что понимание «что есть террористическая угроза» на международном уровне есть.

В статье 1 Конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма содержатся определения понятия «финансовые средства»: «активы любого рода... независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой», а также понятия «поступления»: «любые средства, полученные или приобретенные, прямо или косвенно, посредством совершения преступления...». Конвенция различает два вида финансирования: прямое и косвенное.

Также большую роль играют двусторонние международные договоры. Рассматривая соглашения Российской Федерации, следует отметить, что, как правило, положения об обнаружении и пресечении финансовых потоков содержатся в соглаше-

ниях о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, например в Соглашении между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанном в г. Пекине 27 сентября 2010 г.¹.

Представляется, что если между государствами существуют региональные или двусторонние соглашения, эффективность взаимодействия в уголовно-процессуальной сфере значительно возрастает.

Возвращаясь к Конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма, следует отметить, что в Конвенции особое внимание уделяется принципу территориальности. Согласно этому принципу государство имеет юрисдикцию в отношении собственной деятельности в пределах своей территории. Так, в ст. 8 Конвенции указано, что «каждое государство-участник принимает в соответствии с принципами своего внутреннего права необходимые меры для того, чтобы определить, обнаружить, заблокировать или арестовать любые средства, используемые или выделенные в целях совершения преступлений, указанных в статье 2, а также поступления, полученные в результате таких преступлений, для целей возможной конфискации». Статья 2 Конвенции в свою очередь отсылает к иным конвенциям, целью которых является противодействие отдельным видам транснациональной террористической деятельности (например, морской терроризм, воздушный терроризм).

Согласно ч. 2 ст. 4 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» Российская Федерация преследует на своей территории лиц, обвиняемых в причастности к терроризму, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Одной из наиболее сложных проблем, возникающих в связи с пресечением финансирования терроризма, является признание той или иной организации террористической. Спорным остается вопрос о международном сотрудничестве при отсутствии такого признания.

В России ведется единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими². По состоянию на 5 июля 2019 г.

¹ О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом : Федеральный закон от 22 ноября 2016 г. № 390-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодатель-

В него входит 31 террористическая организация. Соответственно, сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства по тем организациям, которые в России террористическими не признаны, затруднено.

С террористической угрозой необходимо бороться не только в рамках национальной системы, но и путем взаимодействия правоохранительных и правоприменительных органов государств, путем взаимодействия государств и международных организаций. Совершенствование международных стандартов по пресечению финансирования терроризма должно быть своевременным.

УДК 343.2/7

А. А. ДЁМИН

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ

В новом тысячелетии массовые беспорядки стали рассматриваться не только как преступление, но и как инструмент достижения политических целей¹. Посредством массовых беспорядков население может осуществлять власть, которая, по сути, является альтернативой власти органов государственной власти.

С помощью массовых беспорядков были осуществлены революции в регионах бывшего СССР, Ближнего Востока и Северной Африки. Хрестоматийным примером по истечении пяти лет можно считать массовые беспорядки, именуемые «евромайдан», вследствие которых произошла смена не только государственной власти, но и общественного уклада целой страны.

После событий в г. Киеве санкция, предусмотренная ст. 212 УК РФ «Массовые беспорядки», была ужесточена. Ужесточение законодательства стало ответной реакцией на события, когда мирное собрание граждан переросло в государственный переворот, поддерживаемый иностранными государствами².

ством Российской Федерации террористическими (на 5 июля 2019 г.) // Федеральная служба безопасности : офиц. сайт. URL: <http://www.fsb.ru/fsb/npd/terror.htm> (дата обращения: 20.11.2019).

¹ Соловьев А. И. Политология : Политическая теория, политические технологии : учеб. для студентов вузов. М., 2006. URL: <http://yanko.lib.ru/books/politologiya/politology-solovyev-2006-a.htm> (дата обращения: 06.11.2019).

² Меркурьев В. В., Агапов П. В. Ответственность за массовые беспорядки: вопросы квалификации и доказывания // Законность. 2015. № 1. С. 54—56.

В июле—августе 2019 года в г. Москве проходили массовые выступления под девизом «За свободные выборы». Их итогом стало возбуждение Следственным комитетом Российской Федерации ряда уголовных дел по ст.ст. 212 и 318 УК РФ¹. Данный факт послужил основанием для обращения председателя СПЧ Михаила Федотова в Генеральную прокуратуру Российской Федерации с требованием проверки возбужденных уголовных дел по ст. 212 УК РФ.

Прекращение уголовного преследования в отношении лиц, привлеченных по ст. 212 УК РФ, ставит перед научным сообществом и правоприменителями вопрос об отграничении уголовно наказуемых массовых беспорядков от административных правонарушений.

Понятие массовых беспорядков не представлено ни в уголовном законодательстве, ни в научной литературе², и это является причиной разнообразного толкования данного понятия. Отсутствие единого понимания ведет к различному применению положений ст. 212 УК РФ.

В качестве унифицированного предлагается использовать понятие, предложенное А. М. Багметом: массовые беспорядки представляют собой противоправную деятельность большого количества людей³. Однако, по нашему мнению данная формулировка нуждается в уточнении. Объектом рассматриваемого преступления является общественная безопасность, которая представляет собой состояние защищенности как личности, так и общества от внешних и внутренних угроз. Корректным, на наш взгляд, будет определение массовых беспорядков как направленной на подрыв общественной безопасности противоправной деятельности большого количества людей в местах проведения публичных массовых мероприятий.

¹ ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/info/6944653> (дата обращения: 25.10.2019).

² Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / А. А. Арямов, Т. Б. Басова, Е. В. Благов [и др.] ; отв. ред. Ю. В. Грачева, А. И. Чучаев. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Уголовное право. Особенная часть : учебник / Московская гос. юрид. акад. ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2008. С. 408—411.

³ Багмет А. М. Массовые беспорядки как уголовно-правовое понятие // Власть и управление на Востоке России. 2012. №. 3. С. 124—126.

Массовые беспорядки включают совокупность таких деяний, как погром, поджог, уничтожение имущества и т. д. В доктрине уголовного права указывается, что в составе массовых беспорядков без дополнительной квалификации сосредоточены преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 111, ст.ст. 112, 115, 116, ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 132, ч. 1 ст. 318 УК РФ¹.

Квалифицированный состав массовых беспорядков образуют осуществляемые публично призывы, которые служат способами оказания психологического воздействия на волю и сознание неопределенного круга лиц².

Проблемы квалификации массовых беспорядков связаны с определением массовости.

Криминологи выделяют два вида «массовости»: скопление небольшого (до 100 человек³) и большого (свыше 100 человек, также толпа⁴) количества людей. При скоплении до 100 человек массовые беспорядки обычно возникают не по политическим мотивам, например массовые драки на бытовой почве⁵. При большом скоплении людей (свыше 100 человек) может быть прервано транспортное сообщение, сорвано проведение публичного массового мероприятия, установлен контроль на значительной территории⁶. Это свойственно при протесте по политическим мотивам.

Приведенная характеристика массовости позволяет определить ее как оценочное понятие. Поскольку данный признак является оценочным, представляются ошибочными точки зрения, согласно которым следует законодательно закрепить количество лиц, при наличии которого можно говорить о массовости. Так, М. К. Кумышева предлагает дополнить ст. 212 УК РФ примеча-

¹ Вдовиченко К. Г. Актуальные вопросы квалификации массовых беспорядков // Общество и право. 2014. № 4. С. 153.

² Балашов А. А. Уголовная ответственность за публичные призывы к совершению противоправных действий : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 14.

³ Багмет А. М. Типичные следственные ситуации и версии при расследовании массовых беспорядков // Российский следователь. 2013. № 10. С. 2—5.

⁴ Там же

⁵ Там же.

⁶ Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 48.

нием, указав в нем, что участие в беспорядках 50 человек образует массовость¹.

Предложенное изменение может привести к неправильной квалификации массовых беспорядков в малых населенных пунктах.

При квалификации массовых беспорядков органами предварительного расследования должна в первую очередь изучаться объективная сторона данного преступления, а массовость должна являться не более чем дополнительным элементом. Между тем Следственным комитетом Российской Федерации при возбуждении уголовных дел в г. Москве была допущена такая ошибка, что повлекло прекращение уголовного преследования. Для предотвращения таких ошибок необходимо изменение уголовного законодательства в части положения ч. 1 ст. 212 УК РФ. По нашему мнению, верным будет следующее дополнение: «Организация массовых беспорядков значительным количеством лиц, сопровождающаяся ... наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет».

Проблемы квалификации массовых беспорядков также возникают при возбуждении уголовных дел в отношении лиц, находящихся в толпе в момент массовых беспорядков.

В доктрине уголовного права можно встретить точку зрения, что в данном случае лицо можно привлечь к уголовной ответственности, руководствуясь положениями ч. 2 ст. 212 УК РФ. Данная точка зрения представляется ошибочной из-за своей антиконституционности.

При таком толковании закона к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, проходящие мимо либо наблюдающие за общественно опасным деянием.

Привлечение к административной ответственности будет также неверным. Необходимо прежде всего руководствоваться фактическими обстоятельствами (место, способ участия, обстановка). Если же лицами были совершены такие действия, образующие объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 212 УК РФ, как погром, поджог, уничтожение имущества и т. д., уголовное преследование со стороны органов предварительного расследования будет оправданным.

¹ Кумышева М. К. К вопросу о массовости в уголовно-правовой характеристике массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 80.

УДК 343.2/7

А. В. ДЬЯКОНОВА

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКЕ УСТОЙЧИВОСТИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 209 УК РФ

Среди преступлений против общественной безопасности особое место занимает бандитизм (ст. 209 УК РФ) как одно из опаснейших преступных деяний. Согласно данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за первое полугодие 2019 года число осужденных по ст. 209 УК РФ составило 38 человек¹. Несмотря на сравнительно небольшое количество приговоров в указанной сфере, данная проблема является актуальной в связи с высокой степенью общественной опасности таких преступлений.

В соответствии с ч. 1 ст. 209 УК РФ под бандой принято понимать устойчивую вооруженную группу, созданную в целях нападения на граждан или организации.

К основным теоретическим и, как следствие, практическим проблемам относится уголовно-правовая оценка конструктивных признаков банды. Из законодательного определения, предусмотренного диспозицией ч. 1 ст. 209 УК РФ, следует, что одним из таковых признается устойчивость. Данный признак является оценочной категорией, и в настоящее время в юридической литературе не выработано единого подхода к его трактовке.

Верховным Судом Российской Федерации была предпринята попытка разъяснить описываемый признак. Так, высший судебный орган в п. 4 постановления от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» указал, что под устойчивостью банды необходимо понимать «в частности, такие признаки, как стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность ее существования и количество совершенных преступлений».

Исследуемое свойство (устойчивость) должно быть мотивировано в приговоре суда надлежащим образом. Исходя из анализа судебной практики, можно сделать вывод о том, что правоприменитель все же испытывает затруднения при определении

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 16.11.2019).

признаков вооруженной устойчивой группы либо вовсе оставляет их без толкования, что порождает существенные разночтения, тем самым нарушается принцип равенства граждан перед законом, а это является недопустимым.

Подобной позиции придерживается С. Л. Крамарев, подчеркивая, что «в постановлении Пленума Верховного Суда от 17 января 1997 г. № 1 “О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм” понятие и признаки банды сформулированы в соответствии с теорией уголовного права и многолетней следственно-судебной практикой, что, однако, не только не разрешило всех вопросов, но и поставило ряд новых, которые нуждаются в обсуждении»¹.

В научной среде существует спор, продолжающийся с момента вступления УК РФ в силу, относительно разграничения бандитизма и смежных с ним составов преступлений, в том числе ввиду того, что признак «устойчивость» присущ не только понятию банды.

Так, законодатель закрепил данный критерий в ч. 3 ст. 35 УК РФ «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)» при определении организованной группы. Пленум Верховного Суда Российской Федерации полагает целесообразным считать банду разновидностью организованной группы.

Мнение Пленума Верховного Суда поддерживает и профессор Л. М. Прокументов, рассматривая банду как разновидность организованной группы².

Мы согласны с данной позицией, поскольку признак «устойчивость» присущ, как видно из уголовного закона, и банде, и организованной группе как форме соучастия. В соответствии с законодательной конструкцией и расположением норм можем сделать вывод об обоснованности вышеприведенного научного заключения.

Считаем необходимым подчеркнуть, что Верховный Суд Российской Федерации весьма неоднозначно толкует понятие

¹ Крамарев С. Л. К вопросу об определении признаков бандитизма по УК РФ // Вестник Брянского государственного университета. 2009. № 2. С. 119—123.

² Прокументов Л. М. Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 138—142.

«устойчивость». Например, можно ли квалифицировать деяние по ст. 209 УК РФ при доказанности одного из названных критериев, или каким временным периодом определяется длительность существования организованной вооруженной группы, в Постановлении не указано.

Кроме того, перечень признаков банды носит неисчерпывающий характер, на что указывает конструкция «в частности».

Таким образом, считаем обоснованным мнение А. А. Рязанова о том, что невозможно руководствоваться данными положениями применительно к конкретному случаю в силу их неоднозначности¹.

Для уяснения содержания критериев признака «устойчивость» целесообразно обратиться к его толкованию в теории уголовного права.

Точки зрения научных деятелей по данному вопросу довольно близки по смыслу, однако нет единообразия в части подходов к пониманию конструктивных составляющих термина «банда».

Так, А. В. Сальников указывает на комплекс двух критериев при квалификации вооруженной устойчивой группы: организация группы лиц для совершения не одного, а нескольких (большого количества) нападений, постоянной преступной деятельности и наличие постоянной преступной связи между членами, единство преступных целей².

В. Ю. Стельмах говорит о триединстве составляющих признака устойчивости: предварительная договоренность о нападениях, более или менее длительное время существования банды и ее организованность³.

Большинство авторов склонны признавать обязательным критерием устойчивой вооруженной группы неоднократное совершение преступлений или направленность на постоянную преступную деятельность. Верховный Суд Российской Федерации, однако, полагает возможным создание банды для совер-

¹ Рязанов А. А. Отражение признака устойчивости банды в судебной практике // XLVII Огарёвские чтения : материалы науч. конф., Саранск, 6—13 декабря 2018 г. / Нац. исслед. Морд. гос. ун-т им. Н. П. Огарёва. Саранск, 2018. С. 487—490.

² Сальников А. В. Уголовно-правовое регулирование ответственности за бандитизм: история, современность и перспективы : 12.00.08. Специальность «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 63.

³ Стельмах В. Ю. Понятие устойчивости банды // Следователь. 1997. № 5 (8). С. 29—30.

шения одного нападения с оговоркой о тщательном его планировании. Пояснение представляется неудачным, так как продолжительная подготовка к совершению уголовно наказуемого деяния в виде нападения на граждан или организацию не дает оснований полагать верно истолкованным намерение дальнейшего осуществления преступной деятельности согласно диспозиции ч. 1 ст. 209 УК РФ.

В данном контексте следует согласиться с позицией В. М. Хомича, указавшего на то, что в случае признания факта совершения одного преступления бандой «необходимо установить, что данное преступление является одним из эпизодов, этапов преступной деятельности этой группы, что данным преступлением ее преступная деятельность не ограничивалась или не должна была ограничиться»¹.

В связи с вышесказанным удачной представляется формулировка исследуемого признака, предложенная С. А. Жовниром, обуславливающим устойчивость объективными признаками, к которым относит: продолжительность действия группы, определяемую временем существования и количеством совершенных преступлений, стабильность состава².

По нашему мнению, в настоящее время нет единообразия мнения судей в приговорах относительно признака устойчивости банды.

Примером, полагаем, неверного понимания категории «устойчивость» может служить приговор Шатойского районного суда от 20 февраля 2017 г., согласно которому признак устойчивости характеризуется «наличием дружеских связей между ее участниками, близостью их мест проживания, этнической однородностью...»³.

Изложенные судом доводы в пользу признания группы устойчивой сводятся, представляется, к доказыванию критерия

¹ Хомич В. М. Системно-содержательные изменения института соучастия в Уголовном кодексе Беларуси и стандарты законности при квалификации // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / В. М. Хомич, В. Н. Годунов, А. В. Барков [и др.] ; редкол.: В. М. Хомич (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2006. С. 58.

² Жовнир С. А. Понятие и признаки банды // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2018. № 37. С. 118—130.

³ Приговор Шатойского районного суда Чеченской Республики от 20 февраля 2017 г. по делу № 1-19/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.11.2019).

«тесная взаимосвязь между членами группы» и не являются объективными, так как не позволяют исключить волюнтаристский подход к применению уголовно-правовой ответственности.

В этой связи считаем справедливым мнение С. А. Жовнира:

«Часто лидер организованной группы, с целью конспирации и обеспечения большей устойчивости объединения, устанавливает особый механизм взаимосвязи с другими участниками группы.

Взаимодействие строится таким образом, чтобы рядовой участник (как правило, непосредственный исполнитель преступления) не был знаком с организатором, не знал других участников группы, кроме тех, кто непосредственно передает ему указания о необходимости выполнения определенных действий». В данном контексте категории устойчивости являются взаимоисключающими.

Так, установлено, что лицом, обладающим организаторскими способностями, было принято решение о вовлечении в совершение готовящегося преступления и о включении в состав банды ранее незнакомых ему и другим участникам устойчивой вооруженной группы (банды) лиц, являющихся гражданами другого государства¹.

Другим примером неточного подхода к толкованию критерия «тесная взаимосвязь», на наш взгляд, является приговор Московского областного суда. Установлено, что «для поддержания внутренней дисциплины, а также в целях обеспечения мер строгой конспирации и недопущения утечки информации, касавшейся деятельности устойчивой вооруженной группы, организатор и руководитель банды, находящийся в настоящее время в международном розыске, принял решение исключить личные встречи с участниками банды — тремя исполнителями, которые не были лично знакомы с руководителем банды...»².

Таким образом, следует признать, что критерий «согласованность действий между членами группы», или «тесная взаимосвязь между членами группы», несостоятелен и способен ввести правоприменителя в заблуждение в связи с универсальным ха-

¹ Приговор Нижегородского областного суда г. Нижнего Новгорода от 25 июля 2018 г. по делу № 2-27/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.11.2019).

² Приговор Московского областного суда г. Нижнего Новгорода от 15 сентября 2011 г. по делу № 2-85/2011 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.11.2019).

рактером, поскольку не позволяет разграничить вооруженную устойчивую группу и иные преступные объединения.

Еще один критерий устойчивости, который, на наш взгляд, является факультативным, — «постоянство форм и методов осуществления преступной деятельности». Стоит отметить, что лишь в 10 % приговоров данный признак анализируется судом и, соответственно, подкрепляется фактами, которые удалось выяснить.

Из материалов дела, рассмотренного Архангельским областным судом, видно, что «нападения, совершенные Г. в составе банды, можно охарактеризовать постоянством форм и методов, а именно: выбор места преступления был обусловлен невозможностью потерпевшим свободно его покинуть; время совершения преступления должно было быть ночным; завладение имуществом происходило по одной схеме — окружение потерпевшего, предъявление в грубой форме требований передачи денежных средств и использование при этом оружия путем его демонстрации либо непосредственного применения в качестве угрозы применить насилие, опасное для жизни и здоровья»¹.

Считаем, что критерий «постоянство форм и методов осуществления преступной деятельности» несамостоятелен и должен рассматриваться как часть критерия «стабильность состава», поскольку стабильность состава предопределяет и стабильность методов, так как они являются одними и теми же для неизменного состава лиц.

Представляется нецелесообразным включение критериев «тесная взаимосвязь между участниками организованной группы», «постоянство форм и методов преступной деятельности», «согласованность действий» в число признаков устойчивости банды.

Таким образом, анализ научной литературы, законодательной базы и судебной практики показал, что в настоящее время существуют пробелы в правовом регулировании ответственности за бандитизм. Отсутствие четких критериев в уголовном законодательстве и цитируемом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации неизбежно приводит к «разношерстной» судебной практике, следовательно, недопустимо. Считаем

¹ Приговор Архангельского областного суда г. Архангельска от 19 февраля 2019 г. по делу № 2-24/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 16.11.2019).

необходимым провести ряд доктринальных исследований, обобщить различные точки зрения, выработать единое и полное толкование признаков бандитизма, детализировать их в УК РФ или внести изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» с целью единообразного и буквального применения соответствующих положений.

УДК 343.2/.7

А. В. ЕГОРОВА, Н. А. СИМОНЯН

ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА

Средства массовой информации, электронные и информационно-телекоммуникационные сети, в том числе сеть «Интернет», все чаще становятся площадкой совершения деяний, за которые законодатель предусматривает уголовную ответственность. К числу таких деяний относятся и преступления террористической направленности. Одним из них является деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 205.2 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»).

За январь — сентябрь 2019 года было зарегистрировано 1 382 преступления террористического характера. Из них 161 преступление совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и квалифицируется по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ. При этом наблюдается рост количества таких преступлений в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, а именно на 29, 2 %¹.

Несмотря на то что законодатель внес изменения в ч. 2 ст. 205.2 УК РФ в 2016 году, дополнив объективную сторону состава указанием на возможность совершения деяния с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», наибольшую актуальность в сфере правоприменения данная норма приобрела именно в 2018—2019 годах. Это связано с рядом резонансных

¹ Состояние преступности за январь—сентябрь 2019 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/18556721> (дата обращения: 28.10.2019).

дел, таких, в частности, как уголовное дело в отношении псковской журналистки Светланы Прокопьевой и ряда лиц, которые высказались по поводу самоподрыва школьника в Архангельске в октябре 2018 года.

Таким образом, возникает вопрос: как отграничить реализацию свободы слова в сети «Интернет» от уголовно наказуемого деяния? Причем наиболее актуальна данная проблема в сфере журналистики, которая перешла на формат онлайн порталов.

Следуя логике правоприменителя, журналисты, размещая комментарии, касающиеся терроризма на информационных площадках, автоматически становятся потенциальными подозреваемыми (обвиняемыми) по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ. Не является ли это ограничением свободы слова, которая предоставлена гражданам Российской Федерации в соответствии со ст. 29 Конституции Российской Федерации.

Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека отметил важность сохранения для журналистов, ученых, представителей правоохранительных органов возможности свободного обмена мнениями по поводу психологических аспектов, причин и условий террористической деятельности¹. Такая позиция опирается на многие международные акты, участницей которых является и Российская Федерация. Например, в Резолюции Конференции ЮНЕСКО «Терроризм и средства массовой информации» сказано: «В целях обеспечения права общества на информацию средства массовой информации имеют право и обязаны полно сообщать о терроризме и содействовать открытым, информированным общественным дебатам о терроризме». Кроме того, Совет Европы в Декларации Комитета министров о свободе выражения мнения и информации от 2 марта 2005 г. в контексте борьбы с терроризмом призывает «воздерживаться от принятия мер, которые приравнивали бы освещение проблемы терроризма в СМИ к поддержке терроризма»².

¹ Совет по правам человека обратился к прокурору Псковской области в защиту журналистки Светланы Прокопьевой // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека : сайт. URL: <http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/5876> (дата обращения: 19.10.2019).

² Декларация Комитета министров Совета Европы о свободе выражения мнения и информации от 2 марта 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «Кодекс».

Поднятая Советом Европы проблема особо остро проявляется в практике применения в России ч. 2 ст. 205.2 УК РФ касаясь оправдания терроризма. Несмотря на то что освещение на информационных площадках тем, связанных с террористической деятельностью, нельзя категорически расценивать как преступное деяние, правоприменитель, руководствуясь скорее политическими, нежели правовыми мотивами, игнорирует данное положение.

В связи с этим необходимо рассмотреть понятие «оправдание терроризма». В примечании 1 к ст. 205.2 УК РФ дано легальное определение термина: под публичным оправданием терроризма понимается публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.

В диспозиции ст. 205.2 УК РФ указывается на публичный характер оправдания терроризма. Однако публичность является оценочным понятием, поэтому сложно ее установить без выяснения фактических обстоятельств, места, способа и обстановки совершения деяния. Это подтверждает и Пленум Верховного Суда Российской Федерации¹.

Кроме того, для квалификации важно определить круг лиц, которым адресована информация, содержащая оправдание терроризма. Публичным не может признаваться обращение, адресованное только одному человеку. Следовательно, публичность имеет место при обращении к неопределенному кругу лиц.

Ни наличие разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», ни наличие примечания к ст. 205.2 УК РФ не исключают проблем в правоприменении. Так, статья «Репрессии для государства» псковской журналистки Светланы Прокопьевой о самоподрыве школьника в архангельском управлении ФСБ вызвала общественный резонанс. Неправильное толкование содержания указанной статьи позволило возбудить в отношении журналистки уголовное дело

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 : текст с изм. и доп. на 3 нояб. 2016 г. П. 19. Доступ из справ-правовой системы «Консультант-Плюс».

по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ — публичное оправдание терроризма с использованием средств массовой информации.

По мнению лингвистов и психологов, которые проводили экспертизы текста, Прокопьева говорит о несоблюдении «прав и свобод граждан» в России, сравнивает взорвавшего себя подростка с народовольцами XIX века и не дает должной негативной оценки его действиям. Именно результатами этих экспертиз Роскомнадзор и следствие обосновывают виновность Прокопьевой.

Однако Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека выступил в поддержку журналистки, которую по мнению данного органа необоснованно обвиняют в совершении преступления. Постоянная комиссия по свободе информации и правам журналистов считает, что в тексте журналистки нет признаков оправдания терроризма, которые указываются в примечании к ст. 205.2 УК РФ.

Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам указала на то, что «коммуникативная цель автора состоит в привлечении внимания читателя к практике подавления со стороны государства протестной активности граждан. Автор усматривает общественную опасность такого подавления в том, что оно способствует обращению молодежи к практике террористической деятельности, создает условия для такого обращения»¹.

Таким образом, для установления преступности деяния, фактически подпадающего под публичное оправдание терроризма, необходимо проведение тщательной лингвистической экспертизы высказывания, статьи или иной публикации в СМИ или электронной и информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети «Интернет». При этом нужно исходить из контекста высказывания, содержащего предполагаемые признаки оправдания терроризма.

Вместе с тем, исходя из доктринальных толкований, признаками оправдания терроризма следует считать: публичность; наличие положительной оценки насильственных действий, направленных на дестабилизацию деятельности органов власти и международных организаций, либо воздействия на принятие

¹ Совет по правам человека обратился к прокурору Псковской области ...

ими решений (идеология терроризма); утверждение полезности оцениваемой деятельности.

В связи с этим нами предлагается следующая редакция примечания к ст. 205.2 УК РФ (с учетом мнения Л. М. Голикова¹): «В настоящей статье под публичным оправданием терроризма понимается заявление, адресованное неопределенному кругу лиц, целью которого является убеждение адресатов в том, что идеология и практика терроризма соответствуют определенной норме поведения и (или) полезны, нуждаются в поддержке и подражании».

Необходимо учесть наличие постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», в котором не уделяется должного внимания признакам оправдания терроризма. По аналогии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» считаем необходимым ввести абз. 3 в п. 20 Постановления Пленума от 9 февраля 2012 г. № 1, разъясняющий следующее: «При решении вопроса о наличии или отсутствии в заявлении лица цели убеждения адресатов в том, что идеология и практика терроризма соответствуют определенной норме и (или) полезны, нуждаются в поддержке и подражании при размещении материалов в СМИ, сети "Интернет" или иной информационно-телекоммуникационной сети, суду следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, форму и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев данного лица или иного выражения отношения к ней, факт личного создания либо заимствования лицом соответствующих аудио-, видеофайлов, текста или изображения, содержание всей страницы данного лица, данные о его личности (в частности, приверженность идеологии терроризма, привлечение ранее к уголовной ответственности за преступления террористической направленности)».

¹ Голиков Л. М. Оправдание терроризма как речевое действие. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opravdanie-terrorizma-kak-rechevoe-deystvie> (дата обращения: 01.11.2019).

УДК 343.2/.7

Е. В. ЕРКАЛОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Термин «безопасность» неоднократно используется в российском законодательстве. Закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» определял безопасность как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз» (ст. 1). Действующий Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» данное понятие не раскрывает и употребляет термины «безопасность» и «национальная безопасность» как равнозначные (ст. 1).

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальная безопасность определена как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹.

Специалисты по уголовному праву постоянно дополняют науку, давая свое определение этой категории. В частности, Ф. Р. Сундуrow и М. В. Талан утверждают, что «общественную безопасность как объект уголовно-правовой охраны можно определить как совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные условия жизни личности, общества и государства. Она заключается в создании таких условий, при которых любой человек и все население чувствуют себя социально защищенными»².

Общественная опасность преступлений против общественной безопасности заключается в том, что их совершение сопряжено с причинением физического, материального, организационного либо иного вреда обществу. Этот вид преступлений

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. 2. Ст. 212.

² Уголовное право России. Особенная часть : учебник / С. А. Балеев, А. П. Кузнецов, Л. Л. Кругликов [и др.] ; под ред. Ф. Р. Сундуrow, М. В. Талан. М., 2012. С. 401.

нарушает общественное спокойствие населения и подрывает авторитет власти.

В Курсе уголовного права под редакцией Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова отмечается что общественная безопасность как социальное явление и как объект уголовно-правовой охраны носит сложный и многоаспектный характер. Безопасность представляет собой определенную совокупность общественных отношений, регулирующих безопасные условия жизни общества. Социальная функция общественной безопасности выражается в том, что, отражаясь в общественной психологии, она ассоциируется с определенным уровнем уверенности граждан в защищенности общества от общественно опасных посягательств. Чем больше реальных усилий прикладывает государство по обеспечению системы общественной безопасности, тем более уверенно чувствуют себя граждане в процессе вступления в различные социальные связи¹. Поэтому низкий уровень общественной безопасности приводит к появлению паники в обществе и как следствие — к нарушению нормальной жизнедеятельности общества, государства и отдельных граждан.

Таким образом, преступления против общественной безопасности образуют систему деяний, посягающих на различные сферы общественной безопасности и нарушающих различные общественные отношения, охраняемые уголовным правом.

Общественная безопасность, как правило, является видовым объектом всех составов преступлений, предусмотренных нормами главы 24 УК РФ «Преступления против общественной безопасности».

Групповым объектом преступлений, предусмотренных в главе 24 УК РФ, являются:

- 1) состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от разнообразных угроз общественно опасного характера;
- 2) состояние защищенности личности, общества и государства от угроз в связи с нарушением общественного порядка;
- 3) состояние защищенности личности, общества и государства от угроз в связи с нарушением порядка обращения с общественно опасными изделиями, материалами и веществами;

¹ Курс уголовного права. / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 4 : Особенная часть / В. И. Зубков, В. С. Комиссаров, Б. М. Леонтьев [и др.]. С. 171.

4) состояние защищенности личности, общества и государства от угроз в связи с нарушением специальных правил безопасности осуществления определенных видов работ или деятельности.

С объективной стороны большинство преступлений, ответственность за которые предусмотрена статьями главы 24 УК РФ, могут совершаться путем действия, например террористический акт (ст. 205 УК РФ). Некоторые преступления могут совершаться путем бездействия, например небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 224 УК РФ), нарушение правил пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ) и др.

Субъектами преступлений против общественной безопасности могут быть физические вменяемые лица, достигшие либо 16-летнего возраста (ст.ст. 209, 210, 211 УК РФ и др.), либо 14-летнего возраста (ст.ст. 205, 206, 207, 226 УК РФ и др.). А в ряде случаев предусмотрен специальный субъект, например в случае прекращения или ограничения подачи электроэнергии либо отключения от других источников жизнеобеспечения (ст. 215.1 УК РФ), нарушения правил безопасности на взрывоопасных объектах (ст. 217 УК РФ), нарушения правил пожарной безопасности (ст. 219 УК РФ) и др.

Субъективная сторона многих преступлений против общественной безопасности предполагает умысел (террористический акт, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, бандитизм и др.) Некоторые преступления могут совершаться как умышленно, так и по неосторожности (нарушение специальных правил безопасности (ст.ст. 215.2, 219 УК РФ и др.) или только по неосторожности (ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, небрежное хранение огнестрельного оружия).

Таким образом, преступлениями против общественной безопасности являются умышленные, а в некоторых случаях и неосторожные деяния, посягающие на состояние защищенности, безопасные условия жизнедеятельности личности, общества и государства от разнообразных угроз.

Составы преступлений против общественной безопасности по своей конструкции как формальными, так и материальными. К формальным составам относятся, например, содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ), публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ), заведомо ложное сооб-

щение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и др. К материальным составам относятся нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ч. 2 ст. 215 УК РФ), прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 215.1 УК РФ), нарушение правил пожарной безопасности (чч. 2 и 3 ст. 219 УК РФ) и др.

В заключение отметим, что под общественной безопасностью следует понимать безопасность всех общественных отношений даже тех, которые не признаются правоотношениями. Целью общественной безопасности является обеспечение состояния защищенности общества в целом.

УДК 343.2/.7

А. С. КАЙДАУЛОВА

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Под безопасностью понимается состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз¹. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, определены основополагающие цели государственной и общественной безопасности, к которым относятся защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина и т. п. Таким образом, можно сделать вывод, что в качестве основных объектов обеспечения безопасности выступают:

1) личность, а именно ее права и свободы; 2) общество, его духовные и материальные ценности; 3) государство, его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность.

Однако в современном обществе перечисленные объекты, к сожалению, нередко подвергаются угрозе. Угроза безопасности — это совокупность условий и факторов, создающих опас-

¹ Административное право России : учеб. и практикум для бакалавриата и специалитета / Российский гос. ун-т правосудия ; под ред. А. И. Стахова, П. И. Кононова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2019. 481 с. Юрайт : образовательная платформа : электрон. библиотеч. система : сайт. URL: <https://biblio-online.ru/bcode/433450> (дата обращения: 12.10.2019).

ность для жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Ответственность за преступные посягательства, направленные на подрыв общественной безопасности, закреплена в нормах раздела IX, главы 24 УК РФ. Данные посягательства условно можно разделить на 5 групп:

1) преступления против общественной безопасности — ст.ст. 205—211, 227 УК РФ;

2) преступления против общественного порядка — ст.ст. 212—214 УК РФ;

3) преступления, связанные с нарушением специальных правил безопасности, — ст.ст. 215—217.1, 219 УК РФ;

4) преступления, связанные с нарушением правил обращения с общепопасными или общественно значимыми предметами, — ст.ст. 218, 220—226.1 УК РФ.

Объективная сторона преступлений против общественной безопасности и общественного порядка чаще всего выражается в активных действиях, направленных на подрыв общественной безопасности и общественного порядка (ст.ст. 205, 211, 212 УК РФ), но также и в бездействии (ст.ст. 215, 219, 224 УК РФ).

В качестве субъекта данных видов преступлений выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет (ст.ст. 209, 210 УК РФ) или 14 лет (ст.ст. 205, 205.1, 222.1 УК РФ), в некоторых случаях субъект специальный (например, лицо, являющееся экспертом в области промышленной безопасности — ст. 217.2 УК РФ).

Субъективная сторона таких преступлений в основном выражается в форме прямого умысла, однако имеют место составы преступлений, субъективная сторона которых выражается в форме неосторожности в виде легкомыслия или небрежности (ст. 224 УК РФ «Небрежное хранение огнестрельного оружия»).

Каждый состав преступления предусматривает конкретную цель в зависимости от вида совершаемого преступления, последствия же совершения преступления выражаются в причинении ущерба общественным отношениям, в том числе общественной безопасности и правопорядку.

Криминологическая характеристика преступлений против общественной безопасности играет огромную роль в раскрытии их сущностных характеристик, она обеспечивает законодательную и правоприменительную практику информацией об уровне преступности, ее структуре, динамике, эффективности профи-

лактики преступлений, тем самым способствует определению уголовной политики в стране. Из криминологической характеристики преступлений против общественной безопасности следует, что данная категория преступлений имеет особую общественную опасность, в результате их совершения наносится необратимый ущерб общественной безопасности в целом, а также безопасности личности, общества и государства. Хотя общее число преступлений, посягающих на общественную безопасность (ежегодно около 210 тыс.), составляет незначительную часть всех регистрируемых преступлений в стране (от 7 до 7,5 %), наносимый ими моральный и материальный ущерб обществу чрезвычайно велик.

УДК 343.2/.7

С. О. КИРСАНОВА, Е. О. РЕПЬЕВА

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕДОНОСНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ КИБЕРТЕРРОРИЗМЕ

Согласно данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹, только за январь—сентябрь 2019 года правоохранительными органами Российской Федерации зарегистрировано 205 116 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. При этом 116 преступлений террористического характера и 210 преступлений экстремистского характера было совершено с использованием компьютерной техники, программных средств сети «Интернет» и средств мобильной связи. Все чаще компьютерные технологии и информационно-телекоммуникационные сети становятся орудием совершения преступлений террористическими и экстремистскими организациями.

Одним из решающих факторов противостояния данному виду преступности является эффективное законодательное регулирование отношений в информационно-телекоммуникационной сфере.

¹ Состояние преступности в России за январь—сентябрь 2019 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/b51/sbornik_9_2019.pdf (дата обращения: 25.10.2019).

На данный момент основными нормативными актами, регулирующими отношения по защите информационного пространства от преступных посягательств, являются Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №1 49-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года, утвержденные Президентом Российской Федерации 24 июля 2013 г. № Пр-1753, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, и Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г.

При этом лишь в Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации используется термин «кибертерроризм», но не раскрывается его понятие.

Термин «кибертерроризм» был введен в оборот правоохранительными органами США, а его содержание раскрывается в USA PATRIOT Act of 2001. Этим Законом Конгресс ввел новое законодательное понятие «кибертерроризм» и отнес к нему различные квалифицированные формы хакерства и нанесения ущерба защищенным компьютерным сетям граждан, юридических лиц и государственных ведомств, включая ущерб, причиненный компьютерной системе, используемой государственным учреждением при организации национальной обороны или обеспечении национальной безопасности¹.

В последующем формы и методы борьбы с кибертерроризмом были регламентированы законодательством других зарубежных стран. Например, в Великобритании Акт о компьютерных злоупотреблениях² и Акт о терроризме 2006 года³ вводят ответственность за использование компьютерных данных и ин-

¹ USA PATRIOT Act of 2001 // LawBrain : сайт. URL: http://lawbrain.com/wiki/USA_PATRIOT_Act_of_2001 (дата обращения: 25.10.2019).

² Computer Misuse Act Law of Great Britain. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/section/3> (дата обращения: 25.10.2019).

³ Terrorism Act 2006. URL: <http://tamilnation.co/terrorism/uk/060330ukTerrorismAct.htm> (дата обращения: 25.10.2019)/

формационно-телекоммуникационных сетей в террористических целях.

Вопросы содержания понятия «кибертерроризм» нашли отражение в трудах многих российских ученых, которые хотели восполнить пробелы в антитеррористическом и информационном законодательстве России.

Так, И. З. Юркин под кибертерроризмом понимает комплексную акцию, выражающуюся в преднамеренной, политически мотивированной атаке на информацию, обрабатываемую компьютером и компьютерными системами, создающей опасность для жизни или здоровья людей либо наступления других тяжких последствий, если такие действия были содеяны с целью нарушения общественной безопасности, запугивания населения, провокации военного конфликта¹.

Е. А. Капитонова дает следующее определение кибертерроризма: это «умышленное преступное посягательство на информационный ресурс либо использование этого ресурса, устрашающее население и создающее опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»².

Одним из основных приемов кибертерроризма является использование вредоносных компьютерных программ. Преступники с помощью такого рода программного обеспечения могут осуществлять различные действия, которые квалифицируются как террористические:

воздействие на программное обеспечение и информацию в целях их искажения или модификации в информационных системах и системах управления;

раскрытие и угроза опубликования закрытой информации о функционировании информационной инфраструктуры государства, вооруженных сил, кодах шифрования и др.;

¹ Юркин И. З. Кибертерроризм: вызов XXI века // Республика. 2007. 5 апр. С. 11—12.

² Капитонова Е. А. Особенности кибертерроризма как новой разновидности террористического акта // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kiberterrorizma-kak-novoy-raznovidnosti-terroristicheskogo-akta> (дата обращения: 29.10.2019).

уничтожение или активное подавление линий связи, неправильная адресация, искусственная перегрузка узлов коммутаций.

Говоря о степени общественной опасности использования вредоносных компьютерных программ в преступлениях террористической направленности, считаем необходимым привести мнение Е. Касперского, что необходимые технологии можно купить или украсть, а специалистов — захватить, запугать или заставить. И в этом смысле уследить за орудием потенциальных кибертеррористов куда сложнее, чем за ядерными материалами¹.

Программные атаки отличаются своей незаметностью для обычных пользователей, а значит, их в меньшей степени возможно контролировать правоохранительным органам, что дает большие привилегии преступникам. Массовым хакерским нападениям уже не раз подвергались не только компьютерные сети государственных органов разных стран, но и корпорации, занимающиеся производством оружия, атомных реакторов и иных объектов стратегического назначения.

Сложившаяся ситуация спровоцирована расширением российского сегмента сети «Интернет», существенным увеличением числа пользователей. При желании любой пользователь имеет возможность получить в сети «Интернет» готовую вредоносную программу или так называемый конструктор вирусов, чтобы самостоятельно создать новую. Подобные преступления носят многоэпизодный, а зачастую и трансграничный характер.

Кибертерроризм использует открытость Интернета для дискредитации правительств путем внесения фальсифицированных данных в легальные системы или постоянного вывода этих систем из рабочего состояния, что порождает страх или тревогу и является своего рода дополнением к традиционному виду терроризма².

Чаще всего терроризм в информационных сетях осуществляется путем организации так называемых компьютерных сетевых атак. Они комплексно воздействуют на информационные

¹ Касперский Е. Кибертерроризм — это реальность. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/science/2011/11/111102_kaspersky_cyberterror-ism_warning.shtml (дата обращения: 15.03.2013).

² Соловьев И. Н. Правовое обеспечение борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий // Административное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 64.

данные, что приводит к их модификации, повреждению или же замене на информацию от террористов. Для осуществления такого рода «кибервторжений» необходимо использование вредоносных программ, изменяющих логику программного обеспечения, контролирующего данные¹.

Наиболее востребованным видом вредоносных программ являются компьютерные вирусы, способные к самораспространению путем включения своего программного кода или его части в программный код файлов, системные области или иное рабочее пространство машинных носителей информации с сохранением всех первоначальных свойств или некоторой их части².

Помимо использования вирусов при осуществлении операций кибертеррора может применяться иное программное обеспечение:

различные виды вредоносного ПО, например X-Agent, X-Tunnel и другие программы для удаленного выполнения команд, передачи файлов, шпионажа за нажатыми клавишами, уничтожения следов своего пребывания в Сети, периодического вычищения журналов событий и изменения атрибутов времени, изменения файлов;

вредоносные вирусы, компьютерные «черви» и системы контроля за программным обеспечением объектов критической инфраструктуры (водоснабжение, транспортные системы, электросети, военные системы, экологические комплексы и т. д.);

DoS-атаки и DDoS-атаки (от англ. Distributed Denial of Service — «распределенный отказ в обслуживании»), которые наносятся террористами-хакерами для отключения корпоративных систем и сетей;

взлом и кража особо важных данных (Hacking and theft of critical data) государственных органов, учреждений и предприятий³.

Однако для уголовного права наиболее важными остаются вопросы квалификации кибертерроризма с использованием вре-

¹ Сухаренко А. Интернет на службе террористов // ЭЖ-Юрист. 2012. № 46. С. 9.

² Соловьев Л. Н. Вредоносные программы: расследование и предупреждение преступлений. М., 2004. С. 29.

³ Антонян Е. А., Аминов И. И. Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 170.

доносных компьютерных программ. Существует несколько взглядов на решение данной проблемы.

Кибертерроризм следует квалифицировать только по ст. 205 УК РФ как иные действия, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий.

Так, Д. Б. Фролов считает, что для квалификации данного вида преступлений достаточно использовать ныне действующую редакцию ст. 205 УК РФ, поскольку кибертерроризм можно включить в перечень «иных действий»¹, которые согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», должны быть сопоставимы по последствиям со взрывом или поджогом. Деяние может быть квалифицировано по ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации».

Ф. Клинецвич полагает, что законодательство России нуждается в использовании понятия «кибертерроризм», а также считает, что пришло время инициировать соответствующие изменения в российское законодательство, а именно в ст. 272 УК РФ «Неправомерный доступ к компьютерной информации»².

На наш взгляд, квалифицировать террористические посяательства с использованием вредоносных компьютерных программ было бы логичнее по совокупности ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 273 УК РФ.

Так как использование компьютерной программы хотя и является способом совершения данного деяния, однако не охватывается составом террористического преступления.

При этом преступник выполняет все действия, входящие в объективную сторону создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ.

На наш взгляд, в целях формирования единообразной практики в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении Пленума от 9 февраля

¹ Приводится по: Саломатина Е. С. Перспективы развития законодательства в сфере борьбы с кибертерроризмом // Закон и право. 2009. № 1. С. 47—48.

² Клинецвич не исключает внесения в российское законодательство понятия «кибертерроризм» // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/politika/4399166> (дата обращения: 12.09.2018).

2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» отдельным пунктом следует включить рекомендацию по квалификации террористического акта, совершенного с использованием вредоносных программ, по совокупности ст. 205 УК РФ и ч. 3 ст. 273 УК РФ «Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ».

Подводя итог, нужно сказать, что в связи с распространением информационных технологий, появлением новых интерпретаций уже существующих составов преступлений должно меняться и уголовное законодательство, чтобы исключать спорные вопросы квалификации таких комбинированных видов преступлений.

УДК 343.2/.7

С. М. КИРЮХИНА

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 205.4, 205.5 УК РФ

В настоящее время с учетом сложившихся геополитических реалий одной из масштабных угроз социально-экономической стабильности и национальной безопасности Российской Федерации является организованная преступность террористической направленности. До включения в УК РФ норм об ответственности за организацию террористического сообщества и участие в нем (ст. 205.4 УК РФ) и организацию деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ) все организованные формы террористической деятельности квалифицировались по ст. 208 УК РФ¹.

¹ Абдулатипов А. М. Уголовно-правовая характеристика организации террористического сообщества и участия в нем (на примере республики Дагестан) // Стратегии противодействия вызовам преступности в России на современном этапе : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 23 мая 2015 г. / Краснодар. ун-т МВД России. Краснодар, 2016. С. 195—211 ; Соловьев В. С. Проблемы квалификации отдельных форм организованной террористической деятельности // 20 лет Уголовному кодексу Российской Федерации: итоги, проблемы, перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Рязань, 5—6 октября 2016 г. / Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина ; отв. ред. Л. Ю. Ларина. Рязань, 2016. Ч. 1. С. 192—194.

В статьях 205.4 и 205.5 УК РФ законодатель различает понятия «сообщество» и «организация», что создает трудности на практике ввиду того, что в ч. 4 ст. 35, ст. 210 УК РФ данные понятия употребляются как синонимичные. Кроме того, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» сказано, что закон не устанавливает каких-либо правовых различий между понятиями «преступное сообщество» и «преступная организация».

С одной стороны, судя по законодательной формулировке названия ст. 205.4 УК РФ, террористическое сообщество необходимо отождествлять с преступным сообществом (преступной организацией), с другой стороны, террористическое сообщество не обладает основными признаками преступного сообщества (преступной организации), например, террористическое сообщество может совершать преступления и не для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, не обладает таким обязательным признаком, как организованность и структурированность, однако наличие структурных подразделений в террористическом сообществе предполагается, но не как обязательное, а только как возможное¹.

Так, организация «Синдикат» была признана судом террористической организацией, хотя структурных подразделений не имела². Нельзя сказать, что террористическое сообщество — разновидность организованной группы, хотя в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ указаны признаки, характеризующие группу лиц как организованную, а именно устойчивость и цель создания — совершение одного или нескольких преступлений³. Террористическое сообщество имеет более сложную внутреннюю структуру,

¹ Парог А. И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex russica, 2017. № 4. С. 155—177.

² Решение Московского городского суда от 28 июня 2013 г. по делу № 3-0067/2013 // Московский городской суд : офиц. сайт. URL: <http://www.mosgosud.ru/> (дата обращения: 18.10.2019).

³ Маршакова Н. Н. Противодействие организации преступного сообщества: проблемы уголовно-правовой регламентации // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. материалы III Рос. конгресса уголовного права, Москва, 29—30 мая 2008 г. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; под ред. В. С. Комиссарова. М., 2008. С. 262 ; Мельниченко А. Б. Уголовно-правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации : Ростов н/Д., 2009. С. 262—263.

чем организованная группа. К тому же, исходя из анализа уголовных дел, суды склонны рассматривать террористические сообщества в качестве разновидности преступного сообщества (преступной организации).

Не меньшие трудности возникают при определении формы соучастия и признаков террористической организации (ст. 205.5 УК РФ).

Ключевым отличием террористического сообщества от террористической организации является то, что для признания организованной группы террористической организацией требуется предварительное судебное решение о признании организации террористической либо обвинительного приговора суда в отношении лица за создание террористического сообщества, руководство таким сообществом или участие в нем¹. Что вызывает закономерный вопрос: как может (террористическое) сообщество быть преобразовано в (террористическую) организацию на основании решения суда? То есть, например, если лицо создало террористическое сообщество, в отношении данного лица был вынесен приговор по ст. 205.4 УК РФ, а остальные участники сообщества продолжали действовать в его составе, следовательно, они будут нести ответственность по ст. 205.5 УК РФ? Данные положения вызывают множество споров.

Таким образом, применительно к составам преступлений, предусмотренным ст.ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, можно сказать следующее: деяние необходимо квалифицировать по ст. 205.4 УК РФ при наличии таких признаков, как участие двух или более лиц, предварительный сговор на совершение преступлений, указанных в анализируемой норме, наличие организатора и (или) руководителя, устойчивость группы, особая цель — осуществление террористической деятельности либо подготовка или совершение одного либо нескольких преступлений, предусмотренных в ст. 205.4 УК РФ.

Квалификация по ст. 205.5 УК РФ возможна при наличии следующих условий: во-первых, должна быть создана организация, которая в установленном законом порядке признана террористической организацией, во-вторых, лицо, участвующее в дея-

¹ Теппеев А. А. Актуальные проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 205.4, 205.5, 208 УК РФ // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 190—192 ; Ульянова В. В. Террористическое сообщество и террористическая организация: проблемы квалификации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 100—105.

тельности такой организации, осознавало, что оно участвует в деятельности организации, официально признанной террористической. Однако не обязательно наличие опубликованного решения или вступившего в силу приговора суда по ст. 205.4 УК РФ. Осведомленность виновного о своей принадлежности к террористической организации может подтверждаться скрытностью и глубокой конспирацией деятельности членов конкретной организации, использованием ими специальных сигналов оповещения¹.

Возможна совокупность преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.4 и 205.5 УК РФ, ввиду того, что ни одна из норм не охватывает содеянное полностью, так как если квалифицировать по ст. 205.4 УК РФ, то «выпадает» факт причинения вреда интересам правосудия путем неисполнения судебного решения о признании организации террористической и о запрете ее деятельности, если же приоритет отдать ст. 205.5 УК РФ, то не соблюдаются положения ч. 5 ст. 35 УК РФ.

Например, Верховный Суд Российской Федерации оставил без изменения приговор, которым М. и Р. были осуждены по ч. 2 ст. 205.4 УК РФ, ч. 2 ст. 205.5 УК РФ. Из материалов дела следует, что Р. по предложению участника террористической организации «Исламское государство» вступил в данную организацию, а М. с начала июля 2015 года стал причислять себя к ее сторонникам и решил продолжать деятельность данной организации на территории России путем пропаганды терроризма и вовлечения иных лиц в деятельность организации. В августе 2016 года в Москве М., Р. и Б. объединились с А. в сообщество в целях осуществления террористической деятельности, участия в деятельности организации «Исламское государство». Таким образом, в их деяниях имеются признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 205.4 и 205.5 УК РФ². Такая квалификация подобных деяний получила поддержку и в уголовно-правовой науке³.

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2014 г. № 333-П13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 7 мая 2019 г. № 201-АПУ19-12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Хлебушкин А. Г. Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации (ст. 205.5 УК РФ): уголовно-

Анализ практики применения ст.ст. 205.4, 205.5 и 208 УК РФ в последние годы дает основания полагать, что правоприменительные органы продолжают квалифицировать действия организаторов и участников незаконных вооруженных формирований, носящие террористический характер, по ст. 208 УК РФ, что в условиях действующего законодательства является неверным¹. Например, из материалов дела следует, что Я. состоял в антиправительственном незаконном вооруженном формировании, которое структурно входило в террористическую организацию, участвовало во внутреннем вооруженном конфликте немеждународного характера против действующей армии Сирийской Арабской Республики, т. е. преследовало цели создания исламского государства. Я. являлся рядовым боевиком, у него на вооружении и в личном пользовании находилось огнестрельное оружие².

Стоит отметить, что решением Верховного Суда Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. по делу № АКПИ14-1424С международные организации «Исламское государство» и ряд других были признаны террористическими³. Судом Я. обвинялся по ч. 2 ст. 208 УК РФ, однако деяние Я. должно квалифицироваться по ч. 2 ст. 205.5 УК РФ⁴.

Таким образом, в случае выявления деятельности незаконного вооруженного формирования следует определить, является ли целью такого формирования осуществление террористической деятельности, если да, то необходимо квалифицировать по ст. 205.4 или ст. 205.5 УК РФ⁵. Однако возможна и совокупность: на основании постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступле-

правовая характеристика и квалификация // Уголовное право. 2014. № 2. С. 85—86.

¹ Смирнов И. О., Иванов Р. С. Особенности уголовно-правового противодействия террористическим организациям // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1 (43). С. 60—68.

² Решение Астраханского областного суда по делу 4У-1208/2017 [44У-5/2018 — (44У-103/2017)] // РосПравосудие : сайт. URL: <https://rospravosudie.com/courtastraxanskij-oblastnoj-sud-astraxanskaya-oblast-s/act-580017438> (дата обращения: 30.10.2019).

³ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Грачева Ю. В. Незаконное вооруженное формирование: состояние и перспективы уголовно-правового регулирования // Lex russica. 2018. № 7 (140). С. 82—91.

⁵ Соловьев В. С. Указ. соч.

ниях террористической направленности», если отдельные члены незаконных вооруженных формирований объединились в террористическое сообщество, руководят террористическим сообществом, а также участвуют в совершаемых ими нападениях или преступлениях террористической направленности, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.4 и 208 УК РФ.

В качестве примера можно привести приговор Северо-Кавказского окружного военного суда, согласно которому гражданин Р. признан виновным в совершении преступлений предусмотренных ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 205.5 и ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 208 УК РФ¹.

Особенностью рассматриваемых составов преступлений является повышенная сложность возбуждения уголовных дел по ним, поскольку необходимо точно определить, к какому виду незаконной группировки принадлежит лицо, в отношении которого возбуждается уголовное дело, установить конститутивные цели группировки, а также убедиться в том, что она включена в список организаций, признанных террористическими в соответствии с законодательством Российской Федерации, а в случае совершения конкретного противоправного деяния действия лица правомерно квалифицировать по совокупности преступлений.

УДК 343.2/7

Е. А. КЛЮКИНА

ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях нестабильности современного общества, характеризующейся ослаблением правопорядка, возникновением негативных социальных процессов, вопросы обеспечения общественной безопасности выдвигаются в число приоритетных для внимания органов государственной власти, ученых, а также работников, осуществляющих правоохранительную деятельность.

В Конституции Российской Федерации указано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Это означает, что на государственные

¹ Северо-Кавказский окружной военный суд : офиц. сайт. URL: ovs.skav.sudrf.ru /modules.php?did=1224&name=press_dep&op=1 (дата обращения: 30.10.2019).

и правоохранительные органы возлагается обязанность обеспечивать права и свободы человека и гражданина, сохранять общественную безопасность, противостоять преступности.

В части 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации говорится о том, что «задачами настоящего Кодекса являются охрана прав и свобод человека ... общественного порядка и общественной безопасности...». Из чего следует, что общественная безопасность находится также под защитой УК РФ. Особенность преступлений против общественной безопасности состоит в том, что они причиняют вред широкому кругу интересов. В результате совершения преступлений, предусмотренных нормами главы 24 УК РФ, причиняется или может быть причинен вред обществу в целом как социальному организму.

Общественная безопасность является разновидностью социальной безопасности. Она представляет собой систему общественных отношений, урегулированных правовыми нормами в целях обеспечения безопасности личности, общества и государства от угроз, исходящих от противоправных деяний. Общественная безопасность призвана обеспечивать благоприятные условия для труда и отдыха граждан, для нормальной деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

Существует достаточно много трактовок понятия «общественная безопасность».

П. И. Гришаев определил общественную безопасность следующим образом : «...это безопасные условия повседневной жизни и деятельности членов социалистического общества»¹.

В. А. Владимиров рассматривал общественную безопасность как «общественные отношения, основанные на определенной системе мер и условий, обеспечивающих бесперебойную, беспрепятственную и нормальную деятельность государственных или общественных учреждений, предприятий или организаций, а также спокойствие граждан»².

По мнению Г. Г. Сиденко, общественная безопасность есть «совокупность регулируемых юридическими и технико-юридическими нормами социальных общественных отношений,

¹ Гришаев П. И. Советское уголовное право. Преступления против общественной безопасности и порядка. Часть особенная. Вып. 10. М., 1959. С. 4.

² Владимиров В. А. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1970. С. 5.

имеющих своим основным назначением обеспечение жизни и здоровья людей в процессе их взаимодействия с источниками повышенной опасности»¹.

О. Н. Расщупкина раскрывает суть общественной безопасности как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле она понимает общественную безопасность как «состояние защищенности безопасных условий функционирования общества и общественного порядка, здоровья населения и общественной нравственности, экологической безопасности, безопасности движения и безопасности компьютерной информации»². В узком же смысле слова данный термин рассматривается как «совокупность общественных отношений, обеспечивающих безопасные условия жизни каждого члена общества, общественный порядок, безопасность личных, общественных или государственных интересов при производстве различного рода работ и в процессе обращения с общеопасными предметами»³.

Юридический энциклопедический словарь дает характеристику дефиниции общественной безопасности, определяя ее как «систему общественных отношений и юридических норм, регулирующих эти отношения в целях обеспечения общественного спокойствия, неприкосновенности жизни и здоровья населения, нормального труда и отдыха граждан, нормальной деятельности государственных и общественных организаций, учреждений и предприятий»⁴.

В приведенных определениях можно найти схожесть мнений о понятии общественной безопасности.

Но наиболее точно определена сущность общественной безопасности именно законодателем в Концепции общественной безопасности Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. В Концепции приведено достаточно обширное обозначение

¹ Сиденко Г. Г. О соотношении понятий общественного порядка и общественной безопасности // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1978. № 6. С. 52.

² Расщупкина О. Н. Уголовная ответственность участников организованной преступной группы, совершающих преступления против общественной безопасности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право»: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 47.

³ Там же.

⁴ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. А. Я. Сухарев. 2-е доп. изд. М., 1987. С. 260.

данного термина, объединяются все сферы жизнедеятельности общества.

Правовую основу обеспечения общественной безопасности составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О безопасности», иные федеральные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, а также нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, конституции (уставы), законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, уставы муниципальных образований и иные муниципальные правовые акты. Общественная безопасность находится под охраной государства и уполномоченных им органов, способствует усилению и укреплению внутреннего состояния защищенности государства и общества. Существующие нормативно-правовые акты оберегают права и свободы человека от преступных посягательств, тем самым обеспечивая общественную безопасность. Общественную безопасность как видовой объект преступления можно отнести к комплексным (сложным) объектам преступления. В рамках обеспечения общественной безопасности может осуществляться уголовно-правовая охрана общественных отношений, направленных на обеспечение жизни, здоровья, свободы, конституционных прав и свобод человека, безопасности государства, собственности, деятельности социальных институтов, экологической безопасности.

Сущность общественной безопасности составляют относительно устойчивые внутренние связи присущих ей элементов, под которыми понимаются правоотношения, характеризующиеся правовым, волевым и материальным содержанием. Основными идеями, социально-правовыми принципами, определяющими сущность общественной безопасности в нашем государстве, являются: законность, гуманизм, социальная справедливость, конкретность, эффективность, сочетание централизации

и децентрализации, опора на поддержку и доверие народа, сочетание гласности и профессиональной тайны.

В настоящее время состояние общественной безопасности в Российской Федерации характеризуется как нестабильное. Несмотря на принимаемые государством и обществом меры, направленные на борьбу с преступлениями, необходимый уровень обеспечения общественной безопасности не достигнут. В сложившихся обстоятельствах необходима реализация комплекса мероприятий в области противодействия преступлениям против общественной безопасности.

Изучив представленные понятия общественной безопасности, можно сделать вывод, что общественная безопасность означает защищенность от противоправных действий, неблагоприятно воздействующих на человека и окружающую среду, причиняющих вред материальным и духовным ценностям, правам и свободам человека, закрепленным в Конституции Российской Федерации.

УДК 343.2/7

Е. М. КОЛОМИЕЦ

НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 205.6 УК РФ

В 2016 году Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 205.6, которая закрепляет уголовную ответственность за несообщение о преступлении. Введение данной статьи обусловлено усилением уголовно-правового противодействия преступной деятельности террористической направленности.

Исходя из названия раздела, в котором расположена норма об ответственности за несообщение о преступлении (раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка»), можно констатировать, что видовым объектом данного состава преступления являются общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности, непосредственным объектом — общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности от преступных посягательств террористической направленности. Применительно к данному составу существует обязательный дополнительный объект — общественные отношения в сфере правосудия, так как

несообщение о преступлении затрудняет привлечение лиц, совершивших преступление террористической направленности, к уголовной ответственности.

В научной литературе называют предмет данного преступления — достоверные сведения о лицах, которые готовят, совершают или совершили любое из преступлений, указанных в ст. 205.6 УК РФ¹.

Объективная сторона несообщения о преступлении включает один признак — общественно опасное деяние, которое заключается в несообщении сведений о преступлении террористической направленности в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении. Воздерживаясь от сообщения сведений правоохранительным органам, виновный преступно бездействует (пассивное деяние).

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. В диспозиции ст. 205.6 УК РФ подчеркивается, что сведения, составляющие предмет преступления, достоверно известны виновному, а значит, он осознает общественную опасность своего бездействия. Поскольку состав данного преступления сконструирован как формальный, сам по себе факт умолчания об известных преступлениях свидетельствует о желании их утаить. Содержание диспозиции ст. 205.6 УК РФ исключает возможность совершения этого преступления с косвенным умыслом, по легкомыслию или небрежности.

Субъектом преступления является вменяемое физическое лицо, достигшее возраста 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Проанализированные признаки свидетельствуют о том, что юридическая природа несообщения о преступлении носит производный (несамостоятельный) характер, данное посягательство возможно лишь при условии совершения предварительного (предикатного) преступления. В статье 205.6 УК РФ предусмотрено «вспомогательное» преступление, обусловленное другим преступлением, совершенным иными лицами. Это значит, что несообщение о преступлении принадлежит к комплексному (сложному) институту множественности лиц в преступлении.

¹ Клименко Ю. А. Несообщение о преступлении (статья 205.6 УК РФ): юридическая природа, соотношение с укрывательством и соучастием в терроризме // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 9. С. 164.

Каково же точное место преступления, предусмотренного ст. 205.6 УК РФ, в системе института множественности лиц в преступлении?

Рассмотрим ст. 205.6. УК РФ как форму прикосновенности к преступлению, говоря о которой нельзя не вспомнить о том, что истоки отечественной науки уголовного права лежат в немецкой юридической доктрине. Существующие на сегодняшний день теоретические представления о прикосновенности также уходят корнями в немецкую юриспруденцию. В начале XX века известный криминалист Ф. Лист писал, характеризуя уголовное право Германии той поры, о прикосновенности к преступлению, что это «не есть форма участия нескольких лиц в преступлении... она лишена единственного признака, общего всем формам участия: установления условия для наступления последствия. Поэтому она есть самостоятельное преступление и как таковое относится к особенной части»¹.

Прикосновенность — это вид преступного поведения, посягающий на установленный порядок осуществления уголовного судопроизводства (правосудия по уголовным делам) путем сокрытия всевозможных следов и плодов преступления. Содействуя виновнику преступления в сокрытии результатов преступления, прикосновенное лицо предоставляет преступнику незаконную «защиту» от уголовного преследования со стороны государства.

Отличительными признаками прикосновенности являются: 1) отсутствие умысла на соучастие, лицо не желает ни физически, ни интеллектуально помогать совершению преступления; 2) отсутствие совместности, прикосновенность никак не облегчает совершение основного преступления; 3) отсутствие причинно-следственной связи между деянием прикосновенного лица и преступным результатом, достигнутым в результате совершения предикатного преступления; 4) оказание помощи виновнику основного преступления в уклонении от правосудия и (или) распоряжении плодами преступления.

Несообщение о преступлении, предусмотренное ст. 205.6 УК РФ, в полной мере подпадает под признаки прикосновенности к преступлению. Недоношитель не вступает в сговор с ви-

¹ Лист Ф. Учебник уголовного права. Общая часть. М., 1903. С. 239.

новниками основного преступления (отсутствует умысел), никоим образом не содействует совершению главного преступления (отсутствует совместность), не создает необходимых условий для преступного результата (отсутствует причинно-следственная связь). В то же время своим умолчанием об известном ему посягательстве недоноситель оказывает виновникам предикатного преступления существенную помощь в уклонении от правосудия. Следовательно, норму ст. 205.6 УК РФ необходимо признать разновидностью прикосновенности к преступлению.

В науке уголовного права все возможные случаи прикосновенности традиционно подразделяются на укрывательство, недонесение и попустительство¹. Очевидно, несообщение о преступлении (ст. 205.6 УК РФ) является одним из случаев недонесительства в рамках института прикосновенности к преступлению.

Ученые-криминалисты по-разному относятся к установлению уголовной ответственности за недонесительство. Некоторые специалисты поддерживают эту идею², однако встречаются и ее противники³.

На наш взгляд, следует поддержать криминализацию недонесения о террористических преступлениях; этот шаг законодателя лежит в русле общемировой уголовной политики. Сходная норма предусмотрена, например, в законодательстве Великобритании. Согласно ст. 388 Закона о терроризме 2000 года лицо совершает преступление, если не сообщает офицеру полиции информацию, которая, как знает или полагает лицо, является существенной для: а) предотвращения совершения акта терроризма иным лицом; б) обеспечения задержания, уголовного преследования и осуждения иного лица за преступление, состоящее в совершении, подготовке или подстрекательстве акта терроризма.

¹ Пионтковский А. А. Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2. Преступление. М., 1970. С. 486.

² Лапунин М. М. Прикосновенность к преступлению // Общая часть уголовного права : Состояние законодательства и научной мысли / П. В. Агапов, С. В. Анощенкова, А. Г. Блинов [и др.] ; под ред. Н. А. Лопашенко. СПб., 2009. С. 465.

³ Галактионов Е. А. Специальные вопросы соучастия // Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении / С. С. Аветисян, Е. А. Галактионов, Р. Р. Галиакбаров [и др.]. СПб., 2007. С. 547.

Также английскому праву известна уголовная ответственность за недоносительство о государственной измене и отмывании денег¹.

Итак, рассмотрим практический вопрос, возникающий по поводу недоносительства: каковы критерии разграничения положений ст. 205.6 УК РФ со смежной нормой об укрывательстве преступлений — ст. 316 УК РФ?

В статье 316 УК РФ установлена ответственность за «заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений». Основным непосредственным объектом укрывательства являются отношения в области осуществления правосудия, поскольку данная статья размещена в главе 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Признаки объекта сближают укрывательство с несообщением о преступлении, предусмотренным ст. 205.6 УК РФ, для которого правосудие выступает в качестве дополнительного непосредственного объекта. Оба преступления характеризуются как прикосновенность к преступлению, для которой характерны двухобъектные посягательства.

Следовательно, различие между этими преступлениями следует проводить не по объекту, а по объективной стороне. Объективная сторона посягательства, квалифицируемого по ст. 316 УК РФ, включает деяние в виде укрывательства особо тяжких преступлений.

С одной стороны, несообщение сходно с укрывательством, поскольку оба деяния затрудняют выявление преступления и изобличение виновных лиц. С другой стороны, между ними можно провести четкую разграничительную линию в виде формы совершения деяния (активная/пассивная). Укрывательство предполагает лишь активную форму деяния, действия, в то время как недонесение есть сугубо пассивное деяние — бездействие.

В судебной практике укрывательство преступлений четко отграничивается от недонесения о преступлении: «Согласно закону, под укрывательством понимаются активные действия по сокрытию преступника либо преступления. Сокрытие преступника состоит... в предоставлении ему жилища... сообщении о нем ложных сведений... Под сокрытием преступления понимается помещение в укрытие, уничтожение, изменение... орудий преступления... средств преступления... следов преступления...

¹ Blackstone's Criminal Practice 2012 / Gen. ed. the right honourable Lord Justice Hooper, professor David Ormerod. Mainvolume. Oxford, 2011. P. 837.

по смыслу закона, само по себе несообщение о совершенном преступлении не образует состава преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ»¹.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в судебном толковании несообщение о преступлении лежит за рамками такого деяния, как укрывательство. Несообщение и укрывательство являются самостоятельными понятиями, не пересекающимися и не конкурирующими друг с другом.

Таким образом, возможно вменение совокупности преступлений, предусмотренных нормами ст. ст. 205.6 и 316 УК РФ, в случаях, когда виновный не сообщил об известном ему террористическом преступлении в правоохранительные органы, а также укрыв дал данное преступление либо виновное в нем лицо.

УДК 343.2/.7

Д. С. КУЗНЕЦОВ

ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 210.1 УК РФ

В настоящее время в уголовном законодательстве нашего государства существует множество составов норм, которые охраняют общественные отношения в сфере общественного порядка и общественной безопасности. Но в связи с тем, что общество не стоит на месте и законодательство постоянно меняется, был введен новый состав преступления. В апреле 2019 года начала действовать норма уголовного закона об ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии — ст. 210.1 УК РФ. Данной нормой предусмотрена санкция — лишение свободы на срок от 8 до 15 лет со штрафом в размере до 5 млн р. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 5 лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от 1 года до 2 лет.

Необходимо рассмотреть более детально состав преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ. В первую очередь следует уяснить, что же является непосредственным объектом

¹ Надзорное определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 июня 2010 г. по делу № 67-Д10-8сп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

данного преступления. Поскольку определить объект достаточно трудно, возникает ряд следующих вопросов. Какой общественный вред причиняет такое преступление? Если лицо имеет статус «вор в законе», о котором стало известно из неофициальных источников, то почему оно должно нести уголовную ответственность лишь за такой признак? На наш взгляд, формулировка закона неудачна, так как противоречит таким основным принципам уголовного законодательства, как, например, принцип законности. Отсутствие указания в ст. 210.1 УК РФ на общественный вред говорит о том, что состав преступления является формальным.

Объективная сторона характеризуется занятием высшего положения в преступной иерархии, о чем свидетельствует диспозиция нормы, предусмотренной ст. 210.1 УК РФ. Данное положение можно толковать двояко.

В первом случае можно говорить о том, что лицо занимает высшее положение на протяжении некоторого времени. Отсюда следует, что анализируемое деяние обладает признаками длящегося преступления, выражается в форме действия, которое длится на протяжении определенного времени. Это действие было начато в момент присвоения лицу такого статуса и оканчивается, когда лицо этот статус утрачивает. Согласно логике законодателя после отбытия наказания за преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, лицо утратит такой статус.

А если этого не произойдет, возникает вопрос: должен ли «вор в законе» повторно нести уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии? Очевидно, что нет. Иначе это будет противоречить уголовному принципу справедливости (ч. 2 ст. 6 УК РФ) — никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление.

Во втором случае возможно рассматривать занятие высшего положения в преступной иерархии как однократное действие. То есть лицо *заняло* высшее положение, было «короновано» и в силу этого его необходимо привлечь к ответственности. Но как быть, если лицо было короновано раньше апреля 2019 года. Ведь привлечение его к ответственности по ст. 210.1 УК РФ вступает в противоречие с иными положениями уголовного законодательства, а именно: действие уголовного закона во времени (ст. 9 УК РФ) и обратная сила уголовного закона (ст. 10 УК РФ). Ведь уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, обратной силы не имеет.

Субъективная сторона данного состава преступления свидетельствует о наличии только прямого умысла, поскольку состав преступления сконструирован как формальный.

Субъектом преступления является лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, или так называемый вор в законе. На сегодняшний день сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с трудностями идентификации лиц в качестве субъектов рассматриваемого преступления. Это обусловлено, в первую очередь, отсутствием законодательно закрепленной терминологии. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» конкретные определения также не приводятся¹.

Статус «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» нигде не регламентирован и пока не имеет правового значения.

В настоящее время лицо может занимать такое положение в криминальном сообществе:

1) при условии наличия авторитета в преступном мире, отбывтия наказания в виде реального лишения свободы, наличия нескольких судимостей, следования неписаному воровскому закону и понятиям (например, самое главное понятие — ни в каком виде не сотрудничать с государством и его представителями в лице сотрудников правоохранительных органов). Это так называемый «вор в законе в чистом виде»;

2) если данный статус был куплен, причем лицо даже могло не отбывать наказание в местах лишения свободы. Суммы за такую принадлежность весьма разные — от несколько сотен тысяч до миллионов долларов. Отсюда возникает еще один вопрос: если лицо покупает такой статус и в дальнейшем не совершает никаких противоправных действий, то будет ли оно привлечено к уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии?

¹ Так, профессор В. И. Гладких отмечает, что «разъяснения того, кого же понимать под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, Пленумом дано не было. Остается только гадать: это самый главный преступный авторитет в России, или же лидер определенного преступного сообщества (преступной организации), или любой вор в законе» (Гладких В. И. Одолеет ли новый закон воров в законе? // Российский следователь. 2019. № 5. С. 55).

Необходимо отметить негласный принцип воровской среды, действующий среди лиц, имеющих такой статус. На вопрос: «Вы являетесь вором в законе?» — такой человек обязан ответить, что является. На наш взгляд, данный принцип необходимо использовать как правоохранительным органам, так и судьям при решении вопроса об уголовной ответственности.

Но как показывает практика, такого вида доказательства недостаточно для правосудия в силу ст. 77 УПК РФ. Верховный Суд Российской Федерации в п. 17 постановления Пленума от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» отметил: «Признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора».

Всего в 2018 году, по данным МВД России, было задержано четыре «вора в законе» и 52 члена воровского мира, что в четыре раза больше, чем год назад¹.

Полагаем, что рассматриваемый состав преступления может по содержанию своих объективных и субъективных признаков граничить с составом ст. 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)».

В России существует проблема оценки деятельности предпринимателей, которые занимают высшее положение в управлении бизнесом. В случае осуществления ими преступной деятельности во главе организации можно доказать структурированность такой деятельности. Следовательно, руководителя организации также можно считать занимающим высшее положение в преступной иерархии?

Также возникает вопрос: по каким признакам следует проводить разграничение ст. 210.1 и ч. 4 ст. 210 УК РФ? Напомним, ч. 4 ст. 210 гласит: «Деяния, предусмотренные частями первой или первой.1 настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии...». Какая же норма будет применяться в таком случае? Скорее всего, речь идет о совокупности преступлений.

На наш взгляд, законодатель, включая в УК РФ ст. 210.1, опирался на практику Грузии, где есть соответствующая статья.

¹ В России появился закон против воров в законе. В Грузии такой есть уже 15 лет, и он работает // News. Русская служба : сайт. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-47588135> (дата обращения: 21.10.2019).

Необходимо отметить, что опыт борьбы с организованной преступностью в Грузии получил одобрение Европейского суда по правам человека, что убеждает в целесообразности его использования в современной России. Закон, который был принят, дает разъяснение множества понятий: «воровское сообщество», «деятельность воровского сообщества», «член воровского сообщества», «вор в законе», «воровская разборка», «воровской сход», «рэкёт», «группировка, занимающаяся рэкётом», «рэкетир». Если законодатель опирается на практику Грузии, почему он не дал пояснения понятия «вор в законе»? Ответа на данный вопрос пока нет.

В заключение отметим, что решение ряда обозначенных нами проблем, возникающих в процессе привлечения лица к ответственности по ст. 210.1 УК РФ, определенно требует времени. Данные проблемы должны решаться, на наш взгляд, по следующим направлениям:

во-первых, считаем необходимым принять нормативный правовой акт, содержащий разъяснения различных понятий, для того чтобы органы исполнительной и судебной власти могли эффективно разрешать вопросы квалификации таких преступлений;

во-вторых, если государство не примет такой нормативный правовой акт, Пленум Верховного Суда Российской Федерации должен принять соответствующее постановление и разъяснить используемую в уголовном законе терминологию и особенности квалификации данного преступления;

в-третьих, с учетом первого опыта привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ необходимо проработать диспозицию данной нормы уголовного закона, устранив возникающие проблемы ее применения.

УДК 343.2/.7

А. С. КУПРЕЕНКОВА

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

В системе преступлений против общественной безопасности такое деяние, как заведомо ложное сообщение об акте терроризма, предусмотренное ст. 207 УК РФ, является одним из наиболее тяжких. Это связано с тем, что причиняется серьез-

ный материальный ущерб гражданам и государству, ведь после сообщения о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, сотрудники правоохранительных органов, противопожарной службы, скорой медицинской помощи незамедлительно приезжают, отвлекаясь от исполнения своих основных функций. Также из-за таких звонков нарушаются графики работы различных учреждений и предприятий, предприниматели несут убытки, а граждане находятся в состоянии стресса и паники. Правоохранительные органы всегда действуют исходя из существования реальной опасности, поэтому по всем поступившим подобного рода угрозам проводятся проверки, принимаются неотложные меры по поиску взрывных устройств и недопущению возможных негативных последствий. Таким образом, ложное сообщение об акте терроризма приводит к вынужденному отвлечению сил и средств для предотвращения мнимой угрозы в ущерб решению задач по обеспечению общественной безопасности.

В соответствии с изменениями, внесенными в УК РФ в 2017 году, обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 207 УК РФ, являются хулиганские побуждения.

Преступление квалифицируется как совершенное из хулиганских побуждений, если оно совершено на почве явного неуважения к обществу и общепринятым нормам морали, если действия преступника представляли собой открытый вызов общественному порядку и были обусловлены желанием противопоставить себя окружающим, например, совершение преступления без видимого повода или с использованием незначительного повода как предлога для совершения преступления.

Однако если проанализировать судебную практику, сложившуюся до 2017 года, то можно заметить, что некоторые лица звонили не из хулиганских побуждений, а, например, по мотиву мести. Так, Первомайским районным судом г. Ижевска Удмуртской Республики к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 207 УК РФ был привлечен Г., который в процессе распития спиртных напитков в компании знакомых поссорился с ними и был вынужден уйти из квартиры. Преследуя цель отомстить знакомым за произошедший конфликт, он со своего телефона осуще-

ствил заведомо ложное сообщение о том, что их квартира заминирована¹.

По уголовному делу № 1-74/2011, рассмотренному Аткарским городским судом Саратовской области, было установлено, что Н., поссорившись с Ф. и желая отомстить ей, позвонил с домашнего телефона по номеру дежурной части ОВД и сообщил, что на площади города будет совершен взрыв женщиной, имеющей при себе взрывное устройство, описав внешность и приметы своей знакомой. Н. был осужден по ч. 1 ст. 207 УК РФ².

В связи с изменениями, внесенными в Уголовный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ, такие действия на данный момент нельзя квалифицировать ни по одной части ст. 207 УК РФ. На наш взгляд, законодатель вносил изменения с целью именно усиления, а не исключения какой-либо ответственности за вышеуказанные общественно опасные деяния, в связи с чем необходимо уточнить формулировку ч. 1 ст. 207 УК РФ, убрав из нее словосочетание «совершенное из хулиганских побуждений». Таким образом, любое заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное при отсутствии признаков, указанных в чч. 2—4 данной статьи, будет подпадать под ч. 1 ст. 207 УК РФ.

К тому же стоит затронуть проблему, связанную с неопределенностью формулировки цели совершения данного преступления — дестабилизация деятельности органов власти. Ведь существует опасность того, что суды будут усматривать наличие цели дестабилизировать деятельность органов власти каждый раз, когда будет установлено, что преступник желал, чтобы правоохранительные органы были отвлечены от выполнения своих основных функций на проверку заведомо ложного сообщения о теракте. Таким образом, те деяния, которые до 31 декабря 2017 г. считались преступлениями небольшой тяжести и квалифицировались по ч. 1 ст. 207 УК РФ, в настоящее время квали-

¹ Приговор Первомайского районного суда города Ижевска Удмуртской Республики от 16 июня 2011 г. по уголовному делу № 1-280/2011 // РосПравосудие : сайт. URL: <https://rospravosudie.com/court-pervomajskij-rajonnyj-sud-gizhevskaya-udmurtorskaya-respublika-s/act-103503241> (дата обращения: 10.11.2019).

² Приговор Аткарского городского суда Саратовской области по уголовному делу № 1-74/2011 // РосПравосудие : сайт. URL: <https://rospravosudie.com/court-atkarskij-gorodskoj-sud-saratovskaya-oblast-s/act-101708209> (дата обращения: 10.11.2019).

фицируются как тяжкое преступление по ч. 3 данной статьи и наказываются штрафом в размере от 700 тыс. до 1 млн р., от 6 до 8 лет лишения свободы.

Дестабилизация — это нарушение привычного образа жизни, равномерности и постоянства каких-либо процессов, величин, свойств и т. п.; действие, направленное против порядка и устойчивого состояния (например, в обществе, стране)¹.

Мы считаем нужным разъяснить на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что понимать под целью дестабилизации деятельности органов власти.

По нашему мнению, у преступника возникает цель нарушить нормальную деятельность органов власти в случаях, когда:

с помощью сообщения о возможном теракте в здании органа власти преступник стремился приостановить деятельность данного органа на время, необходимое для проверки помещений;

преступник в течение суток неоднократно (два и более раза) сообщал о возможном теракте, тем самым стремясь парализовать нормальную деятельность конкретного правоохранительного органа, вынужденного задействовать значительную часть материальных и людских ресурсов для проверки всех сообщений о терактах, и т. п.

Единичные ложные сообщения об акте терроризма, влекущие обычную работу соответствующих подразделений правоохранительных органов по проверке сообщения, выявлению взрывных устройств и т. д., должны квалифицироваться не по ч. 3, а по ч. 1 ст. 207 УК РФ как «заведомо ложное сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий».

Затрагивая проблемы правового регулирования уголовной ответственности за данное преступление, стоит отметить сложность ее применения на практике. В МВД России сообщили, что большинство звонков с ложными сообщениями об актах терроризма идет из районов Сирии, подконтрольных ислами-

¹ Словарь иностранных слов русского языка. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/9763/ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ (дата обращения: 10.11.2019).

стам, а также из Турции, Украины, США, Канады, Казахстана и Узбекистана¹.

Безусловно, такой вид преступлений направлен на создание паники и дестабилизацию обстановки в государстве.

Конечно, наши спецслужбы сейчас работают достаточно эффективно, но в первую очередь они сосредоточены на работе по борьбе с реальным терроризмом. Эффективных механизмов и методов борьбы с телефонным терроризмом на данный момент очень мало, а задержать преступника на территории другой страны практически невозможно. В связи с чем в настоящее время по поручению Совета Безопасности России для борьбы с телефонным терроризмом разрабатывается законопроект, благодаря которому ФСБ сможет получить право на 180 дней блокировать связь с определенными странами, если с их территории будут поступать звонки с ложными сообщениями о террористических актах, что, по нашему мнению, правильно.

Таким образом, отдельные положения ст. 207 УК РФ в редакции Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ нуждаются в дальнейшем совершенствовании, ведь телефонный терроризм — актуальная проблема не только для России, но и для всего мира.

УДК 343.2/.7

А. А. ЛЕЧИДОВА, А. А. САВКИН

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

Преступления против общественной безопасности обладают огромной общественной опасностью, а также имеют тенденцию к распространению. В соответствии с данными, размещенными на портале правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, к сентябрю 2019 года было зарегистрировано 1 382 преступления террористической направленности². Ко-

¹ Телефонный терроризм в России: статистика // Anews : сайт. URL: <https://www.anews.com/p/101503055-telefonnyj-terrorizm-v-rossii-statistika> (дата обращения: 10.11.2019).

² Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 10.11.2019).

личество таких преступлений выросло в России за девять месяцев на 3,1 %¹.

Одним из преступлений против общественной безопасности, предусмотренных статьями главы 24 УК РФ, является заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ)².

Норма об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма впервые появилась в отечественном уголовном законе в 1994 году, в Уголовном кодексе РСФСР. С тех пор она подверглась существенным изменениям. В качестве заведомо ложного сообщения об акте терроризма уголовным законом признается сообщение о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий. В 2017 году ст. 207 УК РФ была дополнена положением — «совершенное из хулиганских побуждений», т. е. без какого-либо повода или с использованием незначительного повода.

Субъективная сторона данного состава характеризуется прямым умыслом. Прямой умысел означает, что лицо в момент совершения деяния осознавало общественную опасность заведомо ложного сообщения о готовящихся взрыве, поджоге или иных действиях, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, и желало осуществить именно это действие³.

Также лицо должно осознавать, что оно сообщает заведомо ложные сведения, т. е. те сведения, которые не соответствуют действительности, о чем лицо достоверно знает. Состав преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, можно сравнить с составом, предусмотренным ч. 1 ст. 205 УК РФ (совершение террористического акта). В первом случае сообщающий о террористическом акте не имеет реального намерения его осуществить, он осознает, что его заявление не соответствует дей-

¹ РИА Новости. URL: https://ria.ru/20191029/1560360536.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews (дата обращения: 10.11.2019).

² Балябин В. Н. О некоторых вопросах квалификации преступления, предусмотренного статьей 207 УК РФ // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 22—26.

³ Кудрявцев В. Л. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: состав и отличие от иных смежных составов преступления // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2014. № 1 (13). С. 168—173.

ствительности, поэтому сообщение признается заведомо ложным. Во втором же случае лицо совершает либо угрожает совершить действия, предусмотренные ст. 205 УК РФ, при этом его намерения реальны.

Если деяние было совершено в силу добросовестного заблуждения, то оно не может быть квалифицировано по ст. 207 УК РФ. Например, лицо увидело оставленный в транспорте предмет, воспринятый им по внешнему виду как взрывное устройство, и сделало об этом сообщение в органы правопорядка, а после проведенной проверки выяснилось, что обнаруженный предмет таким устройством не является.

Заведомо ложное сообщение об акте терроризма может быть совершено по разным причинам, например, кто-то не успевал в аэропорт и решил, что таким образом сможет задержать рейс, или кто-то не хотел в этот день учиться или сдавать экзамен и было необходимо дезорганизовать работу учебного заведения, т. е. лицо действовало из хулиганских побуждений.

Так, П., находясь по месту своего жительства, из хулиганских побуждений решил направить текстовое сообщение ранее ему известному сотруднику полиции МО МВД России по ЗАТО г. Радужный командиру патрульно-постовой службы сержанту полиции И. и сообщить заведомо ложные сведения о готовящемся взрыве в здании МО МВД России.

С этой целью, реализуя свой преступный умысел, из хулиганских побуждений, без какого-либо повода П., продолжая находиться в квартире, понимая, что таким сообщением будет поставлена под угрозу общественная безопасность, а также произойдет нарушение режима работы органов, призванных осуществлять охрану правопорядка, и специальных служб, тем самым осознавая противоправность совершаемых им действий, не имея цели дестабилизации деятельности органов власти, зная о несоответствии действительности передаваемых им сведений, действуя умышленно, воспользовавшись принадлежащим ему мобильным телефоном, в «контактах» которого имелся абонентский номер, принадлежащий командиру патрульно-постовой службы МО МВД России по ЗАТО г. Радужный сержанту полиции И., составил текстовое сообщение: «Охрану приумножьте, скоро будет взрыв в вашем здании», и, осознавая, что передаваемая им информация не соответствует действительности, достоверно зная об отсутствии заложенных взрывных устройств в здании МО МВД России по ЗАТО г. Радужный, умышленно направил

вил сообщение на абонентский номер, принадлежащий сержанту полиции И., т. е. сообщил не соответствующую действительности информацию о готовящемся взрыве в здании МО МВД России по ЗАТО г. Радужный, создающем опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба¹.

Заведомо ложное сообщение должно содержать сведения о характере или способе готовящегося акта терроризма, при этом не имеет значения способ сообщения такой информации². Если до адресата (правоохранительного органа) сведения по какой-либо причине не дошли, то деяние может быть признано как покушение на заведомо ложное сообщение об акте терроризма.

Необходимо ограничивать понятие «заведомо ложные сведения» от понятия «недостоверные сведения», также существует понятие «не соответствующие действительности сведения». Понятия «заведомо ложные сведения» и «недостоверные сведения» нельзя считать тождественными. Заведомо ложные — это сведения, которые изначально не соответствовали реальности, при этом самому лицу, предоставляющему их, это известно. Недостоверные — те сведения, которые отчасти могут соответствовать действительности, также это могут быть умалчивание о тех или иных фактах или сведения, соответствовавшие ранее действительности, однако вследствие тех или иных обстоятельств утратившие свою достоверность.

Сущность данных понятий кратко раскрывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». В соответствии с п. 2 Постановления заведомо ложные — сведения, не соответствующие действительности.

¹ Приговор Собинского городского суда Владимирской области от 26 апреля 2019 г. по делу № 1-1-104/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/opd8XH36RT5O/?regular-txt=&regular-case-doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+207.+Заведомо+ложное+сообщение+об+акте+терроризма%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1573653024086 (дата обращения: 10.11.2019).

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный) / Е. В. Белов, С. В. Борисов, Н. И. Ветров [и др.] ; под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 585.

Толкование понятия «не соответствующие действительности сведения» приводятся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»: не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения.

Не могут рассматриваться как не соответствующие действительности сведения, содержащиеся в судебных решениях и приговорах, постановлениях органов предварительного следствия и других процессуальных или иных официальных документах, для обжалования и оспаривания которых предусмотрен иной установленный законами судебный порядок.

Таким образом, субъективная сторона исследуемого преступления характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Интеллектуальный момент умысла при заведомо ложном сообщении об акте терроризма характеризуется осознанием субъектом общественно опасного характера своих действий, т. е. заведомой ложности сообщаемых сведений о готовящихся взрыве, поджоге или иных подобных действиях. Желание совершить такие действия (сообщить ложные сведения) образует волевой момент умысла.

Заведомая ложность сообщаемых сведений является обязательным признаком преступления. Признак заведомой ложности можно назвать объективно-субъективным, потому что сообщение не только не соответствует действительности, но виновный это осознает, заведомо знает об этом как до, так и во время совершения преступления.

УДК 343.2/7

Н. А. МАСТЕРОВ, Д. Н. ШКАРАБЕЛЬНИКОВ

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕБРЕЖНОГО ХРАНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ

Статья 224 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия. Общественная опасность данного деяния состоит в том, что вследствие небрежного отношения к хранению огнестрельного оружия создаются

условия для причинения вреда общественным отношениям, а также в том, что в результате завладения огнестрельным оружием лицами, не умеющими им пользоваться либо не обладающими специальными правами, могут наступить разного рода тяжкие последствия. Таким образом, данная норма содержит в себе двойную превенцию, которая является специфической чертой приведенного состава.

Правила хранения оружия, которое принадлежит гражданам на законном основании, установлены Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» и постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации». Оружие должно храниться в местах проживания их владельцев с соблюдением условий, обеспечивающих его сохранность, безопасность и исключающих доступ к нему посторонних лиц, в запирающихся на замок сейфах или металлических шкафах, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых жостью. Нарушение правил хранения оружия может выражаться, например, в оставлении оружия без присмотра в местах, доступных посторонним лицам.

В теории и следственно-судебной практике возникает ряд проблем при квалификации данного деяния, связанных с точным определением его предмета, субъективной стороны, объективной стороны. Нередко поднимаются вопросы о целесообразности криминализации и декриминализации небрежного хранения огнестрельного оружия.

Предмет преступления — специальный. Им в данном составе может выступать только пригодное к использованию огнестрельное оружие. В соответствии с Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» под огнестрельным оружием понимается оружие, предназначенное для механического поражения цели метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда.

Формулировка диспозиции ст. 224 УК РФ не отражает опасность небрежного хранения иных видов оружия и боеприпасов, поэтому в науке уголовного права существует мнение, что в диспозицию необходимо включить указание на боеприпасы к огне-

стрельному оружию, газовое, холодное оружие в качестве возможных предметов преступления¹.

С объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 224 УК РФ, характеризуется как небрежное хранение огнестрельного оружия, однако Федеральный закон «Об оружии» указывает на правила ношения, перевозки, транспортирования, коллекционирования и экспонирования оружия, нарушение которых также может повлечь предусмотренные ст. 224 УК РФ последствия.

Так, данные альтернативные деяния предусмотрены в ст. 20.8 КоАП РФ, что позволяет правильно квалифицировать административное правонарушение. Однако на практике все перечисленные действия квалифицируются как нарушение правил хранения и их дополнительное указание в ст. 224 УУ РФ нецелесообразно.

Состав преступления, предусмотренного ст. 224 УК РФ, является материальным, что прямо вытекает из формулировки ч. 1 рассматриваемой статьи: «если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия».

В теории высказываются различные мнения относительно того, как должен быть сконструирован состав данного преступления. Например, Г. С. Мелешко считает, что состав необходимо сделать формальным, а тяжкие последствия указать в качестве квалифицирующего признака². По нашему мнению, состав необходимо оставить материальным, так как это отличает его от состава административного правонарушения.

В теории и практике разнятся точки зрения также и по поводу субъективной стороны данного преступления, а именно вины. Буквальное толкование диспозиции статьи приводит ученых к мысли, что данное преступление может быть совершено только

¹ Задоян А. А. Уголовная ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 3. С. 179—192.

² Мелешко Г. С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (по материалам Ставропольского края) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 69—70 ; См. также: Сивцова Л. И. Небрежное хранение огнестрельного оружия (уголовно-правовые и криминологические аспекты) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 75.

по небрежности. Таким образом характеризует вину, например, А. В. Наумов¹.

Но согласно преобладающей точке зрения, данное преступление может быть совершено как по легкомыслию, так и по небрежности. Такие расхождения в теории и правоприменительной практике связаны с неудачным употреблением термина «небрежность» в УК РФ. В связи с тем, что уголовный закон должен толковаться буквально, желательным видится замена формулировки, содержащейся в названии и диспозиции статьи, на «нарушение правил хранения огнестрельного оружия».

Уголовная ответственность по данной статье наступает только в случае небрежного хранения огнестрельного оружия, которым лицо владеет на законных основаниях. Однако в теории и практике ведутся споры, каким образом нужно квалифицировать деяние, если лицо небрежно хранило огнестрельное оружие, находящееся у него незаконно.

Например, высказывается мнение, что данное деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений — по ст.ст. 222 и 224 УК РФ².

В пункте 17 утратившего силу постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении и незаконном обороте оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ» содержался четкий ответ на этот вопрос: небрежное хранение огнестрельного оружия, находящегося у виновного незаконно, если это повлекло его использование другим лицом с наступлением тяжких последствий, охватывается признаками ч. 1 ст. 218 УК РСФСР («Незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ») и дополнительной квалификации по ст. 219 УК РСФСР («Небрежное хранение огнестрельного оружия») не требует.

В ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судеб-

¹ Наумов А. В. Российское уголовное право : курс лекций. М., 2007. Т. 3: Особенная часть (главы XI—XII). С. 86.

² Матышевский П. С. Ответственность за преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения. М., 1964 ; Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / Т. И. Ваулина, П. А. Волостнов, М. И. Ковалев [и др.] ; отв. ред. И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. 4-е изд., изм. и доп. М., 2008. С. 545.

ной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» не содержится аналогичного разъяснения, вследствие чего целесообразно будет дополнить данное Постановление таким положением: «Небрежное хранение огнестрельного оружия, находящегося у лица незаконно, если это повлекло его использование иным лицом либо повлекло наступление смерти человека или иные тяжкие последствия, охватывается ст. 222 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 224 УК РФ не требует».

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1) целесообразно заменить словосочетание «небрежное хранение огнестрельного оружия» словосочетанием «нарушение правил хранения огнестрельного оружия» в диспозиции статьи;

2) постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» необходимо дополнить положением: «Небрежное хранение огнестрельного оружия, находящегося у лица незаконно, если это повлекло его использование иным лицом либо повлекло наступление смерти человека или иные тяжкие последствия, охватывается ст. 222 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 224 УК РФ не требует».

УДК 343.2/.7

А. Г. МИРОШНИЧЕНКО, А. В. ЧЕРНЫШЕВ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОДНОКРАТНОЕ НАРУШЕНИЕ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО ПРОВЕДЕНИЯ СОБРАНИЯ, МИТИНГА, ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ ИЛИ ПИКЕТИРОВАНИЯ

В статье 31 Конституции Российской Федерации закреплено право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование. Данное право в настоящее время активно реализуется: наблюдается общий и сезонный рост количества протестов, обусловленных,

прежде всего, политической напряженностью¹. Подобные мероприятия неизбежно сопровождаются агрессивными общественно опасными деяниями граждан. В свою очередь, на подобную активность следует негативная реакция государства, что выражается в придании подобным общественно опасным деяниям форм административного нарушения и уголовного правонарушения. В научных кругах некоторые исследователи объясняют сложившуюся обстановку политизацией российского общества, обращая внимание на увеличившееся количество политических протестов².

Не умаляя важности права человека на справедливое судебное разбирательство в любой сфере, нельзя отрицать, что повышенное общественное внимание к вышеописанному феномену обязывает государственные органы (законодательные, правоприменительные, судебные) крайне внимательно подходить к конструированию и применению норм об ответственности.

Согласно статистическим данным, за 2018 год в суд первой инстанции поступило 4 488 дел о нарушении установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, предусмотренном ст. 20.2 КоАП РФ³.

Новизна и ряд спорных решений, принятых при конструировании нормы, породили множество вопросов, связанных с теоретическим обоснованием механизма, практическими проблемами реализации, а также, собственно, необходимостью уголовной ответственности за свершение вышеназванного общественно опасного деяния.

К тому же, существует Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой

¹ Эксперты заявили о резком росте числа протестов в России // РБК : ежедневная деловая газета. URL: <https://www.rbc.ru/politics/10/07/2017/596375709a7947363a3a9d94> (дата обращения: 15.11.2019).

² Караганов С. Вспоминая революции // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2019/08/21/karaganov-budet-grustno-esli-my-vnov-nachnem-revolucionnoe-samoedstvo.html> (дата обращения: 15.11.2019).

³ Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 09.11.2019).

гражданина И. И. Дадина» с официальной позицией по вопросу административной преюдиции.

Наиболее важной проблемой применения ст. 212.1 УК РФ является установление признака неоднократности аналогичных деяний. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении указал, что повторное (многократное) совершение лицом однородных административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона.

Как в свое время отмечал А. В. Иванчин, в составах с административной преюдицией «опасность личности субъекта возрастает, следовательно, в целом возрастает общественная опасность подобного поведения»¹. Общественная опасность в составах с административной преюдицией определяется через признак субъекта преступления — неоднократность свершения правонарушения лицом.

Вторым признаком является связь деяния с решением о назначении наказания за предшествующее деяние, выражается в юридической силе, которую приобретает решение о назначении лицу административного наказания за предшествующее противоправное поведение, распространяющееся на последующее аналогичное противоправное поведение. Данная связь имеет значение при соблюдении следующих условий:

за совершение нескольких предшествующих деяний лицо должно быть законно привлечено к административной ответственности;

процессуальные решения о назначении лицу административного наказания за деяния должны вступить в силу;

¹ Иванчин А. В. О целесообразности построения составов преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста : науч. журн. 2013. № 2 (7). С. 101.

последующие деяния должны быть совершены в течение определенного законом срока.

В упомянутом ранее Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на недопустимость привлечения к уголовной ответственности за нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования лица, в отношении которого на момент совершения вменяемого ему деяния отсутствовали вступившие в законную силу судебные акты о привлечении не менее трех раз в течение 180 дней к административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ст. 20.2 КоАП РФ.

Исследователи обращают внимание на трансформацию ответственности: после исчерпания возможности воздействия на нарушителя с помощью административной ответственности применяется уголовная ответственность. Важно понимать, что формой такой трансформации является уголовный закон, поскольку преступления в соответствии со ст. 14 УК РФ признаются только те деяния, которые запрещены УК РФ¹.

Вместе с тем стоит обратить внимание на тот факт, что в рассматриваемом нами Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации признает преступления, предусмотренные ст. 212.1 УК РФ, преступлениями с материальным составом: «Если же нарушение установленного порядка организации или проведения публичного мероприятия лицом, ранее не менее трех раз в течение ста восьмидесяти дней привлекавшимся к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьей 20.2 КоАП Российской Федерации, имело формальный характер и не повлекло за собой наступления или реальной угрозы наступления указанных негативных последствий... наступление уголовной ответственности за такое нарушение, мотивированное лишь неоднократностью совершения, выходит за границы конституционно допустимого уголовно-правового ограничения прав и свобод человека и гражданина» (п. 5).

В свою очередь, определение данного состава преступления как фактически материального порождает ряд противоречий, возникающих при квалификации. Ранее для криминализации

¹ Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 25.

общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 20.2 КоАП РФ, требовалось подтвердить троекратное свершение любого из этих деяний, так как составы этой статьи были формально тождественны по степени общественной опасности, по своему «весу», необходимому для криминализации деяния. Но после изменений, внесенных Конституционным Судом Российской Федерации в толкование уголовно-правовой нормы, релевантность данного положения следует поставить под сомнение.

Как было указано ранее, основным критерием для криминализации деяния является наличие общественно опасных последствий в виде причинения или реальной угрозы причинения вреда здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям.

Возникает вопрос: должно ли изменяться количество предшествующих правонарушений, необходимых для криминализации, в зависимости от наличия у них общественно опасных последствий? Например, лицо, совершившее три правонарушения, предусмотренных ч. 1 ст. 20.2 КоАП РФ (нарушение организатором публичного мероприятия установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования), и совершившее в четвертый раз правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 20.2 КоАП РФ (деяния, предусмотренные чч. 1 и 2 ст. 20.2 КоАП РФ, повлекшие причинение вреда здоровью человека или имуществу, если они не содержат уголовно наказуемого деяния), будет представлять меньшую общественную опасность, чем лицо, совершившее четыре раза подряд правонарушение, предусмотренное ч. 4 ст. 20.2 КоАП РФ. Однако оба нарушителя понесут уголовную ответственность за равное количество нарушений.

С учетом введенных Конституционным Судом Российской Федерации новаций представляется разумным пересмотреть количество ранее совершенных административных правонарушений, необходимое для привлечения лица к уголовной ответственности в соответствии с уголовно-правовой нормой с административной преюдицией. Например, при наличии общественно опасных последствий при совершении административного правонарушения следующее подобное правонарушение, по нашему мнению, следует оценивать с точки зрения уголовного закона, а количество формальных составов предлагаем оставить неизменным, т. е. в количестве трех.

Вместе с тем возникает проблема определения степени общественной опасности, ее достаточности для утверждения о причинении или наличия реальной угрозы причинения вреда здоровью граждан, имуществу лиц, общественному порядку, общественной безопасности или иным конституционно охраняемым ценностям.

Также законодателем не освещается проблема специального рецидива (совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее свершенное умышленное тождественное (однородное) преступление¹).

Лицо, ранее осужденное по ст. 212.1 УК РФ, после совершения нарушения, предусмотренного ст. 20.2 КоАП РФ, не может быть вновь и сразу привлечено к уголовной ответственности, так как в примечании к указанной статье УК РФ и в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации указано, что лицо можно подвергнуть уголовному преследованию, если оно ранее не менее трех раз в течение 180 дней привлекалось к административной ответственности за правонарушения, предусмотренные ст. 20.2 КоАП РФ.

Немаловажной проблемой, выделяемой исследователями, является отсутствие взаимодействия между институтами административного и уголовного права, из-за чего могут возникнуть сложности при квалификации деяния². В частности, стоит обратить внимание на тот факт, что в административном праве отсутствует институт соучастия (совершение административного правонарушения группой лиц упоминается в КоАП РФ лишь как отягчающее административную ответственность обстоятельство).

Также проблемы квалификации соучастия разнятся в зависимости от роли лица в совершаемом деянии. Например, если речь идет об организации либо проведении публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия (ч. 2 ст. 20.2 КоАП РФ), можно допустить умышленное совместное участие двух и более лиц при подготовке незаконно проводимого мероприятия. Если один

¹ Сипягина М. Н. Судимость как квалифицирующий признак состава преступления в современном уголовном законодательстве // Журнал правовых и экономических исследований. 2017. № 1. С. 78.

² Вишнякова Н. В. Преступления с административной преюдицией: проблемы законодательного и правоприменительного характера // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 9.

из соучастников совершает преступление с административной преюдицией, а другой (другие) не подпадает под нормы уголовно-правового закона, можно ли считать деяние, совершенным в соучастии?

Согласно ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Однако в вышеописанном случае совершенное деяние будет преступным не для всех участвующих в его совершении лиц. Вместе с тем нельзя забывать, что проведение публичного мероприятия по своей сути предполагает массовость, т. е. в нем принимает участие множество людей одновременно, в основном независимо друг от друга.

«Совместность означает, что действия каждого из соучастников создают необходимые условия для выполнения своей роли другим соучастником. Без действий такого лица невозможно осуществление своих функций иным лицом»¹. Данное положение неприменимо к участию в массовых публичных мероприятиях.

После того, как Конституционный Суд Российской Федерации разъяснил, что состав преступления, предусмотренного ст. 212.1 УК РФ, является материальным, возникла проблема признания малозначительными деяний, квалифицируемых по данной статье. Ранее состав преступления считался формальным, как уже было сказано, и для квалификации преступления требовалось лишь установить факт выполнения объективной стороны преступления: причинение вреда (или наличие реальной угрозы причинения вреда) конституционным ценностям не требовалось. Но сейчас важно рассмотреть вопрос о возможности в целом признать преступление с административной преюдицией малозначительным. В доктрине уголовного права по данному вопросу высказано крайне мало мнений.

Ю. Е. Пудовочкин полагает, что, решая вопрос о малозначительности поступка, в связи с которым лицо, ранее наказанное в административном порядке, привлечено к уголовной ответственности, следует принимать во внимание всю совокупность данных, характеризующих поведение лица, в том числе и данные

¹ Российское уголовное право : учебник. В 2 т. Т. 1. Общая часть / Г. Н. Борзенков, Л. В. Иногамова-Хегай, В. С. Комиссаров [и др.] ; под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 239.

о первом проступке¹. Но есть несколько аргументов против подобного подхода.

Так, А. Д. Нечаев и И. Ю. Янина справедливо отмечают, что элементы объективной стороны состава преступления носят оценочный характер. В то же время одним из признаков состава преступления с административной преюдицией является свершение деяния специальным субъектом — лицом, привлеченным к административной ответственности, которое повторно осуществило тождественное правонарушение. Поэтому деяние, содержащее признаки состава преступления с административной преюдицией, ни при каких условиях не может расцениваться в качестве малозначительного². В подкрепление данной позиции стоит добавить, что криминализация деяний с административной преюдицией осуществляется не в силу их высокой общественной опасности, но по причине общественной опасности личности совершающего деяние субъекта.

УДК 343.2/.7

У. И. МИТРОФАНОВА

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БАНДИТИЗМУ

В настоящее время анализ федерального законодательства позволяет выявить общую тенденцию увеличения принимаемых законодательных актов в России. С положительной стороны можно отметить, что внесение изменений и дополнений, а также принятие новых законопроектов отражает реальную готовность законодателя реагировать на современные вызовы и угрозы безопасности личности, общества и государства, а также регулировать новые сферы общественных отношений. Однако нередко нестабильность федерального законодательства связана с низким качеством принимаемых законодательных актов³.

¹ Пудовочкин Ю. Е. Квалификация преступлений с административной преюдицией // Библиотека криминалиста : науч. журн. 2017. № 2 (31). С. 30.

² Нечаев А. Д., Янина И. Ю. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы (де)криминализации деяний и их малозначительности // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 41.

³ Статистический анализ федерального законодательства // ЦСР : сайт. URL: https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/02/Issledovanie_TSSR_statistika-pozakonoproektam.pdf (дата обращения: 15.11.2019).

Одним из направлений повышения эффективности противодействия организованной преступности является совершенствование законодательства, призванного определять основания и условия привлечения виновных лиц к уголовной ответственности. В связи с этим отметим, что, несмотря на внесение изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство, имеющих отношение к противодействию организованной преступности, нельзя утверждать, что нормы, предусматривающие ответственность за преступления, совершенные организованными группами, в полной мере отвечают требованиям современной уголовно-правовой политики.

Одной из форм организованной преступности, представляющей повышенную общественную опасность, является бандитизм. Практика применения ст. 209 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за бандитизм, показывает, что содержащиеся в ней законодательные предписания имеют недостатки, которые затрудняют уяснение смысла и реализацию предусмотренного статьей уголовно-правового запрета. В этой связи в судебной практике появляются ошибочные юридические решения.

Так, согласно приговору В. был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 209 УК РФ, на основании п. 3 ч. 2 ст. 302 УПК РФ в связи с отсутствием в его деянии состава преступления и признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 2 ст. 158, ч. 3 ст. 222 УК РФ, двух преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 30, п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ, четырех преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ.

По результатам исследования и анализа всех представленных сторонами доказательств суд пришел к выводу, что в действиях В. отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 209 УК РФ. Согласно установленным обстоятельствам дела в период <...> В. в составе организованной группы с И. и Н. совершил нападения на почтовое отделение <...>, магазины <...> и <...>, а также приготовление к нападениям на ювелирный салон <...> и магазин <...>. При этом в наличии у данной группы в указанный период находились пневматический пистолет, который использовался в процессе нападений, пули к нему и электрошокер.

Однако в соответствии с заключениями эксперта указанный пистолет не является оружием, а пули к нему не относятся к боеприпасам. В связи с этим оснований считать, что группа, в кото-

рую входил В., являлась вооруженной, не имеется, а потому она не может быть признана бандой. Судом установлено, что В. и Н., действуя организованной группой совместно и согласованно с И., при подготовке к нападению на ювелирный салон приобрели шестизарядный револьвер 28 калибра, пригодный для производства выстрелов и относящийся к огнестрельному оружию, после чего совершили указанное нападение с использованием данного револьвера, снарядив его имевшимися у В. патронами.

Вместе с тем из показаний В. и Н. следует, что в период поиска оружия и в ходе подготовки к этому нападению они и И. не планировали совершение в дальнейшем других преступлений.

Учитывая изложенное, а также принимая во внимание, что организованной группой, в которую входили В., И. и Н., после приобретения огнестрельного оружия было совершено лишь одно нападение (<...>), не отличавшееся по своей подготовке от предшествующих ему преступлений, и на следующий день эта группа прекратила свое существование, у суда не имеется оснований для вывода о том, что В. в период приобретения и совершения иных действий с указанным оружием создал устойчивую вооруженную группу, нацеленную на осуществление преступной деятельности, связанной с совершением нападений на граждан и организации, т. е. банду¹.

На наш взгляд, суд пришел к неправильным выводам при вынесении судебного решения. Так, суд не учел позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», согласно которой банда может быть создана для совершения одного преступления, которое требует тщательной подготовки нападения.

В то же время Пленум Верховного Суда Российской Федерации не раскрывает содержания понятия «тщательная подготовка», таким образом данное понятие является оценочным.

В рассмотренном нами приговоре о тщательной подготовке нападения будет свидетельствовать осуществление наблюдения за ювелирным салоном в течение нескольких дней с целью получения информации, необходимой для нападения, а именно

¹ Приговор Курганского областного суда от 27 мая 2019 г. по делу № 2-08/2019 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GAd9bGwCfrJv/> (дата обращения: 15.11.2019).

сведений о режиме работы салона, количестве находившихся в нем продавцов и охранников, а также возможных путях отхода после нападения, приобретение специальных вещей и предметов: перчаток, шапок-масок с прорезями для глаз, пары черных сумок, табличек с другими государственными регистрационными знаками для автомобиля, шестизарядного револьвера, относящегося к огнестрельному оружию.

Выводы суда об отсутствии признака вооруженности организованной группы при совершении нападения на почтовое отделение, по нашему мнению, не являются обоснованием отсутствия создания устойчивой вооруженной группы, а, напротив, с момента приобретения шестизарядного револьвера 28 калибра, пригодного для производства выстрелов и относящегося к огнестрельному оружию, свидетельствует о создании В., Н. и И. банды.

Весьма убедительной представляется позиция В. М. Быкова, согласно которой отграничить банду от вооруженной организованной группы, совершающей разбойные нападения, не представляется возможным, в связи с чем исследователь дела делает вывод о необходимости признания совершения разбоя организованной вооруженной группой бандитизмом¹.

В настоящее время в уголовно-правовой литературе не сложилось единого мнения относительно вопросов отграничения бандитизма от смежных составов преступлений. Следственная и судебная практика также не отличается однородностью подхода к решению вопросов, связанных с квалификацией бандитизма. В этой связи представляется целесообразным внесение дополнительных разъяснений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в котором следует п. 15 дополнить следующим образом: «При совершении организованной группой разбоя с применением оружия, признанного таковым с учетом положений Федерального закона от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ “Об оружии” и на основании заключения эксперта, действия виновных лиц должны дополнительно квалифицироваться по соответствующим пунктам статьи 209 УК РФ».

¹ Быков В. М. Как разграничить бандитизм и разбой // Российская юстиция. 2001. № 3. С. 53.

УДК 343.2/.7

В. И. НИКОЛОВА

**ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ**

Несовершеннолетние лица — лица, не достигшие 18-летнего возраста, в отличие от других возрастных категорий наиболее подвержены негативному влиянию со стороны общества, поскольку находятся на этапе активного формирования и становления личности. Ввиду недостаточного жизненного опыта и поиска своего места в социуме они чаще проявляют девиантное поведение, в том числе преступное. На совершение преступлений несовершеннолетних нередко толкают взрослые, за что в ст. 150 УК РФ предусматривается уголовная ответственность. В том случае, если совершеннолетний вовлекает несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, ответственность наступает согласно ч. 4 указанной статьи.

Наличие ст. 150 в УК РФ обеспечивает особенную правовую защиту несовершеннолетних, что соответствует ратифицированной Россией Декларации прав ребенка 1959 года, где в преамбуле подчеркнута потребность в такой защите в силу физической и умственной незрелости несовершеннолетних.

В 2000-е годы ввиду вооруженного конфликта на Северном Кавказе получило развитие такое социальное явление, как терроризм, представляющее угрозу интересам общества, государства, всего мира и человечества.

Для противодействия террористической деятельности в целом, а также функционированию различных террористических группировок, в которые, кроме прочего, вовлекались и вовлекаются в настоящее время несовершеннолетние¹, Федеральным законом от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации» УК РФ был дополнен ст. 205.1, которая, в свою очередь, неоднократно подвергалась изменениям и дополнениям.

¹ Антонян Ю. М., Гончарова М. В. Состояние и причины преступности несовершеннолетних в России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 89.

За 2018 год по ч. 4 ст. 150 УК РФ был осужден 141 человек, по чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ — 66 человек¹, за первое полугодие 2019 года по ч. 4 ст. 150 УК РФ вынесен обвинительный приговор в отношении 57 человек, а по чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ — в отношении 25 человек². Данные приведенной статистики говорят о наличии определенной тенденции совершения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 150 и чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ, несмотря на то что количество осужденных по этим статьям по сравнению с количеством осужденных по другим статьям УК РФ невелико.

Объективная сторона ч. 4 ст. 150 УК РФ и чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ проявляется в следующих действиях:

1) в вовлечении несовершеннолетнего в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, а также с применением насилия или угрозой его применения — ч. 4 ст. 150 УК РФ;

2) склонении, вербовке или ином вовлечении лица в совершение хотя бы одного из следующих преступлений террористической направленности: ст.ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, ч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» под «вовлечением» понимаются действия, направленные на возбуждение или понуждение совершить преступление. К формам вовлечения ст. 150 УК РФ относит: обещание, обман, угрозу, применение физической силы или угрозы ее применения.

Рассматриваемое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и судебная практика формами вовлече-

¹ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894> (дата обращения: 20.10.2019).

² Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2019 года // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5082> (дата обращения: 20.10.2019).

ния считает: уговоры, предложение, разжигание чувства зависти или мести, подкуп¹.

Склонение — убеждение в необходимости совершить преступление². Вербовка — привлечение к участию в совершение преступления³. Склонение или вербовка согласно п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 января 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» осуществляются в форме уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьбы, предложения, применения физической силы или угрозы ее применения, равно как и в форме возбуждения неприязни, зависти или чувства мести⁴.

Таким образом, проявление общественно опасного деяния как признака объективной стороны у рассматриваемых нами составов схоже, поскольку вовлечение, склонение и вербовка соотносятся как родовое и видовые понятия соответственно. Такой вывод, в свою очередь, подтверждается диспозицией чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ, где указано, что вовлечение тождественно склонению или вербовке. Вследствие чего при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности на практике может возникнуть вопрос о том, как квалифицировать подобные действия.

На первый взгляд может сложиться мнение, что имеет место быть конкуренция общей и специальной уголовно-правовых норм. В силу ч. 3 ст. 17 УК РФ, если преступление предусмотрено и общей, и специальной нормами, применению подлежит специальная норма. Для конкуренции общей и специальной нормы характерно то, что одна норма предусматривает определенный круг деяний, а вторая — их частные случаи, т. е. имеет

¹ Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 31 октября 2017 г. по делу № 1-463/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2019).

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. доп. и перераб. М., 1997. С. 1688.

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. С. 659.

⁴ Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 16 марта 2013 г. Дело № 16-АПУ13-3 // Верховный Суд Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=540406 (дата обращения: 20.10.2019).

место сопоставление таких норм, как вида и рода или общего и частного¹.

Рассуждая о конкуренции ч. 4 ст. 150 УК РФ и чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ, следует обратить внимание, что в первом случае объект посягательства — нравственное развитие несовершеннолетнего, во втором — общественная безопасность. Это означает, что данные нормы не соотносятся друг с другом как общее и частное. Так, при вменении только ч. 4 ст. 150 УК РФ не будет учитываться посягательство на общественную безопасность при совершении преступления террористической направленности. Такие преступления обладают особой спецификой. При квалификации преступления только по чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ скажется отсутствие предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ признака потерпевшего «несовершеннолетний».

Значит, к ч. 4 ст. 150 УК РФ и чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ положения ч. 3 ст. 17 УК РФ не применимы.

Исходя из этого, представляются неверными следующие позиции:

1) при вовлечении несовершеннолетнего лица в совершение преступления террористической направленности ст. 205.1 УК РФ будет считаться специальной нормой по отношению к ст. 150 УК РФ²;

2) при осуществлении вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности квалификация осуществляется по чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ: если несовершеннолетний совершил преступление, в которое его вовлекали, то уголовная ответственность наступит по ч. 4 ст. 150 УК РФ без дополнительной квалификации по чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ³.

Если одно действие охватывается не менее чем двумя нетождественными между собой нормами Особенной части УК РФ, то в науке уголовного права такая совокупность преступлений называется идеальной⁴. Руководствуясь ч. 2 ст. 17 УК РФ, вовле-

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1972. С. 242.

² Дикаев С. У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. С. 257.

³ Осипов М. Ю. О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 29.

⁴ Кудрявцев В. Н. Указ. соч. С. 286.

чение несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности должно квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 150 УК РФ и чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ.

С другой стороны, в соответствии с положениями Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» действия взрослого лица должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ, а также по ч. 5 ст. 33 УК РФ как подстрекательство в совершении конкретного преступления.

В Особенной части УК РФ присутствуют отдельные составы преступлений, устанавливающие специальные основания уголовной ответственности подстрекателей к совершению некоторых видов преступлений. В науке уголовного права они носят название «соучастие особого рода», и при квалификации таких преступлений ссылка на ч. 4 ст. 33 УК РФ не требуется, так как подстрекательство уже учтено в самом составе преступления (например, чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ).

Стоит согласиться с такой позицией: если подобные действия совершает взрослое лицо в отношении несовершеннолетнего, то деяние кроме чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ дополнительно квалифицируется и по ч. 4 ст. 150 УК РФ¹.

Отметим, что опыт некоторых зарубежных стран бывшего СССР по исследуемому нами вопросу разнится.

В Уголовном кодексе Республики Беларусь в ст. 172 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» и в ст. 290/2 «Содействие террористической деятельности» используются почти аналогичные понятия, как и в ст.ст. 150 и 205.1 УК РФ: «вовлечение» и «вербовка или иное вовлечение».

Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» в п. 17 точно так же описывает значение понятия «вовлечение» и его формы. Касаемо преступлений террористической направленности Верховный Суд Республики Беларусь никаких разъяснений не дает.

¹ Серебряков А. В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 26.

Законодатель в Уголовном кодексе Республики Казахстан в ст. 259 «Вербовка или подготовка либо вооружение лиц в целях организации террористической либо экстремисткой деятельности» предусмотрел уголовную ответственность за вовлечение совершеннолетних (ч. 1) и за вовлечение несовершеннолетних (ч. 2) лиц.

По нашему мнению, квалификация вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности по совокупности преступлений отвечает принципу справедливости, закрепленному в ч. 1 ст. 6 УК РФ, поскольку происходит посягательство на два важных объекта, охраняемых уголовным законом, одновременно. Как следствие, назначенное по совокупности преступлений наказание должно быть несколько больше, чем наказание за единичное преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 150 УК РФ или чч. 1—2 ст. 205.1 УК РФ.

УДК 343.2/.7

А. Д. ОСИПОВА

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАНДАЛИЗМА, СОВЕРШЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Нестабильность экономики, снижение уровня здравоохранения, образования и культуры, а также заметное ухудшение финансового положения большинства российских семей приводят к отрицательным последствиям в сфере нравственного развития несовершеннолетних.

Жестокость и насилие, применяемые к детям и подросткам, обращаются ими же против личных прав граждан, общества и в целом государства. Антисоциальное поведение выражается и в вандализме, который является наиболее распространенным и латентным преступлением среди несовершеннолетних.

К факторам, способствующим развитию у подростков девиантного поведения, в том числе совершению актов вандализма, следует отнести:

- низкую успеваемость и прогулы в школе;
- конфликты с родителями и учителями;
- наличие компании друзей со схожими проблемами;
- потребность в самоутверждении и т. д.

Дети и подростки эмоционально неустойчивы, им труднее переживать ссоры, неудачи или иные отрицательные события. Они пытаются выместить злость и обиды на случайных объектах, снять напряжение путем уничтожения общественного имущества.

К причинам разрушительного поведения подростков-вандалов можно отнести:

1) скуку, желание развлечь себя и компанию. В силу ограниченной фантазии воображения подростка хватает только на осквернение чего-либо;

2) понимание и выражение себя;

3) желание обратить на себя внимание;

4) зависть и неприязнь. Агрессия по отношению к знакомому лицу выражается, например, в уничтожении того, что последний любит. Вандализм избегает прямого контакта и выплескивает свою злость, например, на произведения искусства;

5) защиту территории, на которую индивид или группа предъявляют права¹.

Одним из основных мотивов вандального поведения несовершеннолетних является желание доказать себе и миру свою значимость, свое существование.

Изучая природу разрушительных действий подростков, можно прогнозировать модели вандального поведения:

1) продуманные и активные разрушительные действия, направленные против объектов материальной среды;

2) малоосознаваемые и активные разрушительные действия;

3) активные и деструктивные действия, совершаемые в группе.

Изучив поведение несовершеннолетних, следует выделить главные принципы, которыми нужно руководствоваться, предупреждая подростковую преступную деятельность. В первую очередь, это справедливость и гуманизм. Используя эти принципы, можно классифицировать методы предупреждения девиантного поведения несовершеннолетних:

¹ Воробьева И. В., Кружкова О. В., Жданова Н. Е. Вандализм как форма защитного и совладающего поведения подростка // Российский психологический журнал. 2016. Т. 13, № 3. С. 277—292.

1) социально-педагогическая деятельность. Роль школы, учреждений дополнительного образования, учреждений социальной защиты, спортивных учреждений очень велика в процессе адекватной социализации ребенка;

2) педагогическая работа с несовершеннолетними. Должна включать полное уничтожение преступных стереотипов и установок, формирование новых, которые помогут ребенку социализироваться и самореализоваться в обществе. Этого можно достичь путем вовлечения ребенка в творческую деятельность, что будет способствовать развитию его творческой инициативы и формированию законопослушного поведения.

Так, американский психолог А. Коэн выделяет три главных стратегии в предотвращении вандализма. Прежде всего, это физическая стратегия, подразумевающая устранение нанесенного ущерба, улучшение архитектурного планирования, строительства, а также поддержание чистоты и порядка в социуме. Социальная стратегия трактуется как привлечение внимания общественности к данному явлению, повышение общего уровня образования и воспитания молодежи, активное вовлечение молодых людей в улучшение окружающей среды. И, наконец, стратегия сдерживания, предполагающая постоянное наблюдение, улучшение освещения, полицейский надзор, усиление охраны, т. е. создание таких условий, при которых правонарушение было бы трудно совершить, а риск ареста при этом был бы максимальным¹.

Собственно, социально-педагогический подход раскрыт в трудах Е. А. Ливановой и Е. С. Калмыковой, которые полагают, что социально-педагогическая профилактика вандализма в образовательных учреждениях будет результативной, если осуществить ее по четырем основным направлениям:

1) педагогическое направление основывается на изоляции подростков от асоциальных личностей и переориентации их на положительную деятельность; на трудовой терапии, сплочении коллектива, формировании положительной мотивации к деятельности с пропагандой ее успехов;

2) социально-экономическое направление особенно важно для детей из семей «группы риска» (неполные семьи, родители-

¹ Коэн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. М., 1965. С. 520—521.

одинокки, дети-инвалиды и т. п.). Оно обеспечивает молодежи такие социальные гарантии, как посещение спортивных секций, творческих объединений на льготных условиях;

3) психологическое направление характеризуется развитием умений детей общаться в проблемных или конфликтных ситуациях, своевременным снятием проявлений агрессивности, нормализацией уровня самооценки, снятием психологического напряжения, созданием благоприятного психологического климата в коллективе и в семье;

4) правовое направление предполагает проведение семинаров для родителей и учителей, а также лекций, направленных на разъяснение подросткам норм поведения и законодательных актов, а также административной и уголовной ответственности за нарушение законодательства и общепринятых норм поведения¹.

Работа в этих направлениях поможет привить детям уважительное отношение не только к себе и окружающим, но и к своему народу, истории и, самое главное, к результатам человеческого труда; также способствует разрешению конфликтов между детьми и родителями или учащимися и учителями, снижению агрессии детей, улучшает профилактику алкоголизма и наркомании.

Также следует ввести образовательные беседы с архитекторами, историками и краеведами, которые объяснят детям значимость памятников нашей истории.

Учителям и родителям следует рассказать детям, какая ответственность ждет несовершеннолетних за проявления вандализма. Это заложит в детях нетерпимость к разрушению и порче имущества.

Таким образом, организация социально-педагогической профилактики вандализма в образовательных учреждениях и семье является необходимым условием его предотвращения. Осуществление этой деятельности в виде совокупности профилактических, педагогических, коррекционно-развивающих, творческих и других образовательных мероприятий поможет пресечь проявление вандализма у несовершеннолетних и предотвратить в будущем совершение преступлений подростками.

¹ Ливанова Е. А., Калмыкова Е. С. Профилактика вандализма в молодежной среде // Среднее профессиональное образование. 2013. № 9. С. 13—15.

УДК 343.2/.7

Н. Д. ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА

**ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
СТАТЬИ 207 УК РФ**

Статья, предусматривающая ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, существовала еще в Уголовном кодексе РСФСР (1960 года). Диспозиция ст. 207 УК РФ (1996 года) начала претерпевать изменения лишь в 2014 году. Полагаем, это связано с тем, что количество преступлений террористической направленности стало резко возрастать. Так, за 2014 год было зарегистрировано на 70,7 % больше таких преступлений, чем за 2013 год¹.

Что касается современной ситуации, то в последнее время на законодательном уровне деяниям, связанным с терроризмом, придается большое значение. Законопроекты, вносящие изменения в те или иные статьи, посвященные деяниям террористической направленности, все чаще вносятся на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации. Безусловно, это также связано с тенденцией роста количества преступлений террористического характера в последние годы. Согласно данным Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на территории Российской Федерации с 2016 года по сентябрь 2019 года было зарегистрировано более 7 100 преступлений террористического характера².

Одним из законов, принятие которого направлено на сдерживание темпов роста преступности в сфере терроризма, является Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Однако нововведения, содержащиеся в данном законе, вызывают ряд вопросов.

Прежде всего, важнейшей новеллой является закрепление законодателем в диспозиции статьи обязательных признаков субъективной стороны состава преступления: в ч. 1 ст. 207 УК РФ — мотива «из хулиганских побуждений», а в ч. 3 ст. 207 — цели «дестабилизация деятельности органов власти».

¹ Динамика зарегистрированных преступлений террористического характера // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики : сайт. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 09.11.2019).

² Там же.

В научной литературе данное законодательное преобразование подверглось критике. Ранее мотив совершения преступления, предусмотренного ст. 207 УК РФ, не имел значения при привлечении к ответственности. В. Н. Балябин справедливо отмечал, что мотив совершения преступления мог быть любым¹.

Необходимо отметить, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма нередко совершается по иным мотивам, нежели хулиганские побуждения, а именно по мотивам мести, причинения вреда конкуренции, личных неприязненных отношений, корыстных побуждений и иным.

Примером является ситуация, когда в январе 2018 года в г. Воронеже мужчину не пустили в ночной клуб без объяснения причин, и он, обидевшись, позвонил в правоохранительные органы и сообщил, что клуб заминирован. По данному факту была проведена проверка и было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления, так как в деянии гражданина не усматривалось хулиганских побуждений, его поведение характеризовалось личным неприязненным отношением к администрации данного заведения².

Важно отметить, что приведенный пример явно свидетельствует о том, что обсуждаемые нововведения фактически позволили виновнику данной ситуации избежать уголовной ответственности, хотя для ликвидации последствий его деяния были задействованы сотрудники ФСБ, правоохранительные органы, саперы, а заведение было вынуждено приостановить работу.

Однако, по мнению ряда авторов, такие деяния могут быть квалифицированы как заведомо ложный донос, и в таком случае возможно применение ст. 306 УК РФ³. Полагаем, что при такой квалификации не будет учитываться террористический характер деяния, поэтому считаем ее неверной.

Нельзя также не отметить тот факт, что количество осужденных по ст. 207 УК РФ после внесения законодательных поправок существенно снизилось. По данным Агентства правовой инфор-

¹ Балябин В. Н. О некоторых вопросах квалификации преступления, предусмотренного статьей 207 УК РФ // Адвокатская практика. 2017. № 6. С. 22—26.

² Все новости // Главное управление МВД России по Воронежской области : офиц. сайт. URL: <https://36.mvd.rf/> (дата обращения: 19.10.2019).

³ Бриллиантов А. В. Заведомо ложный донос: вопросы квалификации // Уголовное право. 2014. № 3. С. 16.

мации, за 2017 год количество осужденных по ч. 1 ст. 207 УК РФ составило 682 человека, в 2018 году — 418¹.

Полагаем, что такое положение дел не согласуется со стремлением государства снизить рост преступлений террористического характера.

Что касается включения цели «дестабилизация органов власти» в ч. 3 ст. 207 УК РФ, то данное изменение, по нашему мнению, недостаточно полно. Так, в литературе проводится аналогия со ст. 205 УК РФ и предлагается дополнить это положение, включив в него деятельность не только органов власти, но и международных организаций либо воздействие на принятие ими решений².

Такой подход представляется верным, поскольку нельзя не отметить тот факт, что при заведомо ложном сообщении об акте терроризма лицо способно дестабилизировать работу международных организаций и принятие ими решений.

Таким образом, А. Н. Игнатов справедливо приходит к выводу, что внесенные мотив «хулиганские побуждения» и цель «дестабилизация органов власти» не охватывают всю вариативность мотивов и целей совершения заведомо ложного сообщения об акте терроризма³.

Способ закрепления состава преступления в ч. 2 ст. 207 УК РФ отличен от способа закрепления в чч. 1 и 3 ст. 207 УК РФ. В связи с этим закономерно возникает вопрос, связанный с необходимостью установления наличия хулиганских побуждений при квалификации деяний по части второй статьи. Иными словами, не определено, является ли состав ч. 2 ст. 207 УК РФ квалифицированным или же выступает в качестве самостоятельного. Важность данной проблемы неоспорима, ведь, признавая ч. 2 статьи квалифицированным составом, мы подразумеваем обязательное наличие хулиганских побуждений при совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 207 УК РФ.

¹ Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ. Агентство правовой информации : сайт. URL: <http://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 09.11.2019).

² Расшупкина О. Н. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Некоторые вопросы квалификации // Закон и право. 2019. № 1. С. 92.

³ Игнатов А. Н. Уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма: совершенствование законодательной регламентации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 8.

На этот счет в науке не существует единого мнения. Так, В. И. Тюнин и Т. А. Огарь включают такой мотив, как хулиганские побуждения, в часть вторую¹. В свою очередь О. В. Костылева, проанализировав судебную практику и подходы к понятию «деяние» в уголовном праве, приходит к выводу, что деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 207 УК РФ, следует понимать как самостоятельный состав заведомо ложного сообщения об акте терроризма². Данный подход представляется верным, поскольку, признавая ч. 2 ст. 207 УК РФ квалифицированным составом, мы признаем в качестве обязательного признака хулиганские побуждения, а это может повлечь декриминализацию большого числа деяний. Например, будет признаваться непроступным сообщение о заложенной в розничном магазине бомбе, соделанное с целью причинения вреда конкуренту.

Еще одна проблема заключается в том, что буквальное толкование действующей редакции ч. 1 ст. 207 УК РФ дает основания полагать, что ответственность наступает лишь в случае сообщения о готовящемся взрыве, поджоге или иных действиях. Однако если лицо в процессе сообщения утверждает, что совершает одно из таких деяний непосредственно в данный момент, то ответственность по ст. 207 УК РФ в таком случае не наступит. Этот вопрос не нашел своего однозначного разрешения на практике и, как представляется, требует законодательного урегулирования.

Кроме того, А. Н. Игнатов пишет о таком законодательном пробеле, как незакрепление ответственности за «ложные инсценировки», имеющие террористический характер³.

Представляется, данная проблема также имеет место, поскольку сейчас ситуации, связанные с оставлением подозрительных предметов в местах массового скопления людей, уголовно не наказуемы, хотя вред от таких действий общественным отношениям, связанным с общественной безопасностью, причиняется и может повлечь дестабилизацию общества, дезорганизацию работы учреждений, возникновение паники в обществе. В связи с этим в ряде работ рассматриваются предложения о введении

¹ Тюнин В. И., Огарь Т. А. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма: новеллы законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 1 (72). С. 4.

² Костылева О. В. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ) и угроза совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 52—60.

³ Игнатов А. Н. Указ. соч.

ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, совершенное с имитацией взрывного устройства¹.

Таким образом, изменения, внесенные в ст. 207 УК РФ, а также уже ранее содержавшиеся в ней положения требуют дальнейшего законодательного совершенствования, поскольку ставят перед правоприменителем ряд нерешенных вопросов.

УДК 343.2/.7

И. А. ПОДТЫННИКОВ

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КОНТРАБАНДЫ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Государство всегда внимательно относилось к контролю за оборотом драгоценных металлов, камней и ювелирных изделий. Вместе с тем львиную долю российского рынка ювелирных изделий составляет серый импорт², в то время как на мировом рынке ювелирных изделий российский рынок по-прежнему занимает незначительный сегмент, уступая лидерство производителям из США, Китая и Индии. В этой связи жесткость действующего регулирования перемещения ювелирных изделий через таможенную границу Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в целом и Российской Федерации в частности объясняется, в том числе, соображениями протекционистского характера.

В целях защиты отечественного производителя осенью 2018 года в Перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей ст. 226.1 УК РФ, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923, включены изделия из драгоценных металлов, камней и природного жемчуга, а также часы, их корпуса и ремешки из драгоценных металлов. При этом для отнесения товара к указанному Перечню необходимо классифицировать товар по соответствующей позиции Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТН ВЭД) ЕАЭС. Коды указанных товаров ТН ВЭД

¹ Торговченков В. И. Уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

² Карх Д. А., Царегородцева С. Р., Гаянова В. М., Фадеева З. О. Анализ рынка ювелирных изделий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2015. Т. 9, № 3. С. 106—113.

ЕАЭС предусмотрены разделами 2.9, 2.10 Приложения № 2 к Решению Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21 апреля 2015 г. № 30 «О мерах нетарифного регулирования». Классификация товаров осуществляется Отделом товарной номенклатуры и происхождения товаров соответствующей таможни.

Ювелирными изделиями в соответствии с абз. 21 ст. 1 Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» признаются изделия, изготовленные из драгоценных металлов и их сплавов и имеющие пробы не ниже минимальных проб, установленных Правительством Российской Федерации, со вставками из драгоценных камней, других материалов природного или искусственного происхождения или без них, за исключением монет, прошедших эмиссию, и государственных наград, статус которых определен в соответствии с законодательством Российской Федерации. При этом от ювелирных изделий следует отграничивать изделия ювелирной галантереи, которые изготавливаются из недрагоценных материалов, но с покрытием драгоценными металлами и возможной вставкой из драгоценных камней. Достоверно установить принадлежность товара к ювелирному изделию возможно в результате проведения геммологической экспертизы.

Уголовная ответственность за контрабанду (незаконное перемещение через таможенную границу ЕАЭС) ювелирных изделий в крупном размере предусмотрена ст. 226.1 УК РФ, применение которой в силу ее бланкетности предполагает доскональное изучение права ЕАЭС.

Рассмотрим два возможных способа законного перемещения ювелирных изделий через таможенную границу ЕАЭС: перемещение товара физическим лицом в качестве товара для личного пользования, а также участником внешнеэкономической деятельности в общем порядке перемещения товаров через таможенную границу.

Порядок перемещения товаров для личного пользования регулируется главой 37 Таможенного кодекса (ТК) ЕАЭС, а также Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2017 г. № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования». Необходимость декларирования и уплаты таможенных пошлин при ввозе товаров для

личного пользования зависит от вида транспорта, используемого для пересечения таможенной границы ЕАЭС. Если товар перемещается воздушным транспортом, такая необходимость отсутствует при условии стоимости товара не более 10 тыс. евро. Если товар перемещается иными видами транспорта, стоимость беспошлинного ввоза составляет 500 евро. При этом следует отметить, что обязанность декларирования и уплаты таможенных пошлин не распространяется на случаи ввоза товаров для личного пользования, бывших в употреблении.

В случаях превышения стоимости ввозимого товара лицо обязано подать пассажирскую таможенную декларацию, а также уплатить ввозную пошлину в размере 30 % от стоимости товара, из которой исключается стоимость товара, перемещаемого с освобождением от уплаты таможенной пошлины, т. е. при перемещении ювелирного изделия стоимостью 11 тыс. евро таможенная пошлина будет рассчитываться от 1 тыс. евро и составит 333,33 евро.

Так, Пулковской таможней 22 января 2018 г. в отношении гражданки А. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 194 УК РФ, т. е. уклонения от уплаты таможенных платежей, совершенного в особо крупном размере¹. Установлено, что у гражданки, прилетевшей из Франции самолетом, прибывшим рейсом «Ницца—Санкт-Петербург», в ходе таможенного досмотра в ручной клади были обнаружены незадекларированные ювелирные изделия, а именно серьги и браслет торговой марки «Cartier» общей стоимостью 47 млн р. Размер неуплаченных таможенных платежей составил 13 млн 900 тыс. р. После уплаты таможенных платежей уголовное дело было прекращено.

Таким образом, при незаконном перемещении указанного товара через таможенную границу в действиях лица могут содержаться признаки преступления, предусмотренного ст. 194 УК РФ, а именно уклонения от уплаты таможенных платежей при условии такого уклонения в размере более 2 млн р. Следовательно, возможна квалификация по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 194 УК РФ и ст. 226.1 УК РФ.

¹ Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 июня 2018 г. по делу № 12-665/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GksDz9ZVooN1/> (дата обращения: 15.11.2019).

Если сумма таможенных платежей менее 2 млн р. и лицо, вопреки требованиям п. 4 ст. 56 ТК ЕАЭС, их не уплатило в день пересечения границы (день выявления факта незаконного перемещения через границу), оно подлежит административной ответственности по ст. 16.22 КоАП РФ.

Между тем подп. 25 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС предусматривает следующие формы незаконного перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС:

- 1) перемещение товаров вне установленных мест;
- 2) перемещение товаров вне времени работы таможенных органов, находящихся в установленных местах;
- 3) перемещение товаров с недостоверным декларированием (таможенному органу заявляются недостоверные сведения о перемещаемом товаре) или недеklarированием товаров (сведения о перемещении товара в целом или в части не сообщаются таможенному органу);
- 4) перемещение товаров с сокрытием от таможенного контроля (предполагается, что настоящая форма контрабанды отличается от недеklarирования тем, что в первом случае лицо не только не сообщает таможенному органу о перемещении товара, но и предпринимает действия по его сокрытию в емкостях, пустиках и т. п.);
- 5) перемещение товаров с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах;
- 6) перемещение товаров с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации.

В случае незаконного перемещения рассматриваемого товара через таможенную границу ЕАЭС лицо подлежит административной ответственности по ст. 16.1 или ст. 16.2 КоАП РФ или уголовной ответственности по ст. 226.1 УК РФ в случае незаконного перемещения товара в крупном размере, который в соответствии с п. 4 примечания к ст. 226.1 УК РФ составляет более 1 млн р.

В то же время ТК ЕАЭС разграничивает понятия рыночной и таможенной стоимости. В соответствии с п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» при незаконном перемещении товаров через таможенную границу стоимость предмета контрабанды определяется на основании

рыночной стоимости товаров. Вместе с тем следует учитывать, что указания о необходимости установления таможенной стоимости товаров для личного пользования, изложенные в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о контрабанде», в связи с вступлением в силу с 1 января 2018 г. ТК ЕАЭС утратили актуальность. В настоящее время при оценке товаров для личного пользования применению подлежит понятие рыночной стоимости (ст. 267 ТК ЕАЭС), которая может быть указана в чеках, прайс-листах, каталогах, проспектах, на бирках и т. д., т. е. рыночная стоимость равнозначна цене заключенной сделки и не включает в себя в отличие от таможенной стоимости дополнительных начислений и вычетов.

Порядок перемещения рассматриваемой категории товаров через таможенную границу ЕАЭС юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями заключается в следующем. Правом на перемещение указанных товаров обладают только те лица, которые находятся на учете в Российской государственной пробирной палате при Министерстве финансов Российской Федерации. Кроме того, инспекторы Пробирной палаты России, филиалы которой образованы по межрегиональному принципу, осуществляют государственный контроль при перемещении указанных товаров через таможенную границу на специализированных таможенных постах. По результатам пробирного контроля выдается акт государственного контроля, используемый в дальнейшем для таможенного декларирования.

После выпуска ювелирные изделия подлежат обязательному клеймению в соответствующем филиале Пробирной палаты России в порядке, установленном постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2016 г. № 394 «Об опробовании, анализе и клеймении ювелирных и других изделий из драгоценных металлов», поскольку на территории Российской Федерации могут находиться в обороте и реализовываться только заклеянные ювелирные изделия (п. 6 Постановления). Данное требование распространяется на юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществивших ввоз ювелирных изделий из стран как входящих, так и не входящих в состав ЕАЭС. В противном случае реализация указанными лицами незаклеянных

ювелирных изделий образует состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 19.14 КоАП РФ.

Сложность правового регулирования перемещения ювелирных изделий через таможенную границу юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями предопределяется уклонением последних от установленного для них порядка перемещения товаров и использование ими практики «челночных» перевозок ювелирных изделий физическими лицами под видом товаров для личного пользования¹.

Поскольку подобная практика не нова, подп. 3 п. 4 ст. 256 ТК ЕАЭС установил необходимость учета частоты пересечения физическим лицом таможенной границы ЕАЭС и (или) перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС этим физическим лицом или в его адрес для отнесения перемещаемых им товаров к товарам для личного пользования. Количественная характеристика указанного критерия должна быть определена Евразийской экономической комиссией, однако в настоящее время она не утверждена. При этом за границей «челночные» перевозки подвергаются значительным законодательным ограничениям.

Например, согласно ст. 191.2.3 Налогового кодекса Украины независимо от того, соответствует ли стоимость перемещаемых товаров для личного пользования норме беспошлинного ввоза, в случае, если они перемещаются лицом, въезжающим в Украину чаще одного раза в течение 72 часов, оно обязано уплатить ввозную пошлину, рассчитываемую исходя из стоимости товара, превышающей 50 евро.

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости постоянного мониторинга динамически изменяющегося права ЕАЭС при привлечении лиц к уголовной ответственности по ст. 226.1 УК РФ, при проведении экспертных исследований для безусловного отнесения товара к ювелирным изделиям, а также при необходимости отграничения уголовно наказуемых деяний от аналогичных административных правонарушений при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

¹ Приговор Троицкого районного суда Челябинской области от 28 сентября 2016 г. по делу № 1-111/2016 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/HmDGLzf6CQWl/> (дата обращения: 15.11.2019).

УДК 343.2/.7

А. Д. ПОЗНЯК

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НЕОДНОКРАТНОГО
НАРУШЕНИЯ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА
ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО ПРОВЕДЕНИЯ СОБРАНИЯ, МИТИНГА,
ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ ИЛИ ПИКЕТИРОВАНИЯ**

Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования законодательства о публичных мероприятиях» в Уголовный кодекс Российской Федерации был введен новый состав преступления — ст. 212.1 «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования». Хотя данная норма и является результатом ужесточенной политики государства в сфере охраны таких институтов, как общественная безопасность и общественный порядок, однако, пять лет спустя возникают проблемы и многочисленные споры о содержании общественной опасности и о целесообразности уголовной ответственности за данное деяние.

Примечание к ст. 212.1 УК РФ гласит, что деяние может считаться преступным только в случае, если лицо привлекалось к административной ответственности за совершение административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.2 КоАП РФ, более двух раз в течение 180 дней. Таким образом в примечании указывается на то, что данный состав входит в группу деяний с административной преюдицией.

Часть 1 ст. 14 УК РФ закрепляет, что преступлением может быть только виновное общественно опасное деяние, запрещенное данным Кодексом под угрозой наказания. Общественная опасность как признак преступления является одним из ключевых элементов при постановке вопроса о привлечении лица именно к уголовной ответственности.

При этом, к сожалению, стоит отметить, что данная категория никак законодательно не закреплена и данный вопрос разрешается преимущественно в науке уголовного права, где в последние годы на фоне развития института административной приюдиции все больше возникает споров о том, какое деяние считается общественно опасным.

Главная позиция противников административной преюдиции основана на том, что признак общественной опасности в деяниях, предусмотренных ст. 212.1 УК РФ, отсутствует. Деяние представляет собой совокупность правонарушений, которые общественно опасными сами по себе не являются. В поддержку этой точки зрения высказывалась Н. Ф. Кузнецова: «Количество непроступных правонарушений не может перерасти в преступное качество, как сто кошек не могут приобрести качество тигра»¹. Также в поддержку данной позиции стоит отметить, что правонарушением согласно ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица. Как видим, в данной характеристике отсутствует такой критерий, как общественная опасность.

Однако данная позиция представляется не вполне оправданной. Да, сами правонарушения не преступны, но если обратиться к анализу ст. 20.2 КоАП РФ, а именно анализу чч. 3, 4, 6, 6.1, 7, содержащих указание на действия, которые влекут реальное причинение вреда имуществу, здоровью человека и т. д., то мы видим, что в этих частях статьи действия являются более вредоносными, чем обычные правонарушения. Таким образом, вопрос заключается именно в соотношении содержания общественной опасности преступления и правонарушения, поскольку имеются различия именно в степени общественной опасности правонарушения и преступления.

Так, частью 4 ст. 20.2 КоАП РФ предусматривается ответственность, если деяние, указанное в чч. 1 и 2 ст. 20.2 КоАП РФ, сопровождается причинением вреда здоровью. Напомним, что преступным считается причинение даже легкого вреда здоровью: ответственность за причинение такой степени вреда наступает в соответствии со ст. 115 УК РФ. К тому же законом допускается использование таких мер для обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как доставление, административное задержание, личный осмотр и пр. Также уполномоченные на то органы могут применять физическую силу с использованием специальных средств для пресечения административного правонарушения. Логично предположить, что законодатель не стал бы назначать наказание за данные деяния, не считая их общественно вредоносными.

¹ Кузнецова Н. Ф. Цели и механизм реформы Уголовного кодекса // Советское государство и право. 1992. № 6. С. 83.

В отношении характера и степени общественной опасности Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснил, что *характер* общественной опасности определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления; при учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред. Что касается *степени* общественной опасности преступления, то Верховный Суд Российской Федерации указал, что она устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность)¹. Учитывается также наличие смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств.

Таким образом, при назначении наказания за преступление учитывается в первую очередь именно причиненный вред. И хотя существуют противники данного подхода, все равно на сегодняшний день его принято считать наиболее верным.

Для чего вообще нужны уголовно-правовые нормы с административной преюдицией? На этот вопрос пытался дать ответ Конституционный Суд Российской Федерации, который в своих постановлениях неоднократно указывал на общность правовой природы административной и уголовной ответственности, которые как виды юридической ответственности за совершение деяний, имеющих общественную опасность, имеют схожие задачи, преследуют общую цель (защита прав и свобод человека и гражданина, обеспечение законности и правопорядка) и, по сути, во многом дополняют друг друга. Именно этим объясняется наличие в правовом регулировании смежных составов административных правонарушений и преступлений, что, принимая во внимание возможность изменения степени общественной опасности некоторых деяний, не исключает законодательной корректировки

¹ Там же.

ки их противоправности, допускающей преобразование составов отдельных административных правонарушений в составы преступлений и наоборот¹.

Еще больше вопросов возникло, когда Конституционный Суд Российской Федерации в своем Постановлении от 10 февраля 2017 г. № 2-П дал разъяснение о кумулятивном эффекте посягательства на охраняемые законом общественные правоотношения, пояснив, что «...нарушение установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия может быть простым, повторным или неоднократным, причем повторное нарушение предполагает более строгую административную ответственность, а неоднократное — влечет уголовную ответственность. Логика такого законодательного регулирования, исходя из целей создания механизма эффективной публично-правовой охраны установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования, заключается в последовательном (поэтапном) усилении ответственности за повторные (административная ответственность) и неоднократные (уголовная ответственность) нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия...»².

После анализа данного разъяснения возникают вопросы: не дается ли здесь правовая оценка общественной опасности уже личности, а не деяния; и о несовершенстве механизма административного принуждения.

В подтверждение своей позиции Конституционный Суд Российской Федерации считает целесообразным криминализацию деяний лица за однородное или аналогичное правонарушение, если меры административного принуждения не дают значимого должного предупредительного эффекта³.

¹ Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2015 г. № 20-П; от 10 февраля 2017 г. № 2-П. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».)

² По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П. П. 5.2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Там же.

Возникает определенная коллизия прямого толкования нормы ст. 212.1 УК РФ, разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 и Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. № 2-П, которые в разной степени придают значение такой важной категории, как общественная опасность.

На основании вышеуказанного можно сделать вывод, что институт административной преюдиции в уголовном праве и нуждается в дальнейшем изучении и существенной доработке.

УДК 343.2/.7

А. А. ПОЛЯК

ТЕРРОРИЗМ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ

Международное сообщество, относя терроризм к категории преступлений международного характера, подчеркивает колоссальное значение противодействия совершению террористических актов в каком бы то ни было проявлении. Современный терроризм — сложное социально-экономическое явление, выходящее за пределы территории одного государства и ставшее серьезной угрозой для всего населения нашей планеты.

В научном сообществе существуют разные подходы к определению терроризма, но все они сходятся в одном: терроризму присущи политические мотивы его совершения и угроза жизни населения. Ключевой особенностью терроризма является его публичный характер: «Если террор потерпит неудачу в том, чтобы вызвать широкий отклик в кругах за пределами тех, кому он напрямую адресован, это будет означать, что террор бесполезен как орудие социального конфликта»¹.

Российские исследователи В. В. Витюк и С. А. Эфиров считают, что «терроризм — это политическая тактика, связанная с использованием и выдвижением на первый план тех форм вооруженной борьбы, которые определяются как террористические акты». Террористические акты, которые ранее сводились к убийствам отдельных высокопоставленных лиц, в современных условиях могут носить форму угона самолетов, захвата заложников, поджогов предприятий и офисов и т. д., но объединяет их с тер-

¹ Климаченкова В. О. Современный терроризм: понятие, условия и причины // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2007. № 7. С.12—16.

роризмом прежде всего то, что главной угрозой со стороны террористов остается угроза жизни и безопасности людей. Террористические акты направлены также на нагнетание атмосферы страха в обществе и, разумеется, они должны быть политически мотивированы. Для нагнетания страха террористы могут применять действия, которые не угрожают людям непосредственно, например: поджоги или взрывы магазинов, штаб-квартир политических партий в нерабочее время, издание манифестов и прокламаций угрожающего характера¹.

В действующем УК РФ понятия терроризма нет, однако раскрыто содержание понятия террористического акта в ч. 1 ст. 205: «Совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

В Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» данное явление представлено в более широком виде: «Идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Довольно четким и кратким представляется определение терроризма, предложенное американским историком Дж. Хардманом, по мнению которого «терроризм — это термин, используемый для описания метода или теории, обосновывающей метод, посредством которого организованная группа или партия стремится достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия. Террористические акты направляются против людей, которые как личности, агенты или представители власти мешают достижению целей такой группы. Уничтожение же собственности и оборудования, опустошение земель могут в особых случаях рассматриваться как дополнительная форма террористической деятельности,

¹ Витюк В. В., Эфиров С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987. С. 224—225.

представляя собой разновидность аграрного или экономического терроризма, как дополнение к общей программе политического терроризма»¹.

С целью дальнейшего изучения природы терроризма целесообразно обратиться к его классификации. А. Котта выделяет четыре типичных вида терроризма:

1) экономический. Основан на требовании (денег или имущества), сопряженном с шантажом, угрозой применения или использования насилия. Существует три основных его направления: шантаж транснациональных компаний, захват заложников, торговля наркотиками (наиболее мощное и опасное направление);

2) политический. Суть заключается в существовании автономных подпольных групп, постоянно меняющих дислокации и сохраняющих при этом связь между своими членами. Его лидерам не нужна легитимность, они презируют традиционные правительства, пытаются оправдывать свои «антитеррористические меры»;

3) социальный. Чаще всего выражается в акциях, наносящих «анонсированный ущерб»: угрозы взрыва газа, отравления пресных водохранилищ и т. п. У этого вида большое будущее: расширение маргинальных групп в развитых обществах, усиление неравенства стимулируют стремление к показательным действиям, на которые активно реагируют СМИ;

4) информационный. Получил наибольшее развитие в последние 20 лет. Изобретательность кибертеррористов достигла немислимого совершенства: они взламывают компьютеры государственных учреждений, банков, предприятий, блокируют информационные потоки, нарушая работу спецслужб и транснациональных корпораций; кибервирусы, разработанные хакерами, выводят из строя сотни тысяч компьютеров. Эта форма терроризма отличается от других, так как реализуется в интеллектуальной сфере и порождает новый вид насилия, которое «может быть направлено против кого угодно, а его успех обеспечивается не грубой силой, а нейронами»².

Р. А. Адельханян выделяет ряд условий, способствующих терроризму:

¹ Цит. по: Терроризм в современном мире. Опыт междисциплинарного анализа (материалы «круглого стола») / В. А. Лекторский, А. А. Гусейнов, Б. И. Пружинин [и др.] // Вопросы философии. 2005. № 6. С. 7.

² Цит. по: Антонос Г. А., Котта А. Эпоха терроризма // Международный терроризм и право : реферативный сб. М., 2002. С. 56.

слабость государственной власти, особенно в период реформирования экономических и социальных отношений;

низкая компетентность спецслужб, не умеющих вовремя выявить и предотвратить террористические акты. Это относится не только к нашей стране, но и к США, правоохранительные органы которых довольно быстро выявляют террористов, но очень плохо предупреждают их преступные действия;

существование религиозных, сектантских, революционных, сепаратистских организаций, требующих немедленного выполнения своих требований без учета объективных условий и интересов других участников отношений;

высокий уровень влияния традиционализма среди граждан и многочисленность сопротивляющихся урбанизации и глобализации;

восприятие терроризма как войны малых народов, которые иным способом не могут добиться справедливости и в силу этого его оправдание;

исторически сложившееся использование терроризма для решения политических, национальных, экономических и иных задач;

особое отношение отдельных стран или регионов к переживаемым ими социально-экономическим, культурным, политическим и иным проблемам¹.

В свою очередь В. О. Климаченкова выделяет следующие причины существования терроризма:

1. Нерешенность национальных, экономических, социальных, государственных, религиозных и иных проблем, имеющих для данной этнической общности важное значение, а также стремление к перераспределению жизненных ресурсов и природных богатств в пользу данной общности.

2. Стремление руководителей сделать свою страну мононациональной или монорелигиозной.

3. Стремление какой-либо этнорелигиозной, национальной группы или организации захватить государственную власть путем отделения от остальной страны.

4. Стремление какой-либо этнической или религиозной группы к сохранению своей идентичности и в связи с этим сопротив-

¹ Адельханян Р. А. Современный терроризм // Законность. 2004. № 4. С. 33—36.

ление навязыванию им иных образа жизни, культуры, системы ценностей мировоззрения и миропонимания.

5. Чрезмерная симбиотическая связь данной национальной или религиозной группы со своей культурой, языком, символикой и т. д.

6. Рост безработицы и возникновение серьезных экономических проблем, особенно в крупных городах с пестрым национальным, религиозным и расовым составом.

7. Политическая борьба, опирающаяся на религиозное, национальное или националистическое движение и эксплуатирующая иррациональные, низменные побуждения отдельных слоев населения¹.

По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за январь—июнь 2019 года было зафиксировано 1108 преступлений террористического характера, что на 7 единиц (0,64 %) больше, чем за аналогичный период предыдущего года. При этом было выявлено 427 лиц, совершивших такие преступления (на 40 человек) 8,57 % (больше, чем в 2018 году). По 485 террористическим преступлениям было проведено предварительное расследование (на 12 единиц или 2,54 % меньше, чем в предыдущем году), по 347 преступлениям уголовные дела были отправлены в суд, 424 преступления не были раскрыты (на 89 единиц (26,57 % больше), чем в 2018 году).

Больше всего преступлений террористического характера было зарегистрировано в Дагестане (223 единицы), Чеченской Республике (89 единиц) и Кабардино-Балкарской Республике (82 единицы). В России в 2019 году отмечено 12 регионов с нулевым показателем терроризма, среди них, в том числе, Костромская, Белгородская, Смоленская, Вологодская области.

Таким образом, обстановка, сложившаяся в стране за январь—июль 2019 года, была несколько хуже, чем за аналогичный период 2018 года. Что касается данных за предыдущие годы, то число преступлений террористического характера снижается с 2016 года. В 2018 году их было зарегистрировано почти на 20 % меньше, чем в 2016 году².

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что терроризм — сложное социальное явление, причины и условия кото-

¹ Климаченкова В. О. Указ. соч.

² Статистика террористической активности в России // iMonitoring : сайт. URL: <http://iminfin.ru/news/303-statistika-terroristicheskoy-aktivnosti-v-rossii> (дата обращения: 07.11.2019).

рого кроются как в проводимой политике, экономическом уровне страны, влиянии тех или иных религиозных культов, так и в развитости социальных институтов общества, ментальности каждого гражданина в отдельности и уровня духовного и экономического благосостояния жителей государства в целом.

УДК 343.2/.7

Д. И. ПОПОЛИТОВ

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 226.1 УК РФ

Президентом Российской Федерации в 2013 году утверждена Концепция общественной безопасности в Российской Федерации¹, в которой были выделены актуальные проблемы, закреплены пути их решения. Реализовать данную Концепцию предполагалось до 2020 года. Однако проблемы, связанные с обеспечением общественной безопасности, остаются актуальными и сегодня. Об этом свидетельствуют данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2017, 2018 годы².

Одним из преступлений, посягающих на общественные отношения в сфере общественной безопасности, является преступление, предусмотренное ст. 226.1 УК РФ, устанавливающей ответственность за контрабанду перечисленных в диспозиции статьи предметов. Так, по ст. 226.1 за 2017 год было осуждено 234 лица, за 2018 — 490 лиц³, что свидетельствует о росте числа неправомерных действий по перемещению через границу Российской Федерации предметов, перечень которых предусмотрен ст. 226.1 УК РФ.

Объективная сторона рассматриваемого нами преступления подразумевает незаконное перемещение через таможенную гра-

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : сайт. URL: <http://www.sudrf.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.11.2019).

³ Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России за 2018 год // Федеральная таможенная служба : сайт. URL: <http://customs.ru/> (дата обращения: 07.11.2019).

ницу Таможенного союза Евразийского экономического союза (ТС ЕАЭС), созданного для формирования единого экономического пространства, взаимного сотрудничества в различных областях, проведения социально-экономических преобразований в целях повышения уровня жизни своих граждан, либо через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ТС ЕАЭС предметов, ограниченных в обороте: а) сильнодействующие, ядовитые, отравляющие, взрывчатые, радиоактивные вещества; б) радиационные источники; в) ядерные материалы; г) огнестрельное оружие, его основные части (ствол, затвор, барабан, рамка, ствольная коробка); д) взрывные устройства; е) боеприпасы; д) оружие массового поражения, средства его доставки; ж) иное вооружение; з) иная военная техника; и) материалы и оборудование, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средства его доставки, иного вооружения, иной военной техники; к) стратегически важные товары и ресурсы или культурные ценности в крупном размере; л) особо ценные дикие животные и водные биологические ресурсы, принадлежащие к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, их части и дериваты (производные).

При этом возникает ряд спорных вопросов об обоснованности изменений, внесенных в УК РФ в 2011 году в отношении контрабанды, определении понятия «таможенная граница» относительно ст. 226.1 УК РФ, восприятию термина «перемещение» либо «незаконное перемещение» в рамках уголовного права и установлении конкретных действий, составляющих объективную сторону данного преступления.

Напомним, что в 2011 году были внесены в уголовное законодательство коррективы, направленные на его гуманизацию, а именно: оно было дополнено ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ. В результате в настоящее время в УК РФ содержится четыре статьи, регламентирующие ответственность за различные виды контрабанды.

Существует мнение Е. С. Калашниковой о том, что в данном случае замена одной статьи четырьмя самостоятельными нарушает правила законодательной техники, так как не соблюдается требование о сокращении до минимума норм, которыми регулируется один и тот же вопрос, поскольку объективные признаки преступлений, предусмотренных ст. 200.1 и ст. 200.2 УК РФ,

раннее охватывались диспозицией ч. 1 ст. 188 УК РФ, а объективные признаки ст. 226.1 и ст. 229.1 — ч. 2 ст. 188 УК РФ. Также автор, ссылаясь на Толковый словарь С. И. Ожегова, отмечает, что под контрабандой следует понимать нарушающий таможенное законодательство тайный провоз товаров и других предметов через границу; указывает на нормативное закрепление понятия «товар» в п. 45 ст. 2 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС), а также обращает наше внимание на то, что ст. 217 Решения Совета глав государств СНГ от 10 февраля 1995 г. «Об Основах таможенных законодательств государств — участников Содружества Независимых Государств» закрепляет перечень товаров, составляющих предмет контрабанды. Таким образом, Е. С. Калашникова указывает на необходимость внесения изменений в УК РФ, устраняющих «нагромождение норм»¹. Данная позиция является не совсем правильной.

Верно предположить, что новые статьи в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены с целью конкретизации законодательства, так как использование прежней нормы, закрепленной в ст. 188 УК РФ, на практике вызывало затруднения у правоприменителя, предполагая обращение к иным нормативно-правовым актам для полной и точной квалификации преступления, что, соответственно, и было исправлено Федеральным законом от 7 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Поэтому в данном случае действия законодателя следует считать необходимыми.

Также следует установить, что таможенная граница ТС ЕАЭС согласно ст. 5 ТК ЕАЭС подразумевает под собой пределы таможенной территории Союза, которая, в свою очередь, составляет территории государств-членов, а также находящиеся за пределами территорий государств-членов искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией.

Проанализировав Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, следует отметить, что «незаконное перемещение» может быть определено как нарушение порядка прибытия товаров и (или) транспортных средств междуна-

¹ Калашникова Е. С. Контрабанда стратегически важных товаров, ресурсов и культурных ценностей. По статье 226.1 УК РФ // Закон и право. 2019. № 3. С. 88—90.

родной перевозки, сокрытие товаров от таможенного контроля, сообщение в таможенный орган недостоверных сведений о провозимых грузах, товарах и (или) транспортных средствах, на которых осуществляется перевозка.

Схожее определение предлагалось авторами В. Остапенко и О. Морозовой, считающими, что это перемещение соответствующих предметов через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза вне установленных мест или в неустановленное время работы пограничных органов в этих местах, либо с сокрытием от пограничного контроля, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о перемещаемых предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим предметам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение¹. Но данная позиция не совсем соответствует уголовному закону, так как основывается только на положениях Таможенного кодекса Таможенного союза, который утратил силу с 1 января 2018 г. и не регулировал отношения, связанные с перемещением предметов через Государственную границу Российской Федерации. Вступивший в силу ТК ЕАЭС также дает только определение понятия «перемещение товаров через таможенную границу Союза» в п. 27 ч. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС. Данная проблема была актуальна до выхода постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде». В пункте 5 Постановления разъяснено, что под «перемещением» следует понимать совершение действий по ввозу на таможенную территорию Союза или территорию Российской Федерации товаров или иных предметов любым способом либо вывозу с указанных территорий товаров или иных предметов любым способом. Соответственно, незаконность указанного мероприятия будет проявляться при перемещении товаров или иных предметов вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных пред-

¹ Остапенко В., Морозова О. Проблемы квалификации контрабанды // Уголовное право. 2012. № 6. С. 48—52.

метах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации.

При этом необходимо определить понятия «таможенная граница» и «государственная граница», так как общественная опасность преступления состоит в том, что оно посягает на неприкосновенность Государственной границы Российской Федерации и границы стран — членов Таможенного союза. Статья 1 Закона Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» говорит о том, что Государственная граница Российской Федерации есть линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации.

Согласно ст. 2 ТК ЕАЭС таможенная граница — это пределы таможенной территории Союза, а также в соответствии с международными договорами в рамках Союза — пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств-членов.

Таким образом, представляется возможным сформулировать следующее определение незаконного перемещения: это перемещение через Государственную границу Российской Федерации и (или) границу государств — членов Таможенного союза либо иных иностранных государств предметов, ограниченных в обороте, в обход контрольно-пропускных пунктов таможенных органов или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостоверным декларированием или недеklarированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации.

Подводя итог, следует сказать, что на данный момент законодательство не полностью регламентирует вопросы, которые могут возникнуть вследствие применения нормы о контрабанде. Предполагается, что бланкетный характер описываемой статьи вызывает трудности при ее практическом применении в связи с тем, что он рождает необходимость ознакомления работников с таможенными, международными и иными нормативно-правовыми актами. Поэтому существует необходимость внесения в уголовное законодательство соответствующих изменений.

Кроме того, целесообразным будет являться согласование предложений, возникших в процессе совершенствования законодательства Российской Федерации в области контрабанды, с государствами — членами Таможенного союза.

УДК 343.2/.7

А. Е. РЕМИННАЯ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ

В настоящее время наблюдается рост количества преступлений, которые совершаются организованными группами. Совершенствование норм уголовного законодательства — важнейшего средства противодействия преступности в условиях продолжающегося ухудшения криминогенной обстановки — приобретает приоритетное направление, в том числе в борьбе с организованной преступностью, что является нравственной задачей любого государства¹. Одной из мер такой борьбы и стало закрепление в УК РФ новой нормы — ст. 210.1 УК РФ. Стоит отметить, что данный закон называют «президентским», ведь именно В. В. Путин внес проект данного закона в Государственную Думу Российской Федерации.

Говоря о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии, необходимо определить понятие «преступная иерархия». В частности, под ней можно понимать порядок подчинения низших высшим по точно определенным уровням. Помимо этого, преступная иерархия предполагает ступенчатую систему, а не отношения младший-старший.

Знание личности преступника, совершившего деяние, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ, важно для реализации задач уголовной политики в сфере борьбы с организованной преступностью, для определения индивидуальных методов и средств предупреждения деяний, предусмотренных ст. 210.1 УК РФ, организации работы с таким осужденным в процессе отбывания им наказания. «Криминологическое значение личности преступни-

¹ Агильдин В. В., Ловцевич С. Е., Лохова А. А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. 2019. № 24. С. 165.

ка, проходящего по конкретному уголовному делу, проявляется в том, что, анализируя характеризующие виновного социальные и социально значимые признаки, свойства, связи, которые в сочетании с определенными условиями и обстоятельствами повлияли на совершение данным лицом общественно опасного посяательства, мы получаем возможность наиболее полно выявить и устранить причины такого поведения... меры воздействия на преступников только тогда могут быть эффективными, когда при их применении учитываются личностные особенности...»¹.

Таким образом, криминологическая характеристика субъекта рассматриваемого нами преступления способствует определению основных его детерминантов, а также мер предупреждения такого вида преступности и основных направлений профилактики.

Отметим, что на сегодняшний день Верховный Суд Российской Федерации не сформулировал критерии высшего положения в преступной иерархии. Так, в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» говорится только о том, что, решая вопрос о субъекте преступления, указанного в ч. 4 ст. 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию преступного сообщества (преступной организации) или по руководству им, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т. п. Отсюда и нерешительность судов в установлении высшего положения в преступной иерархии. Если обратиться к зарубежному опыту, то уголовно-правовое законодательство, например, Грузии закрепило от-

¹ Долгова А. И. Личность организованного преступника: криминологическое исследование. М., 2013. С. 16—17.

ветственность за пребывание лица в статусе «вор в законе» и явным образом обозначило, в отношении кого из криминальных лидеров уголовный закон будет применять особые меры ответственности.

Необходимо подчеркнуть, кого стоит признавать лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. По нашему мнению, для этого лицу необходимо иметь определенное положение, которое формируется у него в обществе, точнее, в его социальной среде, авторитет, приобретенный в силу накопленного опыта или за прошлые заслуги, например за неоднократное совершение преступлений. Преступный мир не выдает преступнику нагрудный знак или свидетельство о присвоении высшего положения, взамен был придуман ритуал, посредством которого приобретает статус заслуженного вора или «вора в законе»¹.

Можно сказать, что высшее положение означает, что статус лица в преступном обществе выше остальных, оно может отдавать приказы, но ему приказать сделать что-либо никто не может. Еще в СССР, а затем на постсоветском пространстве «вором в законе» мог стать только особо опасный и авторитетный в своей среде профессиональный преступник, признанный лидер, активный идеолог криминального образа жизни и криминальной морали. Данный титул присваивается после специальной процедуры («крещения»), обязательным элементом которой является рекомендация нескольких уже признанных «воров в законе»². Отметим, что данный статус личности не является пожизненным и его можно лишиться за совершение определенных поступков, например за общение с сотрудниками правоохранительных органов не из личной заинтересованности.

Таким образом, появление ст. 210.1 УК РФ является следствием развития организованной преступности в государстве, усложнения ее структуры и направлено на предупреждение данного вида преступности. Сам же лидер, занимающий высшее положение в преступной иерархии, появляется не с момента зарождения самой организованной преступности, а в ее высшей фазе, т. е. в сложных ее формах.

¹ Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2019. № 3. С. 468.

² Скобликов П. А. Высшее положение в преступной иерархии: уголовный закон, его толкование и применение // Законодательство. 2018. № 2. С. 44.

Следует заметить, что лицами, представляющими элиту преступного мира, являются в большинстве своем лица в возрасте 30—49 лет (57,6 %), 25—29 лет (14,4 %), 50 лет и старше (23,7 %). Значительная часть таких лиц не состоит в браке или были разведены (67,2 %). Воры старой формации характеризуются низким образовательным уровнем, как правило, наличием только среднего специального образования, в отличие от представителей современной уголовной элиты (особенно криминальных олигархов)¹.

Г. Й. Шнайдер отмечал, что лидером преступной организации называется тот, кто получает это определение от лиц своего социального окружения и от участников организованной группы преступников: мафиози не тот, кто таковым себя ощущает, а тот, кого рассматривают в таком качестве другие. Они представляют собой своеобразную «аристократию» преступного мира, это преступники, действующие за спинами других².

Среди особенностей характера указанной категории преступников можно выделить такие, как изобретательность и изощренность³. Социально-нравственные качества лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, деформированы и образуют стойкую негативную направленность. Сознание такой категории субъектов характеризуется наличием стойких стереотипов криминального поведения, а также рассматриваемый субъект отличается правовым нигилизмом. Как говорилось ранее, «воры в законе» — рецидивисты с большим криминальным стажем, а также идеологи преступной субкультуры, которая, по их мнению, является приемлемой для общества в целом. Организаторские и управленческие способности у таких лиц ярко выражены; лидеры коммуникабельны, хорошо знакомы с «законами» преступного мира, могут подчинить определенной идее не только лиц с криминальной установкой, но и представителей государственных структур.

¹ Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2016. № 4. С. 37.

² Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем. Ю. А. Неподаева. М., 1994. С. 157.

³ Гришко А. Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Преступление—Наказание—Исправление. 2016. С. 85.

Помимо указанной характеристики личности, по нашему мнению, стоит сказать, что, привлекая лицо к ответственности, предусмотренной ст. 210.1 УК РФ, необходимо учитывать наличие в распоряжении лица ресурсов добытых преступным путем, участие в принятии решений преступной организации, наличие приглашений на так называемые преступные сходки.

Подойдя к квалификации рассматриваемого преступления, стоит отметить и ч. 4 ст. 210 УК РФ, которая фактически поглощает ст. 210.1 УК РФ, так как совершение лицом первого преступного деяния само по себе предполагает факт занятия им высшего положения в преступной иерархии. Здесь наблюдается конкуренция уголовно-правовых норм, которая, по нашему мнению, нарушает один из основополагающих принципов уголовного права — принцип справедливости.

Можно сделать вывод, что введение ст. 210.1 УК РФ требует глубокого изучения и вызывает ряд проблем в правоприменении. Было бы целесообразно сформулировать критерии, при наличии которых лидеров организованной преступности следует относить к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии.

УДК 343.2/.7

С. В. РОГАЛЕВА

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ МОРСКОГО ПИРАТСТВА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА

Морское пиратство с незапамятных времен привлекало к себе повышенное внимание. Объяснялось это зависимым положением экономики прибрежных государств от морских грузоперевозок. В современный период экономика государств не так зависима от морских перевозок, так как существуют другие реальные способы осуществления торговли: с помощью железнодорожного транспорта, авиаперевозок и др. Однако перевозки по морю все еще имеют большое значение ввиду их экономической выгоды для прибрежных государств в определенных случаях.

Проблему борьбы с морским пиратством решают уже многие века и способы ее всегда разные. Прошедшие полтора десятка лет стали новым этапом в решении этой проблемы, что объясняется появлением некоторых особенностей. Поскольку морские грузоперевозки стали составлять, по статистическим показате-

лям ООН, почти 80 % от всего международного грузооборота, то морское пиратство, как и весь мир, стало отличаться интернациональным характером и, как следствие, является проблемой не одной или нескольких стран, как это было ранее.

Международное сообщество принимает меры, направленные на правовое урегулирование проблем, возникающих из-за совершения преступлений на морских просторах, урегулирование последствий таких преступлений, принятие мер в отношении преступников. Сообщество принимает решения о создании международных организаций, занимающихся как вопросами международного права, общими вопросами регулирования морских пространств, так и узкоспециализированных, занимающихся непосредственно вопросами пиратства.

Помимо международных организаций создаются и региональные, являющиеся доказательством стремления государств — участников различных организаций к сотрудничеству. Данные организации обязаны издавать нормативные правовые акты, а также разрабатывать комплекс мероприятий для борьбы с преступностью на море. Такие документы образуют различные уровни, в зависимости от органов, их разработавших и принявших. Так, выделяют региональные и международные акты. Данное разделение также свидетельствует и о территории юрисдикции, на которую распространяются нормы принятых документов.

Конвенция ООН по морскому праву 1982 года является общим кодифицированным источником, регулирующим все основные вопросы, связанные с международным морским правом, определяющим соответствующую терминологию (например, пиратство, пиратское судно и т. д.), обязывает сотрудничать государства в сфере борьбы с морским пиратством, указывающим наказание за совершение подобного правонарушения.

Международная конвенция по охране человеческой жизни на море 1974 года (СОЛАС-74) обязывает государства издавать директивы, заключать договоры для обеспечения безопасности на море максимально возможными способами.

Также нельзя не упомянуть акты, разработанные Международной торговой палатой, Международным морским бюро при Международной торговой палате, ЮНКТАД. Одним из последних международных нормативных документов является Международный кодекс по охране судов и портовых средств 2002 года.

По статистическим данным, 96 % преступлений на море — это случаи вооруженного грабежа или нападения пиратов¹. Чтобы лучше разбираться в такого рода преступлениях, необходимо изучить терминологию, т. е. понять конкретное значение какого-либо термина.

Впервые определение пиратства сформулировано в ст. 15 Конвенции об открытом море 1958 года, в соответствии с которой под пиратством понимаются:

«1. Любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный:

а) в открытом море против какого-либо судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту;

б) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства.

2. Любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, если тот, кто такой акт совершает, знает обстоятельства, в силу которых это судно или этот летательный аппарат является пиратским судном или пиратским летательным аппаратом.

3. Любое действие, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусмотренного в пунктах 1 и 2 настоящей статьи».

Статья 101 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года повторяет вышеприведенное определение пиратства.

Другое определение, используемое для целей статистики, дает Международное морское бюро при Международной торговой палате, определяя пиратство как «акт или попытку высадки на борт какого-либо судна с намерением совершить кражу или любое другое преступление, а также с намерением или способностью применить силу при совершении такого акта». Данное определение охватывает как сами акты, так и попытки нападения, независимо от того, находится ли судно у причала, на якорной стоянке или в море.

¹ Базы данных // Организация Объединенных Наций : офиц. сайт. URL: <https://www.un.org/ru/databases/> (дата обращения: 17.11.2019).

Исходя из определений, подобного рода преступления можно отнести к преступлениям международного характера. Предусмотренные международными договорами общественно опасные деяния (действия или бездействие), не относящиеся к международным преступлениям, которые посягают как на внутригосударственный, так и на международный правопорядок, надлежит относить к преступлениям международного характера.

По данным Международной морской организации, современное пиратство подразделяется на три вида. Первый вид — обычные немногочисленные группы, которые вооружены ножами и пистолетами. Используя фактор внезапности, такие группы лиц нападают на суда в открытом море или в гавани, а затем грабят пассажиров и экипаж. Как правило, они не покушаются на захват самого судна, а ограничиваются лишь судовой кассой и частью груза, который перегружают на свои катера и лодки. Второй вид — банды, вооруженные крупнокалиберными пулеметами, автоматами и гранатометами, при помощи которых нередко истребляют весь экипаж, захватывают судно и груз. И третий вид — это международные организованные группы, которые захватывают корабли с особо ценными грузами. Они используют современную спутниковую навигацию и средства связи, обладают агентурной сетью, обширными связями в различных эшелонах власти.

Ввиду особенностей подобного рода преступлений важной является имплементация норм международного права в данной сфере российским законодательством.

В национальном законодательстве Российской Федерации подобного рода преступления предусмотрены уголовным законодательством. Согласно ст.ст. 11, 12 УК РФ лицо (гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин, лицо без гражданства), совершившее преступление на территории Российской Федерации (в том числе, в пределах территориального моря, на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации, на судне, приписанном к порту Российской Федерации, находящемся в открытом водном пространстве вне пределов Российской Федерации), подлежит уголовной ответственности по российскому законодательству.

Статья 211 УК РФ устанавливает ответственность за угон судна водного транспорта. К судам водного транспорта относятся плавательные средства, приводимые в движение двигателями морские, речные, озерные суда (кроме маломерных судов) — теплоходы, корабли, самоходные баржи, паромы, плавучие со-

оружения, подводные лодки, буксиры, спортивные, научные и другие суда, или силой ветра — яхты, парусники, катамараны и другие, предназначенные для перемещения по воде или под водой людей, грузов, буксировки, добычи полезных ископаемых, проведения строительных, технических работ, научных исследований, спортивных, культурных мероприятий и т. д.

В российском законодательстве, регулирующем данные вопросы, существуют некоторые пробелы: в диспозиции ст. 227 УК РФ («Пиратство») отсутствует указание на нахождение судна в открытом море либо в другом месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства. Соответственно, сама формулировка указанной статьи заложила проблемные вопросы, разрешение которых возможно только после законодательной корректировки данной нормы. Требуется серьезная работа по выработке и принятию согласованных комплексных мер с целью ликвидации этого опасного явления.

В связи с тем, что существуют значительные проблемы в международно-правовом регулировании в сфере борьбы с пиратством и проблемы в антипиратском законодательстве многих стран, морским разбойникам удастся безнаказанными. Поэтому сегодня требуется объединить усилия наиболее квалифицированной части экспертного сообщества.

Кроме того, напрашивается вывод о необходимости урегулирования процесса исполнения наказания, а именно о выработке правильно действующей системы, которая сумеет побороться с истоком подобного рода преступлений. Также хотелось бы отметить обязанность государств решать проблемы в сфере борьбы с пиратством на море совместными усилиями, поскольку преступления международного характера невозможно решить исключительно национальными силами.

УДК 343.2/7

В. И. РОМАНЮК

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 264 И 216 УК РФ

Любое преступное деяние должно быть надлежаще квалифицировано, что обуславливает назначение справедливого наказания и в конечном итоге реализацию принципа справедливости. В судебной практике нередко возникают проблемы при отграни-

чении нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств от смежных составов.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, являются, в том числе, самоходные машины. Данный вид механизмов предназначен для производственной и иной технической деятельности¹. Многие из них свое функциональное назначение осуществляют в ходе движения (в том числе, дорожного)². Поэтому при причинении тяжкого вреда здоровью или смерти человеку самоходной машиной возникает коллизия, связанная с выбором необходимой уголовно-правовой нормы³. В частности, на практике вызывает затруднение разграничение составов преступлений, предусмотренных ст. 216 и ст. 264 УК РФ, при нарушении правил эксплуатации строительных машин (тракторов, экскаваторов, грейдеров и т. д.), если они повлекли вред здоровью людей, их смерть или иные тяжкие последствия.

Диспозиция ст. 216 УК РФ является бланкетной, т. е. для установления признаков преступного деяния необходимо обращаться к конкретным строительным, санитарно-техническим правилам, правилам эксплуатации строительных механизмов, в результате активного или пассивного нарушения которых был причинен вред здоровью потерпевших или наступили иные тяжкие последствия.

Статья 264 УК РФ также является бланкетной. Вопросам безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта посвящено большое количество нормативно-правовых актов: прежде всего Федеральный закон Российской Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» и постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения). Ви-

¹ Бохан А. П., Чмырёв С. Н. О понятиях «автомобиль», «трамвай», «другое механическое транспортное средство» в Уголовном кодексе Российской Федерации // Советник юриста. 2017. № 12. С. 14.

² Бохан А. П. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002. С. 91.

³ Бохан А. П., Чмырёв С. Н. Вопросы разграничения преступных нарушений правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (ст. 264 УК РФ) с некоторыми составами преступлений (ст.ст. 143, 216, 350 УК РФ) // Аллея науки. 2018. № 5 (21). С. 831—834.

новый в преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ, должен нарушить конкретную норму закона или подзаконного нормативного акта, регулирующего порядок управления транспортным средством, порядок его использования или эксплуатации.

В соответствии с п. 7 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 1991 г. № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ», действия, повлекшие вредные последствия при производстве горных, строительных и иных работ с использованием специальных самоходных машин (экскаватор, грейдер, скрепер, бульдозер и т. п.), совершенные лицом, управлявшим самоходной машиной и нарушившим специальные правила производства определенных работ, следовало квалифицировать по ст. 216 УК РФ, хотя бы эти нарушения и были допущены во время движения машины.

Согласно п. 10 действующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2018 г. № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов», если несчастный случай произошел в ходе работ, проводимых с использованием специальных самоходных машин (трактор, экскаватор, грейдер, скрепер и т. п.), вследствие допущенных лицом, управляющим такой машиной, в том числе и во время движения транспортного средства, нарушений правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо нарушения требований промышленной безопасности опасных производственных объектов, а не в результате нарушения им правил безопасности дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, совершенное лицом деяние надлежит квалифицировать по ст. 216 или ст. 217 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение соответствующих правил.

Таким образом, возникающие вопросы разграничения традиционно следует решать исходя из характера нарушенных правил.

Так, рассмотрев материалы о наезде автокрана на маляра О., выполнявшего покрасочные работы, следователь органов внутренних дел обоснованно возбудил уголовное дело не по ст. 264 УК РФ, а по ст. 216 УК РФ, так как наезд произошел на строительной площадке и его причиной явилось не нарушение правил

дорожного движения, а неудовлетворительная организация производства работ, выразившаяся, в частности, в отсутствии сигнальщика при движении автокрана¹.

В другом случае Московским городским судом Х. признан виновным в том, что он, управляя катком в состоянии алкогольного опьянения, не имея права управления самоходными машинами, двигаясь задним ходом, не убедившись в безопасности движения, совершил наезд на пешехода Г., которой был причинен по неосторожности тяжкий вред здоровью, опасный для жизни, от полученных повреждений Г. скончалась. Действия виновного квалифицированы по ч. 4 ст. 264 УК РФ (ныне п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ). В апелляционных жалобах адвокат указывал, что действия Х. должны быть квалифицированы по ч. 2 ст. 216 УК РФ. Между тем Апелляционным постановлением Московского городского суда от 30 июня 2015 г. по делу № 10-8177/15 приговор оставлен без изменения, поскольку совокупность собранных судом первой инстанции доказательств позволила прийти к убедительному выводу о том, что Х., находясь в состоянии алкогольного опьянения, пренебрег Правилами дорожного движения Российской Федерации, нарушив пп. 1.3, 1.5, 2.1.1, 2.7, 8.1, 8.12, 10.1, совершил наезд на пешехода Г., в результате которого по неосторожности наступила смерть Г.².

Помимо вида совершаемых работ преступление, предусмотренное ст. 216 УК РФ, отличается от преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, также специальным субъектом: им является физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которое по роду своей деятельности связано с проведением строительных или иных работ и обязано соблюдать либо обеспечивать соблюдение соответствующих правил безопасности. Это могут быть не только должностные лица строительных организаций, но также все другие работники, осуществляющие строительные работы, а также иные лица (экскурсанты, практиканты и т. д.), ознакомленные с соответствующими правилами безопасности при ведении данных работ.

¹ Кучерков И. А. Ответственность за преступные нарушения правил безопасности при ведении строительных работ // Правовые вопросы строительства. 2003. № 1. С. 23.

² Апелляционное постановление Московского городского суда от 30 июня 2015 г. по делу № 10-8177/15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Когда имеет место нарушение правил бытовой предосторожности лицами, не имеющими отношения к постоянной или временной работе на соответствующем объекте, повлекшее по неосторожности причинение крупного ущерба, тяжкий вред здоровью или смерть человека, содеянное должно квалифицироваться по статьям Особенной части УК РФ с учетом фактически причиненного вреда (например, по ст.ст. 109, 118, 168).

Субъектом же дорожно-транспортного преступления (ст. 264 УК РФ) признается физическое, вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, управляющее механическим транспортным средством. Субъект преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 264 УК РФ, п. «а» ч. 4 ст. 264 УК РФ и п. «а» ч. 6 ст. 264 УК РФ, специальный, так как характеризуется нахождением в момент управления механическим транспортным средством в состоянии опьянения (любого, а именно алкогольного, наркотического и т. д.).

Рассматриваемые составы преступлений различаются также по объекту.

Основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, являются общественные отношения, возникающие в связи с обеспечением безопасности дорожного движения и эксплуатацией механических транспортных средств. Дополнительным непосредственным объектом являются общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье человека.

Основным объектом преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, выступают общественные отношения, которые обеспечивают безопасность при ведении строительных или иных работ. Дополнительным непосредственным объектом являются общественные отношения, посягающие на здоровье человека или интересы собственности (ч. 1), а также на жизнь человека (чч. 2 и 3).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, состоит в нарушении правил безопасности при ведении строительных или иных работ, повлекшем причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерть одного или нескольких лиц либо крупный ущерб. Объективная же сторона преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, представляет собой совокупность следующих признаков: а) общественно опасное деяние (действие или бездействие), выраженное в нарушении правил безопасности движения или в нарушении правил эксплуатации механических транспортных средств; б) общественно опасные последствия в виде тяжкого вреда здоровью или смерти одного

или нескольких лиц; в) причинная связь между фактом нарушения конкретного пункта ПДД и наступившими в результате последствиями. Таким образом, в отличие от последствий, предусмотренных ст. 264 УК РФ, в ст. 216 УК РФ имеется дополнительное последствие в виде крупного ущерба.

Кроме того, при разграничении преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ и ст. 216 УК РФ, следует обращать внимание на основные элементы рассматриваемых составов, а также на то, какие правила безопасности нарушены: правила, связанные с дорожным движением, или правила безопасности при ведении строительных или иных работ. Правильная квалификация преступных деяний будет способствовать дифференциации ответственности и индивидуализации наказания за них.

УДК 343.2/.7

И. В. РУМЯНЦЕВА

ПОРЧА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ВАНДАЛИЗМ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Одними из важнейших направлений государственной политики являются усиление государственного контроля над состоянием объектов культурного наследия, а также повышение ответственности за нарушение требований их сохранения, использования и государственной охраны¹. В связи с этим в условиях современной России проблема сохранения памятников истории и культуры приобретает особую значимость и требует особого внимания.

Несмотря на длительное существование норм, посвященных уничтожению, повреждению, порче или разрушению культурных ценностей, эффективность применения данных норм оставляет желать лучшего.

Проблемы определения предмета и объективной стороны деяний, отсутствия в составах специального субъекта, а также правильного установления субъективной стороны преступлений постоянно порождают научные дискуссии и вызывают трудности в практической деятельности.

¹ Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2018 г. № 174. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Вандализм опасен не только нанесением порой неустрашимых повреждений произведениям искусства, но также снижением уровня нравственности, духовности и воспитанности людей. Именно поэтому важно разграничить его с уже существующими составами преступления, а именно уничтожением или повреждением культурных ценностей, и даже в некоторых случаях с хищением предметов, имеющих особую ценность, повлекшим за собой их уничтожение, порчу или повреждение.

В первую очередь необходимо обращать внимание на объект и предмет преступного посягательства. Предметом преступления, предусмотренного ст. 243 и п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ, выступают именно культурные ценности, а также объекты культурного наследия. Подробно останавливаться на раскрытии данного термина мы не будем, однако отметим, что главным ориентиром для отнесения того или иного предмета к культурным ценностям на данный момент служит приказ Россвязьзохранкультуры¹.

Предметом же преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, выступают здания (административные, культурно-просветительские и др.), иные сооружения (в которые не могут быть включены места захоронения), имущество на общественном транспорте или в иных общественных местах. В любом случае такое имущество должно быть предназначено для общественного пользования².

Так, действия И. по повреждению путем распила «Памятника литовцам, погибшим в июле 1941—1956 гг. в лагерях и ссылке в период сталинских репрессий» были расценены как повреждение объекта культурного наследия (ст. 243 УК РФ)³, так как указанный памятник включен в Единый государствен-

¹ О Перечне культурных ценностей, подпадающих под действие Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», и документации, оформляемой на право их вывоза с территории Российской Федерации : Приказ Россвязьзохранкультуры от 14 марта 2008 г. № 117. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Зарубин А. В. Некоторые проблемы разграничения уничтожения и повреждения объектов культурного наследия со смежными составами преступлений // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. 2016. Вып. 9, т. 1. С. 141.

³ Приговор Нижнеингашского районного суда Красноярского края от 10 декабря 2018 г. по делу № 1-87/2018 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал. URL: <https://sudrf.ru> (дата обращения: 01.10.2019).

ный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и имеет региональное значение.

Однако не все памятники могут быть предметом преступного посягательства, указанного в ст. 243 УК РФ. Так, Бузулукский районный суд Оренбургской области осудил К. в соответствии с ч. 1 ст. 214 УК РФ, действия которого выражались в повреждении памятника путем отламывания ствола от муляжа автомата¹. Обусловливается вынесенное решение тем, что данный памятник воинам-интернационалистам не включен в вышеуказанный реестр. Однако анализ субъективной стороны деяния не позволяет, по нашему мнению, сделать вывод о наличии вандализма.

Наиболее радикальной точки зрения придерживается А. В. Бриллиантов, который считает, что предметом вандализма памятники истории и культуры быть не могут, поэтому их осквернение можно квалифицировать только по ст. 243 УК РФ². С таким мнением нельзя не согласиться, поскольку сужение предмета преступного посягательства в данном составе не позволяет относить к предмету преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ, все культурные объекты. Поэтому основное внимание суда при квалификации деяния уделяется субъективной стороне деяния.

Субъективная сторона вандализма характеризуется прямым умыслом и специальным мотивом. Вандализм совершается по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Помимо этого нарушается не только общественный порядок, но и причиняется вред имуществу путем осквернения зданий и иных сооружений, порчи имущества на транспорте или в иных общественных местах. При квалификации следует обращать внимание именно на субъективную сторону преступления и решать вопрос о том, были ли направлены действия преступника на порчу имущества по определенным мотивам либо умысел был направлен на повреждение культурных ценностей.

¹ Приговор Бузулукского районного суда Оренбургской области от 8 декабря 2014 г. по делу № 1(2)-27/14 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.10.2019).

² Мартышева О. М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. С. 114.

Рассмотрим другой пример. В 2015 году с Мосфильмовской улицы была украдена скульптурная композиция, изображающая актера Евгения Леонова в роли персонажа фильма «Джентльмены удачи»¹. Преступники распилили памятник и сдали в пункт приема цветных металлов. Суд квалифицировал действия виновных по ст. 158 УК РФ. В данном случае была учтена корыстная цель совершенного деяния, однако совершенно не оценена значимость похищенной и уничтоженной скульптуры.

Неопределенность предмета преступления не позволяет отнести к культурным ценностям все значимые объекты, что подтверждает пример похищения и уничтожения памятника Евгению Леонову.

В связи с этим нельзя не рассмотреть и хищение культурных ценностей, повлекшее за собой их уничтожение, порчу или разрушение, так как в случае отнесения предмета к культурным ценностям, имеющим особую ценность, квалификация должна быть иной.

Так, А. похитил принадлежащие покойному отцу потерпевшей ордена и медали, которые представляли собой особую историческую ценность². Впоследствии он оставил награды в залог за имеющийся у него денежный долг у ФИО, который избавился от данных наград, не зная об их ценности, выбросив в мусорный контейнер, что повлекло за собой уничтожение предметов, имеющих особую историческую ценность. Суд квалифицировал действия А. по п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ. При этом умысел лица был направлен именно на хищение ценностей.

Разрешение вопроса о субъективной стороне деяния очень важно для разграничения состава хищения, повлекшего за собой уничтожение ценностей, со ст. 243 УК РФ. В таком случае есть смысл говорить о том, что если лицо изымает культурную ценность с целью уничтожить ее или повредить, не имея корыстной цели, то состав хищения отсутствует.

¹ Арестованы все обвиняемые в краже памятника Евгению Леонову // Вести.ру : сайт. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2677181> (дата обращения: 16.11.2019).

² Приговор Дербентского городского суда Республики Дагестан от 8 ноября 2017 г. по делу № 1-235/2017 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» : интернет-портал. URL: <http://sudrf.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

Если же лицо похищает культурную ценность и уничтожает ее после попытки распорядиться ею, то деяние следует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 164 и ст. 167 УК РФ (либо, при наличии оснований, по ст. 243 УК РФ). Обусловливается это тем, что данное деяние уже является самостоятельным преступлением.

Например, в 1981 году Митчелл Хоххаузер организовал пожар в фойе музея, в котором висела картина Сальвадора Дали «Распятый Христос». В ходе пожара картина была похищена¹. Преступники же, опасаясь разоблачения, картину попросту сожгли спустя несколько лет, не сумев ею распорядиться.

В данном случае у преступников не было изначально умысла на уничтожение картины, однако впоследствии им пришлось прибегнуть к крайним мерам, потому что правоохранительные органы активно занимались поиском утраченной ценности.

Рассматривая объективную сторону исследуемых составов преступлений, следует упомянуть, что эффективность правовой нормы зависит от ясности и точности используемых в законодательстве понятий. Однако в данном случае мы не можем говорить об этом, поскольку помимо привычного для УК РФ словосочетания «уничтожение или повреждение» появляются термины «порча» и «разрушение».

Законодатель допускает ошибку с точки зрения русского языка, разделяя все эти понятия. Термины «уничтожение» и «разрушение», используемые в диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ, являются синонимами. В части же использования определения «порча» большинство исследователей сходится во мнении, что она является разновидностью повреждения², которая приводит к менее пагубным последствиям.

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Л. Р. Клебанова о том, что необходимо изменить диспозицию статей и предусмотреть уничтожение и повреждение культурных ценностей³, чтобы не возникало мнений по поводу разделения используемых в уголовном законодательстве терминов.

¹ Ни себе, ни людям. Пять историй об уничтоженных предметах искусства // Вести.py : сайт. URL: https://aif.ru/culture/ni_sebe_ni_lyudyam_pyat_istoriy_ob_unichtozhennyh_predmetah_iskusstva (дата обращения: 17.11.2019).

² Клебанов Л. Р. Некоторые квалифицирующие признаки хищения культурных ценностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. № 10. С. 75—81.

³ Там же.

Остро встает вопрос разграничения вандализма и уничтожения или повреждения памятников и зданий в случае схожести совершаемого деяния.

Октябрьским городским судом Республики Башкортостан гражданин признан виновным в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 243 УК РФ, а именно в том, что нанес красителем темного цвета надписи на колонны главного входа здания музыкального колледжа, которое является объектом культурного наследия и находится под государственной охраной¹. Данные надписи содержали в себе оскорбление в адрес работника учреждения.

В другом же случае Б. бы осужден в соответствии с ч. 1 ст. 214 УК РФ² за нанесение на стену фасада памятника градостроительства и архитектуры «Дом жилой купца И. С. Егорова» надписи нецензурного содержания, унижающей честь и достоинство судьи П.

Л. Р. Клебанов считает, что в случае нанесения на памятники истории и культуры бранных надписей нельзя говорить о квалификации деяний по ст. 214 УК РФ, так как предметом преступления считаются не любые здания и сооружения, а именно культурные ценности³. В связи с этим корректно было бы говорить о надругательстве над памятником истории и культуры. Однако в рамках действующего УК РФ в целях большей уголовно-правовой охраны необходимо говорить об уничтожении или повреждении (которое также включает в себя порчу), особенно если речь идет об объектах, которые включены в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации.

Проанализировав представленные выше дела, мы видим, что предметом преступления являются объекты культурного насле-

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 27 декабря 2018 г. № 22-7232/2018 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <http://sudrf.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

² Приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 27 апреля 2018 г. по делу №1-10/2018 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие»: интернет-портал. URL: <http://sudrf.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

³ Клебанов Л. Р. Памятники истории и культуры: правовой статус и охрана: монография / под науч. ред. А. В. Наумова. 2-е изд., испр. М., 2015. 176 с.

дия, включенные в соответствующий реестр, однако квалификация зависела именно от субъективной стороны преступления.

Для решения всех представленных в научной статье проблем предлагаем следующее.

1. При квалификации деяния обращать внимание в первую очередь на предмет совершаемого деяния. Согласимся с мнением А. В. Бриллиантова и Л. Р. Клебанова, что нельзя рассматривать совершение вандализма в отношении предметов, которые являются объектами культурного наследия, включены в соответствующий реестр, так как для них предусмотрен специальный состав — ст. 243 УК РФ.

2. Если предмет посягательства не соответствует ст. 243 УК РФ, необходимо особое внимание уделять субъективной стороне деяния, так как для вандализма характерен специальный мотив, который в некоторых случаях даже не разъясняется судами.

3. Для разрешения вопроса о содержании объективной стороны и устранения споров по поводу неоднозначности понятий необходимо предусмотреть наравне с понятием «повреждение» понятие «порча» имущества, либо изменить действующее уголовное законодательство и предусмотреть в составах преступлений словосочетание «уничтожение или повреждение».

УДК 343.2/7

М. А. СЕЛИВЕРСТОВА

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СПЕЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Специальные условия освобождения от уголовной ответственности — это закрепленный в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ субинститут уголовного права, представляющий собой нетипичную форму реакции государства на совершенное преступление. Существование субинститута обусловлено «потребностями обеспечения безопасности более ценных объектов уголовно-правовой охраны при условии отказа от реализации уголовной ответственности за причинение вреда менее

ценным объектам»¹, т. е. при соблюдении условий, указанных в отдельном примечании, у виновного возникает право быть освобожденным, а у государства — обязанность освободить лицо от уголовной ответственности. Это побуждает виновных отказаться от преступных действий или прекратить их совершение, а государству дает возможность предупредить или выявить другие, зачастую более общественно опасные, преступления, совершаемые иными лицами.

Примечание к ст. 205 УК РФ гласит, что лицо, участвовавшее в подготовке террористического акта, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления террористического акта и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления. Некоторые авторы считают, что указанное примечание является специальным видом деятельного раскаяния², с чем трудно согласиться. Представляется верным рассматривать данное примечание в качестве разновидности добровольного отказа, поскольку его целью является предотвращение преступления, а освобождение от уголовной ответственности выступает в качестве стимула как к прекращению собственных преступных действий, так и к склонению к добровольному отказу других соисполнителей или к прямому противодействию им. Если, несмотря на предпринятые действия, террористический акт все же совершается, лицо не освобождается от уголовной ответственности.

Из этого следует, что указанное примечание устанавливает больше условий для освобождения от уголовной ответственности, чем требует общая норма. Это было бы оправдано, если бы примечание содержало в себе такое условие, как деятельное раскаяние, поскольку террористический акт относится к категории особо тяжких преступлений и общие положения ч. 1 ст. 75 УК РФ к нему не применяются. Но при добровольном отказе все иначе: он распространяется на все преступления вне зависимости от их категории, поэтому исполнителю достаточно добровольно и окончательно отказаться от доведения преступных действий

¹ Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2013. 44 с.

² Соловьев Р. Специальные виды освобождения от уголовной ответственности // Законность. М., 2001. № 11. С. 29—30.

до конца. К примеру, если террористический акт должны были совершить несколько соисполнителей и один из них отказался от его совершения, а другие довели преступный умысел до конца, то отказавшийся не может быть освобожден от уголовной ответственности согласно примечанию к ст. 205 УК РФ, но будет освобожден в соответствии со ст. 31 УК РФ. В связи с вышесказанным предлагается убрать примечание к ст. 205 УК РФ.

Формулировка п. 2 примечания к ст. 205.1 УК РФ схожа с примечанием к ст. 205 УК РФ. Согласно ему лицо, совершившее преступление, предусмотренное указанной статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению либо пресечению преступления, которое оно финансировало и (или) совершению которого содействовало, и если в его действиях не содержится иного состава преступления. Разница между примечаниями заключается в том, что в примечании к ст. 205.1 УК РФ формально закреплён специальный вид деятельного раскаяния, поскольку лицо уже совершило преступление, но его фактическое содержание идентично добровольному отказу, за исключением слова «пресечение», которое свидетельствует о возможности освобождения от уголовной ответственности при способствовании фактическому прекращению преступных действий исполнителя, когда юридически преступление уже окончено (к примеру, склонение исполнителя ст. 206 УК РФ к освобождению заложников).

Данная коллизия происходит из-за того, что вразрез с положениями ст. 34 УК РФ ответственность исполнителей и других соучастников одного и того же преступления террористической направленности наступает по разным статьям Особенной части УК РФ, а значит, и примечания к ст.ст. 205, 205.3, 206, 208 УК РФ распространяются лишь на исполнителей указанных преступлений. Получается, что организаторы, подстрекатели и пособники для освобождения от уголовной ответственности по ст. 205.1 УК РФ должны предотвратить или пресечь преступление, предусмотренное другой статьей, что само по себе с точки зрения юридической техники представляется бессмысленным.

Поскольку состав ст. 205.1 УК РФ формальный, т. е. окончен с момента совершения действий по содействию террористической деятельности, общие правила освобождения со-

участников преступления в связи с добровольным отказом к ним не применяются, так как отказ возможен лишь на стадии приготовления и неоконченного покушения. Более того, в указанном примечании содержится больше условий для освобождения, чем это предусмотрено ч. 4 ст. 31 УК РФ. Так, пособники не подлежат уголовной ответственности, если они предприняли все зависящие от них меры, чтобы предотвратить совершение преступления. В ст. 205.1 УК РФ закреплено, что предотвращение или пресечение преступления обязательно, в противном случае действия пособника можно рассматривать только в качестве смягчающего обстоятельства.

Исходя из этого, законодатель лишает возможности участников быть освобожденным от уголовной ответственности по общему основанию (ч. 4 ст. 31 УК РФ), но сохраняет такую возможность для исполнителей, хотя действия последних более общественно опасны. Несмотря на вышеописанные проблемы, содержащиеся в конструкции примечания к ст. 205.1 УК РФ, исключать примечание из текста Особенной части УК РФ не стоит, поскольку в противном случае организаторы, пособники и подстрекатели преступлений террористической направленности не смогут быть освобожденными от уголовной ответственности ни в связи с добровольным отказом, ни в связи с деятельным раскаянием, так как данное преступление является особо тяжким и ч. 1 ст. 75 УК РФ к нему не применяется. Главная проблема кроется не столько в примечании, сколько в самом существовании ст. 205.1 УК РФ.

Примечание к ст. 206 УК РФ закрепляет специальный вид деятельного раскаяния, согласно которому лицо, добровольно или по требованию властей освободившее заложника, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Целью примечания является сохранение жизни и здоровья захваченных людей, ценность которых признается превыше интересов правосудия.

В научной литературе существует мнение, что выдача заложника по требованию властей не является добровольной¹, что представляется неверным. Автор придерживается позиции

¹ Гришин Д. А. Свобода человека как основание освобождения от уголовной ответственности // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 172—175.

В. С. Егорова, согласно которой признак добровольности требует осознания виновным возможности дальнейшего удержания заложников и самостоятельного принятия решения об их освобождении, которое не исключает внешнего принуждения, кроме непреодолимого¹. Поскольку требования являются выраженными в ультимативной форме предложениями предоставить свободу потерпевшему, они лишь «наталкивают на мысль» виновного, но не подавляют его волю, так как в противном случае у него отсутствует возможность принятия решения о дальнейшей судьбе заложников и, как следствие, право на освобождение от уголовной ответственности. Предлагается изменить формулировку примечания к ст. 206 УК РФ с «добровольно или по требованию властей» на «добровольно, в том числе по требованию властей».

Добровольное освобождение предполагает предоставление потерпевшему свободы передвижения. Если заложник освобождается после выполнения требований, предъявленных виновным в адрес гражданина, организации или государства, то основания для освобождения от уголовной ответственности отсутствуют. Следовательно, виновный должен освободить заложника до предъявления требований или после их выдвижения, но до выполнения².

На наш взгляд, необходимо разделять требования, выдвигаемые виновными, на основные и дополнительные (обеспечивающие). Основные требования являются целью захвата заложника, т. е. они то, ради чего виновный идет на совершение преступления; дополнительные требования представляют собой лишь средство дальнейшего удержания заложников. Бесспорно то, что выдвижение как основных, так и дополнительных требований общественно опасно, и они в равной степени могут выступать конструирующими элементами ст. 206 УК РФ, но, по нашему мнению, выполнение обеспечивающих требований не должно лишать виновного возможности освободиться от уголовной ответственности.

¹ Егоров В. С. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. М., 2002. 279 с.

² Богданова Э. Ю. Некоторые проблемные аспекты отграничения захвата заложников от смежных составов преступлений // XIX Державинские чтения. Институт права : материалы Общерос. науч. конф., февраль 2014 года. Тамбов, 2014. С. 335—337.

Обратимся к судебной практике. Так, А. захватил заложника и потребовал как условие его освобождения пистолет Макарова и автомобиль «Приора» с водителем для беспрепятственного выезда из города¹. Такие требования являются примером основных требований. Сотрудники полиции оставили ему пистолет на лестничной площадке и подогнали машину к подъезду. Впоследствии А. был задержан у выхода из подъезда. Поскольку его требования были выполнены, даже если бы он отпустил заложника, то все равно не получил бы права на освобождение от уголовной ответственности.

Довольно часто виновные требуют, чтобы им организовали встречу со знакомым сотрудником полиции² или чтобы никто не подходил к дверям комнаты³ или иного помещения, здания, в котором удерживаются заложники. Это дополнительные требования, выполнение которых не влечет утраты права на освобождение от уголовной ответственности. Так, требование не приближаться к виновному вытекает из сложившейся обстановки и подразумевается при каждом захвате заложников. Требование о встрече с сотрудником полиции подразумевает, что виновный готов к переговорам и к возможному освобождению заложников по требованию властей, что также должно рассматриваться в пользу виновного.

На практике также встречаются случаи, когда виновные выдвигают и основные, и дополнительные требования. Так, К. потребовал принести ему коктейль, пиццу, воду, сигареты, а также, чтобы в здании на этаже не было людей⁴. Сначала было выполнено дополнительное требование, и на тот момент у К. еще сохранялась возможность отпустить заложников, но впоследствии ему принесли продукты питания и напитки, т. е. были выполне-

¹ Приговор Верховного суда Республики Дагестан от 31 января 2013 г. по делу № 2-20/2013 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/7iyi8M2eF7JC/> (дата обращения: 18.11.2019).

² Приговор Медведевского районного суда от 8 октября 2015 г. по делу № 1-121/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/r0rgicLUZprH/> (дата обращения: 18.11.2019).

³ Приговор Верховного суда Республики Марий Эл от 5 февраля 2014 г. по делу № 2-2/2014 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/wR8VYZM0uKxv/> (дата обращения: 18.11.2019).

⁴ Приговор Астраханского областного суда от 11 июня 2013 г. по делу № 1-14/2013 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/U9eCqJlzRPYv/> (дата обращения: 18.11.2019).

ны основные требования, и К. лишился права на освобождение от уголовной ответственности.

Примечание к ст. 208 УК РФ гласит, что лицо, впервые совершившее указанное преступление, добровольно прекратившее участие в незаконном вооруженном формировании (НВФ) и сдавшее оружие, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления. Из этого следует, что лица, создавшие незаконное вооруженное формирование, руководившие им или финансирующие его деятельность, не освобождаются от уголовной ответственности.

Согласно п. 30 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (Постановление от 9 февраля 2012 г. № 1) под лицами, сдавшими оружие, следует понимать участников НВФ, которые сдали органам власти имеющееся у них оружие либо указали места его хранения. Более полное определение добровольной сдачи оружия закреплено в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств». Под добровольной сдачей подразумевают выдачу лицом по своей воле или сообщение органам власти о месте нахождения при реальной возможности дальнейшего хранения этих предметов.

Из этого также следует, что избавление от оружия иным способом (уничтожение, передача иным лицам) не влечет за собой освобождения от уголовной ответственности. Согласно Постановлению от 9 февраля 2012 г. № 1 вооруженность НВФ предполагает наличие у его участников любого вида огнестрельного или иного оружия, боеприпасов и взрывных устройств, а также боевой техники. При этом в примечании к ст. 208 УК РФ указывается только возможность сдачи оружия, что является пробелом в законодательстве. Если у участника НВФ было в распоряжении, скажем, взрывное устройство, а он прекратил участие в НВФ и сдал устройство органам власти, то его освободят от уголовной ответственности согласно примечанию к ст. 222.1 УК РФ, так как «в случае добровольной сдачи указанных предметов лицо освобождается от уголовной ответственности по статьям 222—223.1 УК РФ независимо от при-

влечения его к ответственности за совершение иных преступлений»¹, но привлекут к ответственности по ч. 2 ст. 208 УК РФ. В связи с этим предлагается дополнить п. 30 исследуемого Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации положением, по которому лицами, сдавшими оружие, будут также признаваться участники НВФ, сдавшие боеприпасы, взрывные устройства или боевую технику.

Поскольку участие в НВФ подразумевает, в том числе, выполнение функций по обеспечению его деятельности, не связанных с использованием оружия (строительство временного жилья; приготовление пищи; ведение подсобного хозяйства), это означает, что не все участники будут обладать оружием и, как следствие, не смогут сдать его органам власти. В рассматриваемом Постановлении этот момент учтен: «участник незаконного вооруженного формирования, в силу возложенных на него обязанностей не обладающий оружием, может быть освобожден от уголовной ответственности, если он добровольно прекратил участие в незаконном вооруженном формировании и сообщил об этом органам власти» (п. 30). Представляется несправедливым то, что лица, не обладавшие оружием, не освобождаются от уголовной ответственности в императивном порядке, как это предусмотрено примечанием к ст. 208 УК РФ для вооруженных участников, так как в таком случае законодатель признает безоружных участников более общественно опасными. Предлагается изменить данную формулировку Постановления от 9 февраля 2012 г. № 1 с «может быть освобожден» на «освобождается».

Обобщая вышесказанное, предлагается ввести следующие изменения в действующее законодательство: исключить примечание к ст. 205 УК РФ из текста Особенной части УК РФ; изменить формулировку примечания к ст. 206 УК РФ с «добровольно или по требованию властей»; на «добровольно, в том числе по требованию властей», дополнить п. 30 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 положением, по которому лицами, сдавшими ору-

¹ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 : текст с изм. и доп. на 11 июня 2019 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

жие, будут также признаваться участники НВФ, сдавшие боеприпасы, взрывные устройства или боевую технику; также следует признать за участниками НВФ, не обладавших оружием, право на безусловное освобождение от уголовной ответственности наравне с вооруженными участниками.

УДК 343.2/.7

Д. С. СИДЯГИНА

К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА ОРУЖИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ

Одной из общемировых тенденций развития современного общества является непрекращающееся увеличение запасов оружия у населения и военизированных организаций. В связи с этим незаконный оборот оружия является одним из наиболее распространенных преступлений в сфере общественной безопасности. Основным средством противодействия распространению оружия традиционно является уголовное законодательство.

Ответственность за незаконный оборот оружия предусмотрена ст. 222 УК РФ. Диспозиция указанной статьи предусматривает несколько альтернативных оснований привлечения к уголовной ответственности, одним из которых является незаконный сбыт оружия. Рассматриваемый состав по конструкции объективной стороны является формальным и не связан с наступлением каких-либо материальных последствий. Поэтому действия по незаконному сбыту следует считать оконченными в момент совершения указанных действий.

Незаконный сбыт, согласно постановлению Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», предполагает безвозвратное отчуждение оружия приобретателю в результате совершения какой-либо противоправной сделки. В научной литературе справедливо отмечают, что незаконный сбыт оружия — это любые действия по отчуждению оружия, которые приводят к его переводу во владение другого лица, т. е. продажа, дарение, обмен и т. п., в том числе

посредством его почтовой или иной пересылки¹. Однако из приведенного Постановления не ясно: в какой момент незаконный сбыт оружия считается оконченным? должен ли приобретатель получить, а в определенных случаях оплатить отчуждаемое ему оружие?

Верховный Суд Российской Федерации в п. 13.1 постановления Пленума от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» указывает момент окончания незаконного сбыта наркотических и психотропных средств. Так, незаконный сбыт следует считать оконченным преступлением с момента выполнения лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю указанных средств, веществ, растений независимо от их фактического получения приобретателем, в том числе когда данные действия осуществляются в ходе оперативно-розыскного мероприятия.

Учитывая схожесть конструкций рассматриваемых составов, можно предположить, что момент окончания незаконного сбыта оружия также не зависит от фактического получения оружия приобретателем. Данная теория поддерживается рядом ученых в области уголовного права и находит свое подтверждение в судебной практике².

Так, в описательно-мотивировочной части одного из приговоров отмечается, что сбыт оружия является оконченным в момент его передачи третьему лицу³. При этом ничего не говорится об обязательном получении этим третьим лицом передаваемого оружия.

Отдельного внимания заслуживают проблемы определения момента окончания незаконного сбыта оружия в условиях контроля со стороны правоохранительных органов. В одних случаях

¹ Дикаев С. У. Незаконное распространение оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (уголовно-правовая и криминологическая характеристика) : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1997. С. 67 ; Скоропупов Ю. И. К вопросу о незаконном сбыте газового оружия, холодного оружия, в том числе метательного оружия // Известия ТулГУ. 2016. № 2. С. 180.

² Корецкий Д. А., Солоницкая Э. В. Оружие и его незаконный оборот. СПб., 2006. С. 60.

³ Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 6 октября 2017 г. по делу № 1-634/2017 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <https://судебныерешения.рф> (дата обращения: 12.11.2019).

незаконный сбыт оружия в условиях, когда он осуществлялся в рамках проведения оперативно-розыскного мероприятия, суды оценивают как покушение на преступление, в других — как оконченное преступление¹.

Применительно к действиям по сбыту оружия в ситуациях, осложненных проведением оперативно-розыскного мероприятия, высказанная ранее позиция не совсем верна, поскольку не учитывает особенностей механизма причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны. Незаконный сбыт оружия в рамках проведения проверочной закупки правоохранительными органами правильнее оценивать как неоконченное преступление, потому что такое оперативно-розыскное мероприятие, как проверочная закупка, по своему смыслу предполагает, что оружие будет изъято из незаконного оборота, ввиду чего вред легальному обороту оружия не будет причинен.

Решение вопроса о моменте окончания преступления в условиях проведения оперативно-розыскного мероприятия невозможно без обращения к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в статье 2 которого определены задачи оперативно-розыскной деятельности, заключающиеся в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии преступлений, в выявлении и установлении лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших². Также необходимо упомянуть, что ст. 5 Закона содержит

¹ Приговор Оренбургского гарнизонного военного суда от 6 сентября 2016 г. по делу № 1-50/2016 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/O5UJM5R9ZDb1/> (дата обращения: 27.10.2019) ; Приговор Каневского районного суда Краснодарского края от 18 апреля 2017 г. по делу № 1-103/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/O5UJM5R9ZDb1/> (дата обращения: 27.10.2019).

² Под выявлением преступлений в тексте Закона понимается установление фактов совершения латентных преступлений, информация о которых не поступает по официальным каналам в правоохранительные органы. Предупреждение преступления заключается в недопущении его совершения, устранении конкретных причин и условий, способствующих совершению преступлений, а также выявлении лиц, подготавливающих противоправные деяния, и склонении их к отказу от преступных намерений. Пресечение преступлений означает лишение лица реальной возможности завершить начатое преступление, довести его до конца, недопущение вредных последствий. Под раскрытием преступлений понимается система мер по установлению лиц, совершивших преступления, и обеспечение возможности их привлечения к уголовной ответственности путем сбора информации, имеющей доказательственное значение (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (поста-

запрет на осуществление оперативно-розыскной деятельности для достижения целей и решения задач, не предусмотренных данным Федеральным законом.

Основанием для проведения должностным лицом такого оперативно-розыскного мероприятия, как проверочная закупка, является информация о том, что лицо совершило действия по приготовлению к совершению преступления. Возможны два варианта: когда правоохранительные органы располагают сведениями о лице, готовящемся к совершению преступления, и когда таких сведений нет.

В случае проведения проверочной закупки при отсутствии сведений о личности преступника основной задачей правоохранительных органов является выявление и установление лиц, подготавливающих преступление, раскрытие готовящегося преступления, предупреждение и пресечение преступной деятельности. Когда лицо известно, цели выявления и раскрытия преступления преследоваться не могут: преступление еще не совершено, а лицо уже известно.

Если лицо уже совершило действия по приготовлению к незаконному сбыту, то решение задачи по предупреждению преступления практически исключается. В такой ситуации правоохранительные органы имеют возможность пресечь преступную деятельность еще на стадии приготовления к совершению преступления. Однако в некоторых случаях сознательное доведение преступления до более поздней стадии обусловлено выявлением канала поступления оружия подозреваемому или установлением иных лиц, причастных к незаконному обороту оружия.

Следовательно, основной задачей проведения оперативно-розыскных мероприятий является пресечение незаконного сбыта оружия. Следствием решения этой задачи может быть только фактическое пресечение преступления, а юридическим подтверждением тому — квалификация действий лица как покушение на

тейный) / Г. Н. Борзенков, А. В. Бриллиантов, А. В. Галахова [и др.] ; отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. М., 2013. 1359 с. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2013 г. № 34-О13-4; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 50-О11-47; Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2010 г. № 71-О10-27. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»); Вагин О. А., Исиченко А. П., Чечетин А. Е. Комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». (Постатейный). М., 2009. 136 с.

незаконный сбыт оружия. Фактически цель пресечь преступление при проведении проверочной закупки достигается, потому что вред объекту уголовно-правовой охраны не причиняется. Но при квалификации этих действий как оконченное преступление приходится констатировать, что оперативные службы не решили задачу пресечения преступления, а, напротив, создали условия для доведения преступления до конца, т. е. нарушили закон. А этот факт, в свою очередь, может послужить основанием для признания доказательств, полученных при проведении проверочной закупки, недопустимыми.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал на то, что проведение оперативно-розыскных мероприятий возможно, во-первых, лишь в целях выполнения задач, предусмотренных ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и, во-вторых, только при наличии оснований, указанных в ст. 7 данного Закона; в частности, не допускается проведение оперативно-розыскного мероприятия, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также с выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших¹.

Все вышеизложенное ставит под сомнение обоснованность квалификации незаконного сбыта оружия лицом в условиях проведения проверочной закупки как оконченного преступления.

УДК 343.2/.7

М. П. СКОРОХОВА

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 212 УК РФ

В современной реальности нередко возникают проблемы с уголовно-правовой оценкой преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок. Составы таких преступлений содержатся, например, в ст. 212 УК РФ

¹ Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 27 января 2011 г. № 56-О-О, от 6 марта 2001 г. № 58-О, от 21 октября 2008 г. № 640-О-О, от 28 мая 2009 г. № 641-О-О. (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

«Массовые беспорядки». Массовые беспорядки убедительно демонстрируют свою повышенную степень общественной опасности, которая состоит в проникновении в общество идеологии преступного мира, социальном заражении общества преступными обычаями и традициями, носителями которых является определенный круг лиц, совершающих преступления¹.

Действующая редакция ст. 212 УК РФ содержит четыре части и предусматривает ответственность за четыре самостоятельных состава преступления. В связи с этим следует обратиться к объективным признакам этих составов. Итак, родовым объектом всех составов преступлений, содержащихся в рассматриваемой статье, являются общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность всего общества и самого государства в целом. Видовым объектом стоит признать общественную безопасность в узком смысле: это состояние защищенности общества от угроз различного характера. Основным непосредственным объектом данных составов преступлений являются общественные отношения, дополнительным объектом — отношения, обеспечивающие жизнь и здоровье людей, нормальную законную деятельность представителей власти, а также нормальное развитие и здоровье несовершеннолетнего.

В преступлении, предусмотренном ч. 1 ст. 212 УК РФ, объективная сторона состава выражается в таких действиях, как: организация массовых беспорядков, а также подготовка лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них. Действия по организации массовых беспорядков и по подготовке лица для организации массовых беспорядков или участия в них являются разными по своей сути, ответственность должна наступать непосредственно только за организацию массовых беспорядков².

Все остальные действия являются самостоятельными, их нужно оценивать по правилам соучастия, а для этого необходимо

¹ Бойцова Ж. А. К вопросу об общественной опасности подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков // Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью : сб. науч. ст. по итогам науч.-практ. семинара в Моск. ун-те МВД России / Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя ; под ред. Н. Г. Кадникова и М. М. Малыковцева. М., 2009. С. 238.

² Подробнее см.: Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 47.

ч. 5 ст. 33 УК РФ дополнить указанием на то, что к действиям пособника необходимо относить действия по подготовке лиц (лица) к совершению тех или иных преступлений.

Многие ученые и специалисты отмечают, что не совсем ясно само понятие «массовые беспорядки», что приводит к неверной оценке опасных действий¹. Диспозиция статьи в этой части требует тщательной разработки. Среди ученых нет единого мнения по поводу критериев признания беспорядков массовыми. С нашей точки зрения, заслуживает внимания позиция ученых, считающих массовыми мероприятия, где собираются более трех человек.

В части 2 ст. 212 УК РФ предусматривается ответственность за участие в массовых беспорядках, о которых говорится в части 1 этой же статьи. При этом в ч. 1 ст. 212 УК РФ понятие массовых беспорядков не определено, а лишь перечислены действия, сопровождающие массовые беспорядки.

Кроме того, из статистических данных видно, что больше всего лиц за 2017 год (48) и 2018 год (30) было осуждено по ч. 2 ст. 212 УК РФ, тогда как по ч. 1 ст. 212 УК РФ за 2017 и 2018 годы было осуждено всего 9 человек². Это объясняется не только фактическим соотношением «рядовых» участников массовых беспорядков с их организаторами и иными лицами, содействовавшими организации и осуществлению массовых беспорядков путем подготовки участников, их склонения, вербовки, иного вовлечения или призывов, но и трудностями выявления и доказывания причастности к массовым беспорядкам тех, кто непосредственно не совершал погромы, поджоги и другие опасные действия, предусмотренные ч. 1 ст. 212 УК РФ.

Отсутствие же лиц, осужденных по чч. 1.1, 3, 4 ст. 212 УК РФ, может говорить об отсутствии криминологического обоснования их введения в данную норму. Также следует обратить внимание на сравнение санкций, содержащихся в ч. 1 и ч. 1.1, с санкцией, содержащейся в ч. 3 рассматриваемой статьи. Будет целесообразнее ужесточить наказание по ч. 3, так как склонение, вербовка и иное вовлечение в преступную деятельность могут быть

¹ См., напр.: Никулин А. Г. Проблемы квалификации массовых беспорядков // Вестник 2009: государство и право. Красноярск, 2010.

² Судебная статистика РФ : сайт. URL: <http://stat.api-press.prf/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 19.11.2019).

направлены на неопределенное количество лиц, особенно при использовании информационно-коммуникативных технологий.

Массовые беспорядки в нынешнее время имеют тенденцию к росту. В связи с этим регламентация и реализация уголовной ответственности за деяния, связанные с массовыми беспорядками, нуждаются в научном осмыслении и доработке на законодательном уровне.

УДК 343.2/.7

Г. И. СКРЕБЦОВ

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-ТЕРРОРИСТА

Стремительно протекающие глобальные мировые процессы влекут за собой изменения в каждой микросреде. В последние десятилетия наблюдаются глубокие изменения в мировой политике, экономике, что, в свою очередь, затрагивает и жизнь населения многих стран. Так, современная картина мира характеризуется ростом религиозного экстремизма, национализма и сепаратизма, а фактический распад исторических государств на Ближнем Востоке, связанный с внешним вмешательством, влечет не только интернациональную агрессию, но и острый рост миграции, увеличивающий поток беженцев и в странах, охваченных конфликтами, и в соседствующих с ними. Указанные проблемы в любой момент могут коснуться России, учитывая ее особое географическое положение, многонациональность, многоконфессиональность и исключительную роль Российской Федерации на международной арене. Все это делает Россию более уязвимой перед террористической угрозой.

Данная проблема требует предупреждения, поиска путей решения и противостояния до момента наступления критической ситуации. Особое место в сфере терроризма занимает тема личности преступника-террориста, глубокое изучение которой позволит наиболее эффективным образом противостоять угрозе терроризма.

Абсолютно верно, на наш взгляд, замечает А. В. Боков, что «воспринимать личность террориста следует в двух смыслах: как родовое понятие, характеризующее определенный тип людей, способных к совершению преступлений, и как понятие, содержащее указание на то, что речь идет о человеке, совершившем

преступление террористической направленности. Самое важное здесь — особенности данной личности и специфика ее преступного поведения»¹.

По мнению З. Ш. Матчановой, «не существует личностных свойств, присущих исключительно террористам. Мстительность, алчность, жестокость могут быть свойственны и вполне законопослушному субъекту, в то время как преступник может сочетать свои негативные, опасные черты с вполне позитивными человеческими качествами»².

Изучая признаки, которые в сочетании с определенными условиями и обстоятельствами повлияли на совершение данным лицом общественно опасного посягательства, мы получаем возможность наиболее полного выявления и устранения причины такого поведения.

Очевидным является то, что не только микросреда и атмосфера в семье «дарят» миру и российской действительности новых преступников-террористов, все чаще встречающихся среди молодежи. В Российской Федерации наибольшее количество преступлений террористического характера совершаются в республиках Северного Кавказа. Это обусловлено и географическим положением, и относительно недавними событиями на территории Чеченской Республики, сыгравшими пагубную роль в криминогенной обстановке в субъектах Российской Федерации. Например, Республика Дагестан по уровню нестабильности, взрывоопасности, неразрешенности социально-политических, этнических, конфессиональных и национальных проблем вовсе не имеет аналога в Российской Федерации³. Экстремисты со стороны соседних государств и в настоящее время проникают на территорию Республики Дагестан с целью осуществления террористической и экстремистской деятельности. Самой острой, на наш взгляд, проблемой, является неустойчивость молодежи Северного Кавказа перед факторами, играющими роль в становлении личности-террориста. Подобная ситуация складывается в силу ряда причин.

¹ Боков А. В. Организация борьбы с преступностью. М., 2003. С. 54.

² Матчанова З. Ш. Факторы распространения терроризма в современной России: криминологический анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2016. С. 10.

³ Бучаев С. М. Криминологические проблемы противодействия процессу становления личности преступника-террориста. Грозный, 2019. С. 82.

1. Наличие террористических организаций на территории субъектов Северного Кавказа является одним из факторов становления личности преступника-террориста. Многие выходцы с Кавказа принимали участие в вооруженном конфликте на стороне оппозиции в Сирийской Арабской Республике (в 2016 году 1 126 человек из Дагестана, 180 из которых убито, 251 объявлены в международный розыск; с 2010 по 2013 год 343 жителя Кабардино-Балкарии убиты как участники незаконных вооруженных формирований; в 2016 году на территории Чеченской Республики уничтожено 26 боевиков, задержано 28 участников незаконных вооруженных формирований). Разумеется, подобные сообщества «лесных братьев» (так называют незаконные вооруженные формирования республик Северного Кавказа), создаваемые изначально для применения насилия в преступных целях, и по сегодняшний день оказывают пагубное влияние на атмосферу в обществе и развитие молодежи. Такие сообщества подкрепляются не только финансами из-за рубежа, но и опытом диверсионно-террористической деятельности возвращающихся из Сирии и других государств боевиков.

2. Особенности в республиках Северного Кавказа товарооборота оружия, находящегося как в легальном владении у населения, так и в криминальном обороте. Обобщенная следственная практика показывает, что террористы все чаще используют мощные взрывные устройства. Например, при подрыве у здания развлекательного комплекса «Золотая империя» в г. Махачкале использовался гранатомет с последующим взрывом мощной бомбы¹.

Уровень незаконного оборота оружия по-прежнему остается очень высоким в Республике Дагестан. Только в 2014 году зарегистрировано 1 570 преступлений против 1 492 в 2013 году. В 2017 году зарегистрировано 1 674 преступления данной категории.

3. Коррупциогенный фактор. Как правильно отмечает А. В. Привалов: «Значительно более опасным является создание массы организационных центров, обеспечивающих легальное прикрытие, транспортное, информационное, финансовое, кадровое, материально-техническое и иное обеспечение деятельности

¹ Там же. С 106.

экстремистских группировок и объединений»¹. Коррупция питает терроризм не только в силу своей правовой природы, но и за счет того, что «лесные братья» насильно изымают нелегально нажитые деньги у должностных лиц и бизнесменов, которые по понятным причинам не обращаются за защитой в правоохранительные органы. Высокий уровень коррупции в органах государственной власти влечет за собой и рост озлобленности населения на действующий режим (социальная несправедливость, безработица среди молодежи, жизнь на грани бедности, желание быстрого заработка).

4. Неисполнение антитеррористического законодательства. Проведенные учеными исследования показали, что в большинстве регионов России остаются до конца не реализованными положения Федерального закона от 25 июля 2020 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», несмотря на то что эта сфера должна быть приоритетной, учитывая обстановку в стране. Многие руководители муниципальных образований не владеют достоверной информацией о юных гражданах, проходящих обучение в зарубежных вузах и странах, где развиты радикальные религиозные течения; не принимаются соответствующие меры по выявлению детей, в ущерб основной учебе посещающих религиозные образовательные учреждения; остаются без внимания вопросы профилактики экстремизма и терроризма среди определенных категорий населения, подверженных влиянию такой идеологии.

Крайне пагубно отражаются случаи освобождения террористов-экстремистов от уголовной ответственности или же чересчур мягкое к ним отношение. Такие факты демонстрируют безнаказанность всему населению. Например, приговором Магарамкентского районного суда Республики Дагестан от 9 марта 2016 г. Н. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 208 и ч. 1 ст. 222.1 УК РФ, и осужден к трем годам лишения свободы со штрафом в размере 10 тыс. рублей и ограничением свободы сроком на один год.

Большинство граждан не желает идти на конфиденциальное сотрудничество с правоохранительными органами в силу малого материального вознаграждения и частого злоупотребления

¹ Привалов А. В. К вопросу о профилактике экстремистской деятельности юридических лиц // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 2—4.

сотрудниками правоохранительных органов своими должностными полномочиями. Такое сотрудничество влечет, в свою очередь, негативную ответную реакцию, особенно среди радикальной молодежи.

5. Источниками толерантности к терроризму являются и средства массовой коммуникации. «Сюжеты и комментарии подобного рода заполняют эфир, страницы газет и журналов, ресурсы интернета, облегчая террористам и экстремистам решение их главной задачи — доведение своих идеологических установок до общества и запугивание населения»¹. Около 47 % респондентов считают, что молодые люди узнают о возможности участвовать в террористических организациях через интернет².

Данная форма деятельности получила название информационного терроризма и экстремизма. В 2017 году в Республике Дагестан зарегистрировано 106 преступлений, совершенных с использованием сети «Интернет», в 2013 году — 25.

В борьбе за предупреждение становления личности террориста приоритет, разумеется, должен отдаваться не силовым, а воспитательным мерам, по большей степени направленным на представителей молодежи.

Несиловые меры воздействия должны сдерживать граждан на всех этапах становления личности террориста. Приоритетным направлением, безусловно, должно являться социально-экономическое развитие как всей страны в целом, так и регионов Северного Кавказа в частности (реализация программ по созданию рабочих мест, создание реальных условий для предпринимательской деятельности и т. д.).

Не менее важным вопросом является проблема защиты молодежи от внешних вредоносных факторов. Эффективными мерами, которые могут улучшить ситуацию в республиках Северного Кавказа, являются меры по укреплению государственных границ. Следует следить за гражданами, выезжающими за пределы страны, по возможности не допускать выезда молодых женщин без сопровождения. Необходимо и приведение норма-

¹ Воронцов С. А. Анализ причин и условий, влияющих на рост экстремизма и терроризма в Российской Федерации // Обзор. НИЦПТИ. 2013. № 3. С. 34.

² Панкова Л. Н., Аверин Ю. П., Горшкова И. Д., Сушко А. И., Сушко В. А. Результаты социологического исследования по вопросам противодействия идеологии терроризма в 2010 году. М., 2010. С. 1617.

тивно-правовой базы в сфере защиты и охраны государственной границы в соответствие с реальной обстановкой в мире.

Также представляется верной позиция, согласно которой необходимо преобразовать ряд норм уголовного права сообразно сложившейся на данный момент в мире ситуации. Например, остается до конца непонятной реализация на практике примечания к ст. 205 УК РФ. В зависимости от толкования данной нормы судебные решения будут носить разный характер.

Призывы к террористической деятельности в основном имеют своей целью воздействие на открытые и восприимчивые умы подрастающего поколения, при этом нарушается здоровое развитие молодежи.

На наш взгляд, следует ввести в ст. 205.2 УК РФ третью часть, предусматривающую ответственность за совершение публичных призывов в присутствии несовершеннолетних или же лицами, использующими для этого свое служебное положение. Учитывая, что стремительно происходит и процесс омолаживания лиц, вовлекаемых в террористическую деятельность, в рамках уголовно-правовых мер противодействия данному процессу представляется логичным в ч. 2 ст. 205.1 УК РФ добавить не только «использование служебного положения», но и «совершение деяний, предусмотренных частью первой данной статьи, в отношении несовершеннолетних».

Также необходимо принять комплексные меры по вовлечению населения наиболее уязвимых перед терроризмом и экстремизмом субъектов Российской Федерации в плодотворное сотрудничество с правоохранительными и иными государственными органами.

Таким образом, можно говорить о том, что перед государством на сегодняшний день стоит ряд задач, требующих срочного решения и являющихся приоритетными в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом. Немаловажная роль в данной сфере отдается уголовно-правовой борьбе. Представляется, что полноценная реализация подобных мер на практике окажет не только позитивное влияние на предотвращение становления личностей террористов в Российской Федерации, но и внесет существенный вклад в улучшение криминогенной ситуации на территории нашей страны.

УДК 343.2/.7

А. А. ФАТЕЕВА

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 226.1 УК РФ**

Раздел 9 Уголовного кодекса Российской Федерации описывает составы преступлений, посягающих на общественную безопасность и общественный порядок. Одним из таких составов является контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных ценностей либо особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, ответственность за совершение которой предусмотрена ст. 226.1 УК РФ.

На основании оперативных материалов таможенных органов наибольшее количество уголовных дел возбуждено именно по ст. 226.1 УК РФ: 522 уголовных дела за 9 месяцев 2019 года, за весь 2018 год — 577 уголовных дел¹. Такому положению способствует огромная территория страны, а также некоторая прозрачность границ между странами — членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), что делает рассматриваемый состав преступления весьма актуальным в правоприменительной практике.

Сразу же обратим внимание на то, что ст. 226.1 УК РФ регламентирует незаконное перемещение предметов, указанных в ней, через таможенную границу Таможенного союза (Союза) в рамках Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) либо Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС.

¹ Показатели правоохранительной деятельности таможенных органов Российской Федерации за 2018 начало 2019 года // Федеральная таможенная служба : офиц. сайт. URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=24719 (дата обращения: 08.11.2019).

Под перемещением понимается смена местоположения вышеуказанных предметов следующими способами:

- 1) с территории государства, не являющегося членом Союза, на таможенную территорию Союза;
- 2) с таможенной территории Союза на территорию государства, не являющегося членом Союза;
- 3) с территории государства, входящего в Союз, на территорию Российской Федерации через Государственную границу Российской Федерации;
- 4) с территории Российской Федерации через Государственную границу Российской Федерации на территорию государства — участника Союза.

Казалось бы, объективная сторона любого из четырех видов преступления заключается в одинаковом действии: незаконном перемещении предметов преступления через таможенную (государственную) границу. Вместе с тем каждый из видов контрабанды обладает определенным набором признаков объективной стороны преступления и особенностями их содержания, что связано с бланкетным характером диспозиции статьи, вызывающим необходимость установления признака незаконности перемещения контролируемых предметов, места совершения преступления, а также способа и времени совершения преступления. В связи с этим представляется необходимым определить, что же является местом совершения преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ.

Договор ЕврАзЭС был заключен 10 октября 2000 г. между Российской Федерацией, Республиками Казахстан, Беларусь, Таджикистан, Узбекистан (приостановившей членство в 2008 году) и Киргизия. Между участниками ЕврАзЭС было установлено единое экономическое пространство, состоящее из территорий государств-членов, на котором функционировали сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существовала единая инфраструктура. 10 октября 2014 года главы России, Казахстана, Беларуси, Таджикистана и Киргизии подписали документы о ликвидации Евразийского экономического сообщества, после чего оно перестало существовать.

С 1 января 2015 г. начал функционировать Евразийский экономический союз, участниками которого являются Российская Федерация, Республики Казахстан, Беларусь, Армения, Киргизия. Как мы видим, в ЕврАзЭС не было членства Республики Армения и присутствовала Республика Таджикистан. Договором о Евразийском экономическом союзе было установлено единое экономическое пространство, однако с изменением состава участников изменилась территория и таможенные границы государств — членов ЕАЭС. В связи с этим не может быть и речи о незаконном перемещении через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС запрещенных к перемещению предметов, товаров и т. д., так как такой границы попросту не существует.

Указанный существенный пробел в УК РФ пытается восполнить Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде», в котором в п. 1 указано, что под термином «таможенная граница Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС» следует подразумевать таможенную границу ЕАЭС. Такая трактовка противоречит ч. 1 ст. 1 УК РФ, так как уголовное законодательство Российской Федерации состоит из Уголовного Кодекса Российской Федерации, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ. Формулировка ст. 226.1 УК РФ нарушает принцип законности и противоречит задачам уголовного законодательства.

Сегодня в некоторой степени Евразийский экономический союз является преемником Евразийского экономического сообщества, поскольку законодательство, сформированное в рамках ЕврАзЭС, частично признается действующим и в рамках ЕАЭС.

Согласно Таможенному кодексу Евразийского экономического союза, вступившему в силу с 1 января 2018 г., таможенную территорию ЕАЭС составляют территории государств-членов, перечисленных выше, а также находящиеся за пределами территорий государств-членов искусственные острова, сооружения, установки и иные объекты, в отношении которых государства-члены обладают исключительной юрисдикцией.

При совершении контрабанды с перемещением предметов преступления через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами ЕАЭС местом совершения контрабанды является Государственная граница Российской Федерации, которая в Законе Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации» определяется как линия и проходящая по этой линии вертикальная поверхность, определяющие пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) Российской Федерации, т. е. пространственный предел действия государственного суверенитета Российской Федерации.

Кроме того, в связи с прогрессивным технологическим развитием распространен такой способ контрабанды, как пересылка предметов, перечисленных в ст. 226.1 УК РФ, в международных почтовых отправлениях.

Так, Рубцовским городским судом вынесен приговор, в отношении И., который заказал сильнодействующие препараты для увеличения мышечной массы, которые содержатся в утвержденном Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 списке сильнодействующих и ядовитых веществ, используемом для целей ст. 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, из Республики Беларусь и получил их в почтовом отделении по месту своего жительства. Действия И. суд квалифицировал по ч. 1 ст. 226.1 УК РФ как контрабанда, т. е. незаконное перемещение через Государственную границу Российской Федерации с государствами — членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС сильнодействующих веществ¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о контрабанде» регламентируется:

если предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию под видом товара посредством регистрируемого международного почтового отправления (заказным письмом,

¹ Приговор Рубцовского городского суда Алтайского края от 30 августа 2018 г. по делу № 1- 328/2018 // Судебные решения РФ : сайт. URL: <http://судебныерешения.рф> (дата обращения: 08.11.2019).

бандеролью, мелким пакетом), местом совершения такого преступления является место, в котором с таким товаром совершаются операции, связанные с его выпуском (место международного почтового обмена);

если предмет контрабанды перемещается на таможенную территорию простым (нерегистрируемым) международным почтовым отправлением и установить точное место перемещения через таможенную границу либо государственную границу такого почтового отправления невозможно, то местом совершения преступления следует считать: почтовый адрес получателя — в случае, когда почтовое отправление получено адресатом; адрес почтовой организации — в случае, когда почтовое отправление вручено получателю в почтовой организации или изъято в ней сотрудниками правоохранительных органов.

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации предлагает при определении места совершения преступления исходить из вида почтового отправления: регистрируемое или нерегистрируемое.

Такой подход противоречит объективной стороне рассматриваемого состава преступления, а именно понятию «перемещение товаров», следовательно, уголовному закону, а также таможенному законодательству. В связи с этим, на наш взгляд, местом совершения контрабанды товаров, ограниченных в обороте, путем пересылки контролируемых предметов в международных почтовых отправлениях является место нахождения учреждения международного почтового обмена, в которое поступило почтовое отправление.

Подводя итог, считаем необходимым предложить законодателю внести изменения в УК РФ и привести используемые в нем формулировки в соответствии с Договором ЕАЭС. Представляется неверным решать обозначенную проблему на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации, так как это противоречит принципу законности, который гласит: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается» (ст. 3 УК РФ). Соответственно, вопросы преступности и наказуемости деяний должны быть урегулированы в УК РФ, а не в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

УДК 343.2/7

М. В. ФЕДОРОВ

СТАТЬЯ 215.4 УК РФ: ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Защита от террористической угрозы всегда была одной из основных задач государства. На сегодняшний день на законодательном уровне принято огромное количество нормативных актов, которые направлены на противодействие терроризму. Очевидно, что некоторые стратегические объекты инфраструктуры важны для стабильного функционирования всего общества, и именно они с наибольшей вероятностью могут стать целью террористов. Законодатель стремится обеспечить полную безопасность таких объектов.

Изначально данный вопрос регулировался ст. 20.17 КоАП РФ («Нарушение пропускного режима охраняемого объекта»), которая предполагала незначительный штраф от трехсот до пятисот рублей. Данная санкция не оказывала никакого влияния на набирающее свою популярность диггерство и иные формы незаконного проникновения на охраняемые объекты. Действительно, организатору подобных «экскурсий» не составляло труда платить скромные штрафы и продолжать осуществлять незаконную деятельность.

Такая ситуация не могла не привлечь внимания законодателя, ведь под угрозой находились государственные интересы и общественная безопасность, потому что полученная диггерами информация могла быть использована в целях осуществления террористической деятельности.

В результате в рамках мер по охране объектов от возможной террористической угрозы 30 декабря 2015 г. был принят Федеральный закон № 441-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», который ввел новый состав преступления, предусматривающий наступление уголовной ответственности за неоднократное проникновение на охраняемый подземный или подводный объект.

В пояснительной записке авторы законопроекта подчеркивали существование похожего состава преступления в уголовном законодательстве зарубежных стран, в частности США и Великобритании, а также, считая, что санкции, предусмотренной в сопряженной ст. 20.17 КоАП РФ, недостаточно, предполагали,

что внесенные изменения позволят достичь целей наказания: предупредить совершение новых правонарушений в соответствующей сфере, а следовательно, защитить охраняемые объекты от преступных посягательств.

Кроме того, изменения коснулись и ст. 20.17 КоАП РФ: размер штрафа был увеличен, введена конфискация орудия совершения правонарушения, введен административный арест на срок до пятнадцати суток именно за проникновение на подземный или подводный объект.

Объектом рассматриваемого преступления являются отношения в области общественного порядка. По конструкции объективной стороны данный состав является формальным, т. е. моментом окончания преступления будет считаться незаконное проникновение субъекта на охраняемый объект, совершенное неоднократно.

Перечень объектов, подлежащих государственной охране, определен в ст. 1 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране» и ст. 8 Федерального закона от 14 апреля 1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране», однако законодатель в ст. 215.4 УК РФ делает акцент, что защите подлежат именно подземные и подводные объекты.

Особое внимание следует уделить условию наступления уголовной ответственности, закрепленному в примечании к ст. 215.4 УК РФ, а именно требуется неоднократность деяния, т. е. деяние должно быть совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию, иначе действие лица подпадает под правонарушение, предусмотренное ч. 2 ст. 20.17 КоАП РФ.

Следовательно, данное деяние входит в перечень составов с административной преюдицией. Это является гарантией от привлечения к уголовной ответственности лиц, которые совершили указанные в ст. 215.4 УК РФ действия по неосторожности. При квалификации состава, предусмотренного ст. 215.4 УК РФ, важно определить дату исполнения административного наказания, ведь согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию в течение года со дня исполнения наказания.

В то же время наличие административной преюдиции в данной статье порождает вопросы квалификации преступления, ко-

гда преступление совершается группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, но только одно лицо-участник отвечает требованиям, предъявляемым к субъекту, т. е. было ранее подвергнуто административному наказанию.

Несомненно, субъект, который совершает проникновение в охраняемый объект совместно с иными лицами, не подлежащими уголовной ответственности за данное преступление, имеет больший шанс на успешное завершение своего деяния при поддержке иных лиц, соответственно, он должен быть привлечен к ответственности с учетом квалифицирующего признака.

Однако согласно ч. 1 ст. 35 УК РФ «преступление признается совершенным группой лиц, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора». Таким образом, законодатель определяет группу лиц как два и более исполнителя, т. е. субъекта преступления. В нашем же случае субъектом преступления является только одно лицо, ранее подвергнутое административному наказанию, а следовательно, и применение к нему квалифицирующего признака невозможно¹.

Хоть ст. 215.4 УК РФ и направлена на борьбу против посягательств на стратегические объекты инфраструктуры, но широкого практического применения она так и не получила. Все найденные упоминания анализируемой статьи в решениях судов связаны с упоминанием Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 509-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», в котором говорится о компетенции судов по рассмотрению преступлений, предусмотренных различными статьями УК РФ, в том числе ст. 215.4 УК РФ.

Таким образом, мы видим, что указанная статья не находит своего применения. В действительности не складывается такой ситуации, когда лицо, подвергнутое административному наказанию за деяние, предусмотренное ст. 20.17 КоАП РФ, вновь его совершает. Такой практический опыт несомненно должен поставить перед законодателем вопрос о внесении изменений в ст. 215.4 УК РФ, иначе создается ситуация, при которой данная норма является неработающей.

¹ Эргашева З. Э. Административная преюдиция в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 124—125.

Реформированию следует подвергнуть формулировку указанных в статье охраняемых объектов: «...подземный или подводный объект...». Очевидно, что законодатель уделяет особое внимание данным объектам не просто так. Их стратегическая и социальная ценность, а также вероятность получения информации, являющейся государственной тайной, создают необходимость введения более серьезной ответственности за проникновение на их территорию. Однако сокращение количества объектов подводных и подземных является по своей сути нецелесообразным. Ведь стратегические объекты, требующие защиты, находятся не только под землей и водой, поэтому будет логично исключить из ст. 215.4 УК РФ понятия «подземный» и «подводный», оставив при этом просто термин «объект». Это поспособствует расширению возможностей правоприменения данной статьи, ведь повторных случаев проникновения, например, на территорию наземных охраняемых объектов гораздо больше, а общественная опасность при проникновении на них гораздо выше, потому что наиболее важные объекты все же принято располагать на земле.

Подведем итог изложенному: введение в УК РФ ст. 215.4 в дальнейшем может иметь огромное значение для осуществления мер по защите и охране государственных объектов инфраструктуры, имеющих стратегическое значение для страны. При выполнении определенных действий, направленных на подрыв общественной безопасности и дестабилизацию общества в целом, наиболее вероятной целью будут выбраны именно объекты, охраняемые ведомственной или государственной охраной, как представляющие наибольшую ценность для нормального функционирования государства и общества¹.

Сам факт того, что законодатель счел необходимым урегулировать данный аспект, связанный с общественной безопасностью, демонстрирует нам гибкость и динамичность уголовного законодательства Российской Федерации. Однако мы наблюдаем ситуацию, когда спустя четыре года после введения статьи в действие она не нашла своего достаточного применения на практике и наибольшую актуальность приобрел вопрос о внесении в нее изменений с целью соотнесения содержания статьи с запросами, которые создает современное российское общество.

¹ Москаленко А. А. Уголовная ответственность за незаконное проникновение на охраняемый объект ст. 215.4 УК РФ // Вестник современной науки. 2016. № 8. С. 85—86.

УДК 343.2/.7

А. С. ФИСУН

ПОСОБНИЧЕСТВО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В пункте 43 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, подчеркивается, что основной угрозой государственной и общественной безопасности является деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти.

Столь высокая степень общественной опасности данной угрозы обусловлена масштабностью последствий террористических преступлений и значительным количеством пострадавших в результате их совершения.

Масштабы деятельности террористических группировок меняются, но функционируют они по-прежнему благодаря постоянному привлечению в свою деятельность денежных средств, орудий и иного имущества граждан.

Сложности возникают при выявлении лиц, осуществляющих содействие террористической деятельности, так как размер денежных сумм, перечисляемых данными лицами в террористические организации, является небольшим.

В Отчете Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) за 2015 год отмечается, что иракские государственные служащие, остающиеся на территории, подконтрольной ИГИЛ, ездят в Киркук и другие области для снятия зарплаты наличными со счетов, а затем возвращаются на захваченную ИГИЛ территорию, где ИГИЛ взымает с них сбор в размере до 50 %. Более того, по имеющимся сведениям, ИГИЛ ввело сборы на перемещение товаров на контролируемой им территории Ирака. ИГИЛ также вымогает деньги у местного населения, взымая «благотворительные пожертвования»¹.

¹ Отчет ФАТФ: «Новые риски финансирования терроризма». Октябрь 2015 // Федеральная служба по финансовому мониторингу : сайт. URL: <http://fedsfm.ru> (дата обращения: 12.11.2019).

В комплексе мер противодействия терроризму законодатель значительную роль отводит мерам уголовно-правового характера. Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» в ст. 205.1 УК РФ были внесены изменения в части определения признаков объективной стороны данного состава преступления.

Так, под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в совершение преступления в соответствии с действующей редакцией ст. 205.1 УК РФ понимаются умышленные действия, направленные на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, осуществляемые, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе, совершенных посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений.

Под иным вовлечением в совершение преступления понимают организацию встречи террористов с лицами, пожелавшими присоединиться к банде, поиск и подбор в жены девушек, члены семей которых являются активными приверженцами религиозного экстремизма.

Преступление, предусмотренное ст. 205.1 УК РФ, окончено независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности или не совершило. В связи с этим возникают некоторые сложности в разграничении преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, и приготовления к совершению преступлений террористической направленности.

Разграничить указанные составы можно установив направленность умысла лица на совершение одного конкретного преступления и приготовления к нему или установив умысел на приискание средств и вербовку людей в целях содействия террористической деятельности в целом¹.

¹ Зарубин А. В. Некоторые вопросы ответственности за содействие террористической деятельности // Криминалист. 2017. № 2 (21). С. 14.

Так, Свердловский областной суд исключил из приговора ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, посчитав такую квалификацию излишней, поскольку действия виновного по склонению, вербовке, вооружению и подготовке лиц в целях совершения вооруженного мятежа полностью охватываются составом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ст. 279 УК РФ¹.

В практике возникают некоторые сложности в отграничении преступлений террористической направленности от преступлений экстремистской направленности в части, затрагивающей вопросы финансирования данной деятельности или вовлечения людей в деятельность террористических или экстремистских сообществ.

Представляется, что ст. 205.1 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 282.3. УК РФ, но в каждом случае необходимо исходить из умысла лица и его целей. Из-за того, что мотивы террористических и экстремистских преступлений порой очень схожи, на практике разграничить данные составы довольно трудно.

Так, суд признал А. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ: А., являясь приверженцем радикальной формы течения ислама, пропагандируя идеи «мирового джихада», привлекал граждан к враждебным действиям одной группы лиц по отношению к другой, объединенных по признакам отношения к религии. Аргументируя свои действия ненавистью к сотрудникам ФСБ, МВД и в целом к представителям государственной власти, поддерживал лиц, совершающих террористические действия².

Также объективной стороной ч. 1 ст. 205.1 УК РФ предусмотрен такой способ совершения преступления, как подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных в диспозиции преступлений.

¹ Приговор Свердловского областного суда от 30 апреля 2014 г. по делу № 2-5/2014 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.09.2019).

² Приговор Советского районного суда г. Астрахани Астраханской области от 22 сентября 2014 г. по делу № 1-231/2014 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 23.09.2019).

Лицо, проходящее такую подготовку, подлежит ответственности за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности (ст. 205.3 УК РФ).

Статья 205.1 УК РФ предусматривает ответственность за содействие террористической деятельности, понимаемое в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ как пособничество в совершении преступления. Но в статье предусмотрена ответственность не только за пособничество преступлению (ч. 3), но и за подстрекательство (ч. 1), и за организацию совершения преступления (ч. 4).

Под финансированием терроризма следует понимать оказание финансовых услуг, предоставление или сбор не только денежных, но и материальных средств с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, совершающей преступления террористической направленности.

Финансирование экстремистской деятельности выделено в отдельную статью УК РФ, в то время как финансирование террористической деятельности, незаконного вооруженного формирования рассматривается как составная часть общего сложного альтернативного состава наряду с иными общественно опасными деяниями.

Так, Усть-Джегутинский районный суд Карачаево-Черкесской Республики приговорил признать Б. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205.1 УК РФ: Б. совершил финансирование терроризма, т. е. предоставил денежные средства с осознанием того, что они предназначены для обеспечения организованной группы, созданной для совершения преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ¹.

В данном случае вполне был бы уместен вариант криминализации финансирования террористической деятельности вооруженного формирования на уровне отдельной статьи, которую целесообразно располагать вслед за статьей об ответственности за финансируемое преступление. Данный момент помог бы решить множество спорных вопросов, особенно при разграничении смежных состав и назначении по итогу наказания.

¹ Приговор Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 29 апреля 2014 г. по делу № 1-8/2014 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 19.10.2019).

УДК 343.2/7

Д. А. ЧУРАНОВ

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ПИРАТСТВЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Современная действительность показывает, что пиратство и на сегодняшний день продолжает оставаться серьезной проблемой как для правоприменителя, так и для законодателя. Реализация уголовно-правовой нормы ст. 227 УК РФ представляется затруднительной из-за ее значительной недоработанности в уголовном законодательстве.

Например, ч. 3 ст. 227 УК РФ содержит в себе признаки преступления, по содержанию совпадающие с особо квалифицирующими признаками терроризма, сформулированными в ч. 2 ст. 205 УК РФ, однако санкции этих норм сильно различаются. Подобное противоречие можно обнаружить и при сопоставлении ч. 2 ст. 227 УК РФ и п. «г» ч. 2 ст. 126 УК РФ.

Вышеуказанные несоответствия анализируемой нормы права наблюдаются не только на уровне российского уголовного законодательства, но и на уровне международных договоров и конвенций, ратифицированных Российской Федерацией.

Наиболее серьезная проблема усматривается в несогласованности определений пиратства в нормах международного права и российском законодательстве¹. В Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, ратифицированной Российской Федерацией, под пиратством понимается любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемые сличными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата (ст. 101 «Определение пиратства»). К слову сказать, Конвенция об открытом море 1958 года, так же как и Конвенция ООН по морскому праву, исчерпывающим образом определила предмет посягательства при пиратском нападении. В частности, как пиратство может быть квалифицирован только акт нападения на водное судно, летательный аппарат или лиц и имущество, находящихся на борту.

¹ Ямшанов Б. Абордаж — под трибунал // Российская газета. Федеральный выпуск. 2009. 5 июня.

Указанный международно-правовой договор регламентирует также важное положение относительно места совершения деликта. Таким образом, международно-правовая дефиниция пиратства однозначно указывает, что пиратством могут считаться только действия, совершенные в открытом море или ином месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства. Справедлив и зеркальный тезис: насильственные действия, совершенные на территории любого государства, включая его территориальное море, с точки зрения международного права ни при каких обстоятельствах пиратством быть признаны не могут.

Такое ограничение имеет исключительное значение для квалификации пиратских действий и, как мы покажем далее, в последние годы оно оказало заметное влияние на характер международно-правового и дипломатического сопровождения усилий мирового сообщества по борьбе с пиратством. Обращаясь к содержанию ст. 227 УК РФ, можно заключить, что этот нормативный правовой акт не дает точной, строго определенной дефиниции относительно места совершения пиратства. В УК РФ пиратство трактуется как «нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения». Данная статья не предусматривает нападение на воздушное судно (такое преступление квалифицируется по другой статье), что представляет собой значительный пробел в законодательстве. Аналогичное несоответствие можно проследить, анализируя Конвенцию ООН об открытом море (ст. 15).

Обращаясь к тексту Конвенции ООН об открытом море, ратифицированной Российской Федерацией, можно увидеть множество противоречий между ней и российским уголовным правом по означенному вопросу. Наиболее серьезным представляется несоответствие, порождаемое п. 3 ст. 5 Конвенции: «Является пиратством любое действие, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусматриваемого в пунктах 1 или 2 настоящей статьи».

В УК РФ данное положение не только не конкретизировано законодателем, но даже не зафиксировано(!), в связи с чем возможны трудности квалификации таких деяний, которые формально не подпадают под пиратские действия, но активно спо-

собствуют их совершению. Представляется что такая имплементация норм и принципов международного права в российском законодательстве затрудняет решение вопроса об уголовной ответственности. Заключим, наконец, что все вышеперечисленные примеры подтверждают явное несоответствие УК РФ нормам и принципам международного права, что, в свою очередь, противоречит положению ч. 2 ст. 1 УК РФ.

Подводя итоги, следует отметить необходимость совершенствования норм национального и международного права в сфере борьбы с пиратством.

УДК 343.2/.7

М. А. ШИПИЦЫНА

ОТГРАНИЧЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА ОТ ВАНДАЛИЗМА

В связи с тем, что 3 апреля 2017 г. в ст. 213 УК РФ были внесены изменения путем дополнения части 1 пунктом «в», который предусматривает уголовную ответственность за совершение хулиганства на любом транспорте общего пользования, вопрос отграничения вандализма от хулиганства стал еще более актуальным в правоприменительной практике.

Отметим, что составы хулиганства и вандализма входят в главу 24 УК РФ, следовательно, у них общие объекты: родовой, видовой и основной непосредственный. Основным непосредственным объектом вандализма и хулиганства является общественный порядок в узком смысле слова, т. е. такая совокупность отношений, которая регулирует взаимоотношения людей в общественных местах в сфере социального общения, нормальные условия быта граждан, основанием которых являются нормы нравственности, правила совместного общежития, нормативные акты и т. д.

Вандализм, являясь многообъектным преступлением, помимо посягательства на общественный порядок также затрагивает иные общественные отношения: отношения собственности (в случае совершения порчи имущества) и общественную нравственность (в случае совершения осквернения). Иными словами, привлекать к уголовной ответственности за вандализм можно в том случае, если посягательство направлено на основ-

ной и дополнительный непосредственный объекты одновременно. Что касается хулиганства, то мы не можем согласиться с тем, что оно является сложным многообъектным преступлением. Безусловно, помимо посягательства на общественный порядок, в результате совершения хулиганства причиняется вред и другим общественным отношениям. Тем не менее законодатель не приводит их исчерпывающий перечень, следовательно, мы можем прийти к выводу, что такие объекты являются факультативными.

Отметим, что С. В. Борисов полагает, что хулиганство и вандализм отличаются, в первую очередь, по предмету преступного посягательства. Иными словами, предмет, по мнению ученого, является признаком отграничения одного состава от другого¹. Безусловно, установление предмета будет влиять на квалификацию, однако он не будет выступать единственным критерием для разграничения составов рассматриваемых преступлений. В диспозиции ст. 214 УК РФ указаны предметы, на которые направлено посягательство в случае совершения вандализма (здания или иные сооружения, имущество в общественном транспорте или в иных общественных местах). В диспозиции ст. 213 УК РФ нет указания на предметы, которые подвергаются преступному воздействию при совершении хулиганства.

Теперь перейдем к рассмотрению признаков объективных сторон хулиганства и вандализма. В доктрине достаточно часто отграничение проводят по обстановке совершения преступления.

Автор в своем исследовании приходит к выводу, что публичная обстановка совершения преступления является обязательным признаком объективной стороны хулиганства. А. Г. Мусеилов в качестве примера указывает, что повреждение или уничтожение имущества в пустом вагоне поезда надлежит квалифицировать как вандализм, те же действия, совершенные в присутствии пассажиров, — как хулиганство². Иными словами, теоретики приходят к выводу, что хулиганство характери-

¹ Борисов С. В. Хулиганство: уголовно-правовой и криминологический аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 90.

² Мусеилов А. Г. Комментарий к статье 214 УК РФ «Вандализм» : подготовлен для системы «КонсультантПлюс». Дата публикации: 15.11.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

зуется открытостью совершаемых действий, чего нельзя сказать о вандализме.

Следует отметить, что судебная практика по данному вопросу не является единообразной. Так, Московский городской суд в описательно-мотивировочной части указывает на то, что «одним из обязательных признаков объективной стороны хулиганства выступает публичная обстановка совершения преступления»¹. Причем данная фраза фигурирует во всей обнаруженной судебной практике Московского городского суда².

По нашему мнению, такой подход является ошибочным.

Полагаем, что причиной подобных судебных решений, а также неверно выработанной теоретиками позиции является неправильное толкование закона и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений».

В диспозициях ст. 213 и ст. 214 УК РФ обстановка совершения преступления не выделена законодателем в качестве обязательного факультативного признака: следовательно, и хулиганство, и вандализм могут быть совершены как открыто, так и тайно. В соответствии с п. 1 вышеуказанного Постановления под хулиганством понимается грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. Верховный Суд Российской Федерации указывает, что при решении вопроса о наличии грубости нарушения и явного неуважения судам следует учитывать способ, время, место, продолжительность, интенсивность и иные обстоятельства. Говоря о грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, следует иметь в виду именно характер совершенных действий (хулиган бросает вызов обществу).

Можно обратиться к определениям высшей судебной инстанции, проанализировав которые, можно прийти к выводу, что от-

¹ Определение Московского городского суда от 23 марта 2017 г. по делу № 10-3581/2017. Доступ через информ.-правовой портал «Гарант».

² См., напр.: Постановление Московского городского суда от 3 сентября 2014 г. по делу № 10-11791/14; Апелляционное определение Московского городского суда от 21 октября 2013 по делу № 10-9798/13. (Доступ через информ.-правовой портал «Гарант».)

сутствие на месте совершения преступления посторонних лиц не исключает квалификацию деяния как хулиганство¹. При квалификации действий как грубое нарушение общественного порядка суд обращает внимание на желание виновного лица показать пренебрежительное, циничное отношение к личности человека, а также в грубой форме показать свою силу². Иными словами, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, действия лица следует квалифицировать как хулиганство в том случае, когда лицо противопоставляет свое поведение общепринятым моральным нормам.

Обстановка совершения вандализма как признак объективной стороны не является обязательной, т. е. вандализм может совершаться как в присутствии людей³, так и в их отсутствии, т. е. не публично⁴.

Отметим, что в юридической литературе существует позиция, согласно которой и для вандализма в форме порчи, и для хулиганства место совершения преступления является обязательным факультативным признаком объективной стороны⁵. Безусловно, общественное место является тем признаком, при отсутствии которого нельзя говорить о наличии состава вандализма в форме порчи. Однако нельзя согласиться с тем, что для хулиганства территория, на которой совершено преступное деяние, будет влиять на квалификацию. По нашему мнению, общественное место не является обязательным факультативным признаком

¹ См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 июня 2006 г. № 4-о06-68. (Доступ через информ.-правовой портал «КонсультантПлюс».)

² См., напр.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2008 г. № 16-д08-45. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Приговор Брянского районного суда Брянской области от 13 марта 2012 г. по делу № 1-41/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Лицо разбило окно в вагоне в присутствии пассажиров и сотрудников полиции); Приговор Калининского районного суда г. Чебоксары Чувашской Республики от 20 ноября 2012 г. по делу № 1-516/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Лицо совершило вандализм в присутствии посторонних.)

⁴ Приговор Новомосковского городского суда Тульской области от 15 октября 2014 г. по делу № 1-214/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (Лица совершали вандализм в отсутствии посторонних лиц.)

⁵ Борисов С. В. Квалификация хулиганства: теория и практика. М., 2007. С. 30.

объективной стороны хулиганства. Не следует отождествлять понятия «общественный порядок» и «порядок в общественном месте», так как общественный порядок может быть нарушен в любом месте. То есть при определении, подпадают ли действия лица под признаки состава хулиганства, не следует в первую очередь смотреть на место совершения преступления. Необходимо установить, что лицо своим поведением бросает вызов обществу, демонстрирует свое превосходство над ним. Исходя из вышеизложенного, и обстановка, и место совершения преступления не будут являться критериями, по которым можно разграничить вандализм и хулиганство.

В неюридической литературе принято считать, что вандализм является разновидностью хулиганского поступка. С такой позицией сложно согласиться, так как вандализм и хулиганство следует ограничивать именно по характеру совершаемых действий. Объективная сторона состава хулиганства состоит в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу. Объективная сторона вандализма выражается в активных действиях по осквернению зданий или других сооружений, а также в порче имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах. Отметим, что лицо, совершая вандализм, нарушает общественный порядок, однако такое нарушение не связано с причинением правам и интересам граждан существенного вреда, как это происходит в случае совершения хулиганства. В случае совершения вандализма лицо также подрывает общественное спокойствие, пренебрегает правилами, установленными в обществе, однако делает это не в грубой и явной форме.

В диспозиции ст. 214 УК РФ четко указаны преступные действия, за выполнение которых лицо будет привлечено к уголовной ответственности как за совершение вандализма; действия вандала направлены, скорее, на причинение вреда имуществу и общественной морали, чем непосредственно людям. В диспозиции ст. 213 УК РФ нет прямого указания на действия, которые можно признать хулиганством. Законодатель оставляет перечень действий открытым, однако он вводит такие оценочные термины, как «грубое нарушение общественного порядка» и «явное неуважение к обществу». В части 1 ст. 213 УК РФ содержатся три обязательных альтернативных признака хулиган-

ства, т. е. законодатель сужает список действий, которые можно квалифицировать как хулиганство. Отметим, что в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 указано, что критерием отграничения вандализма и хулиганства, совершенных по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, является непосредственный объект. Здесь следовало бы добавить, что указанные составы отличаются и по характеру совершаемых действий.

Следует также проанализировать субъективную сторону хулиганства и вандализма. В диспозициях ст. 213 и ст. 214 УК РФ не определена форма вины, что свидетельствует о том, что ни хулиганство, ни вандализм не могут быть совершены по неосторожности согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ. Так как рассматриваемые составы преступлений по конструкции объективной стороны являются формальными, следовательно, «волевой элемент умысла определяется по отношению лица к деянию». Мотив и цель не будут считаться обязательными факультативными признаками субъективной стороны вандализма. Что касается хулиганства, то обязательным факультативным признаком субъективной стороны являются хулиганские побуждения. По нашему мнению, оценочное понятие «явное неуважение к обществу» свидетельствует о необходимости наличия определенного мотива. Лицо, совершая хулиганство, стремится показать цинизм, грубую силу, пренебрежение по отношению к окружающим. Хулиганские мотивы не исключают и других мотивов, однако в случае совершения хулиганства такие мотивы не будут преобладать, а будут являться причиной возникновения хулиганских побуждений.

При разграничении хулиганства на транспорте общего пользования от вандализма на общественном транспорте нельзя согласиться с Ю. В. Голиком, который отграничивает анализируемые нами составы преступлений только по обстановке совершения (вандализм на общественном транспорте носит скрытый характер) и по размеру причиненного ущерба (если причинен незначительный ущерб, то следует квалифицировать действия как вандализм)¹. Полагаем, что разграничение данных

¹ Голик Ю. В. Ответственность за хулиганство: изменение законодательства // Lex russica. 2017. № 8 (129). С. 162—166.

составов преступлений следует проводить по совокупности вышеизложенных критериев.

Проанализированная судебная практика свидетельствует о том, что суды правильно квалифицируют действия хулиганов. Можно привести приблизительный список таких действий: «зацепинг»¹; использование оружия на транспорте общего пользования²; нецензурная брань³; распитие алкогольных напитков, выкрикивание угроз в адрес пассажиров⁴ и т. д. Речь идет о таких действиях, которые грубо нарушают общественный порядок, демонстрируют пренебрежительное отношение к окружающим и явное неуважение к обществу.

При вандализме уголовная ответственность наступает в случае совершения именно порчи имущества на общественном транспорте. Отметим, что возможна квалификация преступлений по совокупности п. «в» ч. 1 ст. 213 и ч. 1 ст. 214 УК РФ: например, если лицо, путешествуя на общественном транспорте, одновременно портит имущество и совершает иные действия, грубо нарушающие общественный порядок (грубо ругается, курит, пристает к людям и т. д.).

Таким образом, проанализировав составы преступлений, предусмотренные ст. 213 и ст. 214 УК РФ, можно сделать следующий вывод: ограничение вандализма от хулиганства проводится по дополнительному объекту, по предмету, по характеру совершаемых действий и по мотиву совершения преступления.

¹ Решение Октябрьского районного суда г. Белгорода от 17 октября 2017 г. по делу № 2А-4295/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/KoiB2IOeMdWX/> (дата обращения : 23.03.2018).

² Приговор Медвенского районного суда Курской области от 19 сентября 2017 г. по делу № 1-39/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/v4y2Af4z6zbb/> (дата обращения: 23.03.2018).

³ Приговор Домодедовского городского суда Московской области от 23 октября 2017 г. по делу № 1-607/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/cZwJF66616xT/> (дата обращения: 23.03.2018).

⁴ Приговор Химкинского городского суда Московской области от 12 сентября 2017 г. по делу № 1-575/2017 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mwKntoCnLmni/> (дата обращения: 23.03.2018) ; Приговор Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 28 ноября 2017 г. по делу № 1-259/2017 // Росправосудие : сайт. URL: <https://rospravosudie.com/court-ufimskij-rajonnnyj-sud-respublika-bashkortostan-act-561080361/> (дата обращения: 23.03.2018).

УДК 343.2/.7

А. Х. ЭЙВАЗОВ

**ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НЕСООБЩЕНИЯ
О ПРЕСТУПЛЕНИИ (СТАТЬЯ 205.6 УК РФ) И ЗАРАНЕЕ
НЕ ОБЕЩАННОГО УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ
(СТАТЬЯ 316 УК РФ)**

В рамках достаточно бурно и интенсивно обсуждавшегося в обществе так называемого антитеррористического пакета Яровой законодателем был принят Федеральный закон от 6 июля 2012 года № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности», в силу которого «в интересах установления противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» УК РФ был дополнен ст. 205.6 УК РФ («Несообщение о преступлении»). Согласно указанной норме закона была установлена уголовная ответственность в отношении лиц, достигших 14-летнего возраста ко времени совершения данного преступления, за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ.

Таким образом, в российское уголовное законодательство спустя более чем 16 лет был возвращен¹ институт недоносительства, от которого еще при разработке и принятии в 1996 году ныне действующего УК РФ законодатель в целом отказался, осознав порочность правоприменительной практики указанного института советского уголовного права, приводившего к искажению понимания законности.

Формально-юридическое толкование нормы ст. 205.6 УК РФ позволяет определить, что уголовный закон был дополнен данной нормой посредством помещения федеральным законодателем указанного состава преступления в главу 24 УК РФ «Пре-

¹ Старков С. В. Ответственность за несообщение о преступлении в РФ // Отечественная юриспруденция. 2018. № 3 (28). С. 73—77.

ступления против общественной безопасности», являющуюся первой в разделе IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». По придаваемому действующей законодательной конструкцией юридическому смыслу указанной нормы следует, что объектом преступного посягательства выступают общественные отношения, возникающие в сфере обеспечения общественной безопасности.

В свою очередь отметим, что сама формулировка диспозиции ст. 205.6 УК РФ в криминалистической практике оперативно-следственных и судебных органов отсылает правоприменителя к уголовно-процессуальному институту оснований и поводов для возбуждения уголовного дела (глава 19 УПК РФ).

По мнению Н. К. Кустовой, по своей юридической конструкции несообщение о преступлении как отдельный вид недоносительства представляет собой особую форму противодействия предварительному расследованию и последующему осуществлению правосудия, поскольку направлено на утаивание от компетентных правоохранительных органов процессуально значимых сведений о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит хотя бы одно из обозначенных в перечне преступлений¹.

Полагаем, что последствием установления уголовной ответственности за несообщение о преступлении стало установление всеобщей обязанности сообщения о совершении некоторых преступлений. Следовательно, произошло признание на всероссийском уровне неэффективности государственной политики в сфере прокурорско-следственной и оперативно-розыскной деятельности; а также перекладывание на плечи простых граждан начиная с 14-летнего возраста, даже не обладающих специальными юридическими познаниями в силу этого возраста, де-юре обязанностей и ответственности по выявлению с помощью «достоверно известных сведений» и по пресечению обозначенного законодателем перечня преступлений посредством устного или письменного заявления в уполномоченные органы власти.

Примечательно, что в тексте принятой и действующей в настоящее время редакции диспозиции ст. 205.6 УК РФ

¹ Кустова Н. К. К вопросу о правовой природе укрывательства преступлений // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 5. С. 125—128.

не предусматривается наличие причинно-следственной связи, согласно которой указанное «сообщение о преступлении» должно обязательно повлечь за собой принятие соответствующих мер процессуального реагирования, например возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица (или лиц).

По мнению автора, федеральным законодателем была допущена юридическая ошибка в обозначении объекта преступного посягательства деяния, запрещенного ст. 205.6 УК РФ, поскольку законодательная конструкция и последовавшая за ней правоприменительная практика свидетельствуют о том, что данный состав преступления следовало включить в главу 31 УК РФ «Преступления против правосудия», являющуюся составной частью Раздела X УК РФ «Преступления против государственной власти».

Следует обратить внимание, что действующий уголовный закон в качестве преступления против правосудия предусматривает уголовную ответственность за укрывательство особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ).

Объективная сторона данного состав преступления предусматривает уголовную ответственность в отношении общего субъекта, т. е. достигшего 16-летнего возраста физического вменяемого лица, только за заранее не обещанное укрывательство особо тяжких преступлений (ч. 5 ст. 15 УК РФ).

При рассмотрении уголовных дел, возбужденных по ст. 316 УК РФ, длительное время отсутствовало единообразие судебной практики в ситуациях, когда по итогам судебного разбирательства категория инкриминируемого особо тяжкого преступления изменялась при применении судом положений ч. 6 ст. 15 УК РФ на категорию «тяжкое преступление». Согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации» в интересах формирования единообразия судебной практики предписано, что «применение положений части 6 статьи 15 УК РФ не влияет на юридическую оценку деяния, а равно не влечет правовых последствий для лиц, в отношении которых решение об изменении категории преступления не принималось».

Следовательно, Верховным Судом Российской Федерации поставлена точка в юридической оценке ситуаций, когда даже в случае изменения судом категории преступления с особо тяжкого (ч. 5 ст. 15 УК РФ) на тяжкое преступление (ч. 4 ст. 15 УК РФ) вовсе не исключается уголовная ответственность другого лица за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления (ст. 316 УК РФ).

Мы не согласны с данной позицией Верховного Суда Российской Федерации, поскольку полагаем, что изменение судом юридической оценки совершенного деяния по итогам судебного разбирательства при установлении вступившим приговором фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности с применением ч. 6 ст. 15 УК РФ, не исключающее уголовную ответственность по ст. 316 УК РФ, свидетельствует о нарушении требований ст. 90 УК РФ («Преюдиция»), а другое лицо привлекается к уголовной ответственности за укрывательство особо тяжкого преступления, наличие которого суд не констатировал.

В 2010 году судьи Свердловского областного суда продемонстрировали строгость следования букве закона в своем следующем выводе: «Состав преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ, отсутствует в случае, если было совершено укрывательство тяжкого, а не особо тяжкого преступления»¹.

Приговором Ленинского районного суда г. Санкт-Петербурга, постановленным в особом порядке, М., изначально обвинявшийся органами следствия в совершении преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ («Содействие террористической деятельности»), более одного года трех месяцев содержавшийся по указанному обвинению под стражей, после дачи свидетельских показаний в отношении другого лица, обвиняемого в совершении преступления террористической направленности, был освобожден из-под стражи постановлением руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации после переквалификации обвинения на ст. 205.6 УК РФ («Несообщение о преступлении»).

¹ Бюллетень судебной практики по уголовным делам Свердловского областного суда (второй квартал 2010 года (25)) : утв. постановлением президиума Свердловского областного суда от 4 августа 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При разрешении вопроса о виде и размере наказания суд принял к выводу о том, что, учитывая срок содержания подсудимого под стражей с 05.04.2017 по 14.06.2018, имелась возможность в соответствии с ч. 5 ст. 72 УК РФ снизить размер назначенного М. наказания в виде штрафа¹ с 50 тыс. рублей до 15 тыс. р. Таким образом, М. был приговорен к наказанию, явно выходящему за пределы максимально сурового вида наказания, предусмотренного санкцией ст. 205.6 УК РФ (один год лишения свободы), поскольку срок содержания под стражей М. превышал самое суровое из возможных наказаний, а также еще и уплатил до вступления приговора в законную силу штраф.

По нашему мнению, судебная практика в случаях обвинений лиц как в «несообщении о преступлении», так и «укрывательстве преступлений» пошла по тому пути, который не учитывает обязательность преюдициального значения вступивших в силу обвинительных приговоров.

При сравнительном анализе санкций ст. 205.6 УК РФ и ст. 316 УК РФ можно прийти к выводу, что заранее не обещанное укрывательство преступлений является более опасным, чем несообщение о преступлении.

УДК 343.2/.7

Е. С. ЯКИМЧУК

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 227 УК РФ

Пиратство можно считать одним из самых древних видов преступлений, посягающих на безопасность государств при пользовании морским пространством и возникшим одновременно с судоходством в современном его смысле².

Пиратство признается преступлением международного характера и содержится в различных международных правовых актах, как, например, Конвенция об открытом море 1958 года и Конвенция ООН по морскому праву 1982 года. Что касается

¹ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 5 декабря 2018 г. по делу № 22-8388/2018 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 12.11.2018).

² Миронов С. М. Уголовная ответственность за пиратство : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 12—13.

российского законодательства, то определение пиратства дается в УК РФ.

Изучив положения указанных нормативно-правовых актов, можно заметить существенную разницу в предмете преступления, что, соответственно, влияет на определение места совершения пиратства.

Впервые международно-правовая норма о пиратстве появилась в Конвенции об открытом море, в ст. 15 которой пиратством признаются следующие действия: любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный: а) в открытом море против какого-либо другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту; б) против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства.

В соответствии со ст. 101 Конвенции ООН по морскому праву, дублирующей ст. 15 Конвенции об открытом море, пиратством является любое из вышеперечисленных действий.

При этом следует учесть, что Конвенция ООН по морскому праву, ограничивающая место совершения преступления открытым морем в соответствии с международным принципом ненарушения суверенитета государств на их территории, является универсальным международно-правовым актом в области мореплавания. В ней определение пиратства дается с целью координации международной борьбы против данного явления.

Таким образом, Конвенция ООН по морскому праву устанавливает универсальную юрисдикцию в отношении актов пиратства. Согласно Конвенции всем государствам-участникам предоставляется право пресекать действия пиратов и осуществлять в их отношении уголовное преследование в соответствии со своим собственным национальным законодательством. Основная же цель установления универсальной юрисдикции — содействие кооперации государств в борьбе против преступления, выходящего за пределы территории одного государства¹.

¹ Колодкин А. Л., Гуцуляк В. Н., Боброва Ю. В. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. М., 2007. С. 200.

Следует учитывать тот факт, что без установления открытого моря как единственно возможного места совершения пиратских действий предоставление права пресекать действия пиратов и осуществлять в их отношении уголовное преследование в соответствии со своим национальным законодательством было бы невозможно, ведь в противном случае был бы нарушен принцип исключительной юрисдикции прибрежных государств в их территориальных и внутренних водах. Иными словами, любое государство могло бы вторгаться на суверенную территорию другого государства в целях задержания пиратского судна без особых на то разрешений и осуществлять там свою собственную уголовную юрисдикцию. Положения Конвенции ООН по морскому праву противоречили бы сами себе.

Появившаяся в УК РФ в 1966 году ст. 227 определяет пиратство как нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения.

Криминализация тех или иных деяний и включение их в УК РФ происходит, в первую очередь, в силу их общественной опасности, т. е. по объекту преступления. Следовательно, выделение пиратства в отдельную статью диктовалось прежде всего необходимостью защитить отношения в сфере безопасности судоходства (статья находится в главе УК РФ «Преступления против общественной безопасности»). Общественная опасность пиратства характеризуется тем, что на морских и речных путях, вдали от зоны действия правоохранительных органов — в открытом, территориальном море или во внутренних водах, — гражданам не может быть обеспечена такая же степень защиты их прав, на какую они могли бы рассчитывать на суше. Именно на основании показателей общественной опасности российский законодатель ввел уголовную санкцию за пиратство.

Анализируя содержание статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за пиратство, предмет нападения, а именно морское и речное судно, что, в свою очередь, указывает на место совершения пиратства, при этом расширяя пространство, по сравнению с международно-правовой дефиницией, до внутренних и территориальных вод российского государства. Возникает вопрос: следует ли в таком случае признавать пиратством

нападения на суда, совершаемые не в открытом море, а в пределах национальной юрисдикции иных государств? Нормы международного права четко устанавливают возможность совершения пиратского нападения только в открытом море или в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства.

Представляется, что ввиду более широкого определения места совершения пиратства и в силу ч. 3 ст. 12 УК РФ российское законодательство может применяться в отношении актов пиратства, совершенных вне пределов России — будь то открытое море или территориальные / внутренние воды иных государств. В соответствии с той же ст. 12 УК РФ возможно привлечение к ответственности по российскому уголовному законодательству и иностранных граждан, совершивших преступление вне пределов Российской Федерации, если преступление направлено против интересов гражданина Российской Федерации, а также в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации.

Не менее важный вопрос стоит затронуть о таком месте совершения преступления, как порт или причал на территории какого-либо государства.

Поскольку пиратство посягает прежде всего на безопасность судоходства, пиратским нападение будет тогда, когда судно находится на судоходном пути либо в движении, либо на якорной стоянке. Нападение же на судно в порту или на причале должно квалифицироваться по другой статье, так как порт или причал, согласно толковому словарю С. И. Ожегова, являются специальными местами у берега, оборудованными для стоянки и обслуживания судов¹. Таким образом, судно в этот момент является, скорее, продолжением суши, а не особым элементом судоходства, охраняемым ст. 227 УК РФ. Кроме того, в порту степень защищенности судна и лиц на его борту выше, чем на судоходных путях, поэтому степень общественной опасности такого нападения ниже по сравнению с пиратским.

Таким образом, пиратство — это нападение на речное или морское судно, ставящее целью завладение чужим имуществом с применением или угрозой применения насилия, совершенное

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М., 1999. С. 753.

как во внутренних водах или в территориальном море государства, так и в открытом море.

При этом согласно вышеупомянутым международным Конвенциям 1958 и 1982 гг. сохраняется универсальная юрисдикция государств в отношении пресечения актов пиратства, когда речь идет об открытом море и водах, находящихся вне юрисдикции какого-либо государства.

УДК 343.2/.7

Д. А. ЯКОВЛЕВ

ВАНДАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ СОСТАВАМИ

Осквернение зданий или порча имущества в общественном месте (т. е. вандализм) за последние годы приобрели характерную массовость в российской действительности. Между тем с момента введения ст. 214 УК РФ (до 1996 года закон отдельно не предусматривал подобного преступления) существенных изменений не претерпела.

Как указывалось, ответственность за вандализм появилась лишь в действующем УК РФ 1996 года; в СССР за такие правонарушения привлекали к уголовной ответственности как за хулиганство, так и по совокупности преступлений, предусматривающих ответственность за умышленные уничтожение или повреждение имущества. Уже в то время смежность упоминаемых составов детерминировала необходимость их совершенствования. В первую очередь, по нашему мнению, необходимо рассмотреть объект преступления. Так как ст. 214 УК РФ находится в главе 24 «Преступления против общественной безопасности», то, бесспорно, видовым объектом является общественная безопасность, непосредственным — общественный порядок, дополнительным — отношения собственности. Этим вандализм, собственно, и отличается от хулиганства, которое не предусматривает повреждения имущества. Спорных вопросов в разграничении вандализма с хулиганством не возникает: п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» прямо указывает на квалификацию этих пре-

ступлений по совокупности в случае наличия признаков совершения обоих.

Спорный момент имеется в признании объектом вандализма общественной нравственности. Некоторые авторы считают, что вандализм в большинстве своем посягает на «врожденное чувство красоты»¹ и именно общественная нравственность выступает в качестве основного объекта преступления. Более того, есть предложение переместить эту норму в главу 25 УК РФ («Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»). Однако стоит заметить, что понятие «общественная нравственность» довольно размыто, под него может подпадать почти любое уголовно наказуемое деяние. Кроме того, вандализм не сводится только лишь к причинению духовного вреда, а посягает на общественный порядок, да и в принципе направлен на вызывание у общества негативной реакции. Поэтому, на наш взгляд, общественную нравственность (духовный вред) следует признать лишь факультативным объектом вандализма.

Важным элементом объективной стороны вандализма является само деяние и то, на что оно направлено – осквернение зданий, сооружений, иного имущества, находящегося в общественных местах или в общественном транспорте.

Легальное понятие «осквернение» нигде не закреплено. Указывается, что правоприменительная практика под осквернением понимает «различные действия, приводящие к обезображиванию пользующихся общественным вниманием зданий и сооружений, изменению их внешнего или внутреннего вида за счет нанесения буквенно-цифровых, графических и иных изображений неприличного характера»². Формально данное определение полностью отражает содержание одного из альтернативных действий, предусмотренных ст. 214 УК РФ, но не следует забывать, что само по себе нанесение надписей или рисунка осквернением может и не быть: например, нанесение неприличных надписей в безлюдных местах не образует состава вандализма.

¹ Бытко Ю. И. Понятие «вандализм» по УК РФ // Общественная безопасность и ее законодательное обеспечение : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Астрахань, 2011. С. 31.

² Болдырева М. Л., Степанюк А. В. Проблемы уголовно-правовой оценки осквернения как признака вандализма // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 5—6. С. 12—14.

Общественная значимость имущества, особенно зданий или сооружений, для квалификации вандализма имеет первостепенное значение. Указание на это в ст. 214 УК РФ позволило бы отграничить ее от ст. 167 УК РФ, предусматривающей ответственность за порчу имущества. Следует также сказать, что в любом случае вандализм подразумевает не только повреждение или уничтожение имущества, а вообще любую форму порчи (например, приведение в непрезентабельный вид надписями). Кроме того, рассматриваемые составы можно разграничить по объекту, по месту совершения (так, в ст. 167 УК РФ место не конкретизировано, в ст. 214 УК РФ указано — общественное). М. И. Синяева и Д. Н. Садчикова указывают также, что при вандализме неуважение к обществу происходит «заочно», скрытно, а преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 167 УК РФ, совершается в условиях публичности¹. Насколько последний критерий разграничения реализуется на практике — сложный вопрос. Именно поэтому необходимо разъяснение Верховного Суда Российской Федерации всех представленных критериев, а также реформирование самой ст. 214 УК РФ с введением в состав квалифицирующих признаков. Квалификация преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ и ст. 214 УК РФ, по совокупности недопустима.

Не следует забывать и о наличии в УК РФ ст.ст. 243 и 244. Разграничение вандализма с этими составами преступлений осуществляется не только по предметам (объекты культурного наследия, захоронение само по себе), но и по месту, где находятся эти предметы. Все же на практике нередки случаи, когда лицо привлекали к ответственности по ст. 244 УК РФ за осквернение братской могилы, хотя место захоронения людьми признавалось памятником и общественным достоянием.

Особое внимание следует уделить граффити. Проблема заключается в определении субъективной стороны ст. 214 УК РФ: во-первых, художник-граффитист не имеет цели осквернения или порчи имущества и возбуждения у общества негативной реакции; во-вторых, как уже указывалось, надписи и рисунки, не посягающие на объект ст. 214 УК РФ, не могут считаться вандалистскими.

¹ Синяева М. И., Садчикова Д. Н. Вандализм по УК РФ: проблемы отграничения от смежных составов преступлений // Юность и знания — гарантия успеха — 2017 : сб. науч. тр. 4-й Междунар. молодеж. науч. конф. Курск, 27—28 сентября 2017 г. В 2 т. 2017. С. 213—215.

В связи с подобной неоднозначностью оценку соответствующих надписей, изображений и т. п. следственные органы и суд должны проводить с учетом конкретных обстоятельств дела: место нанесения, содержание, размер нанесенного; необходимо выяснять, вредоносно ли это для общественного порядка и нравственности. Так, А. В. Зарубин считает, что если осквернение путем нанесения рисунков было совершено на заброшенных зданиях или стройках, бесхозных строениях, где собственника установить не удастся, правовая оценка таких действий должна осуществляться исходя из их объективной вредоносности для общественного порядка¹.

Из приведенных выше практических примеров видно, что недостаточно конкретизировано разграничение ст. 214 УК РФ с административными деликтами, например, со ст.ст. 5.14, 7.17, 7.21, 11.1, 11.5, 13.24, 20.1 КоАП РФ.

Крайне затруднительно установить стоимостные критерии нарушения общественного порядка, однако введение в статью квалифицирующих признаков (значительный ущерб, применение технических средств) позволило бы, наконец, определить степень общественной опасности каждого конкретного правонарушения.

Учитывая вышеперечисленное, совершенствование уголовно-правовой нормы, закрепленной в ст. 214 УК РФ, представляется необходимым.

1. Конкретизация в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации положений о критериях разграничения вандализма со смежными составами, в первую очередь со ст. 167 УК РФ, а также ст.ст. 243, 244 УК РФ, представляется наиболее важным совершенствованием рассматриваемой нормы. Кроме того, необходимо разъяснение терминов «осквернение» и «порча»; важно закрепить социальную (общественную) значимость предмета посягательства как основополагающего критерия для квалификации деяний по ст. 214 УК РФ.

¹ Зарубин А. В. Проблемы разграничения умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества со смежными составами преступлений // Криминалист. 2015. № 1 (16). С. 14.

2. Целесообразно введение некоторых квалифицирующих признаков вандализма: значительный ущерб, применение технических средств, механизмов при осквернении или порче.

3. Дифференциация с административными деликтами возможна путем введения в КоАП РФ статьи, предусматривающей ответственность за мелкий вандализм. Основным критерием разграничения в таком случае будет размер причиненного ущерба.

Подводя итог, можно лишь сказать, что вандализм по-прежнему распространен в российском обществе. Грамотное реформирование уголовного законодательства позволит избежать порочной практики неправильной квалификации и обеспечит единообразный подход привлечения лиц к ответственности за вандализм.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА Екатерина Николаевна, старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА Борьба с преступлениями против общественной безопасности и общественного порядка является одним из сложных и очевидных направлений деятельности правоохранительных органов. В статье рассматриваются законодательные изменения, затронувшие ст. 207 УК РФ Ключевые слова: безопасность, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, взрыв, дестабилизация деятельности органов власти, совершенствование	ALESHINA-ALEKSEEVA Ekaterina N., Senior Lecturer at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR KNOWINGLY MAKING A FALSE COMMUNICATION ABOUT AN ACT OF TERRORISM Combating crimes against public safety and public order is one of the most difficult and obvious activities of law enforcement agencies. The article considers legislative changes which affected art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation Key words: security, knowingly false communication about an act of terrorism act, explosion, destabilization of the government bodies activity, improvement
АЛЬБИЦКИЙ Александр Георгиевич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ФЕДОТОВ Руслан Эдуардович, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	ALBITSKIY Alexander G., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation FEDOTOV Ruslan E., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЗАХВАТА ВЛАСТИ, НАСИЛЬСТВЕННОГО УДЕРЖАНИЯ ВЛАСТИ И ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА СО СМЕЖНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Статья посвящена некоторым проблемам соотношения насильственного захвата власти, насильственного удержания власти и вооруженного мятежа со смежными преступлениями против общественной безопасности. В статье приводится судебная практика применения норм об указанных составах преступлений в Российской Федерации, анализируется зарубежный опыт. На основе проведенного исследования делается вывод о существующих тенденциях в данной сфере Ключевые слова: основы конституционного строя, преступления против общественной безопасности	THE MATTERS OF CORRESPONDENCE BETWEEN FORCIBLE SEIZURE OF POWER, FORCIBLE RETENTION OF POWER AND ARMED REBELLION AS CORRELATING WITH RELATED CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY The article deals with some problems of correlation between forcible seizure of power, forcible retention of power and armed rebellion and their connection with related crimes against public safety. The article presents the judicial practice of application of the norms on the specified elements of crimes in the Russian Federation and analyses foreign experience. On the basis of the research conducted a conclusion is drawn concerning the existing tendencies in this sphere Key words: the foundations of the constitutional system, crimes against public safety
АНТИПЬЕВА Анастасия Сергеевна, студент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого СИЛУЯНОВА Ксения Андреевна, студент Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОРГАНИЗАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СООБЩЕСТВА В статье рассматриваются основные составляющие криминологической характеристики организации экстремистского сообщества, а	ANTIPIEVA Anastasia S., Student, St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great SILUYANOVA Xenia A., Student, St. Petersburg Polytechnic University of Peter the Great CRIMINOLOGICAL DESCRIPTION OF THE ORGANIZATION OF THE EXTREMIST ASSOCIATION The article discusses the main components of the criminological characteristics of the organization of the extremist association, as well as the

также перспективы развития экспертных технологий в области использования систем анализа данных в информационной сети для противодействия экстремистской деятельности Ключевые слова: экстремизм, криминалистика, экстремистское сообщество, преступная деятельность	prospects for the development of expert technologies in the use of data analysis systems in the information network to counteract extremist activities Key words: extremism, forensic science, extremist association, criminal activity
АНЧУГОВА Мария Владимировна, студент Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии САФОНОВА Ника Дмитриевна, студент Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии КОНТРАБАНДА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В статье рассматриваются проблемы, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Авторы опираются на статистику Федеральной таможенной службы изъятия наркотических средств Ключевые слова: контрабанда, наркотики, уголовное дело, перевозка через границу	ANCHUGOVA Maria V., Student, St. Petersburg V. B. Bobkova branch of the Russian Customs Academy SAFONOVA Nika D., Student, St. Petersburg V. B. Bobkova branch of the Russian Customs Academy DRUG SMUGGLING The article deals with problems related to drug trafficking. The authors rely on the statistics of the Federal Customs Service for the seizure of narcotic drugs Key words: smuggling, drugs, criminal case, transportation across the border
АСТРАТОВА Анастасия Дмитриевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА НА ОБЩЕСТВЕННОМ ТРАНСПОРТЕ	ASTRATOVA Anastasia D., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation SOME ISSUES OF THE QUALIFICATION OF HOOLIGANISM ON PUBLIC TRANSPORT

В статье рассматриваются вопросы правовой оценки хулиганства на общественном транспорте, разграничения данного деяния со смежными составами преступлений. Автором подвергаются анализу конструкция и отличительные черты состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 3 ст. 213 УК РФ Ключевые слова: хулиганство, общественный транспорт, грубое нарушение общественного порядка, вандализм, безопасность эксплуатации транспорта, умышленные уничтожение или повреждение имущества, хулиганские побуждения	The article deals with the issues of legal assessment of hooliganism on public transport, distinguishing of this act from related crimes. The author analyzes the construction and distinctive features of the elements of the crime provided for in p. "c" part art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation Key words: hooliganism, public transport, gross violation of public order, vandalism, safety of transport operation, intentional destruction of or damage to property, hooligan motives
БАРАНЧИКОВА Марина Вячеславовна, заместитель начальника кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ ВИНОВНОГО НА КАТЕГОРИЮ НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ БЕЗОПАСНОСТИ ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТА Общественная опасность личности виновного является важным критерием уголовно-правовой оценки неосторожных преступлений. В статье рассматриваются критерии определения общественной опасности личности виновного, раскрываются особенно-	BARANCHKOVA Marina V., Deputy Head of the Department of criminal law, criminology and psychology of Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, PhD in Law, Associate Professor THE IMPACT OF PUBLIC DANGER OF THE PERPETRATOR'S PERSONALITY ON DETERMINING CATEGORY OF CARELESS CRIMES AGAINST TRAFFIC SAFETY AND OPERATION OF TRANSPORT VEHICLES Public danger of the perpetrator's personality is an important criterion for criminal law assessment of careless crimes. The article considers the criteria for determining public danger of the perpetrator's personality, reveals the specific features of the category of grave careless crime. The

сти категории тяжкого неосторожного преступления. Обосновывается целесообразность введения данной категории для преступлений против безопасности движения транспорта с позиции общественной опасности личности виновного Ключевые слова: общественная опасность личности, неосторожное тяжкое преступление, безопасность движения транспорта, категория преступления	reasonability to introduce the given category for crimes against traffic safety from the point of public danger of perpetrator's personality is proven Key words: public danger of a personality, grave careless crime, traffic safety, category of crime
БАТОВ Владислав Алексеевич, студент Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 210.1 УК РФ В статье рассматривается норма УК РФ, устанавливающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Законодателем предлагается отдельное уголовное наказание для лидеров преступного мира и ужесточение уголовной ответственности за организацию преступного сообщества, руководство и участие в нем. Автор отмечает проблемные стороны данного уголовно-правового запрета Ключевые слова: преступная иерархия, преступное сообщество, организованная группа, криминальные авторитеты	BATOV Vladislav A., Student, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation OCCUPATION OF SENIOR POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY: PROBLEMS IN ENFORCEMENT OF ARTICLE 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The article deals with the norm of the Criminal Code of the Russian Federation imposing liability for occupying the highest position in the criminal hierarchy. The legislator proposes a separate criminal punishment for the underworld leaders and strengthening of criminal responsibility for the organization of the criminal community, leadership of the criminal association and participation in it. The author notes problem sides of the criminal-law ban in question Key words: criminal hierarchy, criminal association, organized group, criminal authorities

БЕЗБОРОДОВ Дмитрий Анатольевич, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	BEZBORODOV Dmitriy A., Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
РОДИМКИНА Екатерина Владимировна, магистрант Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия	RODIMKINA Ekaterina V., Master's Student of the North-Western branch of Russian State University of Justice
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ	ON THE ISSUE OF THE SPECIFIC FEATURES OF THE SUBJECT OF CRIMINAL VIOLATION OF SAFETY RULES WHEN CONDUCTING BUILDING AND OTHER ACTIVITIES
В статье рассматривается проблема определения признаков субъекта преступного посягательства в ситуации нарушения правил безопасности при ведении строительных и иных работ. В рамках научного исследования представлен сравнительно-правовой анализ статуса субъектов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 216, ч. 2 ст. 143, ч. 2 ст. 109 УК РФ	The article considers the problem of finding the subject characteristics of criminal act during the violation of safety rules when conducting building and other activities. The scientific study presents a comparative legal analysis of the status of the subjects of the crimes provided for part 2 of art. 216, part 2 of art. 143, part 2 of art. 109 of the Criminal Code of the Russian Federation
Ключевые слова: субъект преступного посягательства, строительные и иные работы, охрана труда, профессиональные обязанности, уголовная ответственность, должностные полномочия лица	Key words: subject of a criminal act, building and other activities, occupation safety, professional obligations, criminal liability, powers of the official
БЕРЕСТОВ Андрей Александрович, адъюнкт Сибирского юридического института МВД России	BERESTOV Andrey A., PhD student, Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

ВЛИЯНИЕ ХИЩЕНИЙ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В статье рассматриваются влияние хищения наркотических средств и психотропных веществ на общественную безопасность, а также вытекающая из этого общественная опасность хищения наркотических средств и психотропных веществ. Делается вывод об общественной опасности данного вида хищений, характеризующейся вредоносностью, прецедентностью и психологическими последствиями Ключевые слова: наркотики, наркотическая зависимость, хищение наркотических средств, общественная опасность, вредоносность, прецедентность	THE IMPACT OF STEALING NARCOTIC AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES ON PUBLIC SAFETY The article considers the impact of stealing narcotic and psychotropic substances on public safety, as well as the resulting endangerment of public interest. Author comes to the conclusion that this type of stealing is socially dangerous and characterized by its harmfulness, precedential effect and psychological impact Key words: drugs, drug addiction, stealing of narcotic substances, social danger, harmfulness, precedence
БОГДАНОВА Мария Анатольевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ШЕВЧУК Варвара Вадимовна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЗАХВАТА ЗАЛОЖНИКА И ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В статье рассматривается проблема разграничения смежных составов преступлений — захвата заложника и похищения человека. Делается вывод о возможности	BOGDANOVA Maria A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation SHEVCHUK Varvara V., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation ON THE ISSUE OF DISTINGUISHING BETWEEN HOSTAGE-TAKING AND KIDNAPPING The article deals with the problem of drawing distinction between elements of related crimes — hostage-taking and kidnapping. The conclusion is made about the possibility of

разграничения данных составов по непосредственному объекту преступления Ключевые слова: объект преступления, захват заложника, похищение человека	distinguishing the elements of these offences from one another according to the direct object of a crime Key words: object of a crime, hostage-taking, kidnapping
БОРОДИН Даниил Анатольевич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ УЧАСТИЯ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ, НЕЗАКОННОМ ВООРУЖЕННОМ ФОРМИРОВАНИИ И БАНДЕ Статья посвящена конкретизации понятия «участие» в незаконных объединениях, таких как террористическое сообщество, террористическая организация, незаконное вооруженное формирование, банда. Анализируются отличия данных видов участия Ключевые слова: терроризм, банда, незаконное вооруженное формирование	BORODIN Daniel A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation ON THE ISSUE OF DISTINGUISHING BETWEEN PARTICIPATION IN THE TERRORIST COMMUNITY, ILLEGAL ARMED GROUPS AND GANGS The article is devoted to the concretization of the concept of "participation" in illegal associations, such as a terrorist community, a terrorist organization, an illegal armed group, a gang. The differences between these types of participation are analyzed Key words: terrorism, gang, illegal armed group
БУЛГАКОВА Яна Александровна, студент Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ФУРМАМБЕТОВА Зарина Эсветовна, студент Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	BULGAKOVA Yana A., Student, Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation FURMAMBETOVA Zarina E., Student, Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА В статье описываются проблемы определения субъективной стороны заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Авторы обращают внимание на то, что заведомо ложное сообщение об акте терроризма совершается из хулиганских побуждений. Предлагаются изменения в практику квалификации заведомо ложного сообщения об акте терроризма Ключевые слова: преступления против общественной безопасности, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, субъективная сторона состава преступления	ON THE ISSUE OF ACTUS REUS IN THE OFFENSE OF INTENTIONALLY SUPPLYING FALSE INFORMATION OF A TERRORIST ATTACK The article describes the problems in determining the actus reus (subjective aspect) of a wittingly false report about an act of terrorism. The authors draw attention to the fact that a deliberately false report about an act of terrorism is motivated by hooliganism. Changes are proposed to the practice of qualifying a intentionally false report of a terrorist attack Key words: crimes against public safety, false report of a terrorist attack, subjective aspect of the crime (actus reus)
ВАСИЛЬЕВА Анастасия Сергеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации СТУПАК Екатерина Сергеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПУБЛИЧНОГО ОПРАВДАНИЯ ТЕРРОРИЗМА И ПРОПАГАНДЫ ТЕРРОРИЗМА В статье анализируется проблема квалификации публичных призы-	VASILYEVA Anastasia S., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation STUPAK Ekaterina S., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PROBLEMS IN QUALIFICATION OF CALLING IN PUBLIC TO TERRORIST ACTIVITIES, JUSTIFICATION OF TERRORISM PUBLICLY AND PROPAGANDA OF TERRORISM The paper analyses the problem of qualification of the public appeal for

вов к осуществлению террористической деятельности по ст. 205.2 УК РФ. Проводится анализ положений Уголовного кодекса Российской Федерации, Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебной практики, а также позиций ученых. Обращается внимание на проблемы разграничения указанного преступления с подстрекательством, определения понятий «террористическая деятельность» и «публичность», а также установления момента окончания преступления Ключевые слова: преступление, публичные призывы, террористическая деятельность, неопределенный круг лиц	carrying out terrorist activities under art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Analysis is made of the provisions of the Criminal Code, Regulations of the Plenary Sessions of the Supreme Court of the Russian Federation, jurisdiction and judicial practice as well as opinion of academics in Law. Attention is drawn to the problem of distinction between the crime under consideration itself and incitement, definition of terrorist activities and publicity, as well as the establishment of the time when the said crime ceased Key words: crime, public appeal, terrorist activity, uncertain range of persons
БЫЧКОВ Сергей Николаевич, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент МЕЩЕРЯКОВА Дарья Сергеевна, магистрант Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина НЕГЛАСНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, создает реальную угрозу причинения существенного	BYCHKOV Sergey N., Associate Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor MESHCHERYAKOVA Daria S., Master's Student of Pushkin Leningrad State University TACIT ACQUISITION OF INFORMATION AS A THREAT TO PUBLIC SAFETY: ON THE ISSUE OF ILLEGAL TRAFFIC OF SPECIAL TECHNICAL MEANS INTENDED TO TACIT ACQUISITION OF INFORMATION Illegal traffic of special technical means intended to tacit acquisition of information poses a real threat to cause significant harm to public safety. In this regard the article considers

вреда общественной безопасности. В статье рассмотрена уголовно-правовая характеристика субъекта незаконного оборота специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации Ключевые слова: общественная безопасность, незаконный оборот, негласное получение информации, специальные технические средства, субъект преступления	the criminal and legal characteristics of the subject of illegal traffic of special technical means intended to tacit acquisition of information Key words: public safety, illegal traffic, tacit acquisition of information, special technical means, subject of the crime
ВИНОКУРОВ Виктор Николаевич, доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент ХУЛИГАНСТВО КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: КОНКРЕТИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛОВ ДЕЙСТВИЯ НОРМЫ В статье рассмотрены вопросы конкретизации пределов действия нормы, предусмотренной ст. 213 УК РФ. По мнению автора, указание в диспозиции нормы на мотив расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды следует исключить, поскольку объектом посягательства при совершении действий по этим мотивам являются основы конституционного устройства. Под применением или попыткой применения оружия при хулиганстве следует понимать умышленные действия, направленные не только на использование указанных предметов для причинения телесных повреждений, но и на такое их исполь-	VINOKUROV Victor N., Associate Professor at the Department of criminal law and criminology, Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor HOOLIGANISM AS A CRIME AGAINST PUBLIC SAFETY: SPECIFYING THE LIMITS OF THE LEGAL PROVISION The article considers the issues of specifying the legal support provided for by art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation. According to the author, it is necessary to exclude the indication of motives of racial, ethnic or religious hatred or enmity in the disposition of the norm, since the object of encroachment in committing acts according to these motives are the foundations of the constitutional order. The use or attempted use of weapons during the hooliganism actions should be understood as intentional acts aimed at not only using the mentioned things to cause bodily injury but using them in a way that creates a real threat to life or health of citizens

зование, которое создавало реальную угрозу для жизни или здоровья граждан Ключевые слова: применение оружия, угроза причинения вреда, психическое воздействие	Key words: use of weapons, threat of causing harm, mental impact
ВЬЮХИНА Юлия Александровна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПАВКОВА Ксения Сергеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СРОКОВ ДАВНОСТИ К ЛИЦАМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕСТУПЛЕНИЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В статье рассматриваются проблемы освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности при совершении преступлений террористической направленности. В УК РФ 1996 года и УК РСФСР 1960 года по-разному изложены основания и порядок исчисления сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Авторы делают вывод о необходимости применения ст. 48 УК РСФСР 1960 года к преступлениям, совершенным до 1997 года Ключевые слова: сроки давности, преступления террористической направленности, обратная сила закона	V'YUCHINA Yulia A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PAVKOVA KSENIA S., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation SOME SPECIFIC FEATURES OF APPLYING THE LIMITATION PERIOD TO PERSONS COMMITTED TERRORIST CRIMES The article deals with the problems of releasing from criminal responsibility in connection with the expiration of the statute of limitations on terrorist actions. The Criminal Code of the Russian Federation of 1996 and the Criminal Code of the RSFSR of 1960 differently formulate the grounds and procedure for calculating the limitation period for criminal liability. The authors conclude that art. 48 of the Criminal Code of the RSFSR of 1960 should be applied to crimes committed before 1997 Key words: statute of limitations, terrorist crimes, retroactive force of the law

ГАЛИНСКАЯ Ольга Викторовна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В данной статье дается характеристика нарушений требований пожарной безопасности, рассматриваются некоторые проблемные вопросы квалификации преступления по ст. 219 УК РФ Ключевые слова: требования пожарной безопасности, общественная безопасность, квалификация	GALINSKAYA Olga V., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PROBLEM ISSUES OF RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF FIRE SAFETY REQUIREMENTS This article describes the violations of fire safety requirements, addresses some of the problematic issues of qualifying the offence under art. 219 of the Criminal Code of the Russian Federation Key words: fire safety requirements, public security, qualifications
ГОЛОВИЗНИНА Любовь Алексеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Статья посвящена вопросам уголовной ответственности за нарушение требований пожарной безопасности по ст. 219 Уголовного кодекса Российской Федерации. Отмечаются нерешенные проблемы в законодательстве, предлагаются возможные пути их решения Ключевые слова: пожар, пожарная безопасность, нарушение требований пожарной безопасности,	GOLOVISNINA Lyubov A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation SOME ASPECTS OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF FIRE SAFETY REQUIREMENTS The article is devoted to the issues of criminal liability for violation of fire safety requirements under art. 219 of the Criminal Code of the Russian Federation. Problematic and unresolved aspects in the legislation are highlighted. Possible solutions are proposed Key words: fire, criminal liability, violation of fire safety requirements, fire safety, violation of fire safety

административная ответственность, уголовная ответственность	requirements, administrative liability, criminal liability
ГОРБАТОВА Марина Анатольевна, доцент кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА В статье рассматриваются актуальные проблемы регламентации и реализации уголовной ответственности за хулиганство. Автор обращает внимание на несоответствие названий раздела VII и главы 24 УК РФ, неоднозначность понимания признака «с применением оружия» в судебной практике, трудности разграничения транспортного и мелкого хулиганства, необходимость снижения возраста уголовной ответственности за простое хулиганство и усиления ответственности за хулиганство, совершенное группой лиц Ключевые слова: хулиганство, объект хулиганства, транспортное хулиганство, мелкое хулиганство, применение оружия, групповое хулиганство	GORBATOVA Marina A., Associate Professor at the Department of criminal law and criminal procedure, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor SOME ISSUES OF QUALIFYING HOOLIGANISM The article considers some topical issues of regulating and implementing criminal responsibility for hooliganism. The author draws attention to the discrepancy between the titles of section VII and chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation, the ambiguity of understanding the sign of “use of weapons” in judicial practice, difficulties in distinguishing between transport hooliganism and petty hooliganism, the need to reduce the age of criminal responsibility for mere hooliganism and increase responsibility for group hooliganism Key words: hooliganism, object of hooliganism, transport hooliganism, petty hooliganism, use of weapons, group hooliganism
ГОРДИН Михаил Александрович, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета НАУМЕНКО Мария Андреевна, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета	GORDIN Mikhail A., Master’s student, St. Petersburg State University NAUMENKO Maria A., Master’s student, St. Petersburg State University

БОРЬБА С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений, связанных с финансированием преступлений террористической направленности. Рассмотрены вопросы разграничения финансирования преступлений террористической направленности и смежных составов преступлений. Разработаны предложения по совершенствованию практики применения ст. 205.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за финансирование преступлений террористической направленности Ключевые слова: терроризм, преступления террористической направленности, финансирование терроризма, содействие террористической деятельности	COMBATING THE FINANCING OF TERRORISM: CURRENT ISSUES The article deals with the problems of criminal qualification of financial support of terrorism. The author reviews the problems of distinguishing financing of terrorism from related offences. The proposals to improve the practice of applying art. 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for financing terrorist crimes have been developed Key words: terrorism, terrorist crimes, financing of terrorism, facilitating terrorist activities
ГОРШКОВА Наталья Андреевна, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В статье рассматриваются проблемы объективного и субъективного характера, влияющие на эффективность наказания в виде лишения свободы на современном этапе Ключевые слова: наказание, лишение свободы, эффективность наказания	GORSHKOVA Natalia A., Senior Lecturer at the Department of criminal law and criminology of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law SOME PROBLEMS OF SUSCEPTIBILITY OF CUSTODIAL SENTENCE The article discusses problems of an objective and subjective character that affect the susceptibility of custodial sentence at the current stage Key words: punishment; custodial sentence; susceptibility of punishment

ГРИШИН Алексей Юрьевич, старший помощник прокурора ЗАТО г. Межгорье Республики Башкортостан ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ ПРИ КОНСТРУИРОВАНИИ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В статье анализируется использование законодателем административной преюдиции при криминализации общественно опасных деяний против общественной безопасности. Рассматриваются некоторые проблемы правоприменения, предлагаются меры по совершенствованию уголовного законодательства, связанные с инициативой закрепления в законе понятия уголовного проступка Ключевые слова: административная преюдиция, преступления против общественной безопасности, уголовный проступок	GRISHIN Alexey Ju., Senior Assistant of the Procurator of the Closed Administrative District of the town of Mezhgorye, Republic of Bashkortostan USING ADMINISTRATIVE PREJUDICATION IN CONSTRUCTING CORPUS DELICTI AGAINST PUBLIC SAFETY The article analyses the use of administrative prejudice by legislator in criminalising socially dangerous acts against public safety. Some problems of law enforcement are considered, measures to improve criminal legislation related to the initiative to consolidate the concept of criminal misconduct in the law are proposed Key words: administrative prejudice, crimes against public safety, criminal misconduct
ДВОРЖИЦКАЯ Марина Андреевна, дознаватель отдела дознания УМВД России по Всеволожскому району Ленинградской области НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИЛИ ПРАВОСУДИЯ? В статье рассматриваются некоторые теоретические аспекты, касающиеся объекта несообщения о преступлении. Проанализировано	DVORZHITSKAYA Marina A., Inquiry Officer of the Inquiry Department of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Vsevolozhsk district, Leningrad region FAILURE TO REPORT A CRIME: IS IT A CRIME AGAINST PUBLIC SAFETY OR JUSTICE? The article considers some theoretical aspects regarding the object of failure to report a crime. The place of the norm concerning the failure to

расположение нормы о несообщении о преступлении в УК РФ. Обосновано, что объектом несообщения о преступлении являются интересы правосудия Ключевые слова: прикосновенность, преступление, несообщение о преступлении	report about a crime in the Criminal Code of the Russian Federation is analysed. It was shown that the interests of justice are the object of failure to report a criminal activity Key words: implication, crime, failure to report a crime
ДЁМИН Антон Александрович, студент Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МАССОВЫХ БЕСПОРЯДКОВ Статья посвящена исследованию проблем квалификации массовых беспорядков. Автором определены вопросы, возникающие в ходе применения положения о массовых беспорядках. В статье обосновывается, что в уголовном законодательстве имеются правовые лакуны, способствующие необоснованному возбуждению уголовных дел. Исходя из представленной проблемы предложены изменения в уголовном законодательстве Ключевые слова: массовые беспорядки, политический инструмент, массовость, уголовное преследование	DEMİN Anton A., Student, Banzarov Buryat State University PROBLEMS OF QUALIFICATION OF MAS-SIVE DISORDERS The article is devoted to the study of the problems of qualification of riots. The author identifies issues that arise during the application of the provision on riots. The article substantiates that in the criminal law there are legal gaps that contribute to the unjustified initiation of criminal cases. With these basic assumption in mind, the author puts forward some changes in the criminal law Key words: riots, political instrument, mass character, criminal prosecution
ДЬЯКОНОВА Анастасия Витальевна, студент Дальневосточного федерального университета К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКЕ УСТОЙЧИВОСТИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 209 УК РФ	DYAKONOVA Anastasia V., Student, Far Eastern Federal University ON THE SUSTAINABILITY ELEMENT IN THE DEFINITION OF CRIMES UNDER ARTICLE 209 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

В статье рассматривается вопрос неоднозначности понимания одного из конструктивных признаков преступлений, предусмотренных ст. 209 УК РФ, — устойчивость банды. Анализируя уголовное законодательство, доктринальные исследования и судебную практику, автор приходит к выводу о необходимости разъяснения Верховным Судом Российской Федерации признака устойчивости Ключевые слова: банда, бандитизм, признаки банды, устойчивость, стабильность состава, организованная группа	The article considers the question of the ambiguity of understanding one of the constructive elements of crimes provided for by art. 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, — the stability of the gang. Analyzing criminal law, doctrinal studies and judicial practice, the author comes to the conclusion that it is necessary to clarify the element of sustainability by the Supreme Court of the Russian Federation Key words: gang, banditry, attributes of a gang, sustainability, composition stability, organized group
ЕГОРОВА Анастасия Владимировна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации СИМОНЯН Наре Александровна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРЕДЕЛЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОПРАВДАНИЕ ТЕРРОРИЗМА В статье акцентируется внимание на понятии «оправдание терроризма», предусмотренном ст. 205.2 УК РФ. Авторами анализируются проблемы, связанные с разграничением уголовно наказуемого деяния и реализации свободы слова в СМИ и информационно-телекоммуникационных и электронных сетях, в том числе в сети «Интернет» Ключевые слова: оправдание терроризма, террористическая деятельность, Интернет, СМИ	EGOROVA Anastasia V., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation SIMONYAN Nare A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation LIMITS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR JUSTIFICATION OF TERRORISM The article focuses on the concept of “justification of terrorism”, provided for by art. 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. The authors analyse the problems concerning distinguishing the punishable criminal offense from legitimate freedom of speech in the mass media and telecommunications and electronic networks, including the internet Key words: justification of terrorism, terrorist activities, Internet, mass media

ЕГОРОВА Татьяна Игоревна, докторант Академии Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук НЕКОТОРОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ Анализ статистических данных, характеризующих состав осужденных, отбывающих наказание в российских пенитенциарных учреждениях, позволяет сделать вывод об актуальности проблемы обеспечения безопасности при исполнении наказания. В статье анализируются состояние правопорядка в пенитенциарных учреждениях Российской Федерации и отдельные аспекты законодательства в рассматриваемой сфере. Внимание уделяется возможности совершенствования уголовно-правовых запретов, обеспечивающих порядок исполнения наказания в виде лишения свободы Ключевые слова: безопасность, лишение свободы, преступления, тюремная субкультура, преступная иерархия	EGOROVA Tatiana I., Doctoral Student, Academy of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, PhD in Law SOME SOCIAL BASIS FOR ENSURING PUBLIC SAFETY IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS The analysis of statistical data characterizing the composition of the convicts in Russian penitentiary institutions allows us to come to the conclusion that the problem of ensuring public safety in correctional institution is of great relevance. The article analyses the state of law and order and certain aspects of legislation in this sphere. Special attention is paid to the possibility of improving the criminal law prohibitions that ensure the execution of punishment by means of deprivation of freedom Key words: security, imprisonment, crimes, prison subculture, criminal hierarchy
ЕМЕЛЬЯНОВ Виктор Анатольевич, федеральный судья Ессентукского городского суда ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПЕНАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ	EMEL'YANOV Viktor A., Federal judge, Yessentuki city court LAW ENFORCEMENT DEMENSIONS OF PENALISING CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

В статье рассматриваются вопросы пенализации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков. Правоприменительное направление пенализации преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ помогает выявить законодательные проблемы. Анализ назначенных наказаний позволяет констатировать, что правоприменительная практика не полностью использует возможности предоставленных законодателем альтернатив наказаний, требует их смягчения Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, незаконный оборот, сбыт	The article considers the questions of penalising crimes connecting with illegal drug trafficking. Law enforcement actions of penalising crimes in the sphere of illegal trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances helps to identify legislative problems. The analysis of the appointed punishments allows to state that law enforcement practice does not fully use possibilities of the alternatives of punishments provided by the legislator, and demands their mitigation Key words: drugs, psychotropic substances, illegal trafficking, dealing
ЕПИФАНОВ Борис Васильевич, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, профессор ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ. СООТНОШЕНИЕ С ПРЕДМЕТОМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ Статья посвящена вопросу общественной безопасности как объекта уголовно-правовой охраны и проблемам его соотношения с предметом преступления. Автором анализируется ст. 226.1 УК РФ и рассматриваются мнения ученых Ключевые слова: общественная безопасность, предмет преступления, контрабанда	EPIFANOV Boris V., Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law, Full Professor PUBLIC SAFETY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION. CORRELATION WITH THE SUBJECT OF THE CRIME This article is devoted to the issue of public safety as an object of criminal law protection and the problem of its correlation with the subject of crime. Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is analysed and the opinions of scientists are considered Key words: public safety, subject of a crime, smuggling

ЕРКАЛОВА Евгения Викторовна, студент Балаковского филиала Саратовской государственной юридической академии ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ В статье констатируется, что под общественной безопасностью следует понимать безопасность всех общественных отношений в целом, и даже тех, которые не являются правоотношениями. Обеспечение общественной безопасности как состояния защищенности общества в целом предполагает определение и нейтрализацию угроз Ключевые слова: преступление, общественная безопасность, уголовно-правовая охрана, общественные отношения, социальное явление	ERKALOVA Evgenia V., Student, Balakovo branch of the Saratov State Law Academy PUBLIC SAFETY AS AN OBJECT PROTECTED BY CRIMINAL LAW The article states that public safety should be understood as the safety of all public relationships on the whole, and even those that are not legal relationships. Public safety is not only the society's safety as a whole, but it also involves the identification and neutralization of threats Key words: crime, public safety, criminal law protection, public relations, social phenomenon
ЗАРУБИН Андрей Викторович, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУПЛЕНИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ В статье рассматриваются вопросы ответственности за несообщение о преступлении в уголовном праве России, вопросы разграничения несообщения о преступлении со смежными составами преступлений.	ZARUBIN Andrey V., Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor FAILURE TO REPORT A CRIME IN RUSSIAN CRIMINAL LAW The article deals with the issues of responsibility for failure to report a crime in the Criminal law of Russia, the issues of distinguishing failure to report a crime with related elements of crimes. Proposals to improve the

Изложены предложения по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за несообщение о преступлении Ключевые слова: прикосновенность к преступлению, укрывательство преступления, несообщение о преступлении	criminal law on liability for failure to report a crime are given in the article Key words: touching the crime, concealment of a crime, failure to report a crime
ЗЕЗЮЛИНА Татьяна Александровна, начальник кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат юридических наук, доцент ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШАЕМОГО В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ Любое преступление, совершаемое в местах лишения свободы, ставит под угрозу нормальную деятельность соответствующих исправительных учреждений. Хулиганство — преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ, не является исключением. В статье анализируются особенности определения объекта и объективной стороны данного преступления, совершаемого в исправительных учреждениях. Решаются вопросы, возникающие при квалификации хулиганства, совершаемого в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы Ключевые слова: хулиганство, нарушение общественного порядка, места лишения свободы, исправительные учреждения, пенитенциарные преступления	ZEZYULINA Tatiana A., Head of the Department of criminal law and criminology of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor PROBLEMS OF THE QUALIFICATION OF HOOLIGANISM IN DETENTION FACILITIES Any crime committed in detention facilities liberty endangers the normal activity of the relevant correctional institutions. Hooliganism is a crime provided for by art. 213 of the Criminal Code of the Russian Federation is not an exception. The article analyses the specific features of determining the object and objective elements of the crime committed in correctional institutions. The issues arising in qualifying hooliganism committed against employees of the penitentiary system are being solved Key words: hooliganism, public order disturbance, detention facilities, correctional institutions, penitentiary crimes

ИВАЩЕНКО Мария Алексеевна, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института Московской академии Следственного комитета Российской Федерации ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В статье рассматриваются проблемные вопросы квалификации преступлений экстремистской и террористической направленности, а также проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием сети «Интернет» Ключевые слова: преступление, экстремизм, терроризм, квалификация, статистика, совершение преступления с использованием сети «Интернет»	IVASHCHENKO Maria A., Junior research worker of the Research Institute of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation PROBLEMS OF THE QUALIFICATION OF EXTREMIST AND TERRORIST CRIMES The article discusses the issues in qualifying extremist and terrorist crimes, as well as the problems of qualifying extremist crimes committed via the Internet Key words: crime, extremism, qualification, statistics, the commission of a crime via the Internet
КАЙДАУЛОВА Анастасия Сергеевна, студент Государственного института экономики финансов, права и технологий КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В статье раскрывается криминологическая характеристика преступлений против общественной безопасности, отмечаются особенности составов данных преступлений (объективные и субъективные	KAYDAULOVA Anastasia S., Student, the State Institute of Economics of Finance, Law and Technology CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY The paper reveals the criminological characteristics of crimes against public safety. The author notes the specific features of the elements in the definition of such crimes (actus reus and mens rea), describes the ways

элементы), описываются способы и методы, направленные на предупреждение преступлений и последующее проведение профилактических мероприятий, приводятся статистические данные Ключевые слова: безопасность, угроза безопасности, криминология	and methods to prevent the offences and to undertake preventive activities subsequently, presents statistical data Key words: safety, security risk, criminology
КАМАЛОВА Дильдора Гайратовна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ташкентского государственного юридического университета, доктор философии по юридическим наукам, доцент ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В данной статье автор проанализировал вопросы отличия добровольного отказа от приготовления неоконченного покушения и оконченного покушения на примере преступлений против жизни и общественной безопасности Ключевые слова: добровольный отказ от совершения преступления, неоконченное покушение, оконченное покушение, преступления против жизни, преступления против общественной безопасности	KAMALOVA Dildora G., Associate Professor at the Department of criminal law and criminology, Tashkent State University of Law, PhD in Philosophy, Associate Professor PROBLEMS OF DETERMINING OF VOLUNTARY ABANDONMENT IN COMMITTING CRIMES AGAINSG PUBLIC SAFETY The article analyses the differences between a voluntary abandonment to prepare an incomplete attempt, and a complete attempt on the example of crimes against life and public safety Key words: voluntary abandonment to commit a crime, incomplete attempt, complete attempt, crimes against life, crimes against public safety
КИРСАНОВА Светлана Олеговна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	KIRSANOVA Svetlana O., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

РЕПЬЕВА Екатерина Олеговна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВРЕДОНОСНОГО ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ КИБЕРТЕРРОРИЗМЕ В статье рассматриваются вопросы квалификации использования вредоносного программного обеспечения при совершении преступлений террористической направленности, обращается внимание на особую общественную опасность кибертерроризма, предлагается решение проблем квалификации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием программного обеспечения Ключевые слова: преступления против общественной безопасности, кибертерроризм, вредоносное программное обеспечение	REPYOVA Ekaterina O., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation ON SOME ISSUES RELATED TO THE QUALIFICATION OF USING MALWARE IN CYBERTERRORISM The article deals with the issues of qualification of the use of malware while committing terrorist crimes. The authors draw attention to the particularly serious public danger of cyberterrorism and offer solutions to the problems of qualification of terrorist crimes using software Key words: crimes against public security, cyberterrorism, malware
КИРЮХИНА Софья Михайловна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 205.4, 205.5 УК РФ Статья посвящена отдельным вопросам практики применения	KIRIUHINA Sofia M., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PROBLEMS OF QUALIFICATION OF TERRORIST CRIMES UNDER ARTICLES 205.4, 205.5 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The article is devoted to certain issues of the practice of application of

ст.ст. 205.4 и 205.5 УК РФ. При рассмотрении спорных точек зрения на то, к какой разновидности групп относятся террористическое сообщество и террористическая организация, сделан вывод, что они относятся к одной группе. Проанализирована судебная практика по вопросам разграничения преступлений, предусмотренных ст.ст. 205.4, 205.5 и 208 УК РФ, обозначены проблемы, связанные с квалификацией преступлений Ключевые слова: преступления террористической направленности, террористическое сообщество, террористическая организация, незаконное вооруженное формирование	art. 205.4 and 205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation. When considering the debatable points of view about what kind of groups the terrorist community and terrorist organization refer to, it has been concluded that they are almost the same thing. The jurisprudence has been analyzed on issues of demarcation of art. 205.4, 205.5 and 208 of the Criminal Code of Russian Federation, the problems connected with the qualification of the crimes have been outlined Key words: terrorist crimes, terrorist community, terrorist organization, illegal armed formation
КЛЮКИНА Евгения Александровна, студент Балаковского филиала Саратовской государственной юридической академии ПОНЯТИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ На данный период состояние общественной безопасности в Российской Федерации характеризуется как нестабильное. Несмотря на принимаемые государством и обществом меры, направленные на борьбу с преступлениями, необходимый уровень обеспечения общественной безопасности не достигнут. Для этого необходимо четкое понимание сущности термина «общественная безопасность» Ключевые слова: общественная безопасность, уголовное право, общество, правоотношения, охрана общественной безопасности	KLUKINA Evgenia A, Student, Balakovo branch of the Saratov State Law Academy CONCEPT OF PUBLIC SAFETY Nowadays, the state of public security in the Russian Federation is characterized as unstable. Despite the measures taken by the State and the society to combat crime, the necessary level of ensuring public security has not been achieved. This requires a clear understanding of the essence of the term "public security" Key words: public safety, criminal law, society, legal relations, maintenance of public safety

КОЛОМИЕЦ Евгений Максимо- вич, студент Санкт-Петербург- ского юридического института (филиала) Университета прокура- туры Российской Федерации НЕСООБЩЕНИЕ О ПРЕСТУП- ЛЕНИИ: ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИ- РОДА, ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИ- МЕНЕНИЯ СТАТЬИ 205.6 УК РФ В статье исследуется норма ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении», проанализирова- ны признаки состава преступле- ния, решены вопросы о разграни- чении преступления со смежным составом укрывательства особо тяжких преступлений (ст. 316 УК РФ) Ключевые слова: несообщение о преступлении, прикосновенность к преступлению, доношитель- ство, укрывательство преступле- ний, соучастие в преступлении	KOLOMIETS Yevgeny M., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation FAILURE TO REPORT A CRIME: LEGAL NATURE, PROSPECTS FOR APPLYING ARTICLE 205.6 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION This article examines the rule of art. 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation "Failure to report a crime". The corpus delicti of the crime was analyzed. The issues of distinguishing the crime from the related crimes concerning conceal- ment of especially grave crimes were resolved (art. 316 of the Criminal Code of the Russian Federation) Key words: failure to report a crime, touching a crime, non-reporting, concealment of crimes, complicity in a crime
КОРНЕЕВ Сергей Александро- вич, адъюнкт Академии права и управления ФСИН России О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕ- НИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙ- СТВИЯ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТ- НИМ, СОВЕРШИВШИМ ПРЕ- СТУПЛЕНИЕ ПРОТИВ ОБЩЕ- СТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В статье рассматриваются меры уголовно-правового воздействия, применяемые в отношении несо- вершеннолетних лиц, совершив-	KORNEEV Sergey A., PhD student, The Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia ON THE POSSIBILITY OF IMPOS- ING COMPULSORY MEASURES OF EDUCATIONAL IMPACT ON MINORS COMMITTING CRIMES AGAINST PUBLIC SECURITY The article reviews the measures of criminal law impact on minors who have committed crimes against pub- lic security, in particular, compulsory

ших преступления против общественной безопасности, в частности принудительные меры воспитательного воздействия. Приводятся и анализируются статистические данные как общего числа осужденных за преступления против общественной безопасности, так и несовершеннолетних лиц, а также их процентное соотношение. Определяется правовая природа рассматриваемой меры, предлагаются изменения в действующее уголовное законодательство Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, уголовная ответственность несовершеннолетних, иные меры уголовно-правового характера	measures of educational influence. Statistical data on both the total number of people convicted of crimes against public security and minors, as well as their percentage, is presented and analysed. The author outlines the legal nature of the measure in question and proposes the amendments to the current criminal legislation Key words: compulsory measures of educational impact, criminal responsibility of minors, other measures of criminal law nature
КРАВЧЕНКО Роман Михайлович, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук КВАЛИФИКАЦИЯ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СОВЕРШЕННОГО ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ В статье проанализировано соотношение составов преступлений, предусмотренных ст. 219 и ст. 293 УК РФ, в части квалификации нарушения требований пожарной безопасности, совершенного должностным лицом, а также лицом, выполняющим управленческие	KRAVCHENKO Roman M., Senior Lecturer at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law QUALIFICATION OF VIOLATION OF FIRE SAFETY REQUIREMENTS COMMITTED BY AN OFFICIAL The article considers the ratio of the crimes elements provided for by art. 219 and art. 293 of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of qualification of violations of fire safety requirements committed by an official, as well as by a person who performs managerial functions

функции в коммерческой или иной организации. Сформулированы вывод о квалификации данного общественно опасного деяния в рамках действующего уголовного закона, а также предложения по совершенствованию законодательства Ключевые слова: нарушение требований пожарной безопасности, должностное лицо, уголовное право, ст. 219 УК РФ, ст. 293 УК РФ	in a commercial or other organization. The conclusions on the qualification of this socially dangerous act within the framework of the current criminal law, as well as proposals to improve the legislation is drawn Key words: violation of fire safety requirements, official, criminal law, art. 219 of the Criminal Code of the Russian Federation, art. 293 of the Criminal Code of the Russian Federation
КРАЕВ Денис Юрьевич, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УГОН СУДНА ВОЗДУШНОГО ИЛИ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА ЛИБО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПОДВИЖНОГО СОСТАВА В статье рассматриваются некоторые вопросы уголовной ответственности за предусмотренный ст. 211 УК РФ угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава Ключевые слова: уголовная ответственность, угон, захват в целях угона, судно воздушного транспорта, судно водного транспорта, железнодорожный подвижной состав	KRAYEV Denis Ju., Associate Professor at the Department of criminal law, criminology and penal executive law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR HIJACKING OF AN AIRCRAFT, A SEA-GOING SHIP, OR A RAILWAY TRAIN (ARTICLE 211 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) The article discusses some issues of criminal liability for hijacking of an aircraft, a sea-going ship, or a railway train provided for by art. 211 of the Criminal Code of the Russian Federation Key words: criminal liability, hijacking, seizure in order to hijack, aircraft, a sea-going ship, railway train

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА: НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ И ЧАСТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ Статья посвящена некоторым общим и частным проблемам квалификации преступлений террористического характера. Приводятся положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и судебная практика Ключевые слова: уголовное право, квалификация, преступления террористического характера, террористический акт, судебная практика	KUDRYAVTSEV Vladislav L., Professor at the Department of criminal law and procedure, St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University Justice, Doctor in Law QUALIFICATION OF TERRORIST CRIMES: SOME GENERAL AND SPECIFIC PROBLEMS The article is devoted to some general and specific problems of qualification of terrorist crimes. The provisions of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 № 1 "On some issues of judicial practice on criminal cases about crimes of a terrorist orientation" and judicial practice are given Key words: criminal law, qualification, crimes of a terrorist nature, terrorist act, judicial practice
КУЗНЕЦОВ Дмитрий Сергеевич, курсант Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ: ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 210.1 УК РФ В статье рассматриваются проблемы уголовно-правового анализа юридической конструкции новой	KUZNETSOV Dmitry S., Student, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia HOLDING THE SUPREME POSITION IN A CRIMINAL HIERARCHY: PROBLEMS OF INTERPRETATION AND ENFORCEMENT OF ART. 210.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The article deals with the problems of criminal law analysis of the legal structure of art. 210.1 of the Criminal

ст. 210.1 УК РФ. Рассматриваются проблемные вопросы правоприменительной практики по уголовным делам, возбуждаемым в отношении лиц, виновных в совершении данного преступления Ключевые слова: высшее положение в преступной иерархии, вор в законе, лидер преступной среды, преступное сообщество	Code of the Russian Federation. Problematic issues of law enforcement practice in criminal cases initiated against persons guilty of committing this crime are considered Key words: the high-level position in the criminal hierarchy, criminal kingpin, criminal leader, criminal community
КУПРЕЕНКОВА Алена Станиславовна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с уголовной ответственностью за преступление, предусмотренное ст. 207 УК РФ. Предлагаются варианты корректировки действующей уголовно-правовой нормы на основании анализа судебной практики. Автор также затрагивает проблему привлечения к уголовной ответственности лиц, которые совершают данное преступление, находясь на территории других стран Ключевые слова: терроризм, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, уголовная ответственность, дестабилизация органов власти	KUPREENKOVA ALENA S., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR KNOWINGLY MAKING A FALSE COMMUNICATION ABOUT AN ACT OF TERRORISM The article considers some problems related to criminal liability for the crime provided for by art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation. The ways to adjust the current criminal law norm based on an analysis of court practice are proposed. The author also touches upon the problem of bringing to criminal responsibility persons who commit the given crime while being in the territory of other countries Key words: terrorism, knowingly making a false communication about an act of terrorism, criminal liability, destabilization of authorities
КУРСАЕВ Александр Викторович, главный эксперт-специалист Договорно-правового департамента МВД России, кандидат юридических наук	KURSAYEV Alexander V., Chief Expert of the Department of Treaty and Law in the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law

МЕТОДОЛОГИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ ОБЩЕОПАСНЫХ РАБОТ В статье рассмотрены вопросы криминализации нарушения правил безопасности при ведении общепасных работ. Автор обращает внимание на особенности уголовной ответственности за рассматриваемые преступления в уголовном законодательстве других государств. В статье сформулированы предложения о совершенствовании законодательства об ответственности за нарушение правил безопасности при ведении общепасных работ Ключевые слова: нарушение правил безопасности, промышленная безопасность, опасные производственные объекты	METHODOLOGY FOR CRIMINALIZING VIOLATIONS OF SAFETY RULES WHEN CONDUCTING GENERAL HAZARDOUS WORK The article deals with the issues of criminalizing violations of safety rules when conducting general hazardous work in the criminal legislation of the Russian Federation. The author draws attention to the specific features of criminal responsibility for the considered group of crimes in the criminal legislation of other states. The article contains the proposals for improving the legislation on liability for violation of safety rules when conducting general hazardous work Key words: violation of safety rules, industrial safety, hazardous production facilities
ЛАПКО Георгий Константинович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат медицинских наук, доцент КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, СОВЕРШАЕМЫХ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ В статье рассматриваются криминологические особенности террористических проявлений и незаконного оборота оружия на территории Республики Крым. К их детерминантам автор относит рост	LAPKO Georgiy K., Associate Professor at the Department of criminal law disciplines, Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Medicine, Associate Professor FORENSIC FEATURES OF CRIMES AGAINST PUBLIC SAFETY COMMITTED IN THE REPUBLIC OF CRIMEA The article considers the forensic features of terrorist manifestations and illegal arms trafficking in the territory of the Republic of Crimea. Their determinants include the increase of corruption, stratification of

коррупции, расслоение населения по имущественному признаку, историческое прошлое и геополитические реалии Крыма. Делается вывод о необходимости незамедлительного принятия мер, направленных на устранение причин и условий роста террористических проявлений и незаконного оборота оружия в Республике Крым Ключевые слова: коррупция, террористические проявления, незаконный оборот оружия, уголовная ответственность	population on the basis of property, the historical past and geopolitical realities of the Crimea. The author comes to the conclusion that it is necessary to take immediate measures aimed at eliminating the causes and conditions for increasing terrorist manifestations and illegal arms trafficking in the Republic of Crimea Key words: corruption, terrorist manifestations, illegal arms trafficking, criminal liability
ЛЕЧИДОВА Анастасия Андреевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации САВКИН Александр Андреевич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРИЗНАКОВ СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОГО СООБЩЕНИЯ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА В статье анализируются особенности субъективной стороны заведомо ложного сообщения об акте терроризма. Отражены некоторые вопросы квалификации данного преступления. Рассматривается необходимость отграничивать понятие «заведомо ложные сведения» от понятия «недостовверные сведения» и понятия «не соответствующие действительности сведения»	LECHILOVA Anastasia A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation SAVKIN Alexander A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PROBLEMS OF IDENTIFYING THE MENTAL ELEMENTS OF KNOWINGLY MAKING A FALSE COMMUNICATION ABOUT AN ACT OF TERRORISM This article analyses the specific features of the mental elements of knowingly making a false communication about an act of terrorism. Some questions of qualification of this crime were reflected. The necessity of distinguishing the concept of "knowingly false information" from the concept of "inaccurate information" and the concept of "out of date information" is considered

Ключевые слова: террористический акт, общественная безопасность, заведомо ложное сообщение об акте терроризма	Key words: terrorist act, public safety, knowingly making a false communication about an act of terrorism
МАКОВ Борис Васильевич, доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат философских наук, доцент ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ОБЩЕСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ Всеобщее понятие суверенитета, синтезирующее понятия суверенитета государства и суверенитета народа, не является абстракцией, а обладает конкретным содержанием. Теоретически и методологически не оправдано проводимое современными апологетами глобализации контраридикторное противопоставление суверенитета государства и суверенитета народа, посредством которого пытаются обосновать вывод о сохранении суверенитета народа при частичном отчуждении государственного суверенитета. Такого рода «дуализация» понятия суверенитета включает в себе угрозу безопасности государства, общества и личности Ключевые слова: государство, общество, суверенитет, безопасность МАСТЕРОВ Никита Андреевич, студент Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	MAKOV Boris V., Associate Professor at the Department of humanitarian and socioeconomic disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Philosophy, Associate Professor STATE SOVEREIGNTY AND PUBLIC SAFETY The universal concept of sovereignty integrating the concept of state sovereignty and the sovereignty of people is not abstract but has a specific content. Contradictions between two sovereignties, one of the state and other of people, being conducted by the modern supporters of globalization is not justified both theoretical and methodological points of view, this contradiction being used for substantiation of conclusion of preserving of sovereignty of people in partial alienation of the state sovereignty. This kind of "dualization" of the concept of sovereignty implies a threat to the security of the state, society and an individual Key words: state, society, sovereignty, safety MASTEROV Nikita A., Student, Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ШКАРАБЕЛЬНИКОВ Давид Николаевич, студент Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕБРЕЖНОГО ХРАНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ Статья посвящена вопросам квалификации преступления, предусмотренного ст. 224 УК РФ «Небрежное хранение огнестрельного оружия». Приводятся актуальные проблемы теории и практики, связанные с квалификацией по данной статье Ключевые слова: преступления против общественной безопасности, небрежное хранение, огнестрельное оружие	SHKARABELNIKOV David N., Student, Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PROBLEMATIC ISSUES OF THE QUALIFICATION OF CARELESS KEEPING OF FIREARMS The article is devoted to the problems of qualification of the crime under art. 224 of the Criminal Code of the Russian Federation "Careless keeping of firearms". The article presents relevant problems of theory and practice related to the qualification of the given article Key words: crimes against public safety, careless possession, firearms
МИРОШНИЧЕНКО Антон Геннадьевич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ЧЕРНЫШЕВ Александр Викторович, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕОДНОКРАТНОЕ НАРУШЕНИЕ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО ПРОВЕДЕНИЯ СОБРАНИЯ, МИТИНГА, ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ ИЛИ ПИКЕТИРОВАНИЯ	MIROSHNICHENKO Anton G., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation CHERNYSHOV Alexander V., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation ON SOME ISSUES OF RESPONSIBILITY FOR REPEATED VIOLATIONS OF ESTABLISHED ORDER OF ORGANISATION OR HOLDING AN ASSEMBLY, RALLY, DEMONSTRATION, STREET PROCESSIONS OR PICKETING

Статья посвящена проблемам квалификации деяний по ст. 212.1 УК РФ. Рассматриваются вопросы, касающиеся специального рецидива, малозначительности, соучастия, анализируются цели применения административной преюдиции Ключевые слова: административная преюдиция, рецидив, соучастие, неоднократное нарушение, демонстрация, митинг	The article is devoted to the problems of qualification of acts under art. 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Issues related to special recidivism, insignificance, complicity are considered, and the purposes of applying administrative prejudice are analysed Key words: administrative prejudice, recidivism, complicity, repeated violations, demonstration, rally
МИТРОФАНОВА Ульяна Игоревна, слушатель факультета подготовки сотрудников для следственных подразделений Санкт-Петербургского университета МВД России ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ БАНДИТИЗМУ В статье рассмотрены актуальные проблемы квалификации бандитизма, а также вопросы, связанные с совершенствованием законодательства в сфере противодействия организованной преступности, предложены изменения и дополнения в действующее законодательство Ключевые слова: банда, организованная группа, нападение, уголовное законодательство, вооруженность, оружие, разбой	MITROFANOVA Ul'yana I., Trainee, Faculty for training staff for police investigative divisions of St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation WAYS TO IMPROVE THE LEGISLATIVE REGULATION FOR COUNTERING BANDITRY The article deals with the current problems of qualification of banditry, as well as the issues related to the improvement of legislation in the sphere of countering organized crime. The proposal to amend and add the current legislation are given Key words: gang, organized criminal group, assault, criminal law, armament, weapon, robbery
НАЗАРЕНКО Геннадий Васильевич, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, профессор	NAZARENKO Gennadiy V., Professor at the Department of criminal law, South-West State University, Doctor of Law, Full Professor

СИТНИКОВА Александра Ивановна, профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного университета, доктор юридических наук, доцент

ХУЛИГАНСТВО: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье предпринята попытка обозначить и дать решение ряда проблем привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение хулиганских действий с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, по экстремистским мотивам вражды или ненависти, на различных видах транспорта, организованно-групповыми способами, с оказанием сопротивления лицам, осуществляющим пресечение хулиганских действий, а также с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств. Методологической основой данной научной публикации является диалектический метод познания, взятый в единстве с инструментальными методами исследования. Научная значимость статьи состоит в рассмотрении проблем квалификации хулиганства с учетом институциональных и квалифицирующих признаков, а также в рекомендациях по квалификации деяния виновного с учетом всех элементов и признаков хулиганских действий и обстоятельств их совершения. Практическая значимость заключается в том, что правоприменительно предложен алгоритм действий по установлению признаков совершенных правонарушителем хулиганских действий и юридической оценке фактических обстоятельств их совершения

SITNIKOVA Alexandra I., Professor at the Department of criminal law, South-West State University, Doctor of Law, Associate Professor

HOOLIGANISM: CLASSIFICATION ISSUES

The authors try to identify and solve a number of issues of criminalizing hooliganism involving the use of weapons or objects used as weapons, extremist motives of enmity or hatred, various types of transport, organized and group methods, resistance to persons engaged in the suppression of hooliganism, as well as the use of explosives and explosive devices. The methodological basis of this scientific study is the dialectical method of cognition, taken in unity with instrumental methods of research. The scholarly importance of the article consists of consideration of issues of classification of hooliganism taking into account the relevant and qualifying characteristics, as well as the recommendations on the classification of an offender's act taking into account all elements and characteristics of hooliganism and the circumstances of its commission. The practical relevance consists of the fact that a law enforcement officer is offered an algorithm of actions to establish characteristics of hooliganism committed by an offender and to give a legal assessment of the facts of the case

Ключевые слова: хулиганство, проблемы квалификации, алгоритм действий правоприменителя, отграничение хулиганства от других составов преступлений и иных правонарушений	Key words: hooliganism, classification issues, algorithm of a law enforcement officer actions, distinguishing hooliganism from other crimes and offences
НЕПЕИН Григорий Григорьевич, научный сотрудник криминалистической лаборатории Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПОНЯТИИ АВИАЦИОННОГО ПРОИСШЕСТВИЯ В статье рассматривается вопрос определения понятия транспортного происшествия, в частности авиационного происшествия, как важного элемента при расследовании авиационных катастроф Ключевые слова: авиакатастрофа, транспортное происшествие, авиационное происшествие, криминалистический анализ, криминалистика, уголовное дело, прокурор	NEPEIN Gregory G., Research worker of forensic laboratory, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation ON THE ISSUE OF FORENSIC CONCEPT OF AN AVIATION ACCIDENT The article is devoted to the definition of the concept of a transport accident and in particular an aviation accident as an important element of the investigation of a plane crash Key words: plane crash, transport accident, aircraft accident, forensic analysis, criminalistics, criminal case, prosecutor
НИКИТЕНКО Ольга Геннадьевна, советник-консультант Главного управления законодательства и государственного строительства Секретариата Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В МИРЕ: СТАТИСТИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ И ПРОГНОЗ СОВЕРШЕНИЯ	NIKITENKO Olga G., Counselor-adviser of the Central Department on legislation and state development, the Secretariat of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus CRIMES OF A TERRORIST NATURE IN THE WORLD: STATISTICAL DATA AND ESTIMATES OF COMMISSION

В статье представлена статистическая информация в отношении преступлений террористического характера начиная с 2006 года. Автором обозначены тенденции названной преступности Ключевые слова: преступления террористического характера, статистика, тенденции	The statistical information on terrorism-related crimes since 2006 has been reported in the article. The author has identified the future trends of committing of the above mentioned crimes Key words: crimes of a terrorist nature, statistics, trends
НИКОЛОВА Виктория Игоревна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ Статья посвящена проблемам квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления террористической направленности. Автор рассматривает возможность соотнесения ч. 4 ст. 150 УК РФ и чч. 1, 2 ст. 205.1 УК РФ как общей и специальной норм Ключевые слова: вовлечение, склонение, вербовка, несовершеннолетний, преступления террористической направленности	NIKOLOVA Victoria I., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation ISSUES OF THE QUALIFICATION OF MINOR'S INVOLVEMENT IN THE COMMISSION OF A TERRORIST CRIME The article is devoted to the problems of qualification of involvement of a minor in the commission of a terrorist crime. The author considers the possibility of correlation of part 4 of art. 150 of the Criminal Code of the Russian Federation and parts 1, 2 of art. 205.1 of the Criminal Code of the Russian Federation both general and special rules Key words: involvement, inducement, recruitment of minors, crimes of a terrorist nature
НИКОНОВ Павел Владимирович, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала)	NIKONOV Pavel V., Associate Professor at the Department of criminal law disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) University of Prosecutor's

ла) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor
ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ КВАЛИФИКАЦИИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРЕДМЕТА, ОГРАНИЧЕННОГО В ГРАЖДАНСКОМ ОБОРОТЕ	PROVOCATION OF BRIBERY AND SPECIFIC FEATURES OF ITS CLASSIFICATION DEPENDING ON USAGE OF AN OBJECT RESTRICTED IN CIVIL CIRCULATION
Статья посвящена рассмотрению вопросов квалификации провокации взятки. Автор обращает внимание на предмет взятки, подчеркивает, что сама по себе оборотоспособность предмета взятки не влияет и не исключает возможность причинения вреда охраняемым ст. 304 УК РФ общественным отношениям, и приходит к обоснованному выводу, что при попытке передачи должностному лицу в качестве взятки без его согласия предметов, ограниченных в гражданском обороте (оружие, боеприпасы), содеянное может повлечь ответственность не только по ст. 304 УК РФ, но и по ст. 222 УК РФ, при наличии к тому оснований	The article is devoted to the consideration of classification issues of provocation of bribery. The author draws attention to the bribe, emphasizing that the turnover of the bribe itself does not affect and does not exclude the possibility of infliction of the harm to the protected social interactions (art. 304 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author comes to the justified conclusion that if an attempt is made to transfer to an official as a bribe without his consent items limited in civil circulation (weapons, ammunition), the illegal act may result in liability not only under art. 304 of the Criminal Code of the Russian Federation, but also under art. 222 of the Criminal Code of the Russian Federation, if there are grounds for that
Ключевые слова: взятка, провокация взятки, предмет взятки, предметы, ограниченные в гражданском обороте	Key words: bribery, provocation of bribery, bribe, objects restricted in civil circulation
НИКУЛЕНКО Андрей Вячеславович, доцент кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент	NIKULENKO Andrey V., Associate Professor at the Department of criminal procedure, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor

ВОЗМОЖНОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ В статье рассматриваются вопросы противодействия преступлениям террористической направленности, применения нормы о необходимой обороне, в том числе квалификации применения оружия сотрудниками правоохранительных органов. Предлагаются возможные пути разрешения указанных проблем Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, применение оружия сотрудниками правоохранительных органов	THE POSSIBILITY OF APPLICATION OF CRIMINAL LAW IN COUNTERING TERRORISM The article considers the issues of countering crimes of a terrorist nature, application of necessary defence norm, including classification of weapon employment by law-enforcement officers. Possible solutions to these problems are proposed by the author Key words: circumstances excluding criminality of the act, necessary defence, weapon employment by law enforcement officers
ОГАРЬ Татьяна Андреевна, заместитель начальника кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук ШКЕЛЕ Мария Виталиевна, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент КРИМИНООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ МОТИВА ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ ПО ПРИЗНАКАМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 215.2 УК РФ В статье рассматривается содержание корыстного и хулиганского мотивов, предусмотренных	OGAR Tatiana A., Deputy Head of criminal law department, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor SHKELE Maria V., Associate Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor THE ROLE OF THE MOTIVE IN CLASSIFICATION OF CRIMES ACCORDING TO ELEMENTS OF ACTUS REUS UNDER ARTICLE 215.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The article considers the content of interested and hooligan motives provided for in article 215.2 of the

ст. 215.2 УК РФ, и поднимается вопрос о целесообразности расширения сферы применения данной статьи путем исключения из ее текста указания на мотивы Ключевые слова: приведение в негодность объектов жизнеобеспечения, мотив преступления, корыстные побуждения, хулиганские побуждения, криминализация	Criminal Code of the Russian Federation, and raises the question of whether it is appropriate to expand the scope of this article by excluding from its text the reference to motives Key words: disablement of vital infrastructure, motive of a crime, interested motives, hooligan motives, criminalization
ОСИПОВА Анастасия Дмитриевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВАНДАЛИЗМА, СОВЕРШЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ В статье рассказывается о формировании вандализма у несовершеннолетних, факторах и причинах, приводится пример вандализма молодежи. Описываются модели вандализма, а также методы борьбы с ним. Отмечается важность использования профилактических методов по предупреждению вандализма несовершеннолетних в образовательных учреждениях и семье Ключевые слова: вандализм, профилактика, несовершеннолетние, образовательные учреждения, предупреждение вандализма, антисоциальное поведение	OSIPOVA Anastasia D., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF VANDALISM COMMITTED BY MINORS The article examines the formation of tendency for vandalism among minors, its factors and causes, and provides an example of vandalism committed by young people. Models of vandalism, as well as methods of combating it are described. The importance of using preventive measures to prevent vandalism among minors in educational institutions and their families is noted Key words: vandalism, prevention, minors, educational institutions, prevention of vandalism, antisocial behavior
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА Наталья Дмитриевна, студент Санкт-Петербургского юридического институ-	PEREVEZENTSEVA Natalia D., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the

та (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 207 УК РФ В статье анализируются вопросы, связанные с уголовной ответственностью за заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Рассматриваются проблемы правоприменения, связанные с формулировкой диспозиции ст. 207 УК РФ. Анализируются различные точки зрения российских ученых в области уголовного права Ключевые слова: заведомо ложное сообщение об акте терроризма, акт терроризма, хулиганские побуждения, дестабилизация деятельности органов власти	Prosecutor's Office of the Russian Federation KNOWINGLY FALSE COMMUNICATION ABOUT AN ACT OF TERRORISM: SOME PROBLEMS OF ENFORCEMENT OF ARTICLE 207 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The article analyses the issues related to criminal liability for knowingly false communication about an act of terrorism. The problems of law enforcement related to the formulation of the disposition of art. 207 of the Criminal Code of the Russian Federation are considered. Various points of view expressed by Russian scholars in the field of criminal law are analysed Key words: knowingly false report of an act of terrorism, an act of terrorism, hooligan motives, destabilization of the authorities activities
ПОДТЫННИКОВ Иван Алексеевич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КОНТРАБАНДЫ ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЙ В статье рассматриваются правовые основания отнесения товаров к ювелирным изделиям, установленный правом ЕАЭС порядок их перемещения через таможенную	PODTYNNIKOV Ivan A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PROBLEMS OF QUALIFICATION OF JEWELRY SMUGGLING The article considers the legal basis for classifying goods as jewelry, the procedure established by the law of the EAEU for their movement across the customs border by individuals

границу физическими и юридическими лицами, а также уголовная ответственность за контрабанду указанных изделий, включая актуальные вопросы квалификации указанного деяния Ключевые слова: таможенная граница, ювелирные изделия, контрабанда, товар для личного пользования	and legal entities, as well as criminal liability for smuggling jewelry, including relevant issues of qualification of the specified act Key words: customs border, jewelry, smuggling, goods for personal use
ПОЗНЯК Андрей Дмитриевич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НЕОДНОКРАТНОГО НАРУШЕНИЯ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ОРГАНИЗАЦИИ ЛИБО ПРОВЕДЕНИЯ СОБРАНИЯ, МИТИНГА, ДЕМОНСТРАЦИИ, ШЕСТВИЯ ИЛИ ПИКЕТИРОВАНИЯ В статье рассматривается проблема определения общественной опасности и целесообразности состава ст. 212.1 УК РФ. Отмечается, что состав, предусмотренный ст. 212.1 УК РФ, является составом с административной преюдицией. Отображена позиция Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации по данному вопросу Ключевые слова: общественная опасность, Конституционный Суд, административная преюдиция	POZNYAK Andrey D., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PUBLIC DANGER OF REPEATED VIOLATIONS OF ESTABLISHED ORDER OF ORGANISATION OR HOLDING AN ASSEMBLY, RALLY, DEMONSTRATION, STREET PROCESSIONS OR PICKETING The article deals with the problem of determining the public danger and expediency of the composition of art. 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is noted that the composition provided for in art. 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is a composition with administrative prejudice. The position of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation on this issue is given Keywords: public danger, Constitutional Court, administrative prejudice
ПОЛЯК Арина Алексеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала)	POLYAK Arina A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's

Университета прокуратуры Российской Федерации ТЕРРОРИЗМ: ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ В статье рассматриваются некоторые подходы представителей научного сообщества к определению понятия терроризма, его основных причин и условий. Выявляются характерные особенности, присущие данному виду преступления, приводится статистика совершения преступлений террористического характера на территории Российской Федерации Ключевые слова: терроризм, преступления террористического характера, понятие, виды, причины, условия	Office of the Russian Federation TERRORISM: CAUSES AND CONDITIONS The article considers some approaches of representatives of the scientific community to the definition of terrorism, its main causes and conditions. The characteristic features specific for this type of crime are revealed, the statistics of commission of crimes of a terrorist nature within the Russian Federation is given Key words: terrorism, crimes of a terrorist nature, concept, types, causes, conditions
ПОПОЛИТОВ Денис Игоревич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 226.1 УК РФ В статье рассматриваются особенности контрабанды как преступления против общественной безопасности, анализируется соотношение норм уголовного законодательства и иных нормативно-правовых актов, формулируются предложения, направленные на устранение пробелов в действующем законодательстве	POPOLITOV Denis I., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation SPECIFIC FEATURES OF ACTUS REUS OF A CRIME COVERED BY ARTICLE 226.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The article discusses some specific features of smuggling, as a crime against public safety, analyzes the correlation of criminal law and other regulatory legal acts, puts forward proposals aimed at filling the gaps in the current legislation

Ключевые слова: контрабанда, таможенный союз, граница, незаконное перемещение	Key words: smuggling, customs union, border, illegal movement
РЕМИННАЯ Александра Евгеньевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ Во всем мире преступность становится более организованной. В статье проведен криминологический анализ личности, занимающей высшее положение в преступной иерархии, а также отражены ее признаки и характеристики Ключевые слова: преступная иерархия, преступное сообщество, лидер, криминологическая характеристика личности	REMINNAYA Alexandra E., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A PERSON HOLDING THE SUPREME POSITION IN THE CRIMINAL HIERARCHY Crime is getting increasingly organized all over the world. The article provides a criminological analysis of a person holding a supreme position in the criminal hierarchy, and also reflects some his/her features and characteristics Key words: criminal hierarchy, criminal organised net, leader, criminological characteristics of a person
РОБАК Владимир Анатольевич, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ В статье рассматриваются основания и виды освобождения лица от	ROBUK Vladimir A., Head of the Department of criminal law disciplines, Crimean Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor ISSUES OF RELIEF FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL ARMS TRAFFICKING The article considers the grounds and types of relief from criminal

уголовной ответственности. Анализируется законодательство иных стран относительно освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота оружия. Отмечается целесообразность расширения перечня условий освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота оружия Ключевые слова: оружие, незаконный оборот оружия, добровольная сдача оружия, освобождение от уголовной ответственности	responsibility. The article analyzes the legislation of other countries concerning the relief from criminal responsibility for crimes in the sphere of illegal arms trafficking. The author indicates the expediency of expanding the list of provisions for relief from criminal responsibility for crimes in the sphere of illegal arms trafficking Key words: weapons, illegal arms trafficking, voluntary surrender of weapons, relief from criminal responsibility
РОГАЛЕВА София Владимировна, студент Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ МОРСКОГО ПИРАТСТВА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ХАРАКТЕРА В статье анализируются преступления на морских пространствах. Дается определение морского пиратства как преступления международного характера. Освещаются некоторые пробелы российского законодательства в данной области, а также вопрос имплементации международных документов в данной сфере Ключевые слова: морское пиратство, международные организации, имплементация	ROGALEVA Sofia V., Student, Admiral Makarov State University of maritime and inland shipping LEGAL ISSUES OF MARITIME PIRACY AS A CRIME OF INTERNATIONAL CHARACTER The issues of crimes in maritime space are considered in this article. The definition of maritime piracy as a crime of an international character is given. Some gaps in Russian legislation in this area as well as the issue of implementation of international documents is highlighted Key words: maritime piracy, international organizations, implementation
РОМАНИЮК Виктория Игоревна, магистрант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	ROMANYUK Victoria I., Master's student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 264 И 216 УК РФ В статье анализируются проблемы отграничения дорожно-транспортного преступления от нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ. Автор рассматривает вопросы конкуренции соответствующих уголовно-правовых норм с учетом анализа основных элементов рассматриваемых составов, а также разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации и судебной практики Ключевые слова: правила дорожного движения, правила безопасности при ведении строительных или иных работ, самоходная машина, разграничение составов преступлений, характер нарушенных правил	ON THE ISSUE OF DISTINGUISHING CRIMES UNDER ARTICLES 264 AND 216 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The article analyses the problems of distinguishing traffic crimes from violations of safety rules when conducting building and other works. The author considers the issues of collision of the relevant criminal law rules taking into account the analysis of their main elements of the crimes, as well as the explanation of the Plenum of the Supreme Court of Russian Federation and judicial practice Key words: traffic rules, safety rules while conducting building or other works, an autopiloted car, distinguishing offences, the nature of the violated rules
РУМЯНЦЕВА Ирина Вячеславовна, магистрант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПОРЧА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И ВАНДАЛИЗМ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ В статье рассматриваются проблемы соотношения уничтожения и повреждения культурных ценностей и вандализма, разграничение которых вызывает особые сложности в правоприменительной деятельности. Делается вывод о необходимости устранения противоречий в данных	RUMYANTSEVA Irina V., Master's student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation DAMAGE TO CULTURAL PROPERTY AND VANDALISM: QUALIFICATION ISSUES The article considers the problems of correlation between destruction and damage to cultural property and vandalism, the distinguishing of which causes considerable difficulties to law enforcement. The author comes to the conclusion that it is necessary to reconcile the existing

понятиях, а также конкретизации судами субъективной стороны при вынесении решения, так как схожие деяния квалифицируются судами по-разному Ключевые слова: вандализм, уничтожение, порча, повреждение, культурные ценности, хищение, квалификация	contradictions in these concepts, as well as to specify mens rea by the courts while making a decision, since related crimes are qualified by them in different ways Key words: vandalism, destruction, spoilage, damage, cultural property, stealing, qualification
САЛЬНИКОВ Андрей Александрович, старший прокурор отдела по обеспечению участия прокуроров в гражданском и арбитражном процессе прокуратуры Ульяновской области СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАНСПОРТНОМУ ХУЛИГАНСТВУ В статье рассматриваются проблемные аспекты уголовно-правового противодействия транспортному хулиганству, в том числе особенности привлечения к уголовной ответственности за совершение транспортного хулиганства. Автором подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства в анализируемой сфере Ключевые слова: транспортное хулиганство, совершенствование законодательства, уголовно-правовое противодействие	SALNIKOV Andrey A., Senior Procurator of the Department for ensuring the participation of procurators in the civil and arbitration process of the Prosecutor's Office of the Ulyanovsk region IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGISLATION IN REGARD TO COUNTERING TRANSPORT HOOLIGANISM The article discusses the problematic aspects of the criminal law countering to transport hooliganism, including the specific features of criminal prosecution for committing transport hooliganism. The author of the article emphasizes the need for further improvement of the criminal law in the analyzed area Key words: transport hooliganism, improvement of legislation, criminal law countering
САФОНОВ Владимир Николаевич, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент	SAFONOV Vladimir N., Associate Professor at the Department of criminal law, the North Western branch of the Russian State University of Justice, PhD in Law, Associate Professor

ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПО ХУЛИГАНСКОМУ МОТИВУ НА ТРАНСПОРТЕ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ Обращаясь к динамике законодательного и правоприменительного противодействия деяниям, совершаемым на транспорте общего пользования с хулиганским мотивом, автор отмечает несколько проблем: пробелы криминализации сменились множеством параллельных норм, нечеткость границ уголовной и административной юрисдикций. Имеет свои особенности и квалификация транспортного хулиганства. В частности, оценочные признаки состава хулиганства не исключают такой ситуации, когда внешне схожие действия, но совершенные на разных видах транспорта, в одном случае могут быть квалифицированы как преступление, в другом — как административный деликт Ключевые слова: хулиганство, преступления с хулиганским мотивом, транспортное хулиганство, действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств	ISSUES OF CRIMINALIZATION AND CLASSIFICATION OF ACTS COMMITTED ON HOOLIGAN GROUNDS IN PUBLIC TRANSPORT Turning to the dynamics of legislative and law enforcement countering to acts committed in public transport on a hooligan motive, the author points to several problems: the gaps of criminalization have been replaced by a set of parallel norms, there is a certain indistinctness of the boundaries of criminal and administrative jurisdictions. The classification of transport hooliganism does have its own characteristics, in particular, the evaluation criteria of the component elements of hooliganism do not exclude a situation when actions similar on the outside, but committed in different means of transport can be determined to be in one case a crime and in another case an administrative tort Key words: hooliganism, crimes on a hooligan motive, transport hooliganism, actions threatening the safe use of vehicles
СЕЛИВЕРСТОВА Мария Александровна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРЕСТУПЛЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: СПЕЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	SELIVERSTOVA Maria A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation THE CRIMES OF A TERRORIST NATURE: SPECIAL CONDITIONS OF RELEASE FROM CRIMINAL RESPONSIBILITY

В статье рассмотрены примечания к статьям 205, 205.1, 206 и 208 УК РФ, предусматривающие специальные условия освобождения от уголовной ответственности. Проводится сравнение указанных примечаний с общими нормами о добровольном отказе и деятельном раскаянии, а также анализируются различные точки зрения исследователей Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, добровольный отказ, деятельное раскаяние, преступления террористической направленности	The article discusses the explanatory notes to art. 205, 205.1, 206 and 208 of the Criminal Code of the Russian Federation, which cover special conditions of release from criminal responsibility. These notes are compared with general rules of voluntary refusal and complete and voluntary abandonment of the criminal purpose, and various points of view of researchers are analyzed Key words: release from criminal responsibility, voluntary refusal, complete and voluntary abandonment of the criminal purpose, crimes of a terrorist orientation
СЕМЕНОВ Константин Петрович, доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ БЕЗОПАСНОГО СОДЕРЖАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В статье освещаются и анализируются требования безопасного содержания домашних животных, регламентируемые Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными». Статистически обосновывается потребность в дальнейшем совершенствовании уголовного законодательства об ответственном обращении с животными. Предлагается предусмотреть уголовную ответственность владельцев домашних животных за неосторожное причинение вреда правоохраняемым интересам в результате нарушения требований безопасного	SEMENOV Konstantin P., Associate Professor at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law ON THE ISSUE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF REQUIREMENTS TO SAFE PET CARE In the article the author highlights and analyzes the requirements for the safe pet care, regulated by the Federal Law of December 27, 2018 No. 498-FL "On Responsible Handling of Pets". The necessity for further improvement of the criminal law on responsible handling of pets is statistically justified. In conclusion, the author puts forward a proposal on the need to prosecute pet owners for the careless harm to protected interests as a result of violation of the requirements for safe pet care through special regulation

содержания животных посредством специальной нормы Ключевые слова: ответственное обращение с животными, безопасное содержание домашних животных	Key words: responsible handling of pets, safe pet care
СЕМЕНОВА Виктория Вячеславовна, преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук УЧАСТИЕ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ Наркомания стала бедствием общегосударственного масштаба. В незаконном обороте наркотиков молодые люди принимают не только пассивное участие, но и активное, а установленные нормами уголовного законодательства возрастные рамки наступления уголовной ответственности благоприятствуют этому Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, несовершеннолетние, возраст наступления ответственности	SEMENOVA Viktoriya V., Lecturer at the Department of criminal law, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, PhD in Law PARTICIPATION OF PERSONS UNDER THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY IN DRUG TRAFFICKING: CRIMINAL LAW ASPECTS Drug addiction has become a nationwide disaster that has infected the country's young population. Young people take not only a passive part in drug trafficking, but also take an active part, and the age limits of criminal responsibility established by the norms of the criminal law encourage them to participate in this illegal activity Key words: drug trafficking, minors, age of responsibility
СИДЯГИНА Дарья Сергеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ НЕЗАКОННОГО СБЫТА ОРУЖИЯ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ	SIDYAGINA Daria S., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation REVISITING THE TERMINAL TIME OF ILLEGAL SALE OF WEAPON UNDER THE CONDITIONS OF CARRYING OUT OPERATIONAL-SEARCH MEASURES

В статье рассматриваются некоторые проблемы квалификации незаконного сбыта оружия. Затрагиваются вопросы окончания преступления — незаконного сбыта оружия, в частности окончания незаконного сбыта оружия в условиях проведения оперативно-розыскного мероприятия проверочная закупка Ключевые слова: незаконный сбыт оружия, момент окончания, оперативно-розыскные мероприятия, проверочная закупка	The article discusses some of the problems of qualification of illegal sale of weapon. The issues of termination of a crime — the illegal sale of weapon under the conditions of carrying out operational-search measure, i.e. test-purchasing operation, are raised Key words: illegal sale of weapon, the terminal time, operational-search measures, test-purchasing operation
СКОРОХОДОВА Мария Петровна, студент Саратовской государственной юридической академии К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКАХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 212 УК РФ В статье рассматриваются проблемы регламентации и реализации ответственности за организацию массовых беспорядков. Анализируются объективные признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 212 УК РФ, и формулируются предложения по совершенствованию соответствующих норм уголовного законодательства Ключевые слова: массовые беспорядки, ответственность, объективная сторона, общественные отношения, состав преступлений	SKOROKHODOVA Maria P., Student, Saratov State Law Academy REVISITING THE OBJECTIVE ELEMENTS OF CORPUS DELICTICOVERED BY THE ARTICLE 212 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The article discusses problems of regulation and realization of responsibility for organization of civil unrest. Objective elements of corpus delicti covered by the art. 212 of the Criminal Code of the Russian Federation are being analyzed and approaches to improving relevant criminal law provisions are being elaborated Key words: civil unrest, responsibility, objective elements, public relations, corpus delicti
СКРЕБЦОВ Гордей Игоревич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	SKREBTSOV Gordey I., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА-ТЕРРОРИСТА В статье рассматриваются особенности становления личности преступника-террориста в молодежной среде Северного Кавказа. Речь идет о конкретных факторах становления личности преступника и возможных путях их нивелирования. Автор приходит к выводу, что необходимы не только социально-экономические преобразования, но и конкретные уголовно-правовые нововведения Ключевые слова: личность преступника-террориста, молодежь, Дагестан, терроризм, экстремизм, закон, противодействие терроризму	SOME SPECIFIC FEATURES OF PERSONALITY FORMATION OF A CRIMINAL-TERRORIST The author of the article considers the characteristic features of personality formation of a criminal-terrorist when it concerns young people in the North Caucasus. The article touches some specific factors in the criminal personality formation and possible ways evening them out. The author comes to the conclusion that not only socio-economic transformations are necessary, but also specific criminal law innovations are required Key words: personality of terrorist, youth, Dagestan, terrorism, extremism, law, counteracting extremism
СУМАЧЕВ Алексей Витальевич, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Югорского государственного университета, доктор юридических наук, профессор ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В статье отмечается, что отдельные группы спортивных болельщиков представляют непосредственный интерес не только с точки зрения их криминальной активности, но и с позиций обеспечения безопасности в процессе организации и проведения спортивных мероприятий. В частности, иллюстрируется криминальная активность футбольных фанатов. Так-	SUMACHEV ALEXEY V., Professor at the Department of criminal law and criminal procedure, Yugra State University, Doctor of Law, Full Professor SAFETY AND SECURITY ARRANGEMENTS WHEN ORGANIZING AND CONDUCTING SPORTS EVENTS The author points to the fact that separate groups of sports fans should be paid special attention to not only because of their criminal activity but also because of necessity of ensuring safety and security measures when organizing and conducting sports events. In particular, the criminal activity of football fans is illustrated in the article. The author provides an example of ensuring safety and secu-

же в статье приведен пример обеспечения безопасности в процессе организации и проведения спортивных мероприятий. И в качестве вывода замечено, что конкретная разработка форм такого обеспечения с учетом опыта других государств и национального регионального опыта еще ждет своих исследователей Ключевые слова: спортивные мероприятия, беспорядки, общественная безопасность, обеспечение	rity measures when organizing and conducting sports events. The author comes to the conclusion that definite development of forms of safety and security arrangements upon foreign states and national regional experience is waiting for its researchers Key words: sports events, unrest, public security, arrangements
ТКАЧЕВ Игорь Олегович, доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, кандидат юридических наук ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАНЯТИЕ ВЫСШЕГО ПОЛОЖЕНИЯ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ В статье анализируются недостатки нормы, предусмотренной ст. 210.1 УК РФ. Автор обращает внимание, что термин «занятие» может означать как деятельность лица, направленную на приобретение соответствующего статуса, так и саму принадлежность виновного к категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии. В результате делается вывод, что в ст. 210.1 УК РФ устанавливается ответственность за сам факт наличия у лица определенного социального статуса, что противоречит принципам уголовного права	TKACHEV Igor O., Associate Professor at the Department of criminal law, Ural State Law University, PhD in Law THEORETIC AND APPLIED PROBLEMS OF APPLICATION OF THE NORM OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR RANKING HIGH IN THE CRIMINAL HIERARCHY The article analyzes the shortcomings of the norm stipulated by art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author draws attention to the fact that the term “ranking high” can mean both the activity of a person aimed at acquiring the appropriate status, and the very belonging of the perpetrator to the category of persons occupying the highest position in criminal hierarchy. As a result, it is concluded that art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation establishes responsibility for the very fact that a person has a certain social status, which contradicts the principles of criminal law

Ключевые слова: организованная преступность, социальный статус, преступная иерархия, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, преступное сообщество	Key words: organized crime, social status, criminal hierarchy, the person ranking high in the criminal hierarchy, criminal community
ФАТЕЕВА Арина Алексеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 226.1 УК РФ В статье проводится анализ положений ст. 226.1 УК РФ, обосновывается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного закона России, высказываются конкретные рекомендации Ключевые слова: контрабанда, граница, таможенная территория, Евразийский экономический союз, место совершения преступления	FATEEVA Arina A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 226.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION The analysis of art. 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation is carried out, the conclusion of the need for further improvement of the criminal law of Russia is substantiated; specific recommendations are made Key words: smuggling, border, customs territory, Eurasian Economic Union, crime scene
ФЕДОРОВ Максим Виталиевич, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации СТАТЬЯ 215.4 УК РФ: ПРИЧИНЫ ВВЕДЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ Общественная безопасность является одним из ведущих объектов уголовно-правовой охраны, именно поэтому важно, чтобы каждый	FEDOROV Maxim V., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation ARTICLE 215.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: INTRODUCTION CAUSES AND PROSPECTS OF USE Public safety is one of the leading objects of criminal law protection, that is why it is important that each corpus delicti enshrined in chapter

состав, закрепленный в главе 24 УК РФ, имел реальную возможность правоприменения. В статье автор проводит анализ ст. 215.4 УК РФ: называет основные предпосылки ее введения, раскрывает признаки состава преступления, а также, основываясь на статистике осужденных по данной статье, предлагает возможные изменения Ключевые слова: уголовная ответственность, административная преюдиция, незаконное проникновение, охраняемый объект, государственная тайна	24 of the Criminal Code of the Russian Federation would have a real possibility of enforcement. In the article the author analyzes art. 215.4 of the Criminal Code of the Russian Federation: identifies the main prerequisites for its introduction, reveals elements of corpus delicti, and, having taken into account the statistics of convicts under this article, suggests possible changes Key words: criminal liability, administrative prejudice, illegal entry, guarded facility, state secret
ФИСУН Анна Сергеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации ПОСОБНИЧЕСТВО ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В статье рассматриваются вопросы ответственности за пособничество преступлениям террористической направленности. Исследуются вопросы разграничения финансирования террористической деятельности и пособничества террористической деятельности. Предложены пути решения проблем квалификации пособничества террористической деятельности Ключевые слова: общественная безопасность, преступления террористической направленности, пособничество террористической деятельности, финансирование террористической деятельности	FISUN Anna S., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation AIDING AND ABETTING TO TERRORIST ACTIVITIES The article deals with the issues of responsibility for aiding and abetting to terrorist crimes. The article examines the issues of differentiation of financing of terrorist activities and aiding and abetting terrorist activities. The ways of solving the problems of qualification of aiding and abetting to terrorist activities are proposed Key words: public security, terrorist crimes, aiding and abetting to terrorist activities, financing of terrorist activities

ХАЛИКОВ Искандер Альфредович, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук	KHALIKOV Iskander A., Senior Lecturer at the Department of prosecutor's supervision over the execution of legislation in detective activity and participation of prosecutor in criminal procedure, Kazan Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law
ВОПРОСЫ ОБОСНОВАННОСТИ ОТНЕСЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ К ПРЕДМЕТУ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 226.1 УК РФ	ISSUES OF JUSTIFICATION OF REFERRING OF CULTURAL PROPERTY TO TARGET OF CRIME PROVIDED FOR BY ARTICLE 226.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION
В статье анализируется ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу культурных ценностей в крупном раз- мере. Рассматриваются причины декриминализации контрабанды в УК РФ. На основе анализа судебных решений, а также уголовного законодательства одной из стран ЕАЭС обосновывается необходимость восстановления состава контрабанды в уголовном законодательстве России	The article analyzes the responsibility for illicit movement across the customs border of cultural property on a large scale. The reasons for the decriminalization of smuggling in the Criminal Code of the Russian Federation are considered. Having analyzed the court decisions and the criminal law of one of the EAEU (Eurasian Economic Union) countries the author proves the need to restore the component elements of smuggling in the criminal law of Russia
Ключевые слова: культурные ценности, контрабанда, таможенная граница, предмет преступления	Key words: cultural property, smuggling, customs border, target of crime
ХОЛОПОВ Алексей Васильевич, заведующий криминалистической лабораторией Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент	KHOLOPOV Alexey V., Head of forensic laboratory, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor

СИСТЕМНЫЕ ОСНОВЫ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ В статье рассматриваются теоретические проблемы познания преступления как сложного социального явления системной природы. Автором предлагается с целью организации процессов познания преступления субъектами уголовного судопроизводства на основе знаний о преступлении, накопленных в криминологии, уголовном праве и криминалистке, создать общую (единую) теорию преступления. Фундаментом общей теории преступления предлагается использовать системный подход. С точки зрения системной методологии преступление рассматривается в рамках кибернетического и синергетического подхода Ключевые слова: преступление, познание, системный подход, теория, кибернетический подход, синергетический подход	SYSTEM BASES OF THE GENERAL THEORY OF CRIME: A TRANSDISCIPLINARY APPROACH IN CRIMINAL PROCEEDINGS The article deals with theoretic problems of cognition of crime as a complex social phenomenon of system nature. The author proposes to create a common (unified) theory of crime with the purpose of organizing the processes of cognition of crime by the subjects of criminal proceedings, on the basis of knowledge of crime accumulated in criminology, criminal law and forensic science. The basis of the general theory of crime is offered to consider a system approach. From the point of view of system methodology, crime is considered within the framework of the cybernetic and synergetic approach Key words: crime, cognition, system approach, theory, cybernetic approach, synergetic approach
ХРОМОВ Евгений Владиленович, старший помощник прокурора Ленинского района г. Иваново Ивановской области, кандидат юридических наук, кандидат технических наук ТРАНСГРАНИЧНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ, СОДЕРЖАЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА И ПСИХОТРОПНЫЕ ВЕЩЕСТВА	KHROMOV Yevgeny V., Senior Assistant of the Procurator of the Leninsky district of the city of Ivanovo, Ivanovo region, PhD in Law, PhD in Science CROSS-BORDER MOVEMENT OF DRUGS CONTAINING NARCOTIC AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES

Работа ориентирована на уяснение и характеристику сущности уголовно-правового запрета, связанного с незаконным перемещением через таможенную границу ЕАЭС из третьих стран и Государственную границу Российской Федерации с государствами-членами ЕАЭС лекарственных средств, содержащих наркотические средства и психотропные вещества. Сделан вывод о неоднозначности решения в правоприменительной практике вопроса о сущности запрета Ключевые слова: ЕврАзЭС, ЕАЭС, Таможенный союз, таможенная территория, таможенная граница, Государственная граница Российской Федерации, лекарственные средства, наркотические и психотропные вещества, контрабанда	The work is focused on clarifying and characterizing the essence of the criminal law prohibition associated with the illegal movement across the EAEU customs border from third countries and the state border of the Russian Federation with EAEU member states of medicines containing narcotic and psychotropic substances. The conclusion is made about the ambiguity of the decision on the essence of the prohibition in law enforcement practice Key words: EurAsEC (EuroAsian Economic Community), EAEU (Eurasian Economic Union), Customs Union, customs territory, customs border, State border of the Russian Federation, drugs, narcotic and psychotropic substances, smuggling
ЧУРАНОВ Денис Александрович, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ О ПИРАТСТВЕ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В статье предлагается анализ отечественных и международных норм права, регулирующих вопросы пиратства, выявляется юридическая «стройность» имплементации международно-правовых норм о пиратстве в российском уголовном законодательстве, прогнозируется значи-	CHURANOV Denis A., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation REVISITING TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS ON PIRACY IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW The article proposes an analysis of domestic and international norms of law concerning piracy, identifies the legal "harmony" of the implementation of international law on piracy in Russian criminal law, and predicts the importance of increasing the attention of law enforcement bodies to

мость повышения внимания правоприменителей к проблеме регламентации ответственности за пиратство Ключевые слова: морское пиратство, трансформация, уголовное законодательство, уголовная ответственность	the problem of regulation of responsibility for piracy Key words: maritime piracy, transformation, criminal law, criminal liability
ШИПИЦЫНА Марина Антоновна, магистрант Московского государственного университета ОТГРАНИЧЕНИЕ ХУЛИГАНСТВА ОТ ВАНДАЛИЗМА В статье рассмотрены критерии отграничения вандализма (ст. 214 УК РФ) от хулиганства (ст. 213 УК РФ). Автор проанализировал существующие в доктрине и судебной практике позиции, а также сформулировал собственный критерий разграничения рассматриваемых составов. В статье также проанализированы квалификационные проблемы, встречающиеся в правоприменительной практике Ключевые слова: вандализм, хулиганство, порча имущества, квалификация, разграничение составов, общественный порядок	SHIPITSYNA Marina A., Master's student, Moscow State University DISTINGUISHING HOOLIGANISM FROM VANDALISM This article discusses the criteria for distinguishing vandalism (art. 214) from hooliganism (art. 213). The author reviewed the existing doctrine and judicial positions, as well as defined her own criterion for distinguishing the crimes under consideration. The qualification problems encountered in law enforcement practice are analyzed Key words: vandalism, hooliganism, damage of property, qualification, distinguishing crimes, public order
ШИХАНОВ Владимир Николаевич, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент К ВОПРОСУ О КВАЛИФИКАЦИИ УЧАСТИЯ В ПОДГОТОВКЕ И СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	SHIKHANOV Vladimir N., Associate Professor at the Department of criminal law disciplines, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor ON THE ISSUE OF CLASSIFICATION OF PARTICIPATION IN THE PREPARATION AND COMMISSION OF A CRIME AGAINST PUBLIC SECURITY

Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации включает ряд статей об ответственности за разные виды и формы участия в подготовке и совершении преступлений. Преимущественно они сосредоточены в главе 24 УК РФ. В уголовно-правовой доктрине и правоприменительной практике возникло немало трудностей, связанных с уяснением соотношения этих преступлений между собой, а также с выработкой правил применения соответствующих статей уголовного закона. Статья посвящена анализу этой проблемы с преломлением через феномен юридических конструкций Ключевые слова: юридическая конструкция, соучастие в преступлении, преступное сообщество (преступная организация), банда, незаконное вооруженное формирование, террористическое сообщество, террористическая организация	A special part of the Criminal Code of the Russian Federation now contains a number of articles on responsibility for different variants of participation in the preparation and commission of crimes. They are mainly concentrated in chapter 24 of the Criminal Code of the Russian Federation. In criminal law doctrine and judicial practice there are some difficulties in interpreting how these crimes relate to each other, as well as how to apply the relevant articles of the Code. The article is devoted to the analysis of this problem with its interpretation through the phenomenon of legal mechanic/statutory concept Key words: legal mechanic/statutory concept, criminal complicity, criminal community (criminal organization), gang, illegal armed group, terrorist community, terrorist organization
ЭЙВАЗОВ Александр Хикметович, магистрант Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ НЕСООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ (СТАТЬЯ 205.6 УК РФ) И ЗАРАНЕЕ НЕ ОБЕЩАННОГО УКРЫВАТЕЛЬСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ (СТАТЬЯ 316 УК РФ) Современная уголовно-правовая политика характеризуется повышенным вниманием органов государственной власти к созданию дополнительных мер по обеспече-	EIVAZOV Alexander K., Master's student, North-Western branch of the Russian State University of Justice THE PROBLEM OF THE CORRELATION OF NON-REPORTING OF A CRIME (ARTICLE 205.6 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) AND THE PREVIOUSLY NOT PROMISED CONCEALMENT OF CRIMES (ARTICLE 316 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION) The modern development of criminal law policy is characterized by increased attention of state authorities to the creation of additional measures to ensure public safety and

нию общественной безопасности и противодействию терроризму. В частности, одной из новелл российского уголовного законодательства является норма ст. 205.6 УК РФ «Несообщение о преступлении». Однако в области теоретического обоснования и практического применения возникает проблема соотношения указанной нормы уголовного закона и нормы о заранее не обещанном укрывательстве преступлений (ст. 316 УК РФ). Автором предпринята попытка анализа названных норм действующего уголовного закона на основе судебной практики Ключевые слова: право, общественная безопасность, несообщение о преступлении, укрывательство преступлений, недоносительство, общество	counter terrorism. In particular, one of the novelties of the Russian criminal law is the introduction of the norm of art. 205.6 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Failure to report a crime"). However, in the sphere of theoretic justification and practical application arises the problem of the correlation of the specified norm of the criminal law with the "not promised concealment of crimes" (art. 316 of the Criminal Code of the Russian Federation). The author made an attempt to analyze the understanding of the mentioned norms of the current criminal law on the basis of judicial practice Key words: law, public safety, failure to report a crime, harboring crimes, non-reporting, society
ЯКИМЧУК Екатерина Сергеевна, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 227 УК РФ В статье рассматривается такой признак объективной стороны состава пиратства, как место его совершения Ключевые слова: общественная безопасность, пиратство, место совершения преступления	YAKIMCHUK Ekaterina S., Student, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation CRIME SCENE COVERED BY ARTICLE 227 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION This article is devoted to such a feature of actus reus of the crime "piracy" as the crime scene Key words: public safety, piracy, the crime scene
ЯКОВЛЕВ Дмитрий Александрович, студент Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации	YAKOVLEV DMITRY A., Student, St. Petersburg law institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation

**ВАНДАЛИЗМ: ПРОБЛЕМЫ
КВАЛИФИКАЦИИ И РАЗГРА-
НИЧЕНИЯ СО СМЕЖНЫМИ
СОСТАВАМИ**

В статье рассматриваются вопросы квалификации и разграничения со смежными составами преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, — вандализма. Автор обращает внимание на проблемы определения объекта, объективной стороны и предмета вандализма. Приводятся критерии разграничения вандализма с умышленным повреждением или уничтожением имущества, а также с административными правонарушениями. Предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства и практики применения ст. 214 УК РФ

Ключевые слова: вандализм, осквернение, умышленное повреждение имущества, административные правонарушения, граффити

**VANDALISM: PROBLEMS OF
QUALIFICATION AND DIFFER-
ENTIATION WITH RELATED EL-
EMENTS OF THE CRIME**

The article deals with the issues of qualification and differentiation of vandalism with related elements of the crime under art. 214 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author draws attention to the problems of determining the target of crime, actus reus and object of vandalism. Criteria of differentiation of vandalism with deliberate damage or destruction of property, and also with administrative offenses are given. The ways of improvement of the criminal legislation and practice of application of the art. 214 are also offered

Key words: vandalism, desecration, intentional damage to property, administrative offenses, graffiti

Перевод

Е. С. Анистратовой,
К. А. Берчанского,
С. П. Синявской